

Вера Чиркова

Звание Баба-яга.
Ученица ведьмы

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Если день начался неудачно, так он и закончится, в этом юная сиротка Катерина убедилась на собственном опыте. А ведь казалось, ничего не предвещало беды, ну кроме темных туч на горизонте. Но ведь ранней весной этим никого не испугать... особенно летящих на шабаш ведьм.

- [Вера Чиркова](#)
 - [День первый... очень неудачный](#)
 - [День второй, очень тревожный](#)
 - [День третий, решающий](#)
 - [День четвертый... загадочный](#)
 - [День восьмой, начавшийся очень странно](#)
 - [День девятый, полный открытий и загадок](#)
 - [День десятый, с утра неудачный](#)
 - [День одиннадцатый, очень напряженный](#)
 - [День двенадцатый, очень агрессивный](#)
 - [День тринадцатый, самый страшный](#)
 - [День шестнадцатый, почти спокойный](#)
 - [День семнадцатый, полный неожиданностей](#)
 - [День девятнадцатый, щедрый на объяснения](#)
 - [День двадцатый, напряженный](#)
 - [День двадцать первый, полный сюрпризов](#)
 - [День двадцать первый, полный сюрпризов,](#)
 - [День двадцать первый, после обеда драматический.](#)
 - [День двадцать первый, полный сюрпризов,](#)
-

Вера Чиркова

Звание Баба-яга. Ученица ведьмы

День первый... очень неудачный

– Ах, ты ж, хулиганка бисова!

Огромная миска с творогом пролетела в паре сантиметров над моей головой и с грохотом врезалась в стену. Душистые белые комочки разлетелись по всей веранде, обдав меня моросью сыворотки.

И это я – хулиганка?! Да я по сравнению с тобой просто ангел с кружевными крылышками! Вот только вслух этого не скажу, чтобы не выдать своего укрытия.

Да и не должно меня тут быть, если судить по обычной житейской логике. Ну, какой нормальный человек, уронив в миску со свежесваренным творогом почти килограмм соли, спокойно останется поджидать, пока его за это накажут?

Но это нормальный, меня же такой пока никто не обзывал. Хотя несколько различных прозвищ прицепилось, просто как приклеенные моментом. Клей такой есть, тетка все время покупает. Она страшная экономистка, все разбитые чашки и тарелки обязательно клеит. Ну и что, что в них потом ничего наливать нельзя... она и не наливает. Зато насыпает, а потом забывает, почему насыпала. Вот и давеча, возьми, говорит, вон ту тарелочку, положи на нее творожку и помни с сахаром, завтракать будем.

И ушлепала... цыплят кормить. Она маленьким обязательно творогу дает, чтоб росли быстрее. А я только тарелку в руки взяла, и задумалась, во что бы соль пересыпать... а она возьми и тресни прямо в руках.

Тарелка, разумеется. Вот я от неожиданности прямо в миску ее и уронила. Само собой, вместе с солью. Ну да, возле творога я и стояла, а где еще, по-вашему, мне стоять нужно было?

– Вот ты и попалась, оторва криворукая! – торжествующе объявила хрипловатым голосом тетка, вытаскивая мою персону за ухо из-за старенького диванчика.

– Как? – интересовал меня только один вопрос, и тетка правильно догадалась, какой.

– Ни кошка, ни собака не кинулись творожок-то собирать, кроме тебя, их ничто отпугнуть не могло! – гордо пояснила она сложную цепь своих умозаключений.

Ну, да... правильный вывод. Вот только неверным путем, ты, тетенька, к нему подошла. Потому и не желали они твой творог собирать, что я уже пыталась им его скормить, чтоб свою промашку скрыть. Только ни одна

собака не сожрет столько горько-соленого творога, даже если ей его насильно в пасть крупяным совочком засыпать. Это Жучка еще долго продержалась. Кошка сбежала намного раньше.

– Ну, а чтобы ты навсегда запомнила, что шкодить нельзя, соберешь этот творог и пока не съешь, ничего другого не получишь, – мстительно объявила тетка свой приговор и сунула мне в руки погнутую миску.

Не забыв наградить увесистым подзатыльником. Совершенно незаслуженным, на мой взгляд, и оттого особенно обидным.

– И не вздумай хитрить! Тут нормальному человеку и за три дня не съесть, раньше не приходи.

– Ну да... – оскорбленно бурчу, ползая под столом с совочком и миской, – сначала вывалить еду по грязному полу, а потом скормить единственной племяннице, ничего гуманного в тебе нет.

Ну, про то, что пол грязный, я немного преувеличила, мне и достается его каждый день намывать, только я ведь вовсе не мазохистка, низкому дивану на коленях кланяться. А творог именно туда в большинстве и завалился и теперь извлекается с совершенно неожиданными добавками. В частности, с бесследно потерявшейся еще осенью картофелечисткой, парой пуговиц, оторванных непонятно от чего, коробком спичек и одиноким пыльным носком. И что самое грустное... пожаловаться абсолютно не на кого, да и некому.

Тетка тут же задерет нос и заявит, что я сама и виновата, раз не вымыла эту грязь заранее. Ну, так если бы знать, что она меня оттуда творог доставать заставит, я, может быть, и помыла бы.

И тут по моей, небрежной, в общем-то, натуре был нанесен судьбой такой подлый удар в виде засохшей мышки... что я не выдержала. Бросила миску с совочком посреди пола и полезла по шатучей лесенке на мансарду, собирать вещи.

Неужели я пропаду, или буду еще где-нибудь терпеть столько оскорблений как в доме единственной родственницы, оставшейся у меня после гибели предков?

Не думаю. На свои семнадцать я хоть и не выгляжу, зато имею кучу полезных навыков... спасибо районному интернату и родной тетушке. Вот сейчас доберусь до какого-нибудь города, найду работу, сниму квартиру и заживу как все белые люди. Буду вечерами по парку гулять, а не по оврагу в поисках теткиных коз.

Вот только город выбрать нужно правильно... а денег у меня должно хватить, давно коплю то, что остается от пенсии за родителей.

Я пошарила рукой за кривоногим шкапом, непонятно как втиснутым в

узкий люк, достала коробочку из-под конфет, в интернате на день рождения подарили... нет, не одну коробку, были в ней и конфеты, правда мне всего две штучки досталось, а как же иначе?! Не есть же их одной, под одеялом? Из коробки, с сожалением вздохнув, придется ее оставить, достала свои сбережения. Упаковала на дно старого рюкзака, сложила туда же небогатое приданное, натянула свитерок, джинсы и кроссовки. Куртку бросила на рюкзак, бдительно оглядела помещение, верно служившее мне целый год. Ничего не забыла? Вроде нет. Тогда прощай, печальный уголок.

На веранде я задумалась еще на пару мгновений, потом, бесшабашно тряхнув головой, решительно сунула в один боковой кармашек старенький кухонный нож и ложку, а в другой алюминиевую кружку. Еще начатый коробок спичек, полбулки хлеба, кусок соленого сала и несколько пакетиков чая, пожалуй, больше взять нечего. Если только новенький тюбик любимого тетушкиного клея... просто так, назло.

Заслышав со стороны парадного крыльца неспешные шаги покидаемой родственницы, молнией метнулась к дверце, ведущей во двор и, не оглядываясь на прощанье... некогда, да и незачем, выскочила под вялый весенний дождик.

Ничего, не сахарная, до станции, если напрямки, через лес, всего пара километров, куртку накину и добегу.

В лесу было сумрачно, скользили под кроссовками прошлогодние черные листья, и даже под огромными елями не оставалось сухого места. Да только с чего бы мне вздумалось под них лезть, под эти самые ели? Если следовало спешить изо всех сил, с тетки вполне станется тревогу поднять, объявить на меня розыск, как на преступника. И неважно, что паспорт дают с шестнадцати, и даже голосовать разрешают, зато уходить из дома и выходить замуж почему-то можно только в восемнадцать. Наверное, потому, что выбор для страны президента не такое уж важное для человека дело, как выбор себе судьбы или супруга.

Что-то мелькнуло над елками ослепительным всплеском, вырывая меня из размышлений о вечных проблемах, и одновременно выдергивая почву из-под ног... ударило по ушам воздушной волной, как при свободном падении, каталась я однажды, когда уходила из интерната.

И бросило в темную воронку, невесть откуда взявшегося смерча... заставляя на миг задохнуться от нехватки воздуха и всепоглощающего ужаса.

А потом, больно ударив напоследок, швырнуло спиной на что-то твердое, и мой организм не придумал ничего лучше, чем в знак протеста потерять сознание.

Что я была злая, когда пришла в себя, сказать мало. Нет, я была просто очень злая. Ненавижу, когда мне делают больно... или бьют... до посинения ненавижу. И когда после смерти родителей попала в интернат, тетка тогда расстаралась, первым делом довела это до сведения всех задир. И откровенных и тихушных, а их, как я успела заметить за последние несколько лет, в любом коллективе всегда на порядок больше. Ходят этикие... вроде правильные... учителя и воспитатели их в пример ставят. А едва взрослые отвернутся, ангелочки превращаются в болотных гадюк, норовящих побольнее цапнуть из-под кочки.

Ну, так вот про боль... не сразу до них дошло, что я не шутила. Поначалу всё пытались поймать меня в темном углу и показать... кто в интернате настоящий хозяин. Потом им вытаскивали из носов и скул занозы... я без куска доски в опасные места не совалась.

Ну а я, как водится, сидела в это время в карцере. Так они палату при медпункте про себя называли. Местная медсестра для успокоения туда буйных драчунов запирала, после того, как укольчик вкатит, разумеется. Вот это еще одна вещь... которую я на дух не выношу, уколы и операции разные. И медсестре об этом в первый же момент сообщила. Она оказалась теткой сообразительной, поглядела в мои шалые от ненависти глаза и шприц убрала. Вместо этого принесла кучку книжек, и положила на тумбочку.

Книжки я тоже не любила... до этого случая, но сказать сразу об этом не успела, так быстро она из карцера вымелась. Это уже потом, от скуки, открыла я наугад один томик, самый тощенький... да так и прилипла. Вот с тех пор мы с Мариной и подружились... хотя весь интернат ее за белый халат и подкрашенные волосы Мальвиной называл. Или еще за что другое... я не вникала. Важно другое, она с тех пор мне никогда прививок не делала, сунет какую-то гадость в ложечке, выпей! И всё. А я ей, за понимание, помогала в медпункте убирать, Марина всегда говорила, что мне надо обязательно в медицинское поступить, вроде призвание к этому имеется. Только тетка решила иначе, после девятого забрала на хутор, трудно ей, видите ли, одной! Ну, так ведь, чтобы ее коз ловить, и взвода погранцов маловато будет.

Когда Марина узнала, что меня забирают... взяла выходной и выпросила у директрисы разрешение, съездить со мной в город, просто так, на прощание. Вот в тот раз и испробовала я и крутые горки и свободное падение... очень весело было. Но самое странное случилось, когда мы уже на вокзале сидели, электричку в райцентр ждали. Марина ушла куда-то, времени было еще завалиться, и я развлекалась тем, что в упор глядела в

спины дремлющим пассажирам. Очень весело наблюдать, как они вдруг просыпаются, и начинают в панике пересчитывать свои сумки и пакеты, не понимая, что их так встревожило.

Вот тогда она и подошла, высокая, рыжеволосая, лицо вроде молодое, а глаза... понимающие такие.

– Ты, – говорит, – девочка, пока еще сама не знаешь, какая в тебе сила дремлет... но наступит час, когда захочешь понять, что с ней делать и как дальше жить. Вот тогда приезжай ко мне в гости... возьму тебя в ученицы. Вот тебе моя визитка с адресом, потерять ее невозможно, как будет нужно, сама найдется.

Встала и ушла, как раз посадку объявили, на Симферопольский, я хорошо запомнила.

Почему я про этот случай сейчас вспомнила? Да всё просто, едва придя в себя после странного падения, села, ощупывая пострадавшие бока и вдруг почувствовала под рукой что-то непонятное. Сунула пальцы в боковой кармашек курточки и обомлела, на ладони лежал, поблескивая золотыми виньетками, зеленоватый квадратик картона, с выдавленным на нем давно заученным наизусть именем и адресом. Вот только я прекрасно знала, что никак он не мог находиться тут, потому как стирала куртку всего пару дней назад, и все карманы прилежно выворачивала.

Луч солнца упал на позолоту узора, заиграл, заблестел весело... я невольно подняла глаза... и в груди сначала сжалось, а потом громко забухало, заторопилось испуганное сердце.

Место было совершенно незнакомое... какое-то настолько необычное... что я не сразу разобралась, чем. А потом резко, как ведро воды на голову, пришло понимание.

В доме у тетки развлечений негусто, но телевизор все-таки цветной. И антенну она спутниковую поставила, для экономии на паях с тремя соседями. Вот и коротали мы дождливые холодные вечера возле ящика, или окна в мир, как тетка его звала. Вкусы у нас, конечно, не совпадали, ни клипы с сумасшедше накрашенными певицами она на дух не выносила, ни папиных дочек, ни дом-2. Зато обожала всякие путешествия, и со знаменитыми ведущими и без них. Ну а мне куда деваться... приходилось смотреть что дают, у нас и в интернате всегда взрослые пультом командовали.

Вот потому я и поняла сразу... что очутилась незнамо где... нет у нас на земле такого места. Чтобы острые скалы всех оттенков фиолетового перемежались мягкими лощинками, заросшими пышно цветущими кустами с сочными листьями странной формы, необычного лимонного

цвета.

Вот тут и припомнились мне книжки... что Мальвина приносила. Интересные книжки, фентези называются. В основном про то, как девчонки в чужие миры попадают. Совсем, как я сейчас. И один момент меня всегда в них настораживал... слишком глупо они себя вели, эти попаданки, с самой первой минуты. Хватали руками все подряд... и совали в рот, словно сумасшедшие экспериментаторы. Еще смело пинали даже самых жутких монстров и по всякому обзывали всех встречаемых мужиков, особенно красивых эльфов... а те от такого хамского обращения только млели от восторга.

Еще тогда, в интернате, я про это долго размышляла и для себя решила, если бы мне привелось в чужом мире оказаться, нипочем так не поступила. Первым делом спряталась бы понадежнее, и пока обстановку не изучила, носа бы из укрытия не показывала.

Я гордо обвела взглядом окрестности и с размаху хлопнула себя ладонью по лбу. Ну и чего же я тогда сижу здесь на самом виду, если такая умная?

Схватила рюкзачок и вмиг скатилась со сравнительно ровной площадки на склоне горки в густые колючие кусты, растущие в лощинке. Вполне пригодные, несмотря на густо облепившие стволы ярко-синие цветы, похожие на дикие розы, на роль терновых. В которые даже волк лазить не любил.

В кустах было сыровато, но меня это не испугало, сколько раз приходилось отсиживаться и не в таких условиях. Когда тетке, ни с того ни с сего, приходило в голову копать новый погреб, или делать внеплановый ремонт. Причем, как назло, обязательно либо в праздник, либо в воскресенье, совершенно наплевав на все мои надежды и намерения. На хуторе и так развлечений негусто, собрались мы, к примеру, с девчонками на восьмое марта в соседнее село сходить, на праздничную дискотеку. А тетка после обеда достает мешок с картошкой и лопату, и радостно так предлагает пойти посадить картошечки, чтоб ранняя была.

Действительно, весна в этом году необычайно рано пришла... снег стоял и крапива из земли на пригорках уже полезла. Но ведь не факт, что снова снежку не навалит, да и земля еще хорошо не провяла. Ни один дурак еще ничего не сажает, апрельского тепла ждут. Так я тетушке и отпела, за что получила проповедь часа на полтора, и лопату в зубы. И марш-марш, картоху сажать. Снег, конечно, через три дня выпал-таки, так я же виноватой и осталась, накаркала.

Все это я припомнила, сидя на рюкзачке в кустах, и так мне грустно

вдруг стало. В кои-то веки собралась, наконец, удрать от настырной тетушки и начать новую жизнь, так на тебе, принесло откуда-то этот смерч... проклятый. Не иначе, дыра какая-то между мирами образовалась... откуда он вырвался... а потом меня с собой и прихватил... другого объяснения я придумать не могу, у меня по физике заплаканная тройка. Хотя и физикой тут вроде не пахнет... а тогда чем? Ну, не магией, же?! Кстати о магии я тоже иногда думала... да и как не задуматься, когда на визитке, что рыжая дала, русским языком напечатано – Виктория Вяземская, потомственная русская ведьма.

И, это, по правде говоря, очень настораживало. Ну, вот не верю я в ведьм, хотя и читаю про них с удовольствием. Может, потому, что недавно наш сосед дядя Петя из простого скотника превратился в колдуна и лекаря. После того, как его за пьянку поперли с фермы, он несколько месяцев болтался в городе, говорят, работал в пивбаре, потом торговал на базаре. И вдруг вернулся, да не один, а с чемоданом, полным разных загадочных вещей. Это его жена, Лизка, рассказывала, и глаза у нее были прямо-таки круглые от восторга и любопытства. А вскоре весь хутор с изумлением наблюдал, как дядя Петя выходит по утрам за коровник, приодетый в черный шелковый балахон с непонятными иероглифами на округлившемся пузе, и, подняв руки к восходящему солнцу, бормочет что-то вовсе несуразное. Соседки от любопытства едва с ума не сошли, специально выходили в огороды пораньше, вроде по делам, но ничего из его восклицаний не поняли. А потом тетя Лиза по большому секрету рассказала трем самым болтливым кумушкам, что ее Петечка ходил лечиться к известной ведунье, и она нашла у него талант к целительству. И теперь он сам лечит от всех болезней свою семью и уже вылечил от тяги к табаку своего старшего, а от радикулита тещу. Народ, конечно, посудачил, поприкалывался, но вскоре потихоньку потянулся к новоявленному лекарю, все же ближе, чем до райцентра полтора часа пилить. Да еще и билеты на электричку снова подорожали, а дядя Петя по знакомству брал не деревянными, а натурпродуктом.

И, может, и я бы в его талант поверила, если не встретила новоявленного лекаря случайно в оптовом аптечном складе, куда приходила с Мариной. Сторожко поглядывая по сторонам, дядя Петя торопливо нагружал упаковками лекарств объемистый портфель, хотя все соседки в один голос утверждали, что лечит он отварами целебных трав.

Вспомнив про Марину и интернат, я уныло вздохнула и полезла в рюкзак за кусочком хлеба. Хотя уже понимала, что продукты придется строго экономить. Что-то не видно было с горки, когда я озиралась

окрестности, не только городов, но и захудалой деревушки. Значит, таверны или постоялого двора, что тут у них бывает, мне не видать еще бог знает сколько. А я ведь сегодня даже не завтракала. И с собой взяла всего ничего, думала, куплю, как обычно, в электричке мороженое или чипсы. Ну, что мне стоило сунуть в рюкзак хоть десяток картошин, или тот же творог? Отсюда, из неведомого далека, желтоватый, сочный теткин творог уже не представлялся совершенно несъедобным, как пару часов назад, в конце концов, его можно было вымочить в воде.

И вот тут я сообразила, что именно это и есть моя ближайшая нерешенная проблема. Если еды хоть немного, но имеется, то с водой абсолютный абзац. Ведь я не успела сунуть в рюкзак даже маленькую пластиковую бутылочку, в которой запасливая тетка брала в дорогу ледяной колодезной воды, каждый раз ворчливо поясняя, что чище и вкуснее нигде не найдешь. А если честно, то брать воду я и не подумала. Ведь меня ждал город, где на каждом углу громоздятся в витринах горы всевозможных бутылок с водой и напитками.

Пожалуй, не стоило мне вспоминать про воду, сразу просто пострашному захотелось пить. Так сильно, словно три дня ничего не пила. Я минут пять нетерпеливо ерзала на тощем рюкзаке, придумывая уважительную причину, по которой должна немедленно отправиться на поиски ручья или хотя бы лужи, и, наконец, решительно вскочила на ноги, собираясь с боем прорываться вниз, через неприступную стену кустарника.

И в тот же момент резко присела назад, и даже дыхание затаила. Быстрота реакции, не раз спасавшая меня в интернате, выручила и на этот раз. Всего одного взгляда на склон, с которого я скатилась в эти кусты, хватило, чтобы понять, двое мужчин в непривычной одежде что-то высматривают в цветущем кустарнике. Хорошо еще, что стояли они ко мне спиной, иначе сразу столкнулись бы взглядами. Кстати, а вот с моими странными способностями глядеть мне в ту сторону и не нужно бы... даже сквозь кусты.

Я пригнула голову к коленям и замерла, вглядываясь в камни, проступающие из тощей почвы. И повторяя про себя как молитву, пусть они меня не заметят, пусть уйдут!

Сколько времени я так сидела, толком не поняла, когда чего-то ждешь, минуты тянутся просто как резиновые. А мобильника, чтобы посмотреть время, нет, тетка считала, что такое баловство мне абсолютно без надобности. Зато я, ей наперекор, наотрез отказалась надевать совершенно немодные в наше время часики. Тем более, дешевые, китайские. Сейчас-то и от таких бы не отказалась, вот только, как они станут тут работать, еще

тот вопрос. Может, в здешних сутках сорок часов... а может, всего пять.

Что-то захрустело, захрупало со стороны, противоположной той, где стояли чужаки, и я насторожилась. Звуки были точно такими, словно на меня надвигалась косилка, был у нас в соседнем районе несколько лет назад страшный случай, заснул мужик по-пьяни в эспарцете... теперь ходит на костылях и всем рассказывает, как ему неслыханно повезло. Зато я с тех пор по полям хожу, не теряя бдительности, и едва застрекочет поблизости какой-нибудь трактор, со всех ног несусь в посадку.

Привстав с рюкзака, пытаюсь на полусогнутых прорваться вправо... потом влево... и отчетливо понимаю, выход у меня только один... назад, на горку, к тем незнакомцам. Хотя я и опасаясь их до дрожи в коленях, но неизвестного агрегата боялась еще больше. Оказаться на костылях всегда казалось мне самым ужасным, что может случиться с человеком.

Начинаю яростно прорываться назад, но кусты, так легко пропустившие меня под свои ветви, теперь почему-то очень не хотят со мною расставаться. Колючие, гибкие веточки просто репьями вцепились в куртку и свитер, и несколько шагов, которые мне дались с величайшим трудом, вымотали сильнее, чем окучивание сотки картохи. А хруст ломающего кусты комбайна, или что это там еще... уже почти рядом, заставляя в панике рвануться со всех сил... и как следствие, запутаться намертво.

– Остановись, незнакомец, не торопись, – произнес оттуда, куда я рвалась со всей дури, звонкий голос, настолько мелодичный, что возникло законное сомнение, а действительно ли там, на горке, только мужчины, – сейчас фуссо проделает просеку, и ты по ней выйдешь.

Непонятно... к кому это он обращается... мелькнуло в голове и пропало. Ужас перед жутким механизмом гнал меня вперед со страшной силой, в ушах даже зазвенело от напряжения. Желание убраться подальше от приближающейся опасности стало главным в жизни, таким яростным, жгучим, что почудилось, будто воздух вокруг меня начал греться, а лимонного цвета листья как-то странно подрагивать, словно пытаюсь отодвинуться.

И в этот момент один из мужчин раздвинул со своей стороны настырные ветви и, ухватив меня за руку, сильно дернул к себе. Нет, рука не оторвалась, хотя и были у меня пару секунд такие ощущения, даже вывиха не случилось. Случилось гораздо худшее, рукав моей старенькой курточки не выдержал и порвался. Причем не так порвался, как обычно отрываются рукава в кино, ровненько по шву, нет, швы-то как раз выдержали, видать, качественные нитки были у китайцев. Треснула сама

ткань, в районе локтя, и возмущение, которое я испытала к непрошенному помощнику, очень помогло мне не опозориться в следующее мгновение. Потому что именно в это мгновение я и увидела вблизи того, кому была обязана потерей единственной куртки. А позором всегда считала восторженные взгляды, которыми награждают некоторые девчонки симпатичных парней. Нет, высокие и симпатичные и мне самой, конечно, нравятся, но в этом я и под расстрелом никому не признаюсь. И, тем более, это не значит, что я должна каждому такому на шею бросаться.

А что спаситель был очень хорош, я рассмотрела в те несколько мгновений, пока мерила его сердитым взглядом. Глаза голубые... и нечеловечески красивые... как у дорогой фарфоровой куклы... я таких по ящику видела. А волосы... ну нет у наших парней таких волос... словно парик из серебристой фольги, так и сияют. Никаким хеден шолдерс такого не намоешь. Вообще не мужик, а картинка с обложки журнала... очень дорогого журнала. И одежда необычная... нет, толком не опишу, не хватало еще шмутки на чужих парнях так же спокойно изучать, словно они манекены.

Заметила, конечно... что все совершенно чужое... даже смешно кое-что показалось... но в тот миг мне было вовсе не до того...

– Какого... колобка... ты меня так за руку дернул? – вызверилась я, едва ощутив под ногами каменную твердь, – еще и куртку порвал, что, дурную силу некуда девать?!

В приветливых, ясных глазах промелькнуло изумление, а за ним, словно надежно прикрытое пологом невидимости, тенью скользнуло нечто такое... жесткое... нечеловеческое... что у меня на голове под кепкой даже волосы от ужаса шевельнулись. А чужак уже снова лучезарно улыбается во весь рот и своим необыкновенным голосом феи из какого-то мультика просит у благородного незнакомца прощения за свой нечаянный проступок. Он ведь лишь желал помочь выбраться из зарослей колючей погибели, а что куртку порвал, так не беда, тут неподалеку его дом, и в гардеробе найдется несколько подходящих курток. И под мелодичное журчание этих просто сочащихся доброжелательностью и приветливостью слов, ледящий душу ужас, что я испытала минуту назад, начинает казаться чем-то немыслимым, едва ли не самообманом.

И тут я, наконец, сообразила, что это он меня всё время крестит незнакомцем... значит, за парня принял. Ну, да, это-то как раз и не странно... женщины и у нас во многих странах брюк не носят...

Зато куча других вопросов вылезает... но не настолько уж я лопоухая, чтобы их сейчас задавать. Мне бы только слинять отсюда... под

благовидным предлогом... который почему-то никак не желает придумываться.

Шорох и хруст раздались прямо за спиной, и меня словно порывом ветра кинуло на другую сторону площадки.

– Не бойся, это Фуссо, – с тонкой усмешкой успокоил меня правильно понявший этот маневр плейбой, – он всего-навсего мое домашнее животное.

И снова в голосе чужака скользит еле заметная язвительность, вот только мне некогда разгадывать её причины, из просеки, проделанной в кустах, вылезает нечто настолько ужасное... что я бы завизжала и рванула куда подальше... если бы хозяин монстра это не предусмотрел. И потому стою, выловленная за целый пока рукав, а рука незнакомца держит локоть так крепко, что мне невольно взгрустнулось по тетушке. Вот из её рук я выкручивалась за пару секунд.

А из этих пока подожду... но только до того момента, когда появится ясность, куда бежать-то. Вылезший из кустов монстр тем временем прилепал поближе, и послушно замер перед хозяином. Нет, я и тут не завизжала... и пострашнее видела. В компьютерной игре. Есть у одной моей подружки комп... и даже модем к нему. Натуральный наркотик... хотя её предки почему-то рады. Светка с нами ни на речку, ни на дискотеку в Ивановку не бегают, как дела по хозяйству переделала, так в свой инет лезет. У нее там тоже вроде как друзья... только я этого не понимаю... С одной стороны, живые, даже поговорить можно... а с другой, как надоест им, или настоящие придут, отключаются и сиди с намытой шеей. Вот тогда она Реквием и включает... там у нее тоже друзья и монстры... различной степени пакостности.

– Молодец, Фуссо, – небрежно кивнул незнакомец, – хорошо поработал... получишь сегодня кусок мяса. Иди за нами.

Жуткая тварь ростом со стол, напоминающая краба на куриных ногах, послушно обойдя нас, замерла сзади. Чужак потянул меня за локоть, и я безропотно шагнула вперед, прекрасно понимая, бежать от них сейчас мне не светит ни с какой стороны.

Впереди топает так ни слова и не сказавший спутник сереброволосого, сзади его монстр. А рядом он сам, крепко придерживая меня за локоть, вроде как с благими намерениями, не дать споткнуться. Хотя мне тетушка все уши прожужжала, повторяя, что благими намерениями выстлана дорога в ад. Да и мой собственный жизненный опыт подтверждает, никто ничего за просто так случайно встреченному незнакомцу делать не будет. Значит нужно им от меня что-то... вот как бы ещё узнать, что?

Если бы он с первого взгляда определил во мне девчонку, тогда я могла бы предположить один совершенно невероятный вариант... что заинтересовала такого красавца как жертва для извращенного сексуального эксперимента. Для всего остального у такого парня должно быть не менее батальона поклонниц.

Но поскольку этот вариант, к моей несказанной радости отпадает, версий, за каким фигом ему потребовался выуженный из колючих кустов парнишка, у меня ноль целых и ноль десятых. Кроме самых жутких, разумеется, но их я пока стараюсь гнать из головы. Чего себе заранее нервы портить, а вдруг еще обойдется? Надежда, как все говорят, умирает последней.

Куда мы топаем, пока непонятно, по самому дну лощинки вьется точно такая же пробитая в зарослях просека, как та, что проделал к моему убежищу Фуссо. И, припомнив его похожие на клешни рака огромные передние лапы, начинаю догадываться, что это именно он ее и проделал. Очень полезная домашняя зверушка. Подозреваю, что с такой можно гулять без опаски в любом лесу, битком набитом хищниками. Что ему какой-то хищник, если под ногами иногда попадаются чисто срезанные стволы толщиной в руку?

О-ох! Ну и лохушка же ты, Катерина! А еще считала себя ушлой и осмотрительной! А такой простой вещи сразу не сообразила! – Пилю я себя, любимую, за свою недогадливость. Совсем мозги растеклись, едва тебе пару раз улыбнулся красавчик – абориген. До того докатилась, что утратила бдительность и не смогла сложить два и два, хотя обычно быстрее всех решала в интернате заковыристые задачки по логике и всегда угадывала еще в начале детективов, кто окажется убийцей. Простую вещь не сразу заметила, что пеньки на просеке, по которой тебя ведут, еще мокрые от сочащегося сока.

Значит, эта скала вовсе не любимое место для каждодневных прогулок туземцев, и пробивались они на нее с какой-то целью. А если добавить тот факт, что встретив меня, туземцы сразу резко расхотели гулять, то и вывод тут только один.

Не знаю, как уж они прознали, что я там сижу, но шли именно за мной. И от понимания этого ясного факта мне стало как-то очень не по себе. Даже захотелось назад, к тетке, всё же не такая она и вредная, просто жизнь у нее тяжелая. И творог она меня три дня есть бы не заставила, это-то точно. Хоть и крута иной раз бывает, но отходчива, уже к обеду, поглядев на мое нарочито несчастное лицо, отобрала бы злосчастную миску и бухнула на стол полную тарелку моей любимой картошки, жареной тоненькими

румяными ломтиками с хрустящей корочкой. Я украдкой вздохнула, и задвинула эти воспоминания подальше. Мне не ностальгию сейчас разводить нужно, а о своей шкуре подумать. И постараться как-нибудь разведать, зачем я им так понадобилась.

А для этого я знаю только один способ... нужно включить дурочку. Вот только сейчас я этого делать не стану... рановато. Сейчас для меня самое правильное – поменьше говорить и побольше слушать, а еще лучше – постараться запомнить все, даже самые маленькие детали. Неизвестно, что может помочь выбраться на свободу... все-таки надежда... ну про это я уже поминала.

– Высоты не боишься? – С очень доброй улыбкой смотрит холодным испытующим взглядом красавчик, – кстати, мы еще не познакомились. Мое имя Роул, а твоё?

– Кэт, – произнесла я с легкой запинкой свою уличную кличку, чудом успев в последний момент поймать вертевшееся на языке Катя, – а высоты не боюсь.

– Тогда садись, Кэт, – показывая на стоящее на ровной площадке странное сооружение, предложил Роул, – я пристегну.

Сердце затрепыхалось от предчувствия опасности, садиться в непонятное креслице, словно срезанное в интернате с качели для младших, и установленное на торчащие в стороны ножки, не хотелось категорически. Однако Роул смотрел ожидающе, а стоящие неподалеку два таких же сооружения вселяли слабую надежду, что это креслице вовсе не пыточное. Я в последний раз оглянулась на замершего в двух шагах от меня Фуссо... нет, не убежать мне от него, и, не снимая с плеч рюкзачка, обреченно опустилась на сиденье.

Довольно мягкое и комфортное, к моему изумлению. Роул ловко пропустил между подлокотниками кресла широкий кожаный ремень и закрепил его сбоку. На вторую качелю шустро взобрался монстр, и его приматывал молчаливый напарник Роула, на третью сел он сам.

Несколько минут не происходило ровно ничего, и я успела почти расслабиться, как вдруг по площадке метнулись темные тени и чьи-то огромные крылья мелькнули перед моими глазами. И в тот же миг я почувствовала, что под моими кроссовками провалилась земля. Зажмурив глаза и сжав зубы чтоб не завизжать, изо всех сил вцепляюсь руками в подлокотники и несколько мгновений жду страшного удара... пока, по бьющему в лицо потоку теплого воздуха, не начинаю понимать, что именно произошло на самом деле. Это не земля провалилась, это я лечу. Осторожно приподнимаю ресницы и сразу захлопываю снова, столько солнца и ветра

рвется мне прямо в лицо. Эх, жаль, что рюкзачок сейчас не достать, там должны быть солнцезащитные очки... если не забыла бросить.

Полет продолжался недолго, минут десять, потом под ноги внезапно ударила земля и стих бьющий в лицо ветер.

– А ты молодец Кэт... и правда не боишься высоты, – прозвенел рядом серебристый голос хозяина и я осторожно приоткрыла глаза.

Чтобы тут же распахнуть их во всю ширь от изумления. Там, на горке, когда Роул сказал что у него неподалеку дом, мне вначале представился небольшой домик, вроде теткинго. Когда он сказал про гардероб, дом, появившийся перед моим мысленным взглядом, заметно подрос и стал добротным как особняк председателя колхоза.

Но то строение, что возвышалось теперь перед моими глазами, было, по меньшей мере, дворцом. Необыкновенно, изумительно, красивым сказочным дворцом сказочного принца. Причудливо сложенным из фиолетового местного камня, отполированного до зеркального блеска. Вокруг дверных и оконных арок, а также по замысловатым выступам, названия которых я не знала, вился потрясающе изящный орнамент, выложенный из того же камня, только

– Красиво? – заметив мой восторг, усмехнулся Роул, и снова почти незаметная тень холодного превосходства скользнула в его голосе.

Теперь я точно знала, что не ошиблась, меня в таких вещах обмануть трудно, в интернате высокомерный тон и снисходительные взгляды научилась чувствовать даже спиной. Значит, мое положение еще хуже, чем можно было надеяться. Да тут и любому дураку ясно, не станет хозяин таких хором просто так лазить по горам, чтобы спасти из колючих кустов какого-то парнишку. Даже если предположить, что душа у него такая необычайно добрая и ранимая, мог бы в лучшем случае слуг послать... с тем же монстром.

– Очень, – ответила я честно.

Врать в том, что ясно и без слов, смысла не имеет, да я и в принципе против вранья. Совершенно другое дело дезориентация врагов... но до такого поворота события пока не дошли, и я очень надеялась, что и не дойдут.

Хозяин только скривил в ответ уголок рта, нетерпеливо постукивая ногой, пока прибежавшие парни в одинаковой униформе споро отвязывали нас от сидений. Едва слуги сняли ремень, Роул стремительно вскочил с кресла и куда-то помчался, по пути небрежно кивнув в мою сторону.

И опять я оказалась права, украдкой горько вздыхая, топая вслед за лакеем, молча, но настойчиво давшим понять, что от меня требуется.

Теперь я уже сто раз пожалела, что не предприняла попытки сбежать там, на горке. Хотя бы убедилась, что не упустила ни одной отпущенной мне судьбой возможности. А вот отсюда не стоит даже думать пробовать бежать. Вокруг дворца, я рассмотрела сквозь ветви деревьев, выложены высокие стены, все из того же камня, а за ними еще более высокие скалы. Я, конечно, занималась в интернате спортом... там слабому не выжить, но скалолазанием никогда не увлекалась. Нет вокруг нашего райцентра ни одной горки, и даже вокруг города их нет.

Потому и не выйти мне из этих скал, даже если смогу перебраться через стену.

Слуга открыл передо мной дверь и с непроницаемым выражением лица застыл рядом с нею. Та еще сволочь, привел пленника незнамо куда, и даже объяснить ничего не желает, обозлилась я, проходя мимо. А комнатка-то не для дорогих гостей, как я погляжу. И обстановка вся каменная. Стол, скамья, и даже невысокое ложе. Ну, еще бы, у них тут горы под боком, ковыряй себе, сколько хочешь. Правда, на лежанке что-то меховое постелено... и на том спасибо.

Я шлепнулась на этот мех и уныло уставилась на захлопнувшуюся дверь, судя по обращению, церемониться со мной никто не собирается. А ведь как учтиво хозяин в горах разговаривал... хотя мог бы и сразу приказать.

Или не мог? Почему мне кажется, что я чего-то пропустила? Или не успела обдумать, как следует? Ну, так теперь самое время, думай, Катька, думай, пока есть возможность.

Возможности подумать мне не дали, дверь бесцеремонно распахнулась и в комнатку вошла крепкая женщина, похожая лицом на лакея, что привел меня сюда. Как родная сестра. Из-за этой похожести я её и невзлюбила с первой минуты и настороженно следила за каждым уверенным движением. А вошедшая спокойно занималась своим делом, не обращая на меня никакого внимания.

Разложила на скамье какую-то одежду, явно мужскую, поскольку сама была одета в темную широкую юбку до щиколоток длиной, и пеструю старушечью кофту. Двое слуг притащили высокий таз и странные ведра, очевидно с водой.

Они что, думают, я сто лет не купалась, что ли?! Что сразу ринусь бултыхаться в этом дурацком тазу? Да у меня даже у тетки, несмотря что деревня, ванная в доме. Хотя и с газовой колонкой.

А служанка тем временем закончила все приготовления, и ушла. Зато вошел ее молчаливый брат, теперь я была в этом почти уверена, и показал

мне на таз.

– Не-а, – мотнула я головой, не желаю.

– Надо.

Слуга сдернул меня с лежанки.

– Я тебе говорю, нет! – обозлилась я, – и вообще, выйди отсюда.

– Я помогу, полью, – молчальник тоже начинал сердиться, но допустить, чтобы меня купал мужик... ну уж нет, лучше сразу в окно.

Резко выдергиваю из его руки многострадальный рукав куртки и меряю упрямым ненавидящим взглядом. Вот бестолковый, никак не желает понимать очевидного. Не сдамся я.

– Надо! – решительно прикрикнул он и сорвал с моей головы кепку.

Коса, второпях кое-как собранная под кепку, расплелась и волосы пышной гривой упали мне на лицо, но я все же успела разглядеть, как потрясенно вытянулось его лицо. Еще несколько мгновений он разглядывал мои щеки, покрасневшие от возмущения, что невольный обман раскрылся так скоро, потом резко развернулся и почти бегом выскочил из комнаты. Не забыв, однако, плотно прикрыть дверь и брякнуть снаружи засовом.

Ну, вот теперь, Катерина, начинается самое интересное, мрачно объявила я себе, снова шлепаясь на мех. Вот только не факт, что тебе это понравится. Вполне возможно, что сейчас ты потеряла последний шанс на свободу... или даже на жизнь.

Но хоть немного подготовиться всё же не помешает, твердил свое безрассудный оптимизм, и я, скорее от растерянности, чем по здравому смыслу, достала из рюкзака щетку. Расчесала волосы, заплела, свернула кольцом и посадила крабика. Потом, криво подмигнув зеркальцу, мазнула по губам блеском, а по ресницам тушью. Помирать, так с музыкой.

И приготовилась ждать, как совершенно чужие люди чужого мира решат мою судьбу. Заранее уверенная, каким бы ни оказалось это решение, мне оно не понравится.

Однако, как ни странно, ждать пришлось всего несколько минут.

Снова громыхнул засов и в комнату ворвалась давешняя служанка. Уставилась на меня недоверчивым взглядом, потом стремительно шагнула вперед и рванула рукой ворот куртки, пытаясь ее распахнуть.

Сообразить, что она еще собирается сделать, я элементарно не успела, автоматом сработала отточенная в интернате самооборона. Резкий выпад костяшками правой руки в нос обидчице, и сразу удар левой ногой под колено. Служанка охнула и согнулась, выпустив от боли мою куртку, а я отскочила к приоткрытой двери. Если хочет дать сдачу, то пусть сначала догонит.

Осторожно высунула нос за дверь и обнаружила, что коридор пуст.

Ха. А почему бы нам и не поиграть в прятки? Какое, никакое, а развлечение. Возможно, последнее в жизни. Выскочив в коридор, захлопываю дверь и с неожиданным для себя удовольствием опускаю тяжелый засов. Ну, вот и первые положительные эмоции.

В какую сторону теперь?!

Точно помню, мы пришли справа, и там мне ничего интересного не встретилось. Значит, идем налево. Не тратя драгоценных секунд на раздумья, бегу по широкому коридору, время от времени останавливаясь возле дверей и прислушиваясь к тому, что творится за ними. И не забывая бдительно приостанавливаться перед пересечениями с другими коридорами и лестницами.

И все же чуть не попалась. Уже почти шагнула за угол очередной арки, выходящей на лестницу, как заметила спускающихся по ней мужчин. Первым топал Роул, второй шел следом, и его разглядеть я просто не успела.

Метнулась было назад, да заметила, и с той стороны в коридор кто-то вошел. Вот это я попала. Безо всякой надежды, просто так, на всякий пожарный, толкаю ближайшую дверь и вдруг она мягко, без скрипа, подается внутрь. Одного мгновенья хватило мне, чтобы скользнуть в плохо освещенное помещение и захлопнуть дверь за собой. Да еще и засов задвинуть, оказалось, в этой комнате он изнутри. Значит, я все-таки была пленником, пропали последние слабые сомнения, иначе не посадили бы под замок.

Ну, так пусть теперь поищут... а потом еще и ломают двери. Сама я их открывать не собираюсь. Решительно поправив на плече рюкзачок, отправляюсь исследовать захваченную территорию, и первым делом раздвигаю плотно сдвинутые тяжелые портьеры на окне. Веселые солнечные лучи ворвались сквозь толстые неровные стекла, расписанные разноцветными узорами, осветили мириады пылинок, поднятых моими решительными действиями.

Хм. Похоже, эту комнату давно не пылесосили, и если вдуматься, это даже хорошо. Просто замечательно. Следовательно, постоянно никто тут не живет, и, возможно, скоро не вернется.

Я уже спокойнее и внимательнее оглядела довольно просторное помещение, делая одно за другим удивительные открытия. Судя по всему, тот, кто обставлял эту комнату резной деревянной мебелью, делал это с большой заботой и любовью. Именно так когда-то папа оборудовал мне детскую. Я до сих пор помню каждую мелочь и каждую картинку на обоях,

хотя мне не было и двенадцати, когда родителей не стало.

В этой комнате, которой больше подходит по размеру название зал, все устроено так удобно и уютно, что сердце кольнула невольная зависть к уехавшему владельцу. И горькое сожаление, что мне тоже придется вскоре ее покинуть. Абсолютно не по своей воле.

А пока можно немного полежать на удобном диванчике... только пыль сперва стряхнуть бы. Вот только чем? Я медленно прошла вдоль стен, открыла одну дверцу... другую, надеясь, что какая-нибудь ненужная тряпка сама попадется на глаза. Но в шкафах висели лишь очень нарядные мужские костюмы... примерно на меня размером. А за последней дверцей оказалась туалетная комната, с маленьким круглым бассейном из полупрозрачного розового камня.

Стало быть, аборигены все-таки не такие уж отсталые и в медных тазиках купают только пойманных пленников... как бы только еще разузнать, зачем они нас ловят. Или попробовать вычислить.

Некоторое время спустя обнаруживаю, что в задумчивости убрала почти всю комнату. Стерла пыль, стряхнула у входа меховые накидки, и уже домываю полы. Великая сила привычка. Всегда, когда хотела разобраться в себе или в очередном конфликте, шла к Марине и начинала мыть медпункт. И ей польза и у меня, пока руки делают привычное дело, в мозгу само собой складывается правильное понимание ситуации.

А вот сегодня почему-то никакой ясности в голове нет, хотя я уже старенькую рубашку, которой мыла полы, пристраиваю сушить возле шкафчика в ванной.

Вот и все, чистота и порядок. Всего-то за час с небольшим. Интересно, а почему это из коридора не слышно суеты, криков, топота... меня что, искать никто не собирается?! Время-то к обеду, а я сегодня и не завтракала. Тот кусочек хлеба, что в кустах сжевала, ведь даже завтраком назвать совестно.

Вот зря я вспомнила о еде... сразу в животе закрутило, словно неделю голодаю по методу того дядечки... которого так любит смотреть по ящику моя тетка.

А, семь бед... вздыхаю, доставая из рюкзака свои припасы, чего их беречь, может мне и жить-то осталось считанные часы.

Порезала сало и остаток хлеба, сделала бутербродики... салбургерами мы такие зовем, и пожалела, что кипяточку нет, чай заварить. Да и сахару я взять не догадалась, так ведь и собиралась-то вовсе не сюда. Принесла в кружке воды из ванной погорячее, сунула туда пакетик, делать нечего, придется таким обходиться.

Сажу в удобном кресле, жую салбургер, бледным чайком запиваю, и, не переставая, решаю в уме задачку, в которой нет ни одного известного значения. Но от решения которой зависит вся моя жизнь.

На странное тихое шипение внимания вначале не обратила, занятая своими мыслями, а потом всполошилась, обернулась... и едва не подавилась.

Рядом со мной стоял на своих гигантских куриных лапах Фуссо, непонятно откуда взявшийся в моем убежище, и, угрожающе размахивая страшными клешнями, злобно шипел. Судя по поведению, монстр был в ярости и причиной её была, разумеется, я. Наверное, это Роул заставил его меня искать...

Вот тут мне внезапно вспомнились слова хозяина про большой кусок мяса... сказанные с каким-то подтекстом... и страшная догадка зародилась в мозгу. Это не меня ли он имел в виду? Хотя... нет, отлегло, это вряд ли. Мясо не возят в креслах, можно просто в мешке.

Фуссо снова зашипел по-змеиному, и звонко клацнул клешнями.

– Ну, хочешь сожрать меня, так жри, только побыстрее! – обозлилась я, – а над ухом щелкать нечего.

Монстр замер, словно понял сказанное и перестал шипеть. А потом и вовсе клешни к пузу подтянул.

– Вот и умничка, – сочла нужным похвалить его, а чего теряться.

Моя тетка со всеми живыми существами разговаривает и всерьез утверждает, что они ее понимают.

– На, лучше сала попробуй, – вспомнив, что всякий результат нужно закреплять, протягиваю монстру последний салбургер.

Он смотрел на меня и салбургер своими жуткими фасетчатыми глазами, и мне прямо-таки виделось, как под его плоской черепушкой ворочаются примитивные мозги. Еще не поймет, что именно брать нужно и как цапнет за руку, пришла встревоженная мысль, заставляя меня почти бросить салбургер перед Фуссо и отдернуть руку.

Он... или она? А может и вовсе оно, осторожно подхватило еду кончиками клешни, поднесло к глазам, словно внимательно изучая, затем сунуло в разинутую пасть. Очень жуткую, у меня от этого зрелища аж салбургеры в желудке испуганно в комок сжались. По форме как у лягушки, от одного ушного отверстия до другого, только в полметра длиной и густо усеянную тонкими, чуть загнутыми клыками.

А монстр стоит неподвижно и то ли еще подачки ждет, то ли обдумывает, а не пора ли приступать к основному блюду.

– Больше ничего нет, – сообщила я безнадежно, – иди, зая, гуляй.

А как его еще звать, если он слова понимает? Назовешь уродом, еще обидится... и сожрет. Хотя... сожрать меня он и безо всякой обиды запросто может.

Монстр пару секунд покачался на своих кривых лапах, повернулся и потопал в сторону двери. Интересно, а что это он делать собрался, всполошилась я.

И правильно встревожилась, дотопав до дверей, кстати, передвигается, он, оказывается, очень быстро, Фуссо вмиг отодвинул засов и потянул ручку на себя.

– Нет! – еще успела крикнуть протестующе.

Поздно, несколько стоящих за дверью субъектов, видимо, давно этого ожидали.

Первым в комнату решительно шагнул Роул, и уверенно направился ко мне. За ним шел тот молчун, что остался на горе... как я в тот момент подумала. Значит, не остался, и его тоже принесли... неизвестные существа с крыльями. Следом за ними почтительно семенила служанка с обиженной физиономией, на которой свежесозревшей помидориной выделялся распухший нос. А сзади топал ее братец.

Надо же, сколько взрослых аборигенов на одну иномирную пацанку, фыркаю про себя, с интересом ожидая начала разбираловки. А что мне еще остается?!

Остановившись прямо передо мной, Роул пару секунд внимательно разглядывает мое лицо таким холодным изучающим взглядом, словно он участковый, пришедший в интернат выяснять подробности пропажи простыней из шкафов кастелянши. И под этим испытующим взглядом я осознаю окончательно, ничего хорошего или доброго ждать от этого человека мне не стоит. Впрочем... а с чего я решила, что он тоже человек? Если верить книжкам, в этих мирах кого только не живет... всех даже не припомню сразу...

– За что ты ударила Бишу? – своим необыкновенным голосом спрашивает хозяин, и хотя ни в его тоне, ни в вопросе нет и капли угрозы, холодок, скользящий по спине, заставляет меня передернуть плечами.

– Потому что не выношу, когда меня хватают за одежду, причем грубо, – дерзко выпалила я прежде, чем успела вспомнить про недавнее решение быть терпеливой и осмотрительной.

– Почему же ты не ударила меня?

Каверзный вопрос. Вот только интернатская жизнь каждый день ставила передо мной не менее неразрешимые проблемы, например, как не дать старосте списать реферат по истории и одновременно не нажать в ее

лице кровного врага.

– Ты меня спасал, – тихо лепечу, честно уставясь в невыносимо красивые глаза и сразу скромно опускаю взгляд, очень надеясь, что это будет расценено как смущение.

Непроизвольно искривившая красивые губы самодовольная ухмылка подтвердила, что желаемого эффекта я достигла.

– А почему сразу не сказала... что ты не мальчик?

Голос Роула стал чуть мягче... или мне только показалось? А может, это очередная каверза, одернула глупую надежду недремлющая бдительность.

– Меня никто не спросил... – бурчу с преувеличенной обидой, дескать, сами виноваты, что приняли девочку за мальчика.

– Биша будет твоей служанкой, и надеюсь, никаких... недоразумений больше не будет?! – не столько спрашивает, сколько приказывает хозяин.

Я усиленно киваю, упорно не желая давать никаких обещаний, эта ябеда вызывает во мне все большее раздражение.

– Вот и отлично, – довольная усмешка змеится по губам хозяина, и он, уже повернувшись к выходу, небрежно бросает на ходу, – тогда отправляйся в свою комнату.

– А можно... – летит вслед моя нахальная просьба, – я буду жить здесь?

Роул остановился и обернулся так круто, что мне показалось, он сейчас упадет.

– Эта комната занята.

Слишком резко и категорично, даже голос на миг потерял свою мелодичность, и в нем проскользнули скрипучие нотки.

– Но тут было так пыльно... как будто никто давно не входил, – еще спорю я, хотя рассудком уже понимаю, перечить хозяину очень большая глупость с моей стороны.

– Биша? – чуть повернул к служанке голову Роул, и у нее затряслись побелевшие пальцы.

Ну, вот теперь наша антипатия будет обоюдной.

– Ваша светлость... так ведь он...

Больше Биша ничего не успела сказать, Роул грубо перебил ее, отсылая из комнаты повелительным движением руки.

– Хорошо, живи здесь, – мне показалось, или в его красивых глазах на самом деле мелькнул отблеск бешеной ярости, – а ты, Фуссо, с этого момента мне за неё отвечаешь.

Не ожидая, пока я пролепечу слова благодарности, хозяин четким

шагом покинул комнату, всем своим видом давая понять, как возмущен моей наглостью. Его спутник, так и не проронивший ни слова, тенью скользнул следом. Дверь закрыл ушедший последним слуга, и мы остались вдвоем с монстром.

Вот только страха перед этим гигантским крабом на куриных ногах у меня больше не было ни грамма. Ведь если он настолько разумен, чтобы за кого-то отвечать, значит, жрать точно не станет. Да и побоится гнева хозяина, без лишних объяснений понятно, что наказания в этом прекрасном дворце намного суровей, чем просто выговор.

Усевшись на стоящий у стены диванчик, пытаюсь хоть немного разобраться в ситуации. Пока непонятно, к худу или к добру я расшифровалась, но что хозяину от меня что-то нужно, это, несомненно. Теперь моя главная задача понять, что же именно? И при возможности постараться не лохануться, если будет хоть какой-то шанс выторговать себе жизнь... а еще лучше и свободу.

В дверь что-то громко стукнуло, я машинально крикнула – да! Но стук повторился еще и еще... и, наконец, стало понятно, никто к нам не стучится, это к двери прибивают засов.

Забравшись с ногами на меховое покрывало, поудобнее подталкиваю под голову рюкзак, и устало закрываю глаза. Если бы заранее знала... чем закончится побег от тетки... заперла изнутри все двери в доме и ключи в форточку выбросила.

Интересно, а кушать тут когда-нибудь дают? – мелькнула напоследок грустная мысль, и сон накрыл меня тревожной темнотой.

– Щас я встану... и все сделаю... еще одну минуточку... всего одну... – бормочу, не открывая глаз и стараясь натянуть одеяло на голову – ну, тетя, вот честное слово... уже встала.

Тетка, как обычно, ни на миг не поверила моим обещаниям и решительно сдернула одеяло прочь.

– Ну, тетка... – жмурясь от света и поджимая под себя ноги, обиженно заныла я, – ну имей совесть... всего минуточку... и я, как штык... подою твою Зорьку.

Тетка зашипела рассерженной змеей, и дернула за штанину. Еще до конца не проснувшись, автоматически отдергиваю ногу и слышу подозрительный треск...

Сон как рукой сняло. Распахиваю глаза и обнаруживаю нависшую надо мной зубастую пасть Фуссо. Перевожу взгляд дальше, проверить... что же все-таки трещало... ну ничего себе сюрпризик! Одна штанина почти новых джинсов снизу словно ножом разрезана.

– Что ж ты, скотина, творишь? – напустилась я на монстра, не обращая никакого внимания на его страшную клешню, болтающуюся перед моим лицом, – ты знаешь, что я на эти джинсы почти год деньги откладывала? А теперь их можно выбросить... разрезы, конечно, модно... но не там! Ну, за каким... коlobком... ты меня вообще будил? Хозяин, что ли, велел?

Фуссо зашипел еще сильнее, словно сердится на что-то, уродина. И, если мне не показалось, то вроде как зовет... непонятно, куда.

– Ну, ладно... что там у тебя, – бурчу с досадой, втискивая ноги в кроссовки, – показывай.

Нет, с мозгами у этой скотины точно не все в порядке. Только подумать, он рубашку, которой я полы мыла, на кровать притащил и на меховом одеяле, или как оно называется, разложил. И теперь сердито на меня шипит, клешней над этой тряпкой размахивая.

– Нельзя было этой рубахой пол мыть? – предположила я, и по разъяренному шипенью поняла, что угадала, – но она же старая, посмотри, на локтях потерта... и ворот тоже... Там, в шкафу, много хорошей одежды... не переживай, когда хозяин комнаты вернется, он про это старье и не вспомнит!

Услышав мои объяснения, Фуссо просто озверел от ярости, подскочил к шкафу, выхватил несколько первых попавшихся вещей и вмиг взбешено искрошил их на лоскутки.

Черт, наверное, эта рубашка как-то связана в его примитивном мозгу с хозяином комнаты, расстроилась я. Может именно её тот одевал, когда выводил Фуссо на прогулку... или кормил... неважно, но его злость мне понятна и близка. Точно так же я до сих пор свято храню мамину перчатку, которую она случайно оставила в прихожей в тот проклятый день, и папины домашние очки... он их терял по пятнадцать раз за вечер.

– Слушай, зая... а давай, я ее отстираю... и попробую зашить... раз она тебе так дорога... – чувствуя свою вину, пытаюсь договориться с чудищем, все-таки нам еще долго общаться придется... надеюсь, что долго.

Но он мне, похоже, не поверил, или не понял... что я сказала? Рубашку, то есть, теперь уже половую тряпку, утащил в дальний шкаф и там спрятал, а к дверце шкафа скамеечку приставил... единственную, которая в комнате была не из дерева. На ней до этого горшок с полусохшим растением стоял... теперь он в углу стоит.

В полной оторопи от его выходок направляюсь назад к диванчику, за рюкзачком... и нечаянно обнаруживаю, что на столе неизвестно когда появились тарелки, вилки, кувшинчик с кружкой, а самое главное, прикрытые крышками горшочки и миски, которых там раньше не было.

Обед! Вот это хорошая новость! Немного поздновато, конечно, но лучше уж поздно, чем никогда. Без излишней скромности шлепаюсь на стул и начинаю снимать крышки. Уговаривать меня поесть не придется, да на самом деле и некому. Наверное, еду принесли, когда я спала. Могли бы и разбудить, ради такого благого повода.

В одной из мисок обнаружили булочки, вполне земные на вид. В другой нечто, отдаленно похожее на кашу. В небольшом горшочке какой-то то ли суп... то ли соус. А в последнем, широком и низком горшке несколько румяных кусков жареного мяса, от одного вида которых я пришла в отличное настроение. Вот теперь я согласна и взаперти посидеть... с таким-то меню.

Знакомое шипенье раздалось рядом, едва я взяла в руки двузубую вилку с непривычно длинной ручкой и положила на взятую из стопки тарелку булочку.

– Фуссо? – чувство вины еще не выветрилось из моей души, – хочешь кушать?

Наколов на длинную вилку самый большой кусок мяса, протягиваю монстру и он мгновенно исчезает в страшной пасти. Следующий кусок кладу на свою тарелку... но молниеносное движение клешни в тот же миг отправляет его следом за первым. Ну, ничего, там еще достаточно, успокаиваю себя, потянувшись к горшку.

Злобное шипенье и клацнувшая по вилке клешня заставили меня отшатнуться. А монстр ловко подхватил со стола горшок и мигом вывалил все его содержимое в огромную пасть.

Ничего себе у него выходки! Поглядывая на ополовиненные зубцы вилки, ошарашенно вздыхаю я, наблюдая как Фуссо бросает в рот булочку, потом сует кончик клешни в кашу и, зачерпнув как ложкой, отправляет неизвестную еду себе в рот. Последним молниеносным движением вылив себе в рот содержимое кувшинчика, монстр великодушно пододвигает мне оставшиеся булочки.

– Спасибо... – язвительно фыркнула я, но отказываться не стала.

Хоть какая еда. Жаль, запить нечем... впрочем, я не неженка, могу и просто водой, в интернате не раз приходилось.

А Фуссо уже до блеска вылизал длинным раздвоенным языком миски и кувшинчик и, сложив клешни на пузе, успокоенно застыл подле шкафа, где спрятано его сокровище. Засов на двери загремел, когда я уже давно доела булки и запила их водой, налитой из крана в ванной. Вкусной, как из теткинго колодца, воняющую хлоркой воду из интернатских кранов, которую все мы постоянно пили, с ней и рядом не поставить.

Вошедшая в комнату Биша, демонстративно поджав злые губы, молча собрала со стола пустую посуду и ушла, не удостоив меня даже взглядом. Но мне было как-то поровну ее выступление, после еды снова неуклонно потянуло в сон... хотя я вроде особой засоней никогда не была.

Добредя до облюбованного диванчика, укладываюсь на прежнее место и подтягиваю на себя меховое одеяло, хоть на улице весь день светит летнее солнце, в комнате довольно прохладно. От каменных стен, что ли?

Странное состояние полусна постепенно охватило меня, вроде всё слышу и даже вижу сквозь полуприкрытые веки, но почему-то не могу ни двинуться, ни заговорить.

Бряцание засова доносчиком сообщает о пришедших гостях, а шорох шагов о том, что они подходят совсем близко. И хотя я все слышу и понимаю, но не могу шевельнуть даже пальцем. А что самое странное, несмотря на ясные мысли, исчезли все эмоции и я больше не испытываю ни страха, ни возмущения. Словно это не меня изучающе рассматривают, словно засушенную бабочку, холодные кукольные глаза и другие, непроницаемо черные, как космос. И не в моем, грубо выдернутом из-под головы рюкзаке копаются чужие, бестактные руки. Непонятное оцепенение позволяет мне только отстраненно фиксировать эти действия, не оставляя никакой возможности на них ответить.

— Она точно ничего не чувствует? — словно продолжая начатый разговор, спрашивает уже знакомый голос, странным образом подрастерявший изрядную долю своей мелодичности.

— Как камень, — в низком взрыкивающем голосе молчуна звучит презрительная нотка.

— Тогда может, сейчас... — хозяин не договорил, но я почему-то отлично поняла, что мне очень не понравилось бы продолжение фразы.

Если бы я могла хоть что-то чувствовать.

— Что, так не терпится опробовать новую игрушку? — язвительно бурчит черноглазый, копаясь в рюкзаке, похоже, он не очень-то пресмыкается перед прекрасным принцем, не иначе как друг... или сообщник, — но денек все же придется подождать, завтра ночью полнолуние... и к тому же равноденствие... силы будут на пике, самый благоприятный момент.

— Все шутишь... — зло цедит Роул, — что тут пробовать? Быстренько отделаться... и пусть себе зреет...

— Быстренько не выйдет... — гнусно хихикнул черноглазый, — нужно, чтоб с гарантией. Иначе придется до осени ждать... столько времени впустую.

– Ладно... будет тебе с гарантией... – так же пакостно ухмыльнулся хозяин, – ну, почему так не везет?! Была бы парнем... сразу же и слили... такой потенциал.

– Зря жалуешься... зато этот вариант самый безотказный. Сливание – вещь капризная... не всегда удаётся.

– Кому ты рассказываешь, – фыркнул Роул, – сколько раз мимо уходило... ладно, идем, там еще троих привезли... проверить нужно. Может, ещё... переодетая ведьма найдется... посимпатичнее этой.

– Нет, ты неисправим... – пытаюсь выколупать стекло из папиных очков, бормочет его друг, и я отстраненно думаю, что убила бы его, если могла испытывать хоть какие-то эмоции, – даже в таком серьезном деле не можешь не думать о бабских прелестях.

Он пренебрежительно бросил очки в рюкзачок, и так же небрежно сунул его мне под голову.

– Ну, не все же такие... – язвительно начал было Роул, но враз осекся под тяжелым взглядом черных глаз, мне это хорошо было видно.

Его сообщник как раз стоял перед моим диваном, меряя принца вовсе не дружеским взглядом. Возле шкафа очень кстати злобно зашипел Фуссо, словно чем-то рассерженный и друзья сразу расслабились.

– Да он, похоже, и впрямь тебе предан как собака, – с притворным изумлением пробурчал черноглазый и направился к двери.

– А куда ему деваться? – довольно заржал шагающий следом Роул и дверь за ними захлопнулась.

Фуссо покинул свой пост возле шкафа, дотопал до диванчика и, осторожно прихватив клешней одеяло, натянул мне до подбородка. Потом направился к окнам, в которых пламенело закатное зарево, и плотно задвинул шторы, погружая комнату в темноту.

Значит считает, что мне нужно спать, поняла я. Мысли текли в голове непривычно ясные и логичные, всё, что только что произошло в этой комнате, казалось понятным, как задачка для второго класса. И даже слишком понятным... вернись ко мне в эту минуту подвижность и эмоции, уже резала бы на полоски нарядные рубахи из шкафа и плела веревку. Я в каком-то фильме видела, как это делается.

Хотя... зачем мне веревка? Если я даже не знаю, как открываются здесь окна и куда они выходят... если по закону Марининых книжек фэнтези, то должны в сад, где никогда никто не ходит, а если по закону подлости – во двор, полный охраны. И почему вчера мне так и так и не пришло в голову выглянуть в окно? Не мучилась бы сейчас напрасными предположениями. Однако мозг, подстегнутый странным снадобьем,

которое, несомненно, я сжевала с булками, не хотел отдыхать и один за другим десятками изобретал и обосновывал планы побега и спасения. От грязной и унижительной процедуры, неминуемо надвигающейся на меня вместе с грядущим днем.

Однако ни один из этих планов детальной проверки не прошел. Во всех имелось несколько слабых мест, но одно из них было общим, мое абсолютное незнание местности и обычаев этого мира. Явно враждебного по отношению к таким, как я.

День второй, очень тревожный

Проснулась я внезапно, сама сначала не поняла, отчего. Вытаращила глаза, попробовала шевельнуть руками и ногами... пальцы шевелятся, и ощущения вернулись... по крайней мере, тревога и страх – так точно. Даже внутри все похолодело и сжалось, когда вдруг сообразила, вот оно, началось. Связали и тащат... почему-то вниз животом... на алтарь, наверное, или где это у них происходит... издевательство над людьми.

А я даже закричать не могу... нет, что на помощь тут звать бесполезно, и сама отлично понимаю, но завывать... заорать от ужаса, от отчаяния... да просто в знак протеста!

Спасите! Не хочу! Не надо! Боги, если вы есть... умоляю... верните меня обратно! Я буду мыть полы и доить козу по пять раз в день. А в искупление своей легкомысленной выходки, стану каждый день ходить по улицам и всем малолетним дуручкам, решившим, что они уже умные, самостоятельные, и прекрасно проживут без помощи и защиты родичей... объяснять, доказывать, втолковывать как малышам, сколько гнусных подлецов и страшных ловушек ждет их на этом пути. Конечно... не все в них попадут... но если бы люди заранее знали, как страшно и больно, когда злая судьба выбирает именно тебя. Как невыносимо хочется вернуться назад... в ту простую жизнь, что еще день назад казалась такой скучной и серой. Как жутко сжимается сердце от мысли, что завтра взойдет солнце... а ты его уже не увидишь... И что тетка еще много лет будет шарить в прибитой к калитке старой сумке... в надежде на письмецо от беспутной Катьки.

Я замычала от горя и отчаяния, пытаюсь поведать чужому, безразличному к моей судьбе миру, всю глубину своей боли и ненависти. Потому что просто не могла не ненавидеть тех, кто собирался сделать со мной нечто грязное и мерзкое.

В ответ меня больно стукнули по спине, и молча потащили дальше.

Да бейте, бейте! Теперь уже все равно. Я замычала еще сильнее и получила еще один увесистый тумак. И порцию злобного, противного... но такого знакомого шипения, что очередной вой сам застрял в горле.

Подожди Катька, подумай немного. Раз тебя тащат не слуги... к хозяину на алтарь... или в спальню... а Фуссо, значит... А вот ничего это и не значит. Вполне возможно, что именно монстр и занимается в этом дворце переноской тяжестей, вон он какой здоровенький.

Тогда... может... может, уже все было... и тебя за ненадобностью отдали монстру... на пропитание... хотя нет, сообщник вроде сказал, что я должна созреть... Интересно, до чего?

Черт, вчера вечером, когда во мне не было эмоций и не шевелились пальцы, так замечательно работала голова... а сегодня она тяжелая и тупо ноет... впрочем, как и всё тело...

Еще бы не ныть, если оно намертво перетянута веревками и некоторые так впились в кожу... что под ними все занемело. Интересно... куда меня можно столько времени тащить, теперь смутно припоминается, что и во сне давили на меня веревки и мир мягко качался, словно ехал в электричке.

– М-му... – мычу я потише, но очень жалостно.

Покачивание, словно в ответ, становится более резким и отрывистым, словно вагон запрыгал на непрерывных стыках. Похоже, мой личный транспорт прибавил ходу. И это, конечно, имеет какое-то значение, вот только головная боль становится все нестерпимее. Точно так же, как в тот единственный раз, когда я умудрилась напиться. Мои родители никогда не зависели от стадной привычки пить спиртное по любому поводу. Хотя что-то в красивых бутылках в серванте всегда стояло... только меня в то время это абсолютно не интересовало. А вот прошлым летом на дне рождения у Ленки, что живет в крайнем доме на другом конце хутора, я первый раз попробовала водку. И вроде не ведусь никогда на подначки, а тут как черт вселился. А всё Ленка, неизвестно с чего вдруг пригласившая нас со Светкой и Олеськой, не особо мы и дружили с ней до этого. Несколько раз, похихикивая, прошла на тему правильных малолеток, которые крепче фанты ничего во рту не держали... ну, я и обозлилась. Доказывать начала... вот и додоказывалась... до сих пор без содрогания даже на пиво смотреть не могу. Хорошо, что к тому времени Олеська уже втихаря отцу позвонила. Он и примчался... на тракторёнке. Выматерил по-черному матушку именинницы, загрузил нас кучей в кузов и развез по домам. Тетка меня целую ночь поила какой-то гадостью, и иначе, как пьянью подзаборной, не величала. Только когда я немного оклемалась и начала засыпать, она ушла по делам, с тихим вздохом бросив на пороге странную фразу... вроде того, что не по рангу ей такая должность...

Тогда я так поняла, тетка жалеет, что забрала меня из интерната, а вот теперь... начинаю сомневаться... о том ли вообще была речь.

Вагон трясти перестало, заскрипело и зашуршало что-то невидимое, обдал лицо свежий воздух... и тут меня уронили. Больно уронили, на что-то очень твердое, хотя вроде и невысоко. Я возмущенно взвыла, жалея о невозможности от души выругать подлого монстра, обращающегося с

девушкой как с мешком овса, но он опередил меня, зашипев так свирепо, что я невольно стиснула губы.

Кто знает, что там у него на уме? Лучше не сердить... может, дольше проживу.

Плеснула вода, где-то совсем рядом, и твердь подо мной качнулась, а потом плавно куда-то двинулась и это я сполна ощутила всей своей больной головой... и желудком, в котором заволновались и без того беспокойные булочки. Вот только этого и не хватало... когда рот завязан...

Мое плавсредство все так же плавно двигалось в неизвестность, а я, стараясь думать о чем-то постороннем, терпела, пока могла терпеть. А потом, когда уже поняла, что через несколько секунд будет поздно, заскулила, задергала всем телом, освободи же мне рот, идиот, иначе я задохнусь.

Холодное и мокрое скользнуло по щеке, и одновременно с предупреждающим шипеньем монстра под ухом щелкнула клешня, перерезая повязку. В тот же миг содержимое моего желудка фонтаном вырвалось наружу. И еще поток обиженных слез, хотя я думала, что давно разучилась плакать. Заучив, как телефон 001, что над чужими слезами в нашем мире могут только посмеяться, и то это в лучшем случае.

Холодная вода лилась на лицо, попадая под одежду, а страшная клешня очень осторожно убирала следы моей слабости. Это хорошо... значит жрать пока не будет, сообразила больная голова, а природная находчивость уже подсказывала, нужно попробовать воспользоваться его добрым расположением... вдруг прокатит.

– Фуссо... – шепчу очень тихо, немного отдышавшись, – развяжи меня... не могу больше... все затекло...

Тихое шипенье заставило смолкнуть и замереть в ожидании. Однако через полминуты лопнула, освободив затекшие руки, одна веревка, еще через полминуты я поняла, что свободны и ноги. Попыталась немного поерзать, чтобы сбросить остальные путы, и в тот же миг тяжелая клешня предупреждающе придавила меня сверху.

Ладно, не все сразу, мысленно соглашаюсь с его веским доводом, и так получила несколько поблажек сразу.

Минут через десять я, наконец, дерзнула приподнять от мокрой доски голову и попытаться осторожно осмотреться. Темноту, окружавшую нас, разбавляет только странный отблеск, играющий на невидимой до этой черты воде в метре от плотика. Мы двигались строго параллельно этой светлой полосе, но куда – знал только Фуссо. Я же могла только предполагать... и эти догадки пока к особому оптимизму не располагали.

Одна только мысль невероятно грела душу, по-моему, монстр меня выкрал... больше ни одного правдоподобного объяснения этому плаванью в темноте в мою больную голову не приходит. Хотя и непонятно, пока, для чего... но надеюсь, у меня будет время подумать над этим... когда голова немного придет в норму.

Фуссо неслышно плыл где-то сзади, подталкивая мой плотик... очень маленький плотик. Причем, сидящий в воде так низко, что пальцы окунулись в мокрый холод в тот же миг, как я протянула руку, чтобы проверить свои ощущения.

Мокрая клешня немедленно шлепнула по пальцам, давая понять, что Фуссо непрерывно за мной наблюдает. Значит, он прекрасно видит в этой темноте... хорошо плавает... рубит деревья, как газонокосилка траву... и еще куча разных талантов...

Ой, что-то мне нехорошо становится от этих размышлений. Боюсь даже догадаться... вот только ничего, кроме версии, что я являюсь ключом к свободе для этого необычайно способного монстра, у меня пока не возникает.

Похоже, попала ты Катька, из огня да в полымя... во всех смыслах.

Тут я внезапно заметила, что странные отблески на воде уже исчезли, и вокруг нас сомкнулась глухая тьма. А в следующую секунду плотик рванул вперед и вниз с сумасшедшей скоростью, и нас в то же мгновение непременно разметало бы бешеным водопадом в разные стороны, кабы не веревки, которыми я оказалась накрепко к нему привязана.

Но все это я осознала позднее, когда с облегчением почувствовала, что жуткий полет в крошечной темноте уже закончился, и мой плотик куда-то целеустремленно направляется, ловко лавируя между огромных камней.

Не сразу дошел до меня тот простой факт, что поблескивающие мокрыми боками камни я почему-то вижу, но когда всё же дошел и я догадалась поднять голову... Нет слов... Задохнувшись одновременно от восторга и горечи... что оказалась права, и мир этот бесконечно далек от родного, глядела я на две прекрасные луны, одну почти такую же, как дома, а вторую поменьше и ярко-голубую, величественно плывущие в окружении целого роя крупных звезд.

Фуссо ловко втолкнул нас с плотиком на огромный мокрый прибрежный камень и защелкал клешнями, перерезая веревки. Потом некоторое время усердно измельчал в труху доски и обрывки веревок и отправлял в свободное плаванье. Я при всем желании помочь ему не могла, морщась от боли и глотая невольные слезы, старательно разминала и растирала затекшие мышцы. Догадываясь, что дальше мне придется идти

пешком.

Как оказалось, я не угадала. Покончив с верным плотиком, Фуссо взобрался на камень и красноречиво постукал себя по спине клешней. Я неверяще уставилась на рельефно выступающий хребет, проходящий посередине панциря и какие-то шипы, устремленные в стороны и отрицательно замотала головой. Не сяду я на это, мне еще собственная шкура дорога. Да и джинсы... хоть и прорезанные, но других-то нет. Монстр сердито зашипел и рванул с моих плеч непонятно когда оказавшийся там рюкзачок. Я, конечно, сообразила, что спорить бесполезно, хотя и ощущала невероятное раздражение, наблюдая, как ловко расстегивает монстр застежки чужой сумки. Но когда вместо моих вещичек Фуссо извлек меховое одеяло, испытала жестокое потрясение.

– Ты... гад... сволочь пучеглазая... убью скотину... куда ты дел... – выхватывая из клешней рюкзак и начиная лихорадочно рыться в небольшой кучке вещей, оставшейся от моего и так небогатого гардероба, бормотала я, давясь рыданиями.

Нет, не деньги и не паспорт с аттестатом, спрятанные на самом дне вместе с косметичкой, ввергли меня в состояние такой неистовой ярости, когда глубоко плевать даже на монстров, режущих клешнями железо. Еще ниже денег я прятала тщательно завернутые в полиэтиленовый пакет вещи родителей. Ну, что отцовских очков уже не найти, было понятно сразу... я ни на миг не забывала, как человек, ставший для меня после этого врагом номер один, небрежно швырнул их поверх остальных вещей. Но мамина перчатка... далеко не новая, сохранившая, несмотря на прошедшие годы, тонкий запах ее духов и ванилина... хоть она-то должна была мне остаться?

Однако на дне рюкзака в знакомом пакетике оказалась завернута какая-то тряпка... очень узнаваемая даже в призрачном свете двух лун.

Фуссо зашипел угрожающе, и мне пришлось вернуть пакет на место. В конце концов, он же не виноват... пытаюсь успокоить себя, забрасывая необычно легкий рюкзак за спину и застилая неудобный панцирь сложенным в несколько раз одеялом. Откуда ему было знать... что там действительно ценное, а что не очень. Хорошо, хоть смену белья оставил... мелькнуло под руками, когда я рылась в поисках заветного пакета.

Монстр присел на корточки, я осторожно взгромоздилась ему на спину, пытаясь не порезаться при этом о страшные выступы. С великим трудом, но это мне удалось, и уже в следующее мгновение он размашисто шагнул, со скоростью рейсового автобуса унося меня в неизвестность.

Через несколько нескончаемо долгих часов я не решилась бы утверждать, сколько раз Фуссо съезжал по каменистым осыпям и перелезал

через огромные валуны, пробирался по еле заметным звериным тропкам сквозь колючие заросли, перепрыгивал расщелины и преодолевал мелкие, но бурные речушки, при необходимости пускаясь вплавь. Сказать, что ехать на нем было неудобно, значит не сказать ничего. Как ни пыталась устроиться получше, сидеть на шишковатом панцире было жестко даже через сложенный в несколько раз мех, и кроме того пришлось подобрать под себя ноги, чтоб не задевать ими за камни и кусты и не вымочить в речках.

Наверное, уже раз сто я слетела бы с неудобного сиденья вместе с одеялом, если б монстр не придерживал меня одной клешней, второй успевая грести, цепляться за обрывистые склоны и отводить особо колючие ветки. Но даже несмотря на такую опеку, к тому времени, как луны ушли с небосклона, а далеко впереди чернота ночи начала таять в розовой дымке, мои силы истощились окончательно. К этому моменту я уже напрочь отсидела ноги и абсолютно их не чувствовала, но старалась не вспоминать, какая расплата последует за этим. И лишь когда в очередной раз порезала ладонь, инстинктивно схватившись за острый шип, едва монстр начал карабкаться по крутому склону, отчетливо поняла, все, конец. Мой запас прочности иссяк.

– Фуссо, – взмолилась я, и, совершенно забыв про его феноменальные способности, постучала для надежности по панцирю, – давай хоть немного отдохнем, а? А то я ног уже не чувствую.

Но монстр только коротко шикнул, и крепче прижал меня к панцирю. Наверное, думает, я настолько сумасшедшая, что отважусь прыгать на ходу. Разумеется, не решусь... да и не смогу, с онемевшими ногами-то. И от обиды и жалости к себе я беззвучно заплакала, в который раз за эту ночь изменив своим принципам и глубоко презирая себя за это.

Фуссо помчался еще быстрее, прохладный предутренний ветерок так и ринулся мне в лицо, холодя мокрые щеки и сгоняя с них слезы.

А минут через десять монстр вдруг резко остановился возле холма, темнеющего на фоне предрассветного неба, и постучал клешней по сухому дереву, торчащему на склоне. Странно так постучал... словно сигнал подал.

– Заходи, – глухо сообщило дерево, и я вмиг забыла про все свои беды. Это как... понимать?

Фуссо торопливо обошел холм, и я удивилась еще больше. С другой стороны, там, где крутой склон огибала мелкая речушка, в холме зияла дыра, и из нее едва ощутимо пахло жильем. Хотя никакой дыры еще минуту назад не было, проходили мы мимо. Монстр положил мне вторую клешню на голову, прижимая пониже, присел и на полусогнутых втиснулся

в лаз. Чтобы через несколько секунд вывалиться в довольно просторное помещение, бревнами стен напомнившее мне старинную избу. Монстр рванулся вперед с такой быстротой, что заметить я успела лишь выскобленные доски стола, освещенные стоящей на нем лампадкой.

– А это кого ты мне притащил? – ахнул женский голос, когда Фуссо почти лег на пол возле широкой скамейки, застланной каким-то тряпьем.

Монстр в ответ сердито зашипел, и ловко скинул меня вместе с одеялом со своей спины. Я только охнуть успела, ударившись десятком больных мест сразу, а он уже стоял у противоположной стены и что-то совал в пасть, выуживая из бесцеремонно распахнутого ларя.

– Ох, ты горюшко, да она же вся в синяках! – ловкие руки хозяйки уже укладывали меня поудобнее, одновременно стягивая куртку, – кто её так, Фус?

Мой похититель снова сердито пшикнул, не переставая бросать в ненасытную пасть какие-то куски.

– Так, понятно... – протянула хозяйка, попытавшись разогнуть мою ногу, отчего я взвыла и от боли вцепилась руками в лавку, – Фус, ну-ка пошли, помощь мне нужна.

С этими словами она открыла простую дощатую дверь в противоположной входу стене, и монстр послушно направился за ней.

Значит, он контактит с другими людьми... сделала моя усталая, гудящая голова очевидный вывод, и, судя по дружескому приему, зла им не делает. Хотя и нет у меня привычки верить незнакомым людям, к этой женщине сразу возникло неизвестно на чем основанное доверие... словно она мне давно знакома, только долго не встречалась.

Вернулась она одна, наверное, выдала Фуссо какую-то работу, мелькнула в голове вялая мысль, не до него мне, когда ноги колет тысяча острых игл. Поставила на стол разномастные горшочки и туесочки и взялась за меня всерьез. Сначала залила горячей водой пучок душистых трав, потом стянула джинсы и свитер и принялась втирать в кожу всевозможные мази и настойки. Я изо всех сил старалась не стонать от боли во время этой процедуры, лишь иногда сдавленно мычала сквозь сцепленные зубы под сильными, уверенными руками. А она, едва закончив это издевательство, замотала меня покрывалом, слила настоявшийся чай в глиняную кружку и заставила выпить.

По-видимому, меня так сильно вымотала поездка на Фуссо, а может, действительно было в том ностальгическое что-то успокаивающее... или даже снотворное, но глаза через несколько минут начали просто слипаться. Только я на нее за это и не подумала обижаться... глупо сердиться на тех,

от кого пока не видел ничего, кроме добра.

Разбудил меня запах. Печеного теста, мяса и еще чего-то вкусного. Почти такой же, какой бывал в теткинском доме, когда она стряпала обед. Пустой желудок заставил немедленно открыть глаза, хотя обычно я любила еще несколько минут после пробуждения полежать, размышляя ни о чем.

Почти сразу в поле зрения попала хозяйка, что-то готовившая на маленькой железной печурке, поставленной на грубо отесанный серый камень.

– Доброе утро... – не зная, как сообщить, что уже не сплю, пробормотала я, разглядывая ее во все глаза.

Вполне обыкновенная на вид женщина, и одета обыкновенно... для бабушки из глухой деревни. Длинная юбка, темная кофта... голова чем-то обвязана, платком или шарфом... сходу не понять.

– День уже, – на миг обернувшись от плиты, сообщила она, и указала пальцем на неприметную дверцу – одежда возле тебя, бери, да иди вон в ту каморку, там вода и все остальное.

Одеждой были такая же, как на ней юбка и кофточка в мелкий цветочек.

– А где мои вещи? – еще надеясь услышать что-то вроде постираны... или сохнут... но уже замирая от нехорошего предчувствия, хрипло спрашиваю, вглядываясь в напрягшуюся спину.

– Ну, ты же не дурочка... – уклончиво буркнула она, – сама понимаешь... иди умойся, потом поговорим.

Откинув покрывало, обнаруживаю, что на мне надета какая-то старушечья ночнушка и начинаю паниковать уже всерьез. И только вежливость и благодарность за ночное лечение удерживают меня от немедленного разбирательства.

– И если ты не знаешь... – летит мне вдогонку, – юбку надевают сверху на рубашу.

Откуда мне знать такие вещи? Зло бурчу, натягивая жуткий наряд, если никогда это не носила? Да я и вообще юбки не ношу, особенно после того, как оказалась в интернате. В них ни по пожарной лестнице не влезть, ни через заборчик перепрыгнуть. Не говоря уже о драках... без которых абсолютно невозможно отстоять свое право на нормальное отношение.

Ну и на что я теперь похожа? На пугало, в лучшем случае. Потихоньку ворчу, пытаюсь разглядеть свое отражение в бадейке с водой. Нет, ни фи́га не видно, как она живет тут без зеркала? Не говоря уже про все остальное... но про это лучше и не вспоминать.

– Эй, девонька, поторопись, обед на столе, – раздался за дверью голос

хозяйки, и я, вздохнув напоследок, решительно шагнула в комнату.

Фуссо уже стоял у стола, и бросал в свою пасть румяные хлебцы из самой большой миски. Интересно, и сколько же еды ему требуется... чтобы так бегать, впервые возник в моей голове вопрос, и снова вспомнились ехидные... теперь я в этом уже не сомневалась, слова Роула про кусок мяса.

– Садись сюда, – быстро окинув меня придирчивым взглядом, – указала хозяйка на стул, – и бери вот эту миску... тебе нужно сначала бульону похлебать, после вчерашнего-то.

Бульон, так бульон, я бы сейчас даже на ненавистную перловку согласилась, так сводит от голода пустой желудок.

Пока я ела бульон с крошенными в него кусочками сухаря, Фуссо покончил со своими хлебцами, и, отойдя к выходу, замер там, словно на страже. Хотя, вполне возможно... так оно и есть, ведь пока не выяснилось, зачем я ему понадобилась. Не похож он все-таки на благородного спасателя, судя по услышанным разговорам, не одна я такая в этом дворце была. И далеко не первая. Постараюсь потихоньку разузнать... может, и ничего страшного. Во всяком случае, здесь я себя намного увереннее чувствую, чем в тех хоромах.

– Поела? – дождавшись, пока ложка стукнет о пустое дно, без обиняков приступила к разговору хозяйка, – теперь пора поговорить. Фус тебя спас, ну это ты и сама поди догадалась, не маленькая уже. Но само собой, не за просто так. Нужна ему твоя помощь, ты ведьма сильная... хоть и не обученная, иначе не сдалась бы так легко...

– Извините... – невежливо перебила я ее на полуслове, – вас ввели в заблуждение. Никакая я не ведьма, да и вообще никогда не встречала ни одной ведьмы. Кроме... одного случая... да и тот явно был ошибкой.

– Какой такой случай, выкладывай, – решительно скомандовала она и мне ничего не осталось, как путано объяснить про ту, давнюю встречу.

– Так и сказала, не потеряется? – не в шутку заинтересовалась хозяйка, – а ну-ка подумай, где сейчас эта грамота?

А действительно, где? Наверное, сгорела в той же печурке, где и остальные мои вещички, горестно хмыкнула я, отодвигая пустую миску. И изумленно замерла, а потом недоверчиво подняла на хозяйку глаза, она, что, все заранее знала?

– Ну-ка, дай мне, – потянулась через стол мозолистая рука, и я равнодушно вложила в чужую ладонь зеленоватый прямоугольничек, после потери по-настоящему ценных для меня вещей, утрата этого уже не имеет никакого значения.

– Сильная вещь... – уважительно протянула собеседница, подержав в

сжатым кулаке визитку.

И вдруг, размахнувшись, бросила ее насторожившемуся монстру.

– Съешь.

Фуссо послушно перехватил картонку в воздухе и сунул в бездонную пасть.

– А ему плохо не будет? – чисто из вредности фыркнула я, уж больно свободно все в этом мире распоряжаются моими личными вещами.

– Фус – горный краб, – сразу построжав, сухо отозвалась хозяйка, – им ничего не вредно, едят всё, что растёт, бегает и плавает. А ты не отвлекайся, ищи свою грамоту.

Как это, ищи? Если монстр на моих глазах ее сжевал? Растерялась я, и вопросительно уставилась на хозяйку, желая убедиться, что она сейчас пошутила. Однако лицо женщины не просто серьезно, она еще и сердиться начинает.

– Сказала же ведьма, что потерять это невозможно! – нетерпеливо объясняет мне, – вот курица недоверчивая!

А кстати, давно хотела узнать, как вышло, что я понимаю местный язык. И потому сейчас, не мешкая, задаю этот вопрос хозяйке, заодно решив прояснить, как мне к ней обращаться.

– Меня называй Малиной, или просто тетушка Лин. А про язык... неужто сама не догадалась? Потому и понимаешь, что ведьма. По этому вас и определяют, пришельцев из другого мира. Есть дар, или нету. Твои способности в опасных ситуациях ищут для тебя пути спасения... и ловят энергию других магов. В этот момент и происходит слияние понятий... не знаю, как подробнее объяснить.

– Нет, неправильно, – немного поразмыслив, выдала я, теребя по привычке ворот, – не было там в тот момент, когда этот Роул меня поймал, никакого мага.

– Как же не было, а тот, черный... – вскипела Лин, и сразу смущенно смолкла, бросив быстрый взгляд в сторону входа.

Но я её уже не слушала, подозрительно нащупывая за шиворотом нечто странное, нечаянно попавшее под пальцы. А вытащив, ошеломленно уставилась на знакомую визитку, свежо поблескивающую золотыми виньетками.

Значит, все правда... взрывались и гасли в мозгу догадки и откровения. И магия существует... если это, конечно, не фокус... приезжал к нам один такой, в интернат, доставал из пустого ящика голубей. А Санька шестиклассник подобрался сзади и сдернул плащ... они под плащом и сидели, в специальных карманах.

Но уж больно серьезно смотрит Малина... и Фуссо весь подобрался... как для прыжка. Я, конечно... могла бы поверить... что могут быть здесь ведьмы или маги, но вот что именно я такая... хоть убейте, согласится не могу.

– Так как ты решила? – не выдерживает Лин, – поможешь или нет?

– Да помочь я, в принципе, не против, сама понимаю, краб этот меня спас... а долг возвращать нужно. Но вот в то, что я ведьма, поверить никак не могу. Если есть какой-нибудь способ... это проверить... чтобы вас не обнадеживать зря, то я согласна, – как можно убедительнее объясняю испытующе глядящей на меня Малине.

– Хорошо, – облегченно выдохнула она, – мы на это очень надеялись. Фус объяснил... не удивляйся, я его понимаю, что ты девушка находчивая и смелая, но риск, что откажешься, всё-таки был. Силком мы тебя, сама понимаешь, на такое дело бы не сподвигли.

Вот и попалась, ты Катька, как последняя лохушка попалась, расстроилась я. Нет бы, сначала расспросить осторожненько... куда там! Поторопилась вылезти вперед со своим благородным предложением. Хотя, как пятой точкой чувствовала... ничего простого или безопасного тебе не предложат, это они бы и сами смогли, с такими-то способностями! Один Фуссо чего стоит... да и Малина явно не проста. Простые в холмах, как хоббиты, не живут.

Зазвенела покотившаяся по полу миска, отвлекая меня от мрачных мыслей. Оглянувшись в сторону звука, понимаю, снова я что-то прозевала. Малина спешно засовывает в плетеную из прутьев корзину странной конфигурации какие-то мешочки и узелочки, Фуссо ловко вырезает клешней из доски непонятные штуки. Затем Лин мимоходом сунула мне в руки меховое одеяло и отправила на выход, и только тут я опомнилась.

– Что, босиком? – спросила кротно, печально поглаживая прижатый к животу меховой сверток.

– Как я забыла! – совсем как моя тетка, хлопнула себя по лбу Лин, вмиг отбив мне этим жестом всякую охоту повыступать, – Фус, принеси из комнаты... на сундучке...

Она не успела договорить, а за монстром уже дверь как от ветра качается. В следующий момент он, как лихач таксист, лихо тормозит возле моих ног. Мне даже визг тормозов и скрежет резины по асфальту почудились.

Но всю ностальгию момента разом испортил внешний вид того, что я должна теперь носить вместо своих кроссовок. Да я даже не знаю... как это надевать... не успел сорваться с губ крик протеста, а Малина уже присела и

протягивает мне нечто похожее на сшитые из тряпья стеганные носки. Сверху на них полагалось нацепить что-то похожее на корзиночки из гибких прутьев. Конечно, без Лин я бы нипочем не справилась. Я их вообще пыталась натянуть задом наперед, как позже оказалось. Но вот корзиночки на моих ногах, крепко зашнурованы веревочками и меня, наконец, выпроводили из дома. Следом краб выволок плетеное недоразумение, и, поставив на отмель, нетерпеливо защелкал клешнями в ожидании хозяйки.

Лин появилась минуты через две, неся в руках еще пару узелков, виновато глянула на краба и быстро сунула их в корзину. Потом повернулась к холму, протянула перед собой руки и зашептала что-то непонятное. Хотелось мне узнать, что это она делает, да Фуссо так шиканул... пришлось промолчать.

Да и ответа долго ждать не пришлось, раздался подземный гул и часть холма, где был вход, просела, словно вдавленная внутрь ногой великана.

Я так и ахнула, а Лин, отвернувшись от родного порога, которого больше не существовало, словно невзначай мазнула рукавом по щеке и засуетилась, привязывая крабу на спину две длинные палки. Они крепились веревками к воткнутым между шипами распоркам, которые и вытаскивал недавно Фус, а сверху мы с Лин, поднатужившись, поставили непонятную корзину. То есть, до этого момента было неясно, а вот теперь, наоборот, я сразу сообразила, что это сиденье, типа мотоциклетного, только со спинкой сзади. Вот туда меня и посадили, после того, как Лин корзину накрепко к палкам привязала и одеяло постелила. Сама хозяйка села впереди и Фуссо сразу рванул вперед. Или назад, нет у меня пока в этом мире никаких ориентиров.

Это путешествие ни в какое сравнение не шло с тем, ночным. Хоть и загораживала мне спина Малины весь обзор вперед, зато по сторонам можно было глядеть сколько угодно. Я оживленно вертела головой до тех пор, пока Лин не выдержала, обернулась и виновато сообщила, сидит впереди меня только потому, что Фус в эту сторону никогда не заходил и дорогу ему показывает она, Малина.

Да нет, я не в претензии... начинаю распинаться в ответ, ночью вообще привязанная к доскам как сельтесон ехала, да еще и считала, что несут на алтарь к Роулу.

Вот тут Лин вообще расстроилась, и, немного пострадав, призналась, план похищения ведьмы они с Фусом придумывали вместе. А вот как привезти меня к воде и не изрезать при этом шипами краба, это именно её идея. Фус плотик заранее изготовил, а когда меня усыпили, перекатил на

него и привязал покрепче, по совету Малины. Чтоб не потерять по дороге. А поскольку привязывать людей ему раньше не доводилось, сил не рассчитал, вот и затянул веревки слишком туго.

– Лин, – не выдержала я, – а почему мы заранее не убежали... пока я еще не ела те булки.

– Нельзя было раньше, – с жалостью смотрит она через плечо, – времени бы не хватило. Они специально обед дают попозже, чтоб пленник проголодался и не смог отказаться. Фус и так съел за тебя большую часть, а то бы ты до сих пор спала. Магу непокорные ведьмы без надобности.

Тут сердито зашипел Фус, и она все внимание переключила на дорогу, местность пошла довольно однообразная, лесистые холмы, похожие друг на друга как близнецы. Как тут можно ориентироваться, я даже не представляла, да и смотреть по сторонам понемногу надоело. Потому прижалась к теплой спине Лин и задумалась над своей судьбой.

Выходит, мне очень повезло... иначе сейчас не сидела бы на привязанной к монстру корзине... а лежала бревном в том прекрасном дворце, от одного воспоминания о котором жгучим холодом стягивает все внутренности. А это значит, нужно попытаться сделать всё возможное... чтобы остаться нужной этим аборигенам... так как вернуться домой, если я правильно понимаю, в ближайшее время мне не светит. И хорошо бы, если только в ближайшее.

Момент, когда мы прибыли на место, я, разумеется, благополучно продремала. А когда Фуссо замер у какого-то куста, вначале решила, что это очередная остановка по требованию пассажиров. Лин уже останавливала пару раз краба, чтобы мы могли размять ноги и погулять за кустами, выговорив недовольно шипевшему Фуссо, когда это произошло в первый раз, что человеческий организм отличается от лошадиного некоторой щепетильностью в таких вопросах. Показалось мне... или, в самом деле, монстр немного стусевался... неважно, зато потом беспрекословно останавливался каждый раз, как Лин просила, и старался распластаться по земле как можно сильнее, чтобы нам было удобнее слезать с корзины.

– Ну, наконец-то, – с облегчением произнес незнакомый голос, и я удивленно обнаружила, что кусты, оказывается, растут тут не сами по себе, а посажены под окнами небольшой хатки.

День третий, решающий

– Кэт, пора вставать, – голос Лин звучит так же угрожающе, как призыв родной тетки.

А с чего бы ему звучать иначе, если она подходит ко мне уже в пятый... если не в шестой раз. И судя по тону, последний... хотя знал бы кто, как я не выпалась! Но здесь особо не покапризничаешь, к тому же не вовремя проснувшееся логическое мышление, объединившись с бдительным чувством самосохранения, упорно твердят, что к сегодняшней вылазке нужно подготовиться более тщательно, чем к первой, которую мы предприняли нынешней ночью.

– Ну, ничего... будем считать, что это была проверка... наших сил, – устало рухнув на постель из охапки веток и одеяла, буркнула Лин, когда мы вернулись поздно ночью с вершины лысой горы.

Хотя на самом деле все очень надеялись, что удастся повернуть операцию за один вечер. Не удалось. Хотя мы и старались.

А особенно я, когда поняла, что мне предстоит сделать. Причем практически одной, и не имея почти никакого представления о собственных способностях, которые у меня, не знаю, к горю или к радости, но все-таки нашлись. Это все ведьмы, собравшиеся на совет в тесной избушке бабушки Омелы, подтвердили. И даже мне доказали, причем очень наглядно.

– Представь, что враги собираются в тебя бросать камни... и ты знаешь, что будет очень больно, – сказала Береза, старая ведьма с добрым лицом сказочницы, – но у тебя есть ведьминские способности, чтобы защититься. И много разных способов, как это сделать. Можно поставить защитную стену, стать невидимой, оказаться за пределами опасного места или направить камни в обидчиков. Что ты выберешь?

– Камни назад, – ни секунды не колебалась я.

Да и какие могут быть варианты? Защитная стена явление временное, долго за ней не просидишь. Невидимой стать, конечно, очень заманчиво, вот только слишком внимательно читала я книжку про человека-невидимку. И про следы, которые никуда не спрячешь, да про вещи, подозрительнодвигающиеся ни с того ни с сего, запомнила очень хорошо. Неплохо так же очутиться подальше... но и это не выход, если те, кто бросает камни, не оставят своих намерений. Значит, все-таки лучший способ, отдубасить их хорошенько, чтобы и думать забыли, как нападать на бедную ведьму.

Подумала так и вдруг поняла, что уже поверила в свои способности, только из упрямства не хочу в этом признаваться. Однако ведьмы все же устроили показательное выступление, вывели меня во двор и поставили напротив ту из них, что будет швырять камни.

– А если я по правде в нее попаду? – осторожно интересуюсь, прикидывая расстояние.

– Не попадешь, у нее защита неплохая, да и мы будем ей помогать, – успокоила Лин.

Ага, вот вы как, все на новенькую, вмиг распознав знакомую ситуацию, ошетибилась я и приготовилась к бою.

Первый камень полетел в меня как-то неуверенно, да и бросала ведьма по-женски, неудобно откидывая руку с зажатым булыжником куда-то за плечо.

От такого броска я просто уклонилась, насмешливо ухмыльнувшись атакующей. Если она и дальше будет так бросать, то мне никакая магия не понадобится, чтобы остаться невредимой. Однако уже второй камень, брошенный так же неуклюже, вопреки всем законам физики уверенно полетел прямо в меня. Я резво отпрыгнула в сторону, он заметно дернулся, словно пытаясь изменить траекторию, но не успел и успешно пролетел мимо. Следующий камень летел чуть медленнее, словно был не булыжником, а пляжным мячом, и при моей попытке отпрыгнуть, уверенно свернул следом. Разумеется, я от него ушла, но для этого мне пришлось сделать кувырок вперед. Круто поворачивать назад пока не умеют ни камни, ни мячи, и победа и в этот раз осталась за мной. С превосходством подмигнув ведьмам, я встала в стойку футбольного вратаря и приготовилась сражаться до конца, но вмешалась неугомонная Береза.

– Так мы будем до темноты тут играть, – безапелляционно объявила она, – а у нас еще дел непочатый сундук. Привяжите её.

Что? Не успела возмутиться я, как непонятно откуда взявшиеся веревки змеями обвились вокруг тела, крепко привязывая к мгновенно выросшему за спиной деревцу. Но ведь это нечестно, подло, гнусно... хотелось крикнуть мне, вот только камень, направленный рассерженной противницей прямо в лицо, ждать бы не стал. Напрягшись изо всех сил, пытаюсь сдвинуться хоть на несколько сантиметров в сторону... бесполезно. И тогда я зажмурила глаза и то ли от злости, то ли от обиды, от всей души пожелала, чтоб он вернулся к той, что его бросила. И даже представила в подробностях, как это будет... вот только в последний момент изменила направление и вместо лица направила булыжник в ногу.

Громкий вскрик заставил меня распахнуть глаза и почти синхронно

рот. Ведьма, швырявшая камни, сидела на траве, со стоном растирая коленку, а ее подружки столпились вокруг, бормоча исцеляющие заклинания и торопливо доставая из привязанных к поясам мешочков баночки со снадобьями.

Но ведь это неправильно, так не должно было быть, чувствуя одновременно раскаяние и изумление, бормотала я, раз и навсегда поверив, что её травма – моих рук дело. Потому что точно помнила, в какую именно ногу направила проклятый булыжник. И вообще, а где же была их хваленая защита, ведь собирались всей кучей помогать, проснулась возмущенная справедливость.

– Сильна! – подойдя ко мне, вынесла вердикт бабушка Омела, и провела руками по веревкам.

– Я не хотела... – бурчу тихонько, обнаружив, что связывающие меня путы исчезли.

– Хотела, – не поверила она, – если бы не хотела, камень бы не вернулся. Хорошо, хоть не в голову, этот ушиб мы быстро залечим. Идем в дом, обговорим, как тебе нужно себя вести.

К этому времени мне уже объяснили, почему именно я должна поймать дикую ведьму. И не какую попало, а строго определенную. Хорошо хоть искать её не придется, ведьмы покажут.

Моя голова гудела от кучи наставлений и советов, а пальцы, намертво вцепившиеся в кофту Березы, сводило от ужаса, когда к восходу луны мы добрались до вершины Лысой горы. Я и несколько десятков ведьм со всех концов этого мира. Аборигенки оставили в заранее облюбованных местах различные летательные аппараты, от громоздких ступ и долбленых корыт до толстых, украшенных природной резьбой коряг и примитивных метел. Затем все вместе направились к центру просторной площадки, которая венчала совершенно неприступную гору. Сначала разложили в сторонке привезенное с собой угощение, потом занялись костром. Бросили в кучку по горсти заранее припасенных засушенных трав и подожгли душистый, голубоватый магический огонь. Непонятно откуда появились венки и гирлянды из свежих полевых цветов, корявенькая кикимора дунула в резную дудочку и веселье началось. Не знаю, всегда ли тут бывает так, но в эту ночь мне все очень понравилось. Никто не качал права, никто никого не гнобил, и никому ничего не доказывал. Наоборот, все были дружелюбны и приветливы, хотя каждая из ведьм делала лишь то, что нравится ей, и танцевала только так, как хотела.

Я тоже танцевала и веселилась, и хотя стала ведьмой лишь несколько часов назад, и одета была не так, как положено порядочной ведьме, никто

этого словно не замечал, сразу и бесповоротно признав меня равноправным членом ведьмовского ковена.

А когда на небо торопливо выкатилась вторая луна, по имени Афель, и на ее голубом фоне мелькнуло несколько быстрых теней, по толпе ведьм эхом прокатился шепоток, летят.

Кикимора заиграла что-то грустное, танец из веселого и зажигательного стал медленным и печальным, а взгляды танцующих невольно обратились в ту сторону, где опустилась на скалу стайка диких ведьм. Каждой хотелось поподробнее разглядеть, кем она станет, если не хватит сил или терпения оставаться человеком.

Я тоже уставилась на них во все глаза, силясь понять, как себя чувствуют ведьмы, навсегда обратившиеся то ли в полупризраков, то ли в полуфей. Тем более что далеко не всегда они становились такими по собственному желанию, в большинстве случаев превращались в диких, не выдержав издевательств или даже пыток. Но даже эта страшная трансформация удавалась далеко не всем, только самые сильные и способные ведьмы могли в критической ситуации изменить свое тело так, чтобы ему больше не могли повредить ни жуткие инструменты палачей, ни жар очистительных костров. Разумеется, очистительными их считали инквизиторы и толпы зевак на городских площадях.

Ведьм в этом мире, несмотря на то, что они никому не делали зла, обычные люди не любили. Но если в некоторых странах еще кое-как терпели, то в других безжалостно уничтожали. И почти везде пытались нажиться на их необыкновенных способностях. Особенно старались маги всех мастей, хотя и сами были по сути дела ведьмаками. Но сумели как-то убедить и правителей и простой народ, что все зло только от одаренных женщин, мужчины же умеют держать свои способности под контролем. Помогли в этом черном деле и распускаемые завистливыми аборигенками, которых боги волшебным даром не наделили, слухи о присущенных мужьях, испорченных продуктах и украденных детях. Хотя мужья и сами так и норовили заглянуть под любую юбку, особенно не вникая, на ведьму она надета или на соседку, продукты гнили без должного присмотра, а детей сманивали русалки или бродячие комедианты.

– Иди... – подтолкнула меня в спину Береза, – вон та, в голубом платье.

– Кэт... – притворно ласковый тон Лин лучше любого объяснения говорит о том, что она дошла до последней точки, а значит нельзя больше медлить ни секунды.

– Встаю... – открыв глаза и садясь на постели, чтобы убедить в своих

намерениях ведьму, уверенно сообщила я.

И почти сразу зажмурилась, такие яркие солнечные стрелы прорывались сквозь редкий настил наспех сооруженного шалаша.

– Ух, какое солнце... – обиженно бормочу, вытирая кулаками выступившие слезы.

– А ты как думала, обед скоро! И не смотри сразу вверх, пока глаза не привыкнут, землю разглядывай, – наставляет Лин, бросая мне на колени кучу тряпок. – Давай, одевайся и выходи, а то Фуссо скоро твою долю доест.

– А он-то откуда тут взялся? – от изумленья снова распахнула я глаза.

Вчера под вечер, когда мы вылетали из Косогоров, небольшой деревушки ведьм, запрятанной среди поросших рощами холмов, краб оставался там. Ни одно летучее ведьминское приспособление не смогло его поднять.

– Прибежал, – как-то грустно фыркнула Лин, – когда без груза, он еще быстрее бегаёт. Так ты встаешь или нет?

– Конечно, встаю, – бурчу, натягивая на себя юбку.

Причем значительно шустрее, чем собиралась еще пару секунд назад. Видела я, как он лопает, с таким аппетитом мне точно ничего не останется, а запасы, взятые с собой ведьмами, не очень-то велики. В ступах много не увезешь, а ведь еще пришлось прихватить целую кучу домашней утвари, начиная с посуды и кончая одеялами. Здесь, в горах, ночи прохладные. Хотя... всего на два дня продуктов должно бы хватить, вернее, уже на один.

Лишь четыре раза в год могут добраться ведьмы этого мира до вершины Лысой горы... и каждый раз отпущено им на веселье и танцы всего три ночи. Прошедшая была второй, самой насыщенной природной энергией, когда удаются ведьмам и магам самые невероятные затеи и мощные заклинания. Потому-то и собирался черный маг отдать меня Роулу именно в эту ночь... рассказали мне ведьмы, зачем. Должна была я родить от него ребенка... но вовсе не наследника так жаждал красавчик, они ему пока вовсе без надобности, править он собирается еще не одну сотню лет. Нет, всё значительно проще и гнуснее. Не имеющий от рождения никаких магических способностей принц нашел изуверский способ, как возместить себе недоданное богами. Очень подлый и жестокий, но разве тех, кто считает себя выше других, это когда-нибудь волновало?! Или останавливало?!

С помощью найденного специально для этой цели мага, из тех, что не гнушаются никакими методами и потому называют себя черными, Роул выкачивал в специальные накопители магическую энергию из отловленных

ведьм и необученных юных магов. Узнав эти подробности, я, конечно, возмутилась, но наивно полагая, что всё не так уж страшно и энергия вскоре восстановится, заявила об этом во всеуслышание.

Ведьмы, услышав мое высказывание, застыли с потрясенно раскрытыми ртами, и только бабушка Омела, тяжело вздохнув, укоризненно покачала головой.

– Да откуда ж ты такое взяла, девонька? Вообрази, себе... нет, не сердце, без него человек сразу погибнет, а допустим, почку. Представь, что из нее в один миг выкачали всю кровь, всю жизнь... насухо. Как ты думаешь, когда она восстановится? Верно, никогда. Некоторые маги так поступали и до него, особенно те, кому своей силы не хватало. Держали взаперти ведьм и понемногу отбирали магию, оставляя чуток на восстановление. Но те, кого слил пособник Роула, остаются пустыми навек. Только не вся сила попадает в его амулеты, у некоторых ведьм она так мощна, что рвет ловушки мага и уходит, – старая ведьма снова вздохнула и как-то виновато объяснила, – А родись у тебя дитячко... оно бы связало вас кровью. А, кроме того, у Роула в родне много магов... ребенок должен был родиться одаренным. Значит... сила его послушно слилась бы в амулеты Роула... их тоже делают на крови. Но сначала слили бы тебя... через дитя, как по желобку... По нашим подсчетам... немного осталось ему копить... чтобы хватило на ритуал пробуждения. Черные маги неразвитые способности могут пробудить почти у любого... бывали такие случаи.

Эту лекцию я выслушала, сцепив зубы и сощулив глаза. До этого момента мне еще не приходило в голову, что у меня когда-нибудь будет ребенок... ну, по крайней мере, так скоро. Но то, что его, еще не родившегося, крошечного и беззащитного уже планировали ограбить, я просекла враз. И озверела просто до жути, а в комнате почему-то вмиг стало жарко.

– Кэт прекрати... – бросилась ко мне Лин, в то время как остальные ведьмы что-то дружно забормотали, – чего сейчас-то злиться... всё ведь обошлось...

Но я сама уже почуяла, как шевельнулось внутри что-то мощное и даже страшное... и сильно испугалась. А в домике уже веяло прохладой, ведьмы споро подавали на стол нехитрое угощение, и ни одной темы, связанной с моим недолгим пленом, в разговоре больше никто не поминал.

Однако Береза, уже перед вылетом на Лысую гору, когда сажала меня рядом с собой на сухую, отполированную многолетним употреблением колоду, настрого предупредила, чтоб я не смела пробовать свои силы, когда мы будем в воздухе.

– Учить тебя времени нет, да и для дела так лучше... – объяснила туманно, – но если что... не обижайся... сразу скину, предупреждая заранее.

Фуссо стоял рядом с перевернутым корытом, приспособленным вместо скамьи и доедал какую-то кашу прямо из котла, ловко зачерпывая клешней. Ничего себе... а моя доля... начинаю открывать рот, чтобы повозмущаться и тут же захопываю снова. Разглядев на плоском камне, накрытом скатеркой, полную миску каши и кружку с молоком.

– Это все мне? – спросила у кучки ведьм, разбирающих рядом целый сноп трав, и, получив утвердительный ответ, все-таки возмутилась – но я столько не съем!

– Наедайся досыта, ужинать будем на горе, – подняла от трав голову Береза, – с набитым пузом плясать тяжело.

– А это обязательно... плясать? – уже поднеся ко рту полную ложку, зависла я.

– Очень сильным не обязательно... так таких ведьм по пальцам счесть можно. А нам без этого трудно будет... оборону держать. На этой горе в дивные ночи энергия ключом бьет, а когда танцуешь... душа сильнее открывается... прям чувствуешь, как всю тебя силой напитывает, словно на много лет разом моложе становишься.

– Так ты и так не старая... – великодушно покривила я душой.

– Всего триста семьдесят... – равнодушно пожала она плечами, но разглядев мою ошалелую физиономию, лукаво хихикнула, – ты, что, не знала... что ведьмы живут много дольше людей?

– Вот потому-то так рвется Роул пробудить магию, – не поддерживая ее шутливый тон, вздохнула Лин, – и если ему это удастся... придется нам всем удирать на запад. В земли демонов.

– Кого?! – я снова уронила ложку.

Какие такие демоны?

Вчера, когда Лин привезла меня в Косогоры, и ведьмы дружно принялись лечить покрывавшие мое тело синяки и изрезанные ладони, бабушка Омела, чтобы не тратить время зря, кратко рассказала про этот мир. Упомянула и различные расы, населяющие его. Оказалось, кого тут только нет! Кроме людей, разумеется. И эльфы, всех видов от темных до светлых, вампиры, дриады, гномы... вот только, чтобы упоминали демонов, я что-то не помню. И это как-то настораживает, не верится мне, что можно случайно запомнить про таких влиятельных соседей. Значит... специально умолчали... интересно, почему?

– Демонов, – повторила Береза с заметным сожалением. – Есть здесь

такая раса. Живут далеко на западе... и ведьм не обижают... только мы к ним стараемся не попадать.

– Почему?

Я даже про кашу чуть не забыла от любопытства, да заметила Фуссо, тихонько придвинувшегося к камню, заменявшему стол и быстренько подтянула миску поближе. Просто так, на всякий случай. По интернатской привычке.

– Не про то вы разговор завели, – недовольно оборвала ее Лин, – Кэт, доедай-ка завтрак и подсаживайся к нам. Покажу тебе травы... сила силой, а из чего можно целебный отвар сделать, тоже знать нелишне.

Спорить с ведьмой я не стала... давно выучила наизусть правило новичков, больше слушай и меньше болтай, целее будешь. Но заметку насчет демонов себе сделала, потом... когда немного пообживусь, у кого-нибудь обязательно выпрошу. В каждом коллективе найдется любитель первым просветить новичка... нужно только его найти.

Время до вечера пролетело незаметно, рассказы про травы оказались очень занимательными, и запоминались легко, особенно после того, как Береза прошептала над моей головой несколько слов.

– Извини... – в ответ на просьбу научить этому заклинанию, вдруг застеснялась ведьма, – я самоучка, все делаю, как умею... а тебе нужна опытная наставница... тогда станешь сильной ведьмой.

– А причем тут наставница? – заинтересовалась я, но ведьма объяснять отказалась.

Что-то слишком много у них секретов на один квадратный метр, вздыхаю разочарованно, но узелочек в памяти все же завязываю, вот вернемся в Косогоры, они от меня не отвяжутся. А пока потерплю, тем более, что с приближением ночи тревожное нетерпение все быстрее растет в моей душе. Очень не хочется, чтобы повторился вчерашний провал... вдвойне обидный из-за того, что я и слова как следует сказать еще не успела... а дикая ведьма в призрачном голубом платье уже стремглав уносилась в звездную глубину.

– Кэт, пора на речку... – торопит Береза, и мне волей, неволей, приходится подниматься с корыта.

И ведь совершенно невозможно отказаться, купание в реке при свете последних гаснущих отблесков заката у ведьм обязательное действо, давний ритуал, приводящий, по словам Лин в порядок не только тело, но и мысли. Клятвенных заверений, что теплый душ приводит мои мысли в порядок намного надежнее, она даже слушать не захотела.

После купания ведьмы замотали меня в кучу холстин и одеяло и

посадили в сторонке, чтоб не мешала. Сначала со вкусом принарядились и причесались сами, потом подтянулись собирать меня. Как и вчера, я должна изображать мальчика... сына дикой ведьмы... и от моих актерских способностей зависит успех операции.

Как оказалось, трансформация в дикую ведьму одним изменением физических характеристик тела не ограничивается. Омела, конечно, объяснила не так... но поняла я по-своему. Обращение в дикую ведьму изменяет и разум, и память, оставляя всего несколько самых устойчивых эмоций. Все остальное исчезает бесследно... если смотреть со стороны. Объяснить же, как там происходит на самом деле с точки зрения дикой ведьмы, пока не смог никто, обратного превращения не бывает. Известно лишь, что в стаю дикие собираются только четыре раза в году... все остальное время проводят поодиночке. В основном вдали от обитаемых мест. Известен только один случай, когда дикая ведьма жила вместе с людьми, обмолвилась Береза, и я немедленно настояла на подробном рассказе.

С досадой поглядывая на проболтавшуюся подругу, спутницы кратко рассказали мне про юную ведьму, пойманную черным магом накануне свадьбы, и то, сильно подозреваю, сделали это вовсе не ради моего любопытства.

Несколько месяцев чародей пытался сам покорить самозабвенно влюбленную в жениха пленницу, потом позвал на помощь коллегу. До сих пор никто не знает... что и как там происходило, только жители ближних деревень слышали в ту ночь гул как от землетрясения, да видели пылающее над стоящим на неприступной скале замком багровое зарево.

Много позже смельчаки, решившиеся подобраться поближе, с ужасом разглядели закопченные руины недавно неприступных стен, однако подойти вплотную не решился никто. Но самое невероятное в этой истории вовсе не исчезновение двух могучих черных магов, а появление дикой ведьмы. Причем появилась она не в родном доме, а у жениха и, судя по поведению, собиралась жить там постоянно. Все в деревне были в курсе, что у парня уже есть новая невеста, и следили за развитием событий с замирающими сердцами и безудержным любопытством. Только родители, спешно выбравшие сыну работающую односельчанку, когда исчезла ненавистная им ведьмочка, ходили мрачнее тучи. Справедливо подозревая, что ничем хорошим эта история не закончится.

А бывшая невеста тем временем начала заниматься хозяйством на свой, никому не понятный манер. Когда все соседи сажали овощи, в огороде ее возлюбленного только ветерок гулял. Зато через месяц, после

того как внезапные морозы побили всю зелень в округе, грядки, обихоженные при помощи магии, дружно выдали крепкие всходы. Вот только радоваться этим предвестникам богатого урожая было уже некому.

Как, по каким признакам дикая поняла, что любимый ей изменил... никто точно не знал, зато рассказывали все. И про вспыхнувший ночью дом, и про жуткие крики, доносящиеся из него. Бросились, конечно, смельчаки и родня тушить... да не так-то прост был тот огонь. Лишь через пару дней пепелище остыло настолько, что можно стало ходить в подбитых подковками сапогах, не рискуя обжечь ноги. А всего-то и нашла похоронная команда несколько еще теплых лужиц металла, в которых сельский кузнец после долгих раздумий и колебаний всё же признал останки чугунок да сковородок.

Что-то звонко защелкало над плечом, рывком выхватывая меня из раздумий о диких ведьмах. Еще надеясь, что ошибаюсь, ну не могут же они так поступить... ведь должны были вначале спросить... или хотя бы предупредить... осторожно перевожу взгляд на плечо и понимаю, минуту назад сбылись самые страшные сны. Моя гордость... мои волосы, длинные и густые... единственное, что я никогда никому не доверяла... потому что мама часто повторяла, заплетая по утрам мою косу:

– Катюха, бог троим нёс... да по ошибке тебе одной выдал. Береги, не верь никому, что ты без косы будешь лучше, короткие и густые волосы – это стихийное бедствие.

А эти... предательницы... диверсантки... одним движением ножниц вмиг сделали ту гнусность, которая так и не удалась всем моим интернатским врагам.

– Кэт... не злись... – как попугай уже десятый раз монотонно повторяет Малина, и до меня начинает понемногу доходить, почему ведьмы стоят вокруг, выставив перед собой ладони.

– За что? – неужели это я так рычу?

Разве же, не поняла бы... не согласилась, если бы ко мне подошли по-хорошему? Почему обязательно нужно было обращаться как с капризной дурочкой, вначале поставить перед фактом, а потом утешать? Я же добровольно согласилась помочь, ни минуты не спорила... выполняла все указания... бьется в груди жгучая обида.

– Прости, девочка... мы не знали... что ты так к этому отнесешься... это всего на одну ночь. Завтра с утра сама тебе отращу, какой хочешь длины... честное ведьминское... – виновато тараторит Береза, – а это сейчас при тебе сожгу... никому и волосинки не достанется.

Она и вправду собирает обрезанные пряди и сжигает на огромном

валуне, а потом развеивает пахнувший паленой курицей пепел сильным порывом ветра. Не знаю... этот простенький ритуал отвлек меня, или так сработали ведьминские заклятья, но тяжелый ком, перекрывший горло, потихоньку отодвинулся и я смогла со всхлипом вздохнуть.

– Так нужно... мы думали, достаточно одного имени и одежды... а она не поверила... сама же видела. Придется полностью менять тебе внешность... только на одну ночь... как только возьмешь её за руку, мы пособим... перехватим, главное, чтобы она с дикими не улетела, – виновато объясняет Малина, что-то делая с моей прической, но до меня её слова доходят как сквозь туман.

А ведьмы тем временем дружно натянули на меня потертые брюки, сапожки, отстиранную до белизны рубашку, которой я мыла полы и широкий пояс с подвешенными к нему малопонятными вещицами, про которые я могла только предполагать, что вот это ножны, это, по-моему, пенал... вроде как со стрелами... а это кошелек... или кисет... неясно. На перекинутый через плечо ремень повесили небольшой лук. Смотреть в зеркало не разрешили, должна я, по мнению ведьм, ощущать себя естественно, не задумываясь о том, как выгляжу.

Я только хихикнула истерически, это насколько нужно быть равнодушным к собственной внешности, чтобы после принудительной стрижки и переодевания в неизвестного мальчика не задумываться о том, как выглядишь? Да у меня больше ни о чем другом голова даже думать не может, не то, чтобы забыть!

Сегодня мы летим на шабаш с молодой красивой ведьмой, по имени Вишня, в ее удобном и просторном, долбленом из цельного ствола корыте. Я сижу впереди, крепко вцепившись руками в борта, а смелая Вишня стоит сзади как гондольер, и ее длинная юбка развеивается ведьминским флагом.

На горе уже полыхает колдовской костер, и толпа незнакомых ведьм раскладывает в сторонке на чистых скатертях праздничное угощение. Сегодня сюда долетели ведьмы из самых дальних уголков этого мира, тихонько шепчет мне на ухо Малина. И добавляет с гордостью, что некоторые из них добирались не одну неделю. Но, несмотря на пополненную энергию, лететь назад им почти столько же, потому и отводят на танцы всего несколько часов. Рассвет они встретят снова в полете.

Выбираясь из корыта, ловлю пару изумленных взглядов, но уже через несколько минут никто не обращает абсолютно никакого внимания на мою необычную одежду и прическу. А вскоре я и сама забыла... что не похожа на принаряженных в новые юбки ведьм, летящих по кругу с распушенными разномастными гривами. И неслась в танце вместе с ними и

явно ощущала, как все пышнее расцветает в груди горячий, радостный, диковинный цветок.

– Кэт... подлетают!

И как у этой Березы хватает силы воли не забыть в вихре упоительного танца про каких-то диких ведьм, с досадой дернув плечом, фыркнула я. И в тот же миг крепкие руки выхватили меня из хоровода, а он, как в старой песне, что иногда напевает тетка, помчался дальше, не заметив потери.

– Ты же тоже сирота... – настойчиво шепчет Береза, не дождавшись, пока я до дна допью кружку прохладного и кисленького... не пойми чего, – представь... что это твоя мать... оказывается, она жива... но почему-то не хочет тебя узнавать... может нужно просто позвать погромче?

Льется над Лысой горой тоскливая, с больным надрывом, мелодия, неспешно плывут в погрузневшем хороводе разом притихшие ведьмы, пухнет в моей голове мягкий туман, а перед глазами слегка качается желтая Селия...

Все вокруг становится легковесным, несущественным и бессмысленным, и только слова, еще шуршащие в ушах, кажутся мне именно теми, правильными, важными... единственными нужными сейчас.

А на краю площадки безрадостно и отстраненно кружат, не касаясь ногами скалы, дикие ведьмы, и среди них та... в голубом платье. Я упорно бреду к ней, не замечая происходящего вокруг... страстно желая только одного, заглянуть в лицо, увидеть глаза... дотронуться до рук...

Но когда мне остается всего несколько шагов, ведьма внезапно на миг оглядывается, и тут же делает чуть замедленный, размашистый прыжок в сторону и вверх, чтобы сорваться в звездную вышину.

Вот только мне хватило этого краткого мига... чтобы разглядеть, узнать, поверить...

Горестный крик сорвался с моих губ, разрывая болью и отчаяньем сердце, прося, умолая, требуя... вернись!

– Мама!

Она замерла, повисла над землей... медленно, неверяще, обернулась... сделала почти незаметное движение навстречу.

А я уже в безумной надежде преодолела те несколько шагов, что нас разделяли, и попыталась вцепиться в призрачную руку, впиться взглядом в глаза, за которыми сияли далекие звезды.

Ведьмы, подступившие к фее следом за мной, дружно подняли ладони... но ничего не успели.

Сверкнули во мраке устремленных на меня глаз алые искры, презрительно искривились полупрозрачные губы, и дикая ведьма одним

молниеносным взмахом руки легко отшвырнула от себя заговорщиц.

Вместе со мной.

Ничего я не поняла... и не испугалась, даже не вскрикнула, почувствовав сквозь обьявший меня мягкий густой туман, что падаю в бездонную темноту, сметенная с Лысой горы мощным броском.

День четвертый... загадочный

Чувств не было. Никаких. На боли, ни любопытства, ни страха. И даже понятия о том, что они должны у меня быть, не существовало в этой галактике. Да и мысли текли как-то вяло... проплывая мимо, словно последние тающие льдины в весенний разлив. Желание пошевелиться тоже не появлялось, тем более открывать глаза или рот. Чтобы спросить... да нет, ничего мне не хочется спрашивать... да и незачем.

Чьи-то руки бережно приподняли мою голову и начали осторожно вливать в рот терпкий и сладкий напиток, похожий на компот. О, надо же, какие слова я, оказывается, еще помню, вяло шевельнулась мысль, и тоже проплыла мимо. Глотать компот тоже не хотелось, но тот, кто его в меня вливал, видимо был об этом прекрасно осведомлен, так как лил такими маленькими порциями, что никаких глотательных движений мне делать и не приходилось.

Я вяло восхитилась этой предусмотрительностью, но не по движению души, а скорее по привычке, и начала было снова проваливаться в мягкий туман безразличия, как с тоской поняла, это больше не удастся. Наверное, так подействовал компот, понемногу пробуждая во мне жизнь и прежде всего возвращая память и те эмоции, что я испытывала до того, как впала в это отстраненное равнодушие.

И первой вернулась жаркая обида. Как она могла... не узнать свою Катюху, неужели я так изменилась за эти годы?

А потом пришло ужасающее понимание, да как же могла она узнать, если эти местные самопальные стилистки отрезали мой главный отличительный признак, мою косу! Да и вообще сотворили из меня какого-то мальчика!

И вдруг мысли и чувства словно разом прорвали невидимую плотину, и хлынули таким бурным потоком, что от жалости, боли и обиды захлестнуло сердце и вырвался из глубин души горестный стон. А из зажмуренных от боли глаз сами брызнули слезы.

– Тише, тише, – успокаивающе приговаривал незнакомый голос, а чья-то мягкая рука ласково гладила по волосам, – все хорошо, все в порядке.

– Где она? – распахивая ничего не видящие от соленой влаги глаза, перебиваю незнакомку, и пытаюсь сесть.

– Кто? – удерживая меня в горизонтальном положении, недоумевает собеседница.

– Моя мама, – спешно выкручивая кулаками предательские слезы, всхлипываю напоследок.

– Кэт... не было там твоей мамы, – с состраданием смотрят на меня необыкновенные сиреневые глаза.

– Я сама видела... – упрямо не соглашаюсь я, пытаюсь освободиться из крепко прижавших к постели ладоней.

Однако, несмотря на свою кажущуюся хрупкость, они держат с необычайной силой, и мне поневоле приходится пока отложить попытки немедленно вырваться из этого плена.

– Не торопись. Рано тебе вставать. А про то, что ты видела... скажу прямо, что хотела увидеть, то тебе и показалось. Конечно, к тому подтолкнули тебя действия ведьм, – мягко, но уверенно объясняет тем временем незнакомка, – вспомни, наверняка и в твоём мире есть снадобья, выпив которые, человек принимает желаемое за действительность.

Да что ж тут вспоминать! Когда я наизусть могу почти два десятка назвать! Приезжал к нам в интернат один лектор, все досконально объяснил, и названия и как действуют, и даже в ответ на вопросы мальчишек примерные дозы назвал. Наши второгодники, никогда, ни на одном уроке ничего не записывавшие, достали тетрадки и строчили как прилежные зубрилки, стараясь не пропустить ни словечка.

Вот только какое это отношение имеет ко мне и к моей маме?

– Опоили они тебя... не со зла, конечно, уж больно хотелось дикую ведьму поймать. Да и то, понять их можно, никому не хочется бросать обжитые места и уходить в чужие земли. А здесь и раньше ведьмам нелегко жилось, а уж если Роул черным чародеем станет, то и вовсе тяжко будет.

Вот значит как, складывает мой прояснившийся ум простенький пазл ведьминской интриги. Чертовы колдуньи использовали меня втемную, а ведь прикидывались такими душевными, такими родными. Называли сестрой, плясать на лысую гору возили! А сами все это время расспрашивали про мою жизнь и готовили наркоту, прикидывая, какими словами лучше разбудить во мне веру в чудеса. На самые больные точки надавили, в святое с грязными сапогами влезли. Ну и чем они после этого лучше того же Роула? Он хоть самолично меня наркотой не поил и благородными целями не прикрывался.

Ладно, я это как-нибудь переживу, еще и не то пережила, стиснув зубы, завязываю новый узелок на память. Хотя... забыть такое предательство просто невозможно, зато можно дать себе клятву, никогда не прощать подлых манипуляторш.

Конечно, не факт, что они придут когда-нибудь просить прощения, но

все же... иногда случаются и не такие чудеса, я сама видела. Например, когда у одной девочки из нашей группы нашлась мать. Родная, абсолютно здоровая и ни капельки не пьющая. Вот это последнее и было самым большим чудом. Потому что пьющие матери находились довольно часто. И чем взрослее мы становились, тем чаще приходили в интернат дешево одетые тетки с прокуренными зубами и каким-то одинаковым выражением лиц.

– Маска алкоголика, – с презрением фыркнула Марина, когда я поделилась с ней своими наблюдениями, – когда человек много пьет, начинают атрофироваться лицевые мышцы, в первую очередь в верхней части лица, вокруг глаз и возле скул. Вот и создается впечатление, что эти люди похожи. Если хорошо изучить одно лицо такого типа, потом легко находишь в толпе ему подобные, особенно женские. Сколько бы они не намазывали на себя дорогой косметики, и какую бы одежду не носили, следы разгульной жизни посвященному видны издали.

Вот только моим подружкам, которых находили такие матери, рассказывать про эти тонкости было бесполезно. Это уже много позже, когда они возвращались в интернат, сбежав от издержек материнской любви, и Марина колола им глюкозу, залечивала педикулез и иногда и кое-что похуже, с некоторыми можно было и поговорить. Но остальные и после всех издевательств, вынесенных дома, гордо считали себя удачливее чем я, потому что моя мама не придет уже никогда.

Я снова вспомнила то, окутанное дурманящим туманом лицо, и горькая обида вновь полоснула по сердцу тигриными когтями.

– Ну, хватит, взрослая девушка, ведьма... а ревешь, как ребенок, – прикрикнула незнакомка и как ни странно, этот окрик на меня подействовал.

Слезы высохли... на радость моему самолюбию. Я вновь попыталась приподняться, но это мне почему-то не удалось. Спина была как чужая и ног я тоже не чувала, словно отсидела.

– Куда? – тем же тоном буркнула хозяйка, – рано тебе вставать, после такого-то падения. Хорошо еще, быстро тебя мой помощник нашел... до рассвета с такими ранами ты бы не дожила. А теперь полежишь пару дней и начнешь понемногу вставать. Раны и переломы я тебе уже залечила, но лучше немного побережись.

Вот как. Горько хмыкнула я. Значит, правильно вспоминается... что сбросила меня эта дикая со скалы. А что же эти... деревья... с человеческими лицами, искать меня не стали? Значит, не нужна была больше? Как там говорится... мавр сделал свое дело... и можно списать его в расход. И если

бы не эта неизвестная знахарка, валяться тебе, Катька, под Лысой горой изломанной куклой.

– Кто ты? – слегка повернув голову, разглядываю хозяйку, что-то сноровисто нарезающую у стола.

– Сирень, – приветливо улыбнувшись, отвечает она, и я язвительно хмыкаю.

Очередное дерево. Да что для них, человеческих имен, что ли не хватило?

– Тебе не понравилось мое имя? – догадалась Сирень.

– Разве это имя? – осуждающе тяну, разглядывая хозяйку.

Обычная такая тетка, неопределенного возраста. И одета неброско, темная юбка из грубой ткани и пестренькая кофточка, чуть мягче на ощупь, точь такие, какие выдавала мне Береза. Впрочем, они и сами то же самое носили. Наверное, мода тут такая... средневековая.

Маленькая комнатка тоже очень простенькая... и бедная. Постель, на которой я лежу, пахнет сеном, старенькое покрывало похоже на дешевый половик, какие тетка стелила в сенцах. Возле оконца, завешенного светлой тряпицей, стоит простой, некрашенный стол, в углу у входа скамья, и на ней деревянный тазик и рядом бадья с водой. У изголовья постели маленькая скамеечка и на ней аккуратно сложена какая-то одежда... наверное, для меня.

– В обычном понимании, может, и нет. Когда ведьма уходит из родного дома... города, села... и приходит в один из укрытых в проклятых землях поселков, то вместе с прошлым оставляет за порогом и данное родителями имя. Никто и никогда не отыщет тут Миранду, Полету или Анилу. Здесь их нет и никогда не было, – миролюбиво поясняет Сирень, присаживаясь на край постели и подкладывая мне под голову еще одну подушку, – открывай рот, я тебя покормлю.

Слишком аппетитно пахнет её варево, чтобы я капризничала. Да и на вкус оказывается просто замечательным. Наваристый бульон с мелко порезанным мясом и зеленью перемежается маленькими кусочками булки, которую Сирень отщипывает тонкими пальцами.

Я съела почти полную мисочку и по телу начало распространяться уютное тепло, когда в дверь внезапно резко постучали. Хозяйка вихрем метнулась из комнаты, но уже через несколько секунд вернулась назад.

– Выпей – приказала, поднося мне ко рту крошечный стаканчик, и видя, что я заколебалась, решительно вылила его содержимое мне в рот, – глотай быстрее.

Не проглотить было невозможно... не дышать я еще не научилась. Да

и сопротивляться я тоже пока не могла, спина не слушалась, а ведьма была намного сильнее. И, в конце, концов, чем я рискую?! Не станет же она меня травить... раз спасла?

– Вот и умница. Это лекарство, но там еще и снотворное. Не пугайся... если проснешься не здесь... я тебя вытащу, – металась по комнате Сирень, собирая какие-то вещи, – и знай... ведьмы своих не предают... даже если всё указывает именно на это...

Знакомый туман слишком быстро затягивал покачивающуюся как электричка комнату, мешая мне следить за ведьмой, а мгновенно онемевшие губы не желали ничего говорить из того, что мне пока еще хотелось крикнуть ей вслед.

Дни пятый, шестой, и седьмой, почти романтические

– Попробуй вот это... – изящная рука, выглядывающая из темно синего, с искоркой, шелкового рукава рубашки держит перед моим носом чеканное блюдо... то ли из серебра, то ли из какого-то похожего металла, никогда в этом не разбиралась, что я, пацан?

А на блюде нечто воздушное... снежно-белое, украшенное шариками незнакомых орешков, ломтиками неведомых фруктов и завитками из чего-то похожего на шоколад.

– Не хочу... – капризно мотаю головой, и нисколько при этом не лукавлю.

Уже поняла, почти за три дня, ни травить, ни усыплять меня тут пока не собираются. А сложив в уме два и два, пришла к обнадеживающему выводу, в ближайшие месяцы ничего такого мне можно смело не бояться. А за это время что-нибудь, да произойдет... сдохнет либо ишак, либо падишах, как говорил наш учитель по труду, непонятно зачем учивший нас наравне с мальчишками строгать деревянные лопаточки. Поэтому я пока с чистой душой наслаждаюсь комфортом, отъедаюсь невиданными блюдами и поправляю свое здоровье. А заодно и растрепанные нервы, столько неожиданных ударов судьбы, перенесенных за такой короткий срок, потрясли даже мою, привыкшую к различным напастям психику.

– Тогда пойдем, погуляем... погода просто замечательная, – обаятельно и ласково заглядывают в душу восхитительные глаза.

Нет... ничего я не забыла... память свято хранит каждое слово и каждую интонацию... но отчего-то каждый раз так сладко замирает сердце, когда безукоризненно красивое лицо склоняется ко мне с чарующей улыбкой.

Мое выздоровление немного затянулось... только сегодня утром я впервые самостоятельно дошла до ванной комнаты. До этого

знаменательного момента рядом с кроватью, сменяя друг друга, постоянно находились две внимательные сиделки. Порой слишком внимательные и словоохотливые... я даже немного пожалела о том, что молчаливая Биша больше не показывается мне на глаза.

Роул с обходительной улыбкой приглашающе протянул холеную руку, и я неохотно подала ему свою. Несмотря на ясное понимание истинной причины такого поведения принца, робкий росток надежды, самовольно проклюнувшийся в душе, незаметно начинал расти и крепнуть. И вполне возможно, в этом сыграла свою роль и моя новая внешность, узрев которую первый раз в зеркале я едва не выпала в осадок.

Оказалось, новоявленные стилистки не только отхряпали мою косу. Ведьмы еще и непонятным способом поменяли цвет волос, и они были теперь почти такого же оттенка, как у Роула. И к тому же слегка вились, обрамляя лицо серебристым облаком. Да и овал удлинился, бесповоротно изменив мое простое, круглое, курносенькое личико. А вот глаза, бывшие до той злополучной ночи обычного орехового цвета, мало того, что стали большими и миндалевидными, так еще и поменяли цвет. Волшебным образом став фиалковыми, с золотистыми крапинками, которые теперь только одни слегка напоминали отпущенное мне природой.

Топать собственными ногами по широкой лестнице, ведущей в сад, мне не пришлось. Внезапно Роул ловко и непринужденно подхватил на руки и легко зашагал вниз. Потрясенная непредсказуемой наглостью и раскованностью этого поступка и ответной реакцией собственного тела, я вся сжалась в чуткий комочек, боясь даже пошевелинуться. Чужие руки чувствовались сквозь натянутое на меня сиделками платье так явственно, словно никакой одежды на мне не было и в помине, и я отчаянно краснела от жуткой догадки, что и Роул так же отчетливо ощущает мое тело. Единственная мысль, не успевшая убежать из головы, мучила меня душным сомнением, не слишком ли я тяжела по сравнению с теми девицами, которых принц носил на руках до меня. И как продолжение её поднималась череда не менее страшных подозрений, достаточно ли свежее у меня дыхание... и не вспотела ли я, пока сама героически топала до террасы, где меня ждал полдник... и не слишком ли давит Роулу в грудь мой локоть. А если давит, то куда мне его девать... ведь никакого опыта проезда на мужских руках в моей жизни до этого не было.

Но страшнее всего было предположение, что принц может догадаться о моих опасениях... и хуже того, догадавшись, откровенно над ними посмеется.

Я так была занята своими переживаниями, что абсолютно не следила,

куда несет меня хозяин, а когда снова почувствовала ногами землю, и немного привела в порядок бурлящие чувства, мысли и оборки платья, то слегка удивилась странному выбору места для прогулки. Мне казалось... что гулять мы должны как минимум возле одной из прекрасных цветочных клумб, которые я все утро изучала в окно. Ну а если по максимуму... то по изящному гнучному мостику, выложенному из розового камня самого бледного оттенка, и соединяющему набережную изумительно прозрачного пруда и стройную беседку, стоящую посреди него.

Но Роул принес меня к оббитой металлом мрачноватой дверце, ведущей в прилепленную к скале башню, без особых изысков сложенную из грубо обработанного камня. И даже мне, плохо разбирающейся в архитектуре, и никогда не видевшей вблизи никакого строительства, кроме многочисленных магазинчиков, как грибы растущих на центральной улице райцентра, было понятно, эту башню строил вовсе не тот, кто возвел прекрасный дворец и распланировал парк.

Дверь открылась, едва Роул приложил к черному квадрату на ее поверхности свою ладонь и я нервно хихикнула. В нашем мире такое тоже уже придумали... нет, не в интернете. Там все было ветхое и старое, оставшееся от лучших времен, это я в фильмах видела, как людей пускают по рисунку на сетчатке глаза... например, в банк.

Открывшийся за дверью коридор, освещенный странными голубоватыми шарами, висевшими под потолком, вел куда-то в глубину, и Роул, просеменив несколько шагов рядом, снова нетерпеливо подхватил меня на руки.

– Нас ждут... – безмятежно объяснил принц, светясь очаровательной улыбкой, – и к тому же мне совсем не трудно... а у тебя еще не совсем зажила спина.

Я согласно кивнула, признавая справедливость его доводов, и приготовилась к длительному путешествию, но уже через несколько метров Роул внес меня через арочный проем в довольно просторную комнату, и поставил на каменные плиты пола.

Слабые подозрения встревоженно шевельнулись в моей душе при виде окутанной черным плащом спины склонившегося над столом человека. Но уже в следующий момент он повернул к нам свое лицо и подозрения превратились в уверенность.

Черный маг, пособник Роула, стоял передо мной собственной персоной.

Во рту мгновенно пересохло, а стиснутые в кулаки ладошки вспотели. Неужели я ошиблась... посчитав, что черный маг отложит свои планы

насчёт меня до дня солнноворота? И что же мне делать, если он сейчас примется творить надо мной какой-нибудь ритуал... или... того хуже...

Я осторожно потянула в себя пахнувший химикатами и травами воздух, с ужасом ощущая, как где-то в подреберье начала подниматься уже знакомая горячая волна. В этот миг я отчетливо поняла, что не смогу нечего предпринять, если она вырвется наружу и начнет жечь все вокруг отчаянным огненным смерчем.

– Не волнуйся, Кэт, я не причиню тебе никакого вреда, – странным, низким и тягучим завораживающим голосом прорычал колдун и я почему-то ему поверила.

Наверное, просто поняла, никогда не опустился бы он до лжи, незачем лгать магам, обладающим такой неукротимой мощью, какую даже я, ничего не понимающая в таких вещах необученная ведьма не могла не ощутить.

– Сильно же они тебя запугали... эти недоучки с летающими корягами, – презрительно фыркнул маг, сверкнув на меня жутковатыми черными глазами, – а сами даже внешность правильно сменить не сумели, не то, чтоб обучить чему-то полезному.

Я почти открыла рот, чтобы сообщить, что полностью с ним согласна, и к тому же очень сильно обижена на плутоватых ведьм, но почему-то в последний момент смолчала. Наверное, сказала-таки интернатская выучка... не верить никому, кто ни с того, ни с сего, начинает задабривать тебя подарками и показным пониманием... наверняка после окажется, что ему от тебя что-то требовалось. Любимая поговорка тетки, про бесплатный сыр, никогда еще меня не подводила.

Потому постаралась соорудить как можно более грустное лицо, и, скромно опустив глаза, тяжело вздохнула. Предоставив магу самому догадаться, о чем. Он понял все именно так, как я и надеялась, и одобрительно бросил уже успевшему устроиться на кресле Роулу:

– Ну, как видишь, девушка быстро разобралась, кто ей действительно желает добра, а кто только за нос водит. Но ты не волнуйся, Кэт, нескольких твоих обидчиц мы уже поймали, да и остальные никуда не уйдут. Не желаешь посмотреть?

Я не желала, совсем не желала, заранее предполагая, ничего хорошего я там не увижу. Больно уж тон у него был... едкий, как у завуча, когда тот с показной скорбью вещал, расхаживая перед выстроившимся на линейку интернатом:

– А сейчас мы полюбуемся на вчерашних нарушителей, которых доставил сюда наш доблестный участковый.

Но осторожно подняв на принца глаза, поймала мелькнувшую на его

губах тень сомнения... и четко поняла, иного пути нет. Или я старательно делаю вид, что рада поимке ведьм, или меня отправляют к ним в компанию.

– Любоваться не желаю... а вот высказать... что я о них думаю, просто мечтаю, – утвердительно кивнула я магу, и мстительно прищурилась, очень надеясь, что выглядит это достаточно убедительно.

Хотя в спектаклях, которые библиотекарша Ольга ставила ко всем большим праздникам, никакой роли кроме одного из разбойников в "снежной королеве", так и не получила.

– Идем, – нетерпеливо вскочил с места Роул и первым вылетел из комнаты.

Совсем забыв про то, что хожу я пока не так уж быстро. Однако маг, неодобрительно глянувший вслед принцу, уже дернул за шнурок и в комнату тотчас шагнул темнокожий слуга. А может и охранник, ведь не носят же слуги на поясе столько разных ножигов... или это все-таки кинжалы?!

– Носильщиков, – бросил маг, и, отвернувшись к столу, принялся складывать в большую шкатулку какие-то комки стекла... или не стекла, мне не очень хорошо было видно.

Носилками назывались кресла с длинными палками по бокам. Когда я уселась в первое, маг привычно устроился во втором и едва заметно кивнул крепким амбалам, стоящим по двое с каждой стороны. Они взяли за ручки, приподняли носилки и почти побежали в ту сторону, куда умчался принц.

Ехать в этом кресле было намного спокойнее, и удобнее, чем на руках у Роула, почему же мне с такой тоской вспоминается уютное тепло его уверенных рук? Ведь не настолько же я дурочка... чтобы всерьез воспринимать внимание этого красавчика? Конечно, принц окружил меня заботой и участием, и я ничего плохого от него не видела с тех самых пор, как проснулась на мягкой постели в знакомой комнате... где несколько дней назад невольно подслушала их неприглядный разговор. И живо интересовался моим самочувствием, и выспрашивал про вкусы и привычки.

Вот только, если хорошенько вдуматься, все это может ничего не значить! Возможно, он хладнокровно просчитал, что проще меня очаровать, прикормить, и потом спокойно пожинать плоды своей предусмотрительности?

И тогда тот факт, что он каждый день по три раза приходил меня проводить, вполне можно списать на заботу о едва не потерянном ценном имуществе. А совместные обеды и беседы на различные темы –

шпионскими штучками, призванными поймать меня на обмане. Жаль, только, мое неразумное сердце никак не хотело верить таким простым и логичным объяснениям... романтическое толкование почему-то было ему много милее.

Роула мы догнали за непонятно каким по счету поворотом, увлеченная своими мыслями, я не следила за дорогой. Да и к тому же отлично понимала, высчитывание поворотов и расстояний ничем мне не поможет. Могучая энергия черного мага тут встречалась буквально на каждом шагу. Голубоватые магические шары под потолком, замысловатые светящиеся иероглифы, проступающие при нашем приближении на стенах, призранные занавеси в арках, исчезающие после того как маг совершал какие-то пассы.

Принц, ни секунды не раздумывая, сдернул меня с кресла и плюхнулся на него сам, уверенно усадив меня на колени. Похоже, его ни капли не волновало ни мое мнение, ни вздувшиеся мышцы на руках носильщиков.

Зато меня всё это приводило просто в жуткое смятение. Не думать, кем меня сейчас считают покорно помалкивающие носильщики, я не могла. И вырваться тоже не было никакой возможности, Роул крепко держал меня за талию одной рукой, второй задумчиво перебирая мои пальцы. Щеки горели как от пощечин, и я едва не плакала от стыда и возмущения. Собственной безответностью и несвойственным мне ранее смирением. И еще тем досадным открытием, что хотя рассудок и прекрасно понимал всю унижительную безысходность моего положения, но какая-то глубоко запрятанная, ранее неведомая часть моего "я" была просто в восторге от такого наглого, хозяйского обращения с моим телом уверенных мужских рук.

Поэтому я была почти счастлива, когда носильщики застыли возле массивной двери. Роул, прыгнул с кресла и легко понес меня следом за магом, и не подумав отпустить с рук.

За дверью оказалась большая пещера, слабо освещенная несколькими шарами. Дверь глухо захлопнулась за нами, шары постепенно начали разгораться ярче, и я искренне порадовалась, что пока не стою на слабых еще ногах. И тому, что рассмотреть все сразу оказалось просто невозможно. Иначе я не успела бы взять себя в руки.

От каких-то странных столбов с крючьями, вбитых посреди пещеры и стоящего рядом стола с разложенными на нем непонятными предметами я усердно старалась отводить взгляд. Зато от тесных клеток, в которых валялись темные кучки, смутно напоминающие чужие тела, оторваться не могла. Жадно вглядывалась в каждую, мимо которой нес меня принц, стараясь угадать по цвету спутанных волос... рисунку на изорванной

кофте... кто? Береза? Малина? Или... Сирень?

– Ну, ты, кажется, хотела им что-то сказать?! – испытующе усмехнулся Роул, наконец-то поставив меня на ноги.

– А мне кажется, тут уже некому что-то говорить, – само вырвалось у меня, и уже произнеся этот приговор самой себе, я все-таки попыталась придать лицу недовольное выражение.

Роул чуть приподнял бровь, и тень холодного изумления, которое он не успел скрыть или не пожелал убрать со своего лица, резанула меня как ножом.

Значит, поняла я, не ждал принц от меня такой смелости... или действительно поверил, что мне захочется самой отомстить пойманным ведьмам? Нет, скорее всего, не поверил. Иначе не потащил бы нас на эту проверку. Ведь не может же быть, чтобы я действительно выглядела со стороны жестокой бездушной куклой, которая способна искренне радоваться чужой боли?!

– Кэт... – с трудом подняла голову ближайшая кучка, – не рассказывай им ничего, Кэт!

Чего не рассказывать? Ошеломленно уставилась я на выпачканные чем-то бурым белые пряди, прорезавшие еще три дня назад темно-каштановую гриву. Впрочем, гривой эти сосульки называть будет несправедливо... как и их хозяйку Вишней.

– О чем это она? – мелодичный голос Роула мгновенно стал ледяным и острым как сосулька.

Слепая ярость вскипела в груди, заставив меня на миг зажмуриться и скрипнуть зубами. Снова ведьмы втягивают меня в свои непонятные, смертельно опасные игры. Хотя мне и со своими проблемами разобраться не хватает ни разума, ни сил.

Но и доказывать принцу, что я не тут при чем, и ничего такого, о чем нельзя рассказывать, мне не известно, почему-то совершенно не хочется. Как и не хочется больше сжиматься от его уверенных прикосновений и краснеть от ласковых взглядов.

– Сейчас... – почти рычу я, направляясь в сторону клеток, – сейчас.

Где тут незанятая жилплощадь? Вот эта и эта? Выбрав ту клетку, что чуть почище, пригнувшись, решительно шагаю в тесное помещение, и прихлопнув за собой дверцу, по-восточному сажусь посередине. И только усевшись, понимаю, металл решетки почему-то показался мне необычайно горячим, и теперь от прикосновения к нему саднит ладонь. Однако показывать этого своим недругам не стану ни за какие коврижки, перебудутся.

– Кэт?! – наконец-то пришел в себя Роул, – что это значит?!

– Это значит, что я пленница и потому буду сидеть тут. Не хочу больше ни ваших тайн, ни вашей доброты. Ни ваших разговоров. Надоели вы мне все вместе взятые. – Постаравшись скопировать его недавние ледяные интонации, выдала я, и закрыла глаза.

И видеть всех вас тоже не хочу.

День восьмой, начавшийся очень странно

Как я и думала, долго меня уговаривать принц не стал. Хотя... конечно, втайне очень на это надеялась... прямо-таки видела, как он врывается в камеру, так знакомо подхватывает на руки и уносит прочь, нашептывая на ушко ласковые упреки.

Ничего подобного. Сжал в упрямую полоску губы, некрасиво нахмурился и свистящим полусшепотом бросил черному магу какие-то указания. После чего, не оглядываясь, рванул к выходу. Маг еще немного покопался у стола, раскладывая принесенные с собой кристаллы, и отправился следом за хозяином. Однако с полпути внезапно свернул к моей клетке, пару секунд молча постоял, наблюдая, потом мрачно буркнул, – руку покажи.

А я только еще крепче стиснула зубы, не надо мне от тебя ничего. Спасибо за науку, успела уже понять, все вы только о том и думаете, как бы чужими ручками жар загрести. Маг презрительно фыркнул и отправился дальше, а я внезапно ощутила, что ладонь печет уже не так сильно, как раньше.

Поднесла ее к глазам и в слабом свете снова поблекших светильников разглядела, как красноватая вздувшаяся полоса, проходящая через все пальцы, начинает понемногу исчезать. Все понятно, фыркнула понимающе, кинул дядя собачке пряничек, и думает ее этим купить. Не пройдет номер, это я от неожиданности первые дни вела себя как последняя лохушка, все надеялась, что в этом мире не так много подлецов и негодяев, как в родном. Хорошо хоть, быстро прозрела, и теперь больше не поверю ни одной сволочи, какие бы душевные речи они мне не толкали.

Ведьмы потихоньку возились в своих клетках, устраиваясь поудобнее, однако никаких, даже тихих разговоров, или стонов я не слышала. Это могло означать всё что угодно... и в первую очередь магическую защиту... если такое, конечно, здесь возможно.

Да только я была даже рада, что никто из них не пристает ко мне с расспросами или объяснениями, вот этого уж точно бы не выдержала. Гнев и ненависть просто кипели в груди, и самое лучшее средство успокоиться я знала только одно, постараться заснуть. Потому и прилегла на грязный, ничем не застеленный деревянный настил, занимающий лишь половину тесного пространства. Во второй половине в каменном полу зияет узкая темная дыра и, исподтишка приглядывая за копошащимися в клетках

фигурами, я быстро прозрела насчет ее истинного предназначения.

Все это наводило на очень печальные мысли, и не оставляло никакой надежды на будущее. Но опускать руки не в моем характере, а утро вечера мудренее, вот и постаралась выбросить все из головы и попробовать вспомнить доказательство теоремы Пифагора, наивернейшее снотворное средство из всех, какие я знаю.

– Кэт, вставай! – шепчет в ухо кто-то нахальный, и мое подсознание, агрессивно настроенное против всего этого мира, выдает команду языку прежде, чем я начинаю осознавать происходящее.

– Пошла на фиг, я вас больше знать не хочу!

Выпаливает послушный язык и, прикрывшись для надежности рукавом, еще несколько мгновений лежу неподвижно, пытаюсь вернуться в сладкий дурман ушедшего сна. А снилось про что-то хорошее... родное, то ли тетка заперла меня в курятнике, чтобы не лазила с пацанами по соседским ягодникам, то ли директор отправил к Марине, пересидеть очередную истерику исторички. Я частенько затевала горячие дебаты на уроках, а поскольку она человек упертый и логически объяснить нелогичные поступки наших предков не умеет, то спохватывалась обычно лишь после того, как над дверью начинал дребезжать звонок. А мои вопросы и выводы мало того, что ставили историчку в тупик, так еще и подрывали священную веру в истину тех сведений, что она почерпнула в толстых фолиантах. Особенно сердило учительку мое заявление, что наши предки были не так умны и храбры, как она об этом распиналась, раз не решились вернуть столицу на её первоначальное место, в Киев.

– Кэт... проснись, – вновь потребовал смутно знакомый голос, бесповоротно нарушая зыбкое ощущение защищенности.

Ну, да, припоминаю, окончательно просыпаясь, но упрямо не открывая глаз, ведь я же не дома... где, несмотря на все мои невзгоды, обязательно находился кто-нибудь, кто помогал мне пережить очередную неприятность. Марина, подружки, тетка... и даже доблестный участковый, отбивший меня однажды у злобных цыганок, взъярившихся на едкое замечание о происхождении продаваемой ими косметики.

А теперь я в чужом мире, в подzemелье, сижу в низкой клетке размером с ванную комнату хрущевки, и выбрала эту клетку сама, добровольно, а значит, никто из ведьм не имеет никакого права мною руководить.

– Кэт!

– Отстаньте от меня все, ничего я вам не буду делать, – садясь на своем неудобном ложе, и одновременно раскрывая глаза, зло рявкаю на надоеду.

И зависаю напрочь, не в силах сказать больше ни слова.

За распахнутой дверцей моей персональной тюрьмы, стоит, едва видимая в бледном свете магических шаров, полупрозрачная женская фигура в так знакомом голубом платье.

– Идем со мной, – говорит она странно знакомым голосом, и я послушно выбираюсь из клетки, стараясь не задевать пыхнувший жаром металл прутьев.

Хотя этот поступок полностью противоречит моим обычным правилам. Это моя подружка Люська обычно первая врывается во все сомнительные мероприятия, за что и огребает после по полной. А я никогда не сяду в незнакомую машину, ни за какие блага не пойду темным переулком и не подниму валяющийся на земле чужой кошелек. Да и на заманчивые, на первый взгляд, Люськины идеи всегда отвечаю, а оно мне надо?!

Вот и теперь, топаю за плывущей в полуметре над полом дикой ведьмой и строптиво бурчу, – ну, и зачем оно мне надо?!

– Утром Роул будет очень сердит... – шепчет, не оглядываясь, ведьма, – и не поверит тебе, что ничего не слышала. А когда он кому-нибудь не верит... может сделать очень больно. Ты же не любишь боль?!

Ничего не понимаю, за что это он рассердится? И тут дикая всплывает в дыру... которой, по-моему, раньше в этой стене не было.

Так это... что, побег?

А как же остальные ведьмы, сразу вспомнила я лежащие в клетках растерзанные кучки, и резко остановилась. Развернулась в одну сторону, в другую, ну, дела! Оказывается, кроме меня, тут никого уже и нет!

– Кэт, поспеши! – торопит ведьма, и я, забыв последние сомнения, ныряю в дыру следом за ней.

Остаться одной в этом жутком месте мне хочется меньше всего на свете. Тем более, как я теперь сильно подозреваю, Роул будет не просто сердит... нет, он будет просто разъярен.

Проход, которым мы пробираемся, настолько узок и низок, что я задеваю локтями стены, а чтобы не разбить голову, приходится держать перед лицом одну руку. Второй рукой я держу повыше подол проклятого платья, точно зная, если наступлю на одну из оборок, удержаться на ногах будет совершенно нереально.

К счастью, таким неудобным наш путь был всего метров двадцать, затем мы выбрались в довольно высокую природную пещеру, и идти стало немного легче. Хотя одно неудобство сменилось другими. Если в проходе пол был сравнительно ровным, то тут под ноги беспрестанно попадали

какие-то камни, рассмотреть которые при бледном свечении, исходящем от стен, не удавалось. И потому я чрезвычайно обрадовалась, когда за одним из поворотов заметила впереди теплые отблески костра. Несмотря на то, что отлично догадывалась, кого там увижу.

Моя интуиция не подвела, они, и правда, все были тут, и Вишня, и Береза и еще несколько знакомых и не очень ведьм. Спешно мазали друг дружке ссадины и синяки ведьминскими снадобьями, переодевались в неизвестно откуда добытую чистую одежду, и жгли в костре вонючие лохмотья. И все это молча и деловито.

Завидев меня, Береза достала из корзинки мой рюкзачок, с которым я уже мысленно распрощалась навеки и сунула в руки, буркнув только одно слово, поторопись.

Но я и сама прекрасно понимала, сейчас не время задавать вопросы или выяснять отношения. Как бы там ни было, ведьмы меня не бросили на растерзание Роулу, и за это я была готова им простить многое, однако, далеко не всё.

Мигом стянув ненавистные оборки, швыряю их в костер и на секунду потрясенно застываю, обнаружив в рюкзачке свои джинсы и кроссовки. Вот это подарок, похоже, не придется мне больше путаться в этих старушечьих юбках. Заученно натянув привычную одежду, ощущаю, как сразу поднялось настроение, словно возникла надежная связь между мной и родным миром, и он сможет защитить меня от жестокости чужого.

— Пора, — командует Береза, и ведьмы беспрекословно поднимаются с камней.

Костер тушить не стали, и его отблески еще некоторое время играли на стенах тоннеля, по которому мы шли. А потом в руке у одной из ведьм вспыхнул факел, обыкновенный, не магический, и при этом неверном освещении наше путешествие продолжалось еще несколько часов.

По узким и широким тоннелям, большим и крохотным пещерам, перебираясь над глубокими расщелинами по хлипким мостикам, где поручнями служила натянутая веревка, и переходя вброд ледяные потоки, мы неуклонно продвигались вниз.

Сначала я не обращала на это внимания, предполагая, что пещеры закончатся каким-нибудь выходом у подножья гор. Однако чем дальше мы шли, тем тревожнее становилось у меня на душе. Не настолько высоки были с виду эти фиолетовые скалы, чтобы спускаться к их подножию по несчетному количеству ступенек и тоннелей. Хоть и никогда не бывала я в горах, но телек-то смотрела! И про спелеологов видела, и про засыпанных шахтеров... ну, про этих каждый месяц передают... приводя мою тетушку

просто в неистовую ярость.

– Превратили народ в рабов, жлобы проклятые, – рычала она, бегая по горнице, – сначала экономят на чужих жизнях каждый деревянный себе на Куршавели, а потом лицемерно у гробов всякую ахинею несут.

Так что общее представление, как устроены горы, я имела, и почти не надеялась увидеть сегодня небо и травку. И все равно страшно поразились, когда мы оказались у внушительной железной двери, имеющий такой же серьезный вид, как дверца директорского сейфа. Только раза в три больше. Береза несколько раз повернула на двери ручку и устало прислонилась к стене, видимо не надеясь, что нам сразу откроют.

Однако ждать пришлось всего минуты две, не успела я даже как следует рассмотреть стены тоннеля, и решить для себя, природа такое создала или все же его кто-то выдолбил, как дверь распахнулась. Совершенно бесшумно, без малейшего шороха или звяканья, словно была изготовлена не из металла, а из ваты. Да если бы не мягкий свет, вырвавшийся из проема, я вообще пропустила бы этот момент.

За дверью стояла Малина, и это никого из ведьм ничуть не удивило, видимо все точно знали, кто их тут встретит. А по моему сердцу снова полоснула ножом обида, могли бы и предупредить. Хотя они и во время нашего подземного путешествия вели себя так, словно я была чемоданом без ручки. Говорили со мной только в случае крайней необходимости, ограничиваясь короткими указаниями, типа быстрее, держись, возьми, и тому подобное. Нет, я конечно, еще не забыла, что и сама не собиралась с ними разговаривать, но выносить такое пренебрежение после того, как рисковала ради них жизнью, было очень неприятно.

Пока я, прикусив губу, и сердито сопя, размышляла об этих неприятностях, Малина провела нас длинным коридором мимо нескольких закрытых дверей и приглашающе остановилась возле освещенного овала, ведущего в просторное помещение. Судя по стоящим вдоль стен кроватям, которые я заметила, еще не войдя внутрь, нам предстояло здесь обосноваться не на один час. А значит нужно поспешить занять самое удобное место, уж в этом-то я толк знаю.

– Кэт, подожди, – поймала меня за плечо Лин, – тебе не сюда.

Словно кипятком плеснули в лицо, так оскорбительно прозвучала эта простая фраза. Значит, не достойна я избранного общества, раз собираются отселить в одиночку. Или уж сразу в карцер?! А может, потому мне с ними нельзя... что боятся проговориться, ведь у них же все время какие-то секреты! Ну и ладно... плевать на вас, я в общем-то и не хотела. Мне ваши тайны уже давно поперек горла, одни неприятности от них.

Я немедленно отступила от двери подальше и гордо стояла, независимо постукивая носком кроссовка, пока ведьмы прошмыгивали мимо Малины в свое новое жилье.

А потом так же гордо шагала за ней по коридору, поднималась по лесенке, затем по кованому мостику через поток, пока, наконец, не оказалась в неприметном закутке, куда выходила только одна дверь, такая же массивная, как и входная.

Ну, точно, как я угадала, вот он и карцер, едко фыркаю, наблюдая, как Лин усердно ковыряет в скважине заковыристым ключом. Такими замками простые спальни не запирают. И в душе, несмотря на внешнюю браваду, постепенно нарастает беспросветное сомнение. Может, зря я не осталась в камере? Неужели не смогла бы объяснить Роулу, что сама не пожелала оттуда бежать, не чувствуя за собой никакой вины?

Вот почему я не сообразила в тот момент, что своим побегом сама подписываю себе обвинительное заключение?! Ведь людям с чистой совестью скрываться не нужно... вроде бы. А с другой стороны... столько случаев на хуторе рассказывают про то, как невинные по тюрьмам сидят, а настоящие преступники по Майами гуляют. А может тут по-другому... хотя если вспомнить подземелье... особенно тот страшный стол...

И тут я вдруг вспомнила, как, убегая из темницы, проходила мимо него и случайно скользнула взглядом по чистой столешнице. Стоп... чистой? Но ведь маг, уходя, ничего не забирал... значит, это сделал кто-то другой?!

Ой. Нет, наверное, все-таки правильно я сделала, что не осталась. Или неправильно? Что-то я совсем тут запуталась.

– Входи, – Малина справилась, наконец, с замком и распахнула передо мной дверь.

Осторожно заглядываю в комнату и, убедившись, что на камеру это вовсе не похоже, решительно шагаю внутрь.

– Возьми ключ, запишись и никому не отпирай, – прежде чем уйти, выдает мне ведьма ценные указания.

Выходит, действительно никакой это не карцер, в карцере ключей не дают, слегка расслабилась я, запирая за ней дверь.

При ближайшем рассмотрении комната оказалась очень даже ничего. Просторная, высокая, с зависшим под потолком магическим шаром, к виду которых я привыкла в замке Роула. И, несмотря на размер, обставлена лишь под одного, максимум, двух жильцов. Сразу понятно, до меня здесь жил некто, занимающий в горном поселке довольно значимое положение. Ведь в таком же по размеру помещении, куда поселили ведьм, стояло больше десятка коек. А вот мебель тут довольно своеобразная, кровать с

металлическими спинками очень похожа на ту, что я видела в краеведческом музее, зато стол со столешницей из цельной глыбы полированного фиолетового камня вполне мог бы стоять у какого-нибудь богатенького Буратины.

Впрочем, кроме кровати, из камня в комнате было всё. И неподъемные скамеечки, прикрытые пушистыми шкурками, и выдолбленный в стене шкаф, с занавесками вместо дверей, и ниши для различной утвари, вместо полочек. Но больше всего порадовал санузел, вход в который я нашла за второй занавеской. Хотя, искала-то я окно... хоть и понимала, что это, по меньшей мере, блажь.

Еще было бы неплохо найти хоть какую-нибудь еду, за все время пути мы останавливались, конечно, раза три на отдых и даже горячий травяной настой ведьмы готовили... для поддержания силы, но из еды у них было только немного хлеба и вяленая рыба.

Но ни на полках, ни в шкафу не обнаружилось даже остатков еды, и это наводило на довольно конкретные мысли. Ни засохшей корочки, ни подгнившего яблока не найти только там, где давно никто не живет. Или – где все тщательно убрали. Вот только правильный вывод я пока сделать не могла, не хватало информации. А раз ее нет, не стоит и ломать себе голову, лучше отдохнуть, пока есть возможность.

Я спрятала рюкзак в шкаф и, сбросив кроссовки, влезла на кровать. Понемногу отступало напряжение, придававшее силы во время побега и начинали ныть натруженные ноги и спина. Теперь я уже подумала бы, прежде чем слезать с постели, если на столе появилось что-то съедобное.

Как заснула, не поняла и сама, помню только, что снова снился дом, вроде еще родительский, только стоял он почему-то в поле. Толпа людей, с едва узнаваемыми лицами, таскала на длинный стол еду, строго объясняя мне, что это свадьба и трогать ничего нельзя, пока не приедут гости. А мне так хотелось стащить с блюда хоть немного угощения, кусочек мяса там, или кружок колбаски.

Запах еды был так реален, что я сначала проснулась, а потом открыла глаза, хотя обычно происходит наоборот.

И сразу села на кровати, отбрасывая непонятно откуда взявшееся меховое покрывало. Так заманчиво смотрелись расставленные по полотняной скатерти, накрывшей стол, горшочки и миски. И пахло просто обалденно. Жареной рыбой, луком, хлебом... я торопливо натягивала кроссовки, спеша добраться до этого великолепия.

– А мы думали, она проспит до завтрашнего утра, – весело сообщила кому-то Сирень, и я только тут заметила сидящую в сторонке ведьму.

Но не её присутствие поразило меня больше всего, а вид Фуссо, полусидящего рядом с ней, и прижимавшего к бронированной груди тазик с какой-то едой. А вот это было неправильно... это было обманом... я сразу сообразила.

– И давно вы знакомы? – задумчиво интересуюсь, сворачивая с намеченного пути.

– Может, ты сначала вымоешь руки... и сядешь к столу, а потом уже будешь задавать вопросы? – не смутилась ведьма.

Вопрос, конечно, интересный... оглянувшись на стол, на миг задумалась я и решила ей поверить. В последний раз.

С такой скоростью я не умывалась даже тогда, когда опаздывала утром на математику, которую у нас вел язвительный завуч. И вылетая из-за занавески с наспех вытертыми руками, больше всего боялась не застать сладкой парочки на месте. А что, с них вполне станется. Сумели же пройти сквозь запертую изнутри дверь, из замочной скважины которой я предусмотрительно не стала вынимать ключ.

Облегченно вздыхаю, застав их на прежнем месте, но и не думаю обижаться, разглядев в необыкновенных глазах Сирени лукавую усмешку. Пусть смеется, лишь бы снова не исчезла.

Пару минут, пока я разбираюсь с содержимым горшочков и решаю непростую задачку, что съесть в первую очередь, ведьма задумчиво молчит. Но едва на моей тарелке подросла кучка выбранных продуктов, раздался ее предостерегающий голос.

– Не ешь слишком много, нам предстоит трудная работа.

– Угу, – промычала я, не в силах оторваться от бесподобной рыбной котлеты.

Хотя вопрос о работе не оставил меня безразличной. Такие вопросы никогда меня не оставляют совсем равнодушной. Потому что, кроме работы, которую я люблю или ненавижу, есть еще работа необходимая, от которой никуда не деться, нравится она тебе или нет. К такой относится, например, стирка и мытье посуды.

Но одновременно есть и совершенно идиотская работа, и вот именно она-то меня раздражает просто до посинения. К таким я причисляю подкрашивание осыпающихся участков старой штукатурки в коридорах интерната и мытье окон к приезду городской комиссии. И копание огорода в дождливую погоду, и еще много чего.

– Что делать надо? – немного разгрузив тарелку, буркнула я, справедливо предположив, что ведьму мое мычание не впечатлило.

– Буду учить тебя магии, – кратко сообщила Сирень.

– Сама? – выронила я от неожиданности вилку, и уставилась на нее заинтригованно.

Нет, я, конечно, твердо уверовала за дни, которые провела здесь, в существование магии и в ее могущество, но чудеса, которые творит эта ведьма, превосходят все остальное. И хотя мне лестно, что учить меня она собирается сама, не задать вопрос, почему, я не в силах.

– У нас есть непреложное правило, – вздыхает Сирень, – если ведьма выбрала ученицу, другие не имеют права ее переманивать. Судя по рассказам, твоя наставница сильная ведьма, и я никогда не осмелилась бы тебе предлагать ученичество, будь ты в своем мире. И еще, – тут она на секунду смолкла, словно сомневаясь, стоит ли говорить, – мне очень нужна твоя помощь, а для этого необходимо разбудить твою силу.

– Я согласна, – замирая от восторженного ужаса и любопытства, поторопилась согласиться я, – а ты расскажешь... как это...

– Не сейчас, – перебила Сирень, незаметно оглянувшись на Фуссо, и я снова ошеломленно зависла.

Как же это, он ведь должен знать...

– Времени мало, – со значением глядя мне в глаза, внятно выговорила ведьма, – вот немного разберусь с делами и все объясню, честное ведьминское.

– Хорошо, – растерянно согласилась я, начиная понимать, что снова ничего не понимаю.

Едва наметившаяся ясность хоть в одном вопросе обернулась еще большей загадкой и, похоже, все мои стройные догадки, которые я так находчиво выстроила по пути в эти катакомбы, рушатся, не успев окрепнуть.

День девятый, полный открытий и загадок

– Кэт, пора вставать.

Скоро я буду люто ненавидеть не только слова – пора вставать, но и кличку – Кэт. Именно с ней у меня последнее время связаны все трудности и неприятности. Ну, если быть честной до конца, я сама так себя представила... но ведь только Роулу?! А вот кто разнес эту информацию по всему ведьминскому клану... или он называется как-то иначе, этот их отряд, догадаться несложно. Лично я, так почти сразу поняла, только не могла технически представить, каким образом это происходит.

Зато вчера вечером... ох, все тело начинает гудеть от одного только упоминания вчерашнего вечера. А начиналось все так хорошо, как в любимом теткинском фильме, который намного старше ее самой. Вызывали в Москву... нет, это там в Москву, а здесь в заброшенную выработку.

Едва я согласилась заниматься магией всерьез, как Сирень развила просто кипучую деятельность. Вначале предложила мне переодеться, чтоб не портить собственные вещи, я и согласилась, ведь причина-то вполне уважительная. Хотя и не очень мне понравились предложенные ею штаны, рубаша и длинный жилет с застежкой под горло. Да еще смешная шапочка, на которой ведьма настояла особо. Но сильно спорить я с ней не стала, покладисто отправившись в ванную. Зато, выйдя оттуда, пораженно замерла, обнаружив зияющую в стене напротив аккуратную дыру. Похоже, это у нее мания такая, делать во всех помещениях непредусмотренные архитектором выходы.

По новому тоннелю она шла впереди, освещая мне путь летевшим над головой светящимся шариком. Сама-то ведьма, по-моему, вполне могла обходиться и без него. А сзади деловито топал Фуссо, хотя я тогда и не понимала, зачем он нам нужен. Ведь если она хотела что-то сказать мне по секрету, то его лучше было оставить в комнате.

Нет, потом-то я поняла... только уже поздно было. Но об этом лучше вспоминать по порядку, чтобы восстановить в голове все соображения, появляющиеся у меня в те моменты. После примерно получасовой прогулки, когда у меня уже начало крепнуть в душе подозрение, что я немного поторопилась с принятием решения, ну вот что стоило отложить его на утро? Вот в этот момент мы и прибыли в просторную пещеру,

усеянную обломками камней различной величины. Причем почти на всех виднелись следы чьей-то деятельности, обработанный бок, ровный зарез, и тому подобное. Фуссо молнией метнулся по центру, словно ураганом разметая осколки в стороны.

А когда я сумела захлопнуть раскрытый от потрясения рот, посередине выработки была готова расчищенная площадка. Само, собой, я и раньше замечала его необычную скорость, особенно при беге, но открытие, что он и клешнями может действовать так же ловко и быстро как ногами, заставляло призадуматься... и немного переоценить сделанные прежде выводы.

– Становись сюда, – не тратя ни минуты на лишние объяснения, позвала Сирень, и мы встали рядом в центре площадки, – расслабься и закрой глаза. А когда почувешь что-то внутри себя... тепло или наоборот, холод, попробуй собрать в клубок... не руками, мысленно, и бросить вон в ту стену. Не пугайся, если почувствуешь... как бы теплый ручеек... я пошлю тебе мою силу, первые разы нужно подтолкнуть, совсем немного.

Ничего я не боялась, особенно рядом с ней. Да и ощущение зарождавшейся в груди горячей волны прекрасно помнила, потому и не стала тянуть резину. Едва ощутив, как между лопаток пригрело, словно солнечным лучом, подтянула его внутрь, замешала со своей жаркой начинкой и, вырывая из груди как сорняк, швырнула в стену. Сразу вслед за этим распахивая глаза, полюбоваться результатом своего эксперимента. Мне несказанно повезло, что яркая огненная вспышка, ударившая по зрачкам, инстинктивно заставила крепко зажмуриться, пронесшийся вслед за ней шквал больших и малых острых осколков выбил бы глаза напрочь.

А так только порезал щеки и лоб, да еще наставил несколько синяков на руках и плечах. Зато там, где на мне были одеты штаны и жилет, не нашлось ни одного приличного синяка. Да и сама ткань не пострадала, заставив меня с благодарностью оценить ведьмину заботу. Но это было немного позже, а в первый момент я только взвизгнула и крепко зажала ладонями хлынувшие по щекам ручейки.

– Не скули, – сердито рявкнул над ухом голос наставницы, – сама виновата. Не думаешь, прежде чем сделать, разве пробный удар со всей силы бросают?! Да убери ты руки от лица, я подлечу. Глаза-то целы?

– Да, – пролепетала я, с трудом отрывая от ран ладони, – целы.

– Уверена? – прохладные пальцы касались ноющих порезов, и боль немедленно отступала.

– Уверена... – бурчу растерянно, пытаюсь понять, действительно глаза целы, или это я в горячке ничего не чувствую.

Бывает такое, сама видела. Когда одному пацану оторвало деревообделочным станком палец, он тоже не сразу понял, еще закричал, смотрите, чей палец. А потом рухнул в обморок. Тогда наш директор переругался во всем районным начальством, не хотевшим давать машину, чтоб срочно отправить пострадавшего в город, пришить палец назад. Машину он все-таки выбил, пригрозив телевидением, а вот палец пацану так и не пришили. В клинике сказали, что без гарантии оплаты, я тогда и запомнила эти подлые слова, делать такую дорогостоящую операцию не станут. Постаревший на десять лет директор привез мальчишку назад, а на следующий день, придя в медпункт проведать, положил на стол кулек конфет и угрюмо пробормотал, что может, это и к лучшему. Зато не пойдешь в армию, не стоит защищать страну, которая не способна защитить тебя.

Мокрая тряпица зашаркала по моим щекам, оттирая кровь, и я впервые вспомнила о том, как теперь выгляжу. Причем, неожиданно даже для себя обнаружила, что меня волнует не столько девичья краса, сколько мнение одного конкретного человека. Хотя... скорее всего и не человека вовсе.

– Сирень, а Роул... он какой расы?

– Наконец-то спросила, – в голосе ведьмы то ли насмешка, то ли горечь, не понять. – Горный гном он.

– Врешь, – вырвалось у меня, – гномы они не такие... красивые. Они маленькие, плечистые... и с бородой.

– Ну, это ты гольдов описала... только бороды не у всех, а только у старейшин, неудобно в шахтах с бородами-то, – бурчит Сирень, ловко смазывая чем-то прохладным мои щеки, – все, можешь открыть глаза. Ну-ка, ну-ка. Смотри, и вправду ничуть не пострадали. Ладно, садись вот сюда, отдохнем маленько, пока Фус обломки уберет. Так вот, про гномов. Произошли они от альвов, одной из эльфийских ветвей. Но про это теперь уже мало кто знает. А потом разделились на лесных и горных. Лесных больше, там жизнь более удобная и приятная. Зато горные богаче, и сами не делают никакой грязной работы. На них работают гольды и горные крабы. Гольды в горах жили задолго до прихода гномов, и прекрасно разбираются в камнях и металлах. А гномы почти все владеют магией и служат посредниками в торговле. Обеспечивая гольдов магической защитой, а из товаров мехом и так полюбившимся им и крабам мясом. Взамен продавая людям и другим расам драгоценные камни и металлы. Живут гномы обычно в хорошо защищенных замках, потому что об их богатстве в народе ходят легенды. Вот только те, кто пытались найти гномьи сокровища в горах, обычно встречались с гольдами. Потому и спутали название одной

расы с внешним видом другой. Отдохнула? Повторим попытку. Слушай внимательно, не нужно пытаться выплеснуть из себя все. Бери небольшой клубок и старайся запомнить ощущения. Чтобы потом каждый раз тратить лишь ровно столько силы, сколько потребуется.

Я уже потеряла счет попыткам и упавшим на мою многострадальную макушку каменюкам, которые не желали больше оставаться на прежнем месте, когда ведьма, наконец, скомандовала отбой. Моя благодарность Сирени за чудо шапочку, сквозь которую не пробился ни один осколок, возросла в геометрической прогрессии после того, как я додумалась натянуть ее на манер омовца. Ничего, что сквозь редкое плетение было плоховато видно, все равно в первые минуты после броска мне это было не нужно. Зато больше ни один камешек не поцарапал мой нос.

Обратно в комнату меня вез на спине Фуссо, в специально припасенной для этого корзине. Оказывается, Сирень много чего предусмотрительно заранее натаскала в эту пещерку и сложила в защищенной магической стеной нише. И воду и несколько кусков вареного мяса, завернутого вместе с ломтем хлеба в чистую салфетку и даже пару одеял, чтобы не валяться на холодном камне. Когда мне милостиво давали несколько минут на отдых.

Выползая после ванной в комнату, я чувствовала себя как после кросса, посвященного дню космонавтики. Наш мэр был рьяным поклонником высоких, в прямом смысле, достижений.

И потому, наскоро проглотив несколько остывших кусков, из последних сил забралась в постель, полусонно наблюдая, как Фуссо шустро подьедает оставшиеся продукты.

– Спи, – скомандовала Сирень, уходя в тоннель, – утром разбужу рано.

Я еще хотела возмутиться такой категоричностью, но не успела. На месте дыры прямо на глазах сгустилось и затвердело темное облачко, превращаясь в монолитный камень.

И вот теперь она явилась, твердо намереваясь исполнить свою угрозу, разбудить меня пораньше, хотя я не помню, чтобы с вечера на это соглашалась.

– И не притворяйся, что не слышишь, дав согласие стать моей ученицей, ты заключила договор, по которому я имею право наказывать тебя за уклонение от моих приказов по собственному усмотрению, – выдает коварная ведьма фразу, достойную самого ушлого бюрократа, и заставившую меня решительно сесть на постели и уставиться на нее.

Очень возмущенно уставиться.

– Вот и молодец, что сразу поднялась, – словно не замечая моего

взгляда, деловито похвалила Сирень, отпирая дверь, – пока ты умоешься да оденешься, я пирог порежу, а Фус за горяченьким на кухню сходит, сейчас поест, и на обед с собой взять, чтоб сюда не возвращаться.

А едва Фуссо выскочил в тоннель, сноровисто заперла ее на ключ и втолкнула меня в ванную, не обращая внимания, что я даже обуться не успела.

– Времени мало, видала, как он бегает? – бросая мне под ноги кусок полотна, зашептала торопливо, – давай я накоротке поясню, чего ты еще сама не поняла. Но на всю правду пока не рассчитывай, сразу упреждаю. Потому как тебе Роул в душу запал... – она предостерегающим жестом подняла перед собой руки – нет, не ежись, отговаривать не стану, по себе знаю, бесполезно это. Своим умом решай, как с ним быть. Мне для важного дела помощь ведьм нужна, а кто-то из ковена моим врагам доносит... и поймать не могу, хитер чертов маг, защитил от пригляда. Потому, уж извини, я все на тебя свалила... вроде, это ты из симпатии к Роулу наши планы выдала, вот они на тебя и злятся, за подземелье-то. Сама понимаешь, их там вовсе не по головке гладили. Теперь, когда истинная изменница успокоилась, собираюсь сказать им одну новость... и надеюсь поймать, когда она побежит доносить.

Ведьма замолчала, прислушиваясь, затем молнией метнулась прочь, успев шепнуть, чтобы я поспешила.

Вот еще, и без спешки обойдусь, фыркаю в ответ на ее наивные советы, что, в первый раз что ли. Слегка смочила ладони, провела по лицу и волосам и присела на край каменной бадьи. Мне требовалась хоть одна спокойная минутка, переварить сказанное Сиренью. Конечно, подставила она меня знатно... и если не откроет ведьмам правды, мне никогда в жизни не отмыться. Но и ее можно понять... кроме меня, пришельцы из другого мира, нет на эту роль лучшей кандидтки. Вот только поверит ли ей предательница, судя по всему, хитрости и осторожности той не занимать, раз до сих пор не поймалась. И еще... если честно, неприятно задел меня домысел Сирени, что за сомнительное внимание Роула я смогу разболтать чужие тайны. Вот, в чем ином, не знаю, а уж в этом на меня положиться можно как на себя. Вон, когда Люська залетела... по своей вечной доверчивости и влюбчивости, кто, как ни я, молчал все полтора месяца, пока она решала, как поступить. И не я первая тогда предложила посоветоваться с Мариной, зря потом Люська на медичку обижалась, когда её пропавший дружок вдруг вернулся к ней, и начал рассказывать, какой он видит их совместную семейную жизнь. Люська тогда была просто в шоке. Она-то себе представляла своё будущее совсем иначе, у нее вообще всегда

были преувеличенные иллюзии насчет собственной внешности. И меньше чем на сына Кристины в качестве мужа она не претендовала. А вот я всегда знала... что должна в жизни рассчитывать только на свои умственные способности и всякие попытки одноклассников перейти на новый уровень отношений пресекала на корню, прекрасно понимая, что во мне они видят только незанятую телку.

Эти воспоминания почему-то меня расстроили, хотя раньше я относилась к своей заурядной внешности вполне адекватно, приняв как гипотезу, что по-настоящему умному парню красивая дура понравиться не может, и значит, мне остается только дожидаться, пока кто-то рассмотрит во мне кучу положительных качеств. А вот теперь эта точка зрения, в связи с моей новой внешностью, начинала терять свою убедительность и мне срочно требовались дополнительные аргументы в её поддержку. Или опровержение.

Я решительно спрыгнула с бортика, одним махом натянула вчерашний наряд и, соорудив непринужденную улыбку, направилась в комнату. Фуссо уже был тут, и Сирень ловко выгружала из корзинки издававшие вкусный запах горшочки.

– Вот и я, – объявляю, шлепаясь на скамеечку, и без промедления задаю Сирени мучающий меня вопрос, – а вот эта внешность... которая у меня сейчас, она скоро сойдет?

Показалось мне, или клешни Фуссо на самом деле на мгновение застыли в ступоре?

– А почему тебя это так волнует? – неожиданно насторожилась и ведьма, – или чем-то этот облик не нравится?

– Мне нравится... вот только... как бы это сказать, я ведь в таком виде на кого-то похожа? А я не люблю быть ничьей копией, лучше не такой красивой, но эксклюзивной... понимаешь?

– Понимаю, – как-то слишком поспешно и немного виновато бормочет Сирень, – но пока помочь не могу, у меня сейчас силы на другое копятся. А вот потом... когда все закончится, обещаю... ты будешь выглядеть самой собой. Или... кем захочешь.

Что-то темнит она, мелькнуло в голове, чтобы сразу пропасть, ведь предупредила, что сразу всего не расскажет. Ну и не надо, мне ее тайны без надобности. Главное, чтобы магии подучила, вчера к вечеру у меня уже такие ровные шарики получаться начали, ну... почти все.

И во время завтрака и потом, когда мы уже прибыли на место тренировок, и я начала швырять в стену огненные шарики, как выяснилось, огонь меня слушался намного лучше, чем вода или воздух, моё

подсознание, не переставая, пыталось понять, что же не так в той ситуации, что изложила мне Сирень. И только когда подошло время перекусить, и Сирень протянула мне кружку с молоком, до меня вдруг дошло. Да не просто дошло, а прям-таки въехало, словно танком в стог соломы.

– Сирень... – вытаращила я глаза... и если бы уже не сидела, то точно бы села, где стояла, – а как...

И тут же вспомнила, что она почему-то очень не хотела, чтобы Фуссо знал ее тайну... и единственное, что мне оставалось, сделать вид, что закашлялась.

– Что такое? Подавилась?! – заботливо хлопала меня по спине Сирень, а глаза её молили, молчи!

– Я хотела спросить, – вру, откашлявшись, – а если я там, ну на поверхности, брошу шар, ветром его может снести?!

– Нет, – благодарно смотрят на меня сиреневые глаза, – ты ведь просто представляешь, куда хочешь попасть, а уже магия мгновенно создает там огонь. Если бы это было не так, ты уже давно опалила бы и лицо и руки. Огонь возникает там, куда ты направила свою магическую силу. Поэтому тебе должно быть все равно, что там создать, огонь, воду или камень. Или цветок. Только живые существа никогда не получаются, у человека не хватает знаний и времени представить все процессы, идущие в них в этот момент.

– Понятно... – заинтригованная этими объяснениями протянула я, на самом деле всё связанное с магией, волновало меня с каждым днем сильнее.

Одно дело смотреть на огненные шары, которыми долбит стену Сирень, и совсем другое осознавать, что это твоих собственных рук дело. Или, скорее разума, руки-то, как оказалось, и не причем вовсе. Но особенно меня заинтересовало утверждение, что я могу магией создать все, на что хватит моей силы и фантазии. Ну, с силой мы вчера уже разобрались, не раз и не два после моих ударов брови Сирени изумленно приподнимались, ясно давая понять, что такой прыти от новой ученицы ведьма не ожидала. А вот насчет фантазии вообще волноваться не приходится. У меня ее всегда было столько, что на пятерых за глаза хватит. Даже с избытком. Тем более, что еще утром, топая за ведьмой по тоннелю, я с тоской вспоминала о некоторых предметах и продуктах родного мира. Например, об обычном растворимом кофе, которое просто обожала моя тетушка, и без которого не начиналось ни одно утро. Хотя и называлось это – пить чай. Или о маленьких шоколадках, которые она мне покупала с пенсии и потом выдавала как премию. Или... ну вообще-то много чего сразу

припомнилось, но вот шоколада я захотела просто до невозможности. Лучше бы и не вспоминала, вряд ли у меня такое получится, вздохнула с сожалением. Но все же схитрила, прикрыла на миг глаза, словно невзначай, и живо представила себе блестящие слиточки, которые ровными рядами ждут своего часа в коробке на полке сельского магазина.

Внезапный грохот заставил меня распахнуть глаза почти сразу, не дав насладиться сладкими мечтами. И первым, что бросилось в глаза, было бледное лицо отскочившей к стене Сирени, и ее начавшие терять окраску руки. Да Фуссо, стоящий перед ней и загораживающий ведьму поднятым панцирем, как щитом. Впрочем, она в тот же миг пришла в себя, и насмешливо блеснув в мою сторону необычайными глазами, одним движением руки успокоила краба.

– Ну, и чего же тебе захотелось? – спросила иронично, возвращаясь к застеленному салфеткой камушку. На котором до этого момента стоял кувшинчик из-под допитого крабом молока, и миски с хлебом и сыром.

А теперь торчала одним концом вверх какая-то неопрятная доска, из-под нее виднелись углы картонки и стекали во все стороны золотистые плиточки.

Такие знакомые, что я сразу сообразила, откуда они взялись. Но как здесь оказалась эта несуразная доска? Хотя... если посмотреть на нее вот с этой стороны, начинает казаться, что она мне знакома... И довольно хорошо знакома.

А руки уже автоматически развернули фольгу ближайшей плиточки и сунули ее в рот. О! Как я и люблю, миндальная. Бесстрастные глаза краба следили за мной так неотрывно, что, то ли от восторга, то ли от потрясения, я махнула ему рукой и подгрребла к себе кучку шоколадок.

– Иди сюда, зая, угощать тебя буду. А то кормят одним хлебом... а тебе может тоже до посинения сладенького хочется!

И отважно высыпала в жуткую пасть, к которой еще несколько дней назад и за миллион бы не подошла, первую порцию очищенных от оберток плиток. Неизвестно, как устроены органы вкуса у горных крабов, в нашем мире таких нет, да и биология никогда не была моим любимым предметом, но животных я всегда любила, хотя и проводить на них эксперименты не отказывалась. Вроде проверки, найдет ли кошка вход домой, если ее пустить в печную трубу. Кошку потом доставал соседский парнишка, я стирала перепачканные в сажу половики и покрывала, а тетушка читала мне очередную нотацию. И ехидно хвалила, за то, что я догадалась провести этот эксперимент летом, когда печи не топят. На что я находчиво отвечала, что в душе исследователь, а не садист.

А Фуссо тем временем распробовал вкус шоколадок и принялся сам сдирать с них обертки. Получалось это у него так ловко, что коричневые плиточки так и замелькали, забрасываемые в ненасытную пасть.

– Сирень... а ты не хочешь шоколадку? – вспомнив о приличии, оглядываюсь на ведьму и замечаю слезинку, готовую выкатиться из глаза.

– Спасибо, я уже взяла одну... – виновато опуская глаза, словно пойманный на выковыривании орешков с торта ребенок, бормочет ведьма и внезапная догадка взрывается в моей голове.

Но ведь этого не может быть... просто потому, что это невозможно... неправильно и вообще, чудовищно.

И что самое противное, об этом нельзя ни говорить, ни спрашивать... все равно ведь не ответит, зато своим вопросом я могу сделать очень больно. Хотя... уж куда больнее-то.

До самого вечера я занималась магией молча и сосредоточенно, и может поэтому, а может потому, что вдруг поверила в свои силы и возможности, получаться у меня стало все лучше. И точнее. Теперь огонь не взрывал указанный Сиренью камень, а плавил его ровно настолько, насколько это было заказано, светящиеся шары и колбаски вспыхивали по одному взмаху ресниц, и даже вода начинала появляться именно в тех местах, на которых велела наставница.

А появившаяся к обеду новая коробка шоколадок, на этот раз без магазинной полки, и несколько банок нескафе потрясли даже мою невозмутимую учительницу. Тем более, что все бытовые предметы у меня получались безо всякой тренировки и не сопровождались никакой слабостью, знаменующей у местных ведьм перерасход энергии.

И все же в свое новое, временное надеюсь, жилище, я возвращалась в корзину, которую, естественно, тащил Фуссо. Конечно, сама виновата... почувствовав почти неограниченные возможности своего дара, решила, что могу делать все то, что с такой легкостью творит Сирень. И в первую очередь летать.

Ну, летать – это для меня особая тема, мне всегда казалось, что природа нас обделила, не выдав крыльев. К тому же воспоминания о снах, где я умела летать, ярких, красочных, наполненных острым восторгом полета и захватывающим дух ощущением внезапного падения, всегда долго преследовали меня, заставляя истово жалеть, что все это было не наяву.

И теперь, едва осознав, что я и в самом деле ведьма, первое, чего пожелала после шоколада, было подняться в воздух.

Лишь придя в себя и выслушав отповедь Сирени, начинаю проникаться пониманием, как все-таки замечательно, что эта идея пришла

ко мне именно здесь и сейчас. Ведь все закончилось банальным ударом моей многотрадной головы в потрескавшийся от тренировок камень потолка. Кстати, еще одно огромное спасибо наставнице за чудодейственную шапочку, по своим защитным качествам далеко обогнавшую мотоциклетный шлем. Без нее мне пришлось бы полежать с недельку в постели с сотрясением мозга. Хотя моя тетюшка в таких случаях утверждала, что это единственная болезнь, которой у меня просто не может быть. Потому что сотрясать нечего.

– Кэт, мне придется наложить на тебя заклинание, ограничивающее твою магию, – водя руками над моей головой, строго высказывала ведьма после того как я рухнула вниз на камни, – если ты не возьмешь за правило сначала советоваться со мной. Как ты думаешь, почему так ценятся в нашем мире хорошие учителя? Именно потому, что переучиваться трудно в любом деле, а вот в нашем почти невозможно. Ведьма, привыкшая сначала пробормотать пару-тройку мозголомных фраз, находится в значительно более уязвимом положении, чем та, кому достаточно просто пожелать, разумеется, вначале отчетливо представив, чего именно. Вот ты сейчас пожелала взлететь, я правильно поняла? По твоему хитрому взгляду вижу, что правильно. Но куда взлететь, на какой высоте зависнуть или в каком направлении, с какой скоростью лететь, ты даже не задумалась. Вот тебя твоя сила и швырнула вверх. И тебе повезло, что мы в пещере, иначе бы миг оказалась на такой высоте, где и дышать-то нечем.

Это объяснение я уяснила мгновенно, и про стратосферу и про космос знаю достаточно. От одной мысли о моей безжизненной тушке, летящей сквозь бесконечную мглу, у меня заledenело в груди. Нет, больше никаких спонтанных желаний... если хочешь жить, учись, Катюшка, думать.

После ужина, когда ведьма, по обыкновению, исчезла в затянувшемся за ней тоннеле, оставшийся со мной краб сначала доел остатки ужина, потом все сложенные в корзину шоколадки. А затем устроился возле лежанки и, посмотрев в мои засыпающие глаза, тихо прошепел, – тысс добраясс.

Я собиралась еще удивиться, ответить, но сон уже мчал меня на быстрых санках в неведомую глубину, полную неожиданных встреч, находок и потерь.

День десятый, с утра неудачный

Этот день начался неправильно. Даже припомнить не могу, когда у меня еще так же начинались дни. Чтобы никто не подходил к кровати, не стоял надо мной и не ныл противным голосом, что пора вставать. Даже в те дни, когда я лежала с больной спиной во дворце Роула, выспаться до отвала мне не давали суетливые сиделки. Едва светало, начинали приставать с умываньем, причесыванием, одеванием и так далее. А сегодня я уже и не против бы позавтракать, да никто не идет будить. Может, у них какой праздник случился, и все сейчас сидят за накрытыми столами, а про меня и думать забыли?!

Ну конечно, зачем на общем веселье нужна предательница? Ведь именно так думают про меня сейчас все ведьмы. А доказывать им, что это вовсе не так, я не стану, не имею права, да и не хочу. Никогда не старалась кому-то понравиться, и никогда меня особо не интересовало, что думают обо мне другие. Хотя сознавать, что тебя совершенно необоснованно считают предателем, оказывается, очень неприятно. Я тяжело вздохнула и вылезла из-под одеяла. Умылась, немного подумала над формой одежды и натянула свой тренировочный комплект, вдруг Сирень выберет немного времени для учебы?!

Потом заглянула в миски, надеясь найти хоть хлеб, оставшийся после вчерашнего ужина, и расстроилась окончательно. Ничего. Чертов краб не только весь шоколад стрескал, но и миски почти дочиста выскоблил. А нового никто ничего принести не додумался.

Значит, должно было действительно произойти что-то важное, если все сразу напрочь забыли про меня, и даже еды не принесли. Вот помру с голоду... или хотя бы заболею... гастритом, тетушка всегда говорит, что от неправильного питания случается гастрит.

Как по заказу в животе что-то закололо... так и есть, гастрит. Нет, нужно спасти свое здоровье, оно у меня всего одно и на базаре запасное не купишь. А раз так, значит, можно нарушить обещание ничего не колдовать в ее отсутствие, которое уходя, взяла с меня Сирень.

Мужественно приняв это непростое решение, я со спокойной совестью наколдовала ящик шоколадок, чашку горячего кофе со взбитыми сливками, не помню, как называется, мне в кафе Марина покупала. В тот раз я и вспомнила, что когда-то моя мама такое готовила, и с тех пор твердо уверена, что именно такой кофе и люблю. И в довершение всего сотворила

себе огромный торт, копию того, что пробовала зимой на дне рождения у Светки.

Роскошный завтрак подходил к концу, когда в дверь постучали, сначала тихо, вежливо, потом все сильнее и настойчивее.

Вот чертов колобок, попалась, ну что было не потерпеть несколько минут? Ругала я себя, бегая по комнате в поисках места, куда можно спрятать следы своего преступления. Ведь нарушение честного слова нужно считать преступлением?!

А в дверь стучали все громче, и я, от растерянности прокричав – сейчас, ключ найду, догадалась, наконец, сунуть недоеденные сладости в шкаф и задернуть занавеску.

Уже перед дверью оглянувшись, проверить все ли в порядке, и сразу заметила кофейные чашечки. Три штуки. Ну не хватило мне одной, что ж теперь, всухомятку торт жевать? Однако возвращаться и прятать посуду было некогда, потому и пожелала, чтоб исчезли... куда-нибудь. И решительно крутанула в замке вычурный ключ, торопясь впустить в комнату нетерпеливых гостей.

Но едва увидев человека, сердито хмурящегося за распахнувшейся дверью, тут же попыталась захлопнуть ее снова, и никогда не открывать, вот только мне этого не позволили.

Крепко придерживая одной рукой дверь, передо мной стоял черный маг, намертво перегораживая проем собственным телом.

Ну, да, чтобы пленница не рванула куда глаза глядят, отступая вглубь комнаты, и вспоминая уроки Сирени, затравленно сообразила я. Ругать себя было поздно да и бесполезно, и потому мне оставалось только одно, как можно дороже продать свою жизнь.

Огненный шарик послушно возник возле обтянутой черным смешным одеянием груди мага, и я зажмурилась со всех сил, чтобы не видеть, как будет гореть ткань, как вздуется волдырями кожа... в ужасниках сто раз видела, как это происходит. А еще жертва должна душераздирающе орать... не разжимая век, спешно затыкаю пальцами уши, чтобы и крика этого жуткого не слышать. Секунда, другая... интересно, когда уже можно будет открывать уши? Открывать глаза мне вообще не хотелось, я и в кино в такие моменты надолго зажимаюсь.

Чья-то крепкая рука взяла меня за запястье и решительно вырвала палец из уха.

– Если боишься смотреть, как горят живые существа, зачем бросаешься огнем? – иронично произнес знакомый голос.

Только несколько слов он сказал в моем присутствии в тот памятный

вечер, но никогда я не спутаю этот низкий, рычащий голос ни с каким другим. И все, что маг тогда говорил, тоже прекрасно помню, как и его небрежное ковыряние дорогого для меня предмета.

– Чтобы тебя убить, – ясно понимая, на что иду, объявляю врагу, решительно распахивая глаза.

Смерти нужно смотреть в лицо, где-то я это слышала.

– Смелое заявление, – с насмешливой поощрительностью кивнул маг, спокойно проходя к столу и по-хозяйски усаживаясь на скамейку.

– Она хорошишшая... – прошипело за спиной, и я невольно оглянулась.

О, черт! Оказывается, мне вчера вовсе не приснилось, что он разговаривает. Вот теперь становятся понятны все несоответствия... и возникают новые. И самое главное из них, почему краб пришел вместе с магом? Нет, я пока не сделала никаких выводов, но слабая, робкая надежда осторожно трепыхнулась в душе. Жить хотелось просто до жути.

А Фуссо уже ловко запер дверь и теперь цепко держал в клешнях фигурный ключ, не собираясь, по-видимому, отдавать его ни одному из нас.

– Тебе виднее, – холодно усмехнулся в ответ на его замечание маг, – ведь это ты с ней все время общаешься. Мне она такой не показалась, вон и убить ни с того, ни с сего, собирается. Хотя, раз уже начала учиться ведьмовскому мастерству, должна бы понимать, что необученной ведьме убить черного мага не так-то просто.

Я слушала его неторопливый низкий голос и все четче понимала, не затем он сюда шел, чтобы убивать меня. И не привел бы его Фуссо, если бы не был уверен, что ничего мне не грозит. Надеюсь, что не привел бы, ведь предан же краб Сирени, а я её ученица? Впрочем, и с магом он, как выяснилось, в достаточно дружеских отношениях, а я-то считала, что он темного, по меньшей мере, не любит.

Внезапно меня так и обдало жаром понимания, так вот кто, оказывается, был в ведьминском отряде предателем!

Фуссо! Ну конечно, ведь крабу были отлично известны все планы ведьм, и именно ему ничего не стоило сбегать за ночь во дворец и обратно. А все это может означать только одно, магу от меня что-то нужно. Интересно только, что? Ну, наверняка он не считает, что я в курсе тайных планов ведьм? Если Фуссо докладывал ему про все, что здесь происходит?! И в таком случае я могу попробовать поторговаться, глядишь, и выпутаюсь без потерь.

Да и время потянуть не помешает, может, Сирень, наконец, вспомнит, что ее где-то ждет голодная ученица.

Я ухмыльнулась при мысли, что может сотворить с черным магом

разъяренная дикая ведьма, подняла повыше нос, протопала к столу и независимо уселась напротив незваного гостя.

Он ожидающе поглядывал на меня, однако я хранила упорное молчание. Наученная жизнью, что разговор первым должен начинать тот, кому что-то нужно.

– Вкуссно пахххнет... – остановившись возле шкафа, пробормотал Фуссо, испортив мне всю важность момента этим сообщением.

Пришлось вставать и доставать из-под юбок ящик шоколадок и коробку с тортом. Сладости я зловредно поставила на пол перед крабом, потчевать мага вовсе не входило в мои намерения.

– Ну, вот, – едко заметил тот, когда я снова шлепнулась на свою скамейку, – а ты еще говоришь, что она добрая. Добрые люди имеют обыкновение угощать гостей.

– Во-первых, ты не гость, – мгновенно разозлившись, отрезала я, – а во-вторых, я добрая только с теми, кто не делает мне гадостей.

– Ну, в комнату ты добровольно наспустила, – так же неторопливо взрыкнул маг, – значит мы гости, да и гадостей я тебе не делал, насколько помню.

– Да?! – даже задохнулась я от возмущения, – А кто, кто...

– Ты, наверное, хотела напомнить про тот вечер, когда мы с Роулом приходили в твою комнату? – так же спокойно и насмешливо подсказал маг, видя, как я безуспешно ищу слова, чтобы высказать свои претензии, – так не забывай, что я работаю на князя. И хотя это я положил в твою еду сонное снадобье по его приказу, зато не забыл объяснить Фуссо, сколько булочек он должен оставить, чтобы была полная иллюзия, что ты без сознания. А раз ты слышала мои слова, то должна также вспомнить, что именно по моему совету князь отложил свои грязные намерения на одну ночь, дав тем самым крабу возможность утащить тебя из замка. И именно я умышленно снял на три часа со стен свои охранные заклинания, чтобы стражники вас не поймали еще до того, как Фуссо доберется до реки. Ты можешь сейчас сказать, что я все это придумал, тогда вспомни, как я подлечил в тюрьме твои руки и специально оставил на столе кристаллы с накопленной в них силой, якобы затем, чтобы наутро продолжить сливать силу ведьм.

Ну, вот тут ты и прокололся, гад, злорадно фыркнула я. В тот миг и прокололся, когда сам начал говорить про ведьм, лишенных силы. Не думаю, что Сирень с подругами не захотят за те делишки наделать из тебя котлеток. Отбивных.

– И еще... – спокойно продолжал он, – только насколько старых ведьм

знают, что ни из одной из пленниц Роула я не выкачал энергию до конца. Хотя князь уверен в обратном. Ведь он проверял мою работу амулетом. Только не догадывался, что над этим амулетом вначале поработал я.

Это было очень серьезным заявлением, менявшим для меня очень многое. И не поверить ему совершенно я не могла, ведь учитывая прошлые ведьминские интриги, велика вероятность, что и в этом вопросе они слукавили. Но и верить безоговорочно тоже нельзя, вполне возможно, маг сейчас беззастенчиво врет, проверить-то я не могу. Что же мне делать, кто может подсказать? И где уже, наконец, эта Сирень? Почему ее нет именно тогда, когда она так нужна?

– Я понимаю, что ты не можешь мне поверить, – с минуту пристально понаблюдав за мной, вздохнул маг, – но я об этом и не прошу. Все что мне нужно, это чтобы ты помогла мне добраться до ведьм. Наступает такой момент, когда без моей помощи им не обойтись.

– Да, я тебе не верю, – тут же поймала я подсказку, – и зачем же тогда поведу тебя к ведьмам? Чтобы ты выловил их и отдал Роулу? Да и даже если бы я поверила, ничего это не изменит. Никуда и никого я не смогу привести, если и сама не знаю, где они сейчас.

– Ведьмы передали тебе с Фуссо путеводный клубок, – не расстроился моим отказом маг, вот по нему и найдем, куда идти. А ведьм отдавать Роулу я вовсе не собираюсь. Неужели ты думаешь, Фуссо стал бы мне помогать, если б не знал, что я не смогу причинить вреда ни одной из них? Наоборот... на мне долг... нужно помочь одной ведьме встретиться с сыном.

– Что ей помогать... – фыркнула я, думая совсем о другом, совершу ли я ошибку, если поведу мага к ведьмам, или наоборот? – она и сама...

Понимание, что ляпнула что-то лишнее, заставило прикусить язык, но было уже поздно.

Одним прыжком перелетев через стол, маг вцепился в многострадальную тренировочную жилетку побелевшими пальцами и, приподняв меня со скамьи, впился в лицо совершенно безумным взглядом.

– Ты встречалась с Латринеей?! Что ты знаешь о ней? – яростное рычание клекотало в его горле.

– Сскашши, скашши! – требовал с другой стороны краб, теребя меня за полу.

– Отпусти девочку, Ургазир, ничего она не знает, – холодно скомандовал сзади знакомый голос и в тот же миг маг уронил меня обратно на скамейку.

– Ты?! – пробормотал он таким растерянным шепотом, что я

подавилась нервным смешком.

Мстительно торжествуя, что оказалась намного догадливее.

– Не узнал? – так же холодно обронила ведьма, – собирайся Кэт, срочно уходим.

Да что мне собирать-то? Метнулась я взглядом по комнате и невольно замерла, наткнувшись на неподвижную фигуру мага. Как-то меньше и старше он мне показался, с опущенными плечами и горькими складками возле губ.

– Теперь узнал... – какой хриплый и неуверенный у него голос, словно у треснутого колокола, – а ты, значит... все время рядом...

– Не рядом, а неподалеку, – так же холодно падают слова Сирени, – Кэт, я жду.

– Бегу, бегу, – забормотала я, спешно вытаскивая из-под подушки свой рюкзак и заталкивая туда джинсы со свитером, – уже готово.

– Тогда пошли, – приостановившись возле замершего статуей краба, Сирень безбоязненно положила ладонь на его шипастую морду, – не обижайся, Фус, я давно знаю, что ты ему все доносишь, вот и не могла ничего сказать.

Так, так, вот и начинают выясняться интересные подробности, хмыкнула я про себя, стараясь сохранить на лице самое тупое выражение, какое только умела делать. Похоже, они все тут изоврались, а вот мне как-то выживать нужно. Да уж, правильно сказал маг, пока я всего лишь ведьма-недоучка, лучше и не пытаться воевать с такими сильными и коварными соперниками.

А Сирень уже открыла тайный проход и первая шагнула туда. Я рванулась следом, стараясь не глядеть на мага с крабом, меня-то она позвала, а про них ничего не сказала. Но топая по знакомому проходу, слышала сзади звук шагов, и понимала, не так-то просто будет теперь от них отвязаться. И действительно, когда вышли в пещерку, где от моих тренировок почти половина стен блестела остывшими потеками камня, оказалось, что маг идет за мной почти по пятам, а за ним так же плотно держится Фуссо.

И хотя Сирень на них внимания вроде и вовсе не обращала, но закрывать проход начала только после того, как краб отошел от отверстия. А потом чуть шевельнула бровью и кучи камней, разбросанные Фуссо по сторонам, шевельнулись и полезли в тоннель. Причем на ходу поворачиваясь, уплотняясь и становясь однородной массой, похожей на гигантскую колбаску фиолетового пластилина. Этот пластилин заполнял все свободное пространство тоннеля, вмазывался в неровности и трещины

и застывал вековым нерушимым монолитом.

Я следила за этим процессом с тихим восторгом, представляя, какие чудеса можно творить, имея такие возможности, зато краб выглядел сердитым и снова напрочь потерял способность разговаривать. Молчал и черный маг, только хмуро кривил губы, следя за этой демонстрацией силы. Наблюдая за поведением Сирени, я все больше убеждалась, что он не солгал, когда говорил, что не причинил зла ни одной ведьме, но уже то, что он помогал Роулу их ловить и мучить, в моих глазах само по себе было достаточным злом, чтобы я так легко начала ему доверять.

После того как проход был запечатан, мы двинулись в путь с максимальной скоростью, на которую была способна я. Как вскоре выяснилось, маг может передвигаться почти так же быстро как краб, ну а возможности Сирени вообще зашкаливали в моем понимании за все мыслимые пределы.

– Придется тебе её нести, – тем же холодным тоном сообщила крабу Сирень и к ее ногам шлепнулась знакомая корзина, в которой Фуссо вечером доставлял меня в спальню.

Выходит, она тоже так умеет... так почему же раньше никогда не призвала даже кусок хлеба? От кого таилась? Ведь не от меня, понятно уже, что я никому ничего выдать не могла. Тогда от Фуссо? Тоже не похоже, краб везде бегал за ней и наверняка замечал больше других. Значит, все-таки есть кто-то еще... кто таскает мусор из дома, и ведьма мне не солгала, поведав, что хочет поймать предательницу. Это меня успокоило настолько, что я решилась создать себе шоколадку. Тем более мы как раз приостановились у какой-то дверки, над которой ведьма тут же принялась колдовать. Прижмутив глаза, представляю уже знакомую картинку, на этот раз попытавшись убрать из своей памяти не только магазинную полку, но и ненужную коробку.

Рыкнул сзади маг, вспухло вокруг него облако ослепительного света и противно завоняло горелым сахаром.

– Кэт! – обличительно рявкнула Сирень, – это снова твои штучки?

– Я только хотела Фуса угостить... – невинно вытаращившись на ведьму, прошептала я, злясь на свое воображение.

Непонятно почему, но никак они у меня не желали появляться по одной, эти шоколадки.

– Не нужно ему столько сладостей... – сердито буркнула ведьма, отворачиваясь к двери, – желудок крабов приспособлен к самой простой грубой пище.

Ну, да, а сама хлеб давала, и молоко... хотела возразить я, но поглядела

на застывшие глаза Фуссо, чуть выдающиеся из головы на подвижных стебельках и смолчала. Как-то непросто тут у них все, лучше этой темы пока не касаться, а то еще обидишь кого невзначай... потом выкручивайся или еще хуже того, извиняться придется, а я этого не люблю.

Несколько шоколадок шлепнулось мне на колени, но, сколько я ни оглядывалась на спутников, так и не поняла, кто из них проявил такую неожиданную заботу. Зато заметила повернувшийся ко мне шарик крабьего глаза и украдкой сунула в подставленную клешню развернутую плиточку. Если он вчера целую коробку один слопал, и ничего не случилось, чем сегодня повредит одна шоколадка? Правильно, ничем. А давиться вкусненьким под одеялом в одиночку я никогда не умела, да и презирала тех, кто так делает. Были у нас в интернате... да что их вспоминать.

Наверное, я задремала после того, как не спеша дожевала последнюю плитку. Уж больно скучным и однообразным было наше путешествие. И маг и Сирень упорно молчали, Фуссо тоже не изъявлял желания общаться, хотя я и попробовала задать ему несколько невинных вопросов. Мою корзину после них стало потряхивать так яростно, словно машину, свернувшую на разбитую сельскую дорогу, и я сразу замолчала, правильно поняв этот намек. Устроилась поудобнее и прикрыла глаза, все равно смотреть было не на что. Однообразные стены старых выработок, мостики и лестницы, в слабом свете созданного ведьмой светильника похожи как близнецы.

Зато, когда открыла глаза, не смогла сразу понять, где нахожусь. Огромная пещера, уходящая ввысь и вширь темными закоулками, в центре была освещена магическими светильниками и несколькими кострами, над которыми интригующе булькали большие котлы. А вокруг котлов суетились ведьмы из отряда Сирени, и бродили толпами какие-то непонятные дети. Рассмотреть их получше помешал Фуссо, ловко снимая меня со спины вместе с корзиной и опуская на камень, давая тем самым понять, что поезд дальше не идет. Прибыли.

Обижаться на краба я и не подумала. Наоборот, сказала – спасибо зая, и выпрыгнула из корзинки. Предчувствия подсказывали, что неспроста тут такая тусовка собралась, и не быть в курсе происходящего я просто не имела права. Если хочешь выжить, всегда полезно иметь хоть какое-то представление о планах окружающих на ближайшее будущее. А в такой толпе все, как правило, уже знают, зачем и почему сюда собрались, и не думаю, что мне будет так уж трудно найти любителя рассказывать неосведомленным новичкам чужие тайны.

Закинув рюкзак за спину, я бодро двинулась к ближайшему костру, но,

не пройдя и двух шагов, по лицам внезапно насторожившихся ведьм сообразила, происходит нечто непредвиденное. И связано это каким-то образом с моим прибытием, вернее, с нашим, раз все взгляды устремлены мимо меня.

В тревоге крунулась назад и с облегчением выдохнула, нет, оказывается, лично мне ничего не угрожает. Отряхивая руки от муки и овощных очисток, ведьмы молчаливой цепью неспешно окружали темного мага. Я остановилась, с любопытством ожидая, чем закончится их схватка. А что без драки не обойдется, понятно уже по тому, как по-деловому, без истеричных выкриков и напыщенных угроз, начинали женщины плести пальцами ведомые только им заклятья.

Маг тоже не стоял жертвенным козлом, сбросил с головы капюшон и алые капли камней, украшавших тонкий обруч, почти утонувший в черных волосах, кроважально блеснули в отблеске костров. А потом и сами заискрились, наполняясь жутковатым багровым огнем.

– А ну-ка, прекратите немедленно! – ледяной волной обрушился знакомый голос Сирени на нехорошо ухмылявшихся ведьм и напружинившегося, как тигр перед броском, мага.

Темный расслабился сразу, опустил напряженный взгляд и незаметно уронил кисти рук, словно сбрасывая что-то невидимое с пальцев. Некоторые ведьмы, из той компании, что знакома мне еще по домику бабушки Омелы, отступили назад и нехотя начали возвращаться к прерванным делам. Однако с десятков молодых ведьм, упрямо проигнорировав приказ, остались стоять напротив мага. И не просто стоять, судя по голубоватым искрам, сыплющимся из-под пальцев самой агрессивной.

Я еще немного отступила в сторону, двое дерутся, третий не лезь, но совсем уходить и не подумала, как можно уйти, когда тут самое интересное начинается? Когда бы мне еще довелось увидеть сражение мага с ведьмами?! И не в кино, а вживую.

– Бузина, ты меня не поняла? – Сирень возникла в круге как-то внезапно, не пришла и не прилетела, просто оказалась, точно как в крутом ужастике.

– Я-то поняла... – нехорошо ухмыльнулась ведьма, так метко прозванная Бузиной, – да с чего ты решила, что стану тебя слушаться? Кто ты мне такая...

– Ой, дура, – перебивая строптивицу, протянул сзади звонкий голос Лин, – А кого ж тебе еще слушаться? Кто вас сюда собрал, забыла, что ли?

– Нам пришел зов от дикой повелительницы... – осторожно отозвалась

стоявшая рядом с Бузиной кудрявенькая ведьмочка, с сомнением поглядывая на безучастно застывшую Сирень.

– Вот именно... – дерзко подхватила подачу Бузина и вдруг испуганно схватилась рукой за губы.

Едва разглядев ее вытаращенные от ужаса глаза, мгновенно перевожу взгляд на наставницу и замираю в ступоре. Потому что Сирени больше нет. А перед мятежными подругами стоит, не касаясь ногами пола, та полупрозрачная дикая ведьма в голубом платье, которую я должна была поймать для краба. И еще не успев как следует насладиться видом ошеломленных ведьм и странной гримасы мага, в которой причудливо смешалась радость и скорбь, начинаю оглядываться, пытаюсь отыскать взглядом Фуссо. Ведь это он больше всех хотел ее найти, наверное, чтобы рассказать про сына... хотя с некоторых пор мне почему-то стало казаться, что эти известия дикую ведьму вовсе не обрадуют. А теперь вдруг спрятался, наверняка умышленно. Ведь буквально несколько секунд назад я видела неподалеку его шипастый панцирь.

Вон в той стороне, за камнем. Оглянувшись на ведьм, недовольно разбредающих от места несостоявшейся битвы, я рванула в ту сторону, где последний раз видела краба. Вроде вот за тем камнем... или за тем? Проскочив мимо нескольких огромных валунов, все четче понимаю, найти темно-серого, с черными разводами краба в быстро сгущающейся тьме практически нереально. Он может затаиться в тени любого валуна, и я пройду рядом, не заметив. Тем более, отсветы оставшихся позади костров еще больше сгущают тени. Но поворачивать назад, не попробовав последний способ найти беглеца, мне и в голову бы не пришло, потому я скользнула за валун и тихонько позвала темноту:

– Φυσσο?!

Эхо немедленно отшвырнуло мой призыв от невидимых стен, и тот пошел гулять по пещере, смешиваясь с другими звуками, производимыми целой кучей ведьм и их спутниками.

От неожиданности я присела за камнем и зажала ладонью рот. Похоже, это была не самая лучшая идея, кричать в огромной гулкой пещере. И считала так не я одна.

– Не шшшшшшш... – сердито зашипел где-то неподалеку голос краба.

А вскоре от соседнего камня отделилась темная тень и мгновенно пересекла слабо освещенную полосу прохода. Так уверенно, словно краб все прекрасно видит в темноте. Хотя это я уже замечала, он ведь и раньше бродил по пещерам один и никакого света у него не было.

– Ссаччем ссвала? – знакомо шипит прямо мне над ухом, и в плечо

упирается острый шип.

– Осторожнее! – возмутилась я, – не забывай про свои колючки. Ты почему сбежал? Хотел ведь увидеть дикую ведьму, вот и нужно было ловить момент. О чем ты хотел ей рассказать?

– Она вссссснает... – его шипящий голос не выражает никаких эмоций, почему же мне кажется, что в этих словах сквозит горечь?!

И что мне сказать ему в ответ? Как утешать, если я терпеть не могу, когда меня утешают, и сама никогда никого не утешала? Другое дело – помочь, если нужно. Вот на это я всегда готова, только здесь вовсе не тот случай. Ну чем я помогу крабу, который свободно лазит по стенам, может несколько часов бежать с двумя пассажирками на спине и легко крошит клешнями камни?

Несколько минут мы молча сидим рядом, и хотя острый шип больше не касается моего плеча, а дыхание затаившегося краба совершенно бесшумно, я точно знаю, что он не ушел, ждет моего ответа, а может, надеется на какой-то совет или что-то подобное.

– Знаешь, а я ведь от тетки ушла. Она меня наказала... за дело, конечно, только и сама не меньше виновата была, вот я и психанула, – не придумав ничего лучшего, начинаю рассказывать Фусу историю своего попадания в этот мир, хотя понятия не имею, знает ли он вообще, что существуют иные миры.

Скорее всего, не знает, откуда ему знать? Да и мышление у него, должно быть, лишь немного более развито, чем у наших обезьян. Но слушает все равно внимательно, и про соль и про смерч. И про интернат, и про Марину, и вообще все, что вспомнилось мне в этот момент, и грустное и веселое. И как-то незаметно, наверное, потому, что не считала его достаточно разумным, чтобы понять все, или просто слишком устала от бесконечных интриг и переживаний, но я рассказала крабу всю историю своей жизни. Как-то неправильно рассказала, не с начала, а с конца, и только те воспоминания, что сохранились в моей памяти яркими эпизодами. И хорошими и наоборот, нерадостными. А под конец вообще забыла, кому рассказываю, в темноте казалось, сидит рядом кто-то понимающий и добрый, вроде Марины. И он ни разу не перебил мою исповедь ни одним звуком, ни шипеньем, ни шуршаньем фольги, с той, последней шоколадки, что случайно завалилась в моем кармане.

– Вот вы где... – тихо и как-то виновато произнес голос Сирени, непонятно как нашедшей нас среди камней.

Хотя, почему непонятно?! Наоборот, как раз этот момент мне теперь ясен. Она ведь дикая ведьма, и значит, имеет почти безграничные

возможности. Ну, так ведьмы мне объясняли, сама Сирень ведь старательно шифруется.

Зато стало непонятно совершенно другое, зачем тогда она разыграла этот спектакль с её ловлей? Ну не затем же, чтобы сбросить меня в пропасть?!

– Сирень, – не откладывая в долгий ящик, решаю выяснить этот вопрос, – а для чего мы ловили тебя на лысой горе? И именно таким способом, на живца?

– Я тебе уже говорила... нам нужно было попасть в подземелье. Все остальные выходы из поселков гольдов, ведущие к тайным сокровищницам князя, Роул перекрыл старинными амулетами. К тому же держит там кучу наемников, без потерь мы бы не прошли.

– Понятно, – буркнула я мрачно, и не удержавшись, подколола, – а меня, значит, можно было потерей не считать.

– Ты про то, что я тебя со скалы сбросила? Так Фуссо же там караулил, с одной из диких, сразу за кромкой тебя и поймали.

– А спина? – не поверила я такому повороту.

– Не было ничего со спиной, травки я такой заварила... – тихо призналась ведьма, – чтобы Роул считал тебя жертвой, а не сообщницей. Уменья в тебе еще нет, выдержать все то, чем он подруг угощал. Ну, хватит о грустном, пойдем, поужинаем, да отдыхать. С утра пораньше разбужу, денек нелегкий предстоит.

Катерина, ученица ведьмы.

День одиннадцатый, очень напряженный

В это утро я проснулась сама. Немного полежала, сомневаясь, правильно ли поступаю, собираясь без приказа вылезать из-под одеяла и топтать искать удобства, но быстро поняла, с организмом спорить глупо. Да и лежание на твердых камнях никакого уюта и комфорта не доставляло. Конечно, я далеко не неженка, на тощих интернатских матрасах особо не разнежишься. Но и спать на непонятно откуда взявшихся выступках, как выяснилось, долго не могу. Несмотря на то, что гольды притащили с собой набитые шерстью тюфячки и делились ими со всеми желающими.

Как выяснилось за ужином, гольдами оказались те существа, которых я приняла вначале за детей. Да и любой бы принял. Ростом с третьеклассников, в какой-то одинаковой серой одежде они с первого взгляда напоминали именно воспитанников интерната. Или, вернее, детдома. Именно те в будние дни одеты одинаково, как китайцы. А хорошие вещи берегут на случай, если внезапно приедут желающие выбрать себе ребенка. Вот лично меня это всегда оскорбляло, когда человека выбирают по цвету волос, как кутёнка на птичьем рынке. Неужели трудно было заранее посмотреть фотографии, или видео? Уж чего, чего, а видео теперь не проблема вот и изучили бы вначале, и выбрали без спешки. А потом устроили как бы случайную встречу, подальше от завистливой надежды остальных детей.

Так вот, про гольдов. Они вблизи оказались очень симпатичными. Хотя и не очень похожими на нас лицами. Ну, о том, зачем им такие большие, похожие на совиные глаза, я догадалась сразу, поживешь денечек в полутемных пещерах, невольно догадаешься. А вот слегка приплюснутые носы, с поблескивающей полоской твердых чешуек на переносице заставили призадуматься. И сама я нипочем бы не догадалась, если б не объяснила Малина, оказавшаяся за ужином рядом. Оказывается нос у них более тонкий инструмент, чем наш. Именно нос, вернее, эти чешуйки, улавливают малейшее колебание горных пород, и предупреждает гольдов об угрозе обвалов и трещин.

– Что-то рано ты сегодня проснулась, – голос Сирени прозвучал за спиной так неожиданно, что я даже вздрогнула.

– Спать жестко... да и вчера я хорошо выпалась, – бурчу в ответ, пытаюсь отыскать в куче пирожков, прикрытых полотном, самый мягкий.

Да знаю, что некрасивая манера, тетка уже всю плешь проела. Но

интернатская привычка сильнее. Если можно ухватить кусок получше, не нужно ждать, пока его ухватит кто-то другой, не факт, что он чем-то достойнее тебя.

– Пойдем, погуляем, – помолчав немного, как-то нерешительно предложила ведьма, словно сомневалась в необходимости своего предложения.

И эта нерешительность подстегнула меня хлеще оплеухи. Раз сомневается, значит, хочет сказать что-то важное, и нужно быстрее соглашаться, пока не раздумала.

– Идем, – так и подорвалась я, на ходу запивая пирожок чьим-то вчерашним чаем.

Ведьма неслышно двигалась впереди, и я сильно подозревала, что ее ноги в этот момент совсем не касаются пола. Зато я почти бегом мчалась следом по расчищенной от камней тропе, выющейся между огромных валунов, и топот моих кроссовок гулко отдавался от невидимых в темноте стен. И казалось, что разбуженная тьма недовольно глядит на меня сотнями глаз, сердясь за такое непочтительное отношение к ее древнему покою.

По мере нашего удаления от тлеющих костров, над головой Сирени начал разгораться магический светильник, освещающий только небольшой пяточок перед моими ногами. Ровно такой, чтобы я не споткнулась о какой-нибудь уступчик.

Вскоре пещера стала уже и наконец превратилась в неширокий тоннель, продолжающий быстро сужаться. Вот в этот момент я и поняла, что чужие взгляды мне вовсе не чудились. Дозоры гольдов стояли так часто, что могли бы негромко переговариваться. Если бы захотели. А проход к тому времени стал настолько узок, что я первый раз в жизни порадовалась своему невысокому росту. Пригибаться пришлось только в самом конце, когда впереди уже забрезжил неяркий свет. Ведьма немедленно убрала свой светильник и двинулась вперед еще осторожнее. Здесь и мои подошвы не издавали никаких звуков, но вовсе не потому, что я внезапно научилась ходить бесшумно. Просто пол оказался застелен мягкими шкурами, глушившими всякий звук.

И наконец мы вышли к цели нашего путешествия. Я поняла это сразу, да и как было не понять, если кроме узенького уступа, обрывающегося в глубокую тесноватую пещеру, впереди ничего не было. Разумеется, кроме самой расселины, слабо освещенной висящим под потолком матовым шаром из неизвестного мне минерала.

Гольд, лежавший на уступе, свесив вниз голову, вначале показался мне самоубийцей, желающим внимательнее разглядеть перед решающим

прыжком место своего расставания с жизнью. Однако ведьма так вовсе не думала, потому что не стала принимать никаких мер по его спасению. Наоборот, она и сама немного отлетела от края, и некоторое время внимательно присматривалась к тому, что происходит там, внизу. А потом перебросилась несколькими словами с наблюдателем, и он, ловко отползая от края, поднялся на ноги и исчез в темноте лаза, приведшего нас сюда.

– Садись, – предложила Сирень, возвращаясь на уступ, и я только теперь заметила, что уступ тоже застелен мехом.

Поежившись от сквозняка, гуляющего по пещере, осторожно сажусь на мех, опершись спиной на стену. На деле уступ не меньше метра в ширину, и свалиться с него невозможно, если, конечно, никто не столкнет. Однако Сирени я доверяю намного больше чем остальным ведьмам. Если бы она захотела от меня избавиться, то могла просто не уводить из подземной тюрьмы Роула.

– Возьми там, у стены, шкуру, подложи, чтоб спину не застудить, – устраиваясь рядом, предложила ведьма и я с удовольствием последовала этому совету.

– Тебе, конечно, хочется узнать ответы на многие вопросы, и сейчас у меня есть немного времени, чтобы кое-что объяснить, – просто заявила ведьма, едва я устроилась, – спрашивай.

Вопросов у меня конечно, куча, даже боюсь все сразу не вспомнить. Но тут такое дело, главное начать. Потом ясно станет, о чем я правильно догадалась, а в чем ошиблась. Но один волнует больше всего, и с него-то я и начну.

– Что это за пещера? – выпаливаю, для убедительности ткнув пальцем в лежащую у ног пропасть.

– Это единственный проход к галереям, где хранятся княжеские сокровища, – как-то ожесточенно бросила Сирень.

Понятно. Только зачем ей сокровища... вот и он, новый вопрос.

– Ты хочешь его ограбить?

– Нет, наоборот, забрать свое.

Хм, очень странный ответ. А откуда у нее может быть там свое?

– Сирень, он что, тебя ограбил? – с замиранием сердца пробормотала я, вспоминая подробные объяснения ведьм, что диких приводит в ярость даже малейший намек на обстоятельства, способствовавшие их перевоплощению.

– А как ты думаешь... меня звали до того как я стала... такой? – внезапно с ненавистью спрашивает она и я впадаю в легкую панику.

Да откуда же мне это знать? А отвечать нужно, и как можно скорее,

воздух вокруг ведьмы начинает ощутимо холодать, и в нем проскакивают редкие синие искорки.

– Сирень, ты что, забыла? Я ведь не из этого мира, как я могу такое знать? – стараясь не выдать голосом испуг, начинаю уговаривать ведьму, едва заметно отодвигаясь подальше.

Хотя сильно подальше некуда, вот он, край, а за ним полная острых обломков глубокая трещина.

– Ладно... сама скажу, – сквозь зубы процедила она, с видимым усилием беря себя в руки. – Все равно здесь все это знают. Я Латриней Аглензайр, вдова князя Эрнилинса Аглензайра. Старшего брата Роулиниза Аглензайра, известного тебе под именем Роул.

Несколько минут я ошарашенно молчала, по всякому обкатывая в мозгу эту неожиданную информацию. Нет, не верить Сирени у меня не было никакого основания. Только не в этот раз. Слишком звенел гневом ее голос, и слишком близко подошла она в этот момент к той, никому не ведомой границе, за которой прячется тайна возникновения диких ведьм. Но куча предположений, которые возникли после этого заявления, просто разжигали мое любопытство, побуждая задать те вопросы, которых и в помине не было в моем арсенале в начале этого разговора. И только обострившееся чувство самосохранения не позволяло мне выпалить их в ведьму автоматной очередью.

– Не бойся, – горько усмехнулась ведьма, – я уже спокойна. Можешь спрашивать дальше. Хотя это очень долгая история, и все рассказать сейчас я тебе просто не успею. Попроси Малину, как у нее будет свободное время, скажешь, я разрешила. А сейчас скажу только главное, там, в этой сокровищнице находится самое дорогое, что у меня есть. Мой сын. И Роул никогда не отдаст его добровольно, он и жив пока только потому, что без старинного амулета-ключа заговоренного на крови рода Аглензайр эту сокровищницу открыть невозможно. Она вся опутана сложнейшей защитой, и каждый ступивший под ее своды без секретного отпирающего заклинания, и родового артефакта немедленно погибнет. А если защита не сможет устранить непрошенного гостя, то сработает заклинание, которое уничтожит саму сокровищницу.

Я все так же продолжала молчать, переваривая услышанное. Конечно, с того самого момента, как я узнала, что у князя были подлые планы насчет меня и моего ребенка, я не могла не думать о детях. С совершенно новой для меня точки зрения, как потенциальной мамы. Ведь до этого я сама всегда была ребенком, и в интернате и дома за меня все решали старшие, и принимать меня в свой вожделенный взрослый мир, где можно делать или

не делать все, что хочешь, они как-то не спешили. Или это я сама, повинувшись подсознательной житейской логике, не торопилась бросаться грудью на амбразуры самостоятельного быта? А этот мир сразу, с первых часов начал требовать от меня все более сложных и необратимых решений и поступков и научил быть еще осторожнее. Хотя раньше я искренне считала, что осмотрительнее меня нет ни одной девчонки ни на хуторе, ни в интернате.

А теперь застряла на распутье чувств и разума. И если разумом прекрасно понимала, что тоже убила бы всякого, кто осмелится украсть моего, пока теоретического ребенка, то сердце сжималось от жалости к Роулу. Ведь для того и собрались здесь все эти воинственные ведьмы и ловкие гольды, чтобы его убить и отобрать ключ, а иначе зачем же еще?!

– Сирень, а за что гольды его ненавидят? – осторожно выдавила я вполне нейтральный, как мне казалось, вопрос, но ведьма снова скорбно вздохнула.

– Нет, не ненавидят, и далеко не все. Мне помогают только то, кто считает, что князем должен был стать мой сын. Остальные пока держат нейтралитет. Видишь, ли, в чем дело, у Роула не было права наследования, он родился без магических способностей. А князем над гномами и гольдами может быть только маг. У моего мужа способности были... но слабоваты, зато наш сыночек обладал существенным потенциалом. И должен был стать следующим князем. Вот Роул и сговорился... с черным магом и Тассминией... но тут я могу только догадываться, как дело было... – ведьма оглянулась и вслушалась в мрак прохода, из которого мы вышли, – тсс, он идет сюда... выслушай главное, если тебе Роула так жаль и совсем не хочется мне помогать, лучше уйди... я в гневе буду далеко не так добра, как сейчас.

– Кто идет?! – не поняв, шепотом переспросила я.

– Демон. Ургазир, – быстро нагнувшись к моему уху, шепнула чуть слышно ведьма, но на меня эти слова подействовали как ведро ледяной воды.

Кто... этот черный маг – демон?! Самый настоящий?!

– Латриней... можно с тобой поговорить? – рыкнул сзади низкий голос, заставив меня теснее вжаться в камень.

Вот только близкого знакомства с демонами для полного набора заморочек мне и не хватало!

– Говори.

Голос ведьмы так безучастен и холоден, что им можно мороженное замораживать. Искоса взглянув на нее, вижу, как резко застыло лицо, и

потемнели сиреневые глаза. Да почти неприметно напряглась спина, словно Сирень уже приготовилась к броску или прыжку... как тогда, на скале.

– Наедине, – тихо, то ли просит, то ли спрашивает сзади темный, и в этот раз в его голосе мне слышится не рык тигра, а мягкое урчание котенка.

Наедине?! Это значит – без меня, и хотя перспектива протискиваться в тесный лаз мимо живого демона как-то не впечатляет, немедленно вскакиваю на ноги, чтобы уйти.

– Сиди!

Окрик Сирени несомненно относится ко мне, вот только слушать ее в этот раз я не намерена. Не знаю, гордость это или гордыня, но если мне хоть малейшим намеком или взглядом дают понять, что я в этом месте лишняя, уговорить остаться не удалось пока никому. Вполне возможно, что это глупо, как не раз сообщала мне Марина, но, по-моему, в сто раз глупее поступать наоборот. Такая подруга тоже была в нашей компании, упорно не желала замечать даже откровенных намеков. Могла по целому часу стучать в дверь подсобки, куда мы ускользали от очередного аврала, и бубнить, ну девчонки, ну откройте, я же знаю, что вы там. Вызывая во мне искреннее недоумение и даже стыд за нее, ну как можно настолько не уважать себя?! Лично я давно бы сгорела от позора.

Вот и теперь, ринулась к проходу, словно не слыша приказа учительницы. И вдруг поняла, что не могу даже сдвинуться с места, ноги словно приросли к полу. Да и руки движутся как-то замедленно.

– Кэт, сколько раз тебе говорить, что ученица слушает наставницу беспрекословно? – устало спросила Сирень, понимающе взглянув мне в глаза, – так вот, запомни, повторять не буду. Я исполняю только свои собственные желания, все остальные могут с ними соглашаться или нет, их дело. Меня это не интересует. Садись, у меня нет, и не может быть с этим демоном никаких совместных тайн.

Само, собой, если бы я могла, то садиться не стала наперекор всему, но ноги сами подогнулись, и мне пришлось неуклюже шлепнуться на меховой коврик. Проклиная в душе тот миг, когда я по дурости решила, что идея стать ученицей Сирени – это крупный выигрыш в лотерею. А теперь начинаю понимать, что выгодные предложения местных ведьм такое же сплошное надувательство, как и все бесприигрышные акции, рекламируемые в бесплатных газетках.

– Ты стала очень жесткой... – очень тихо и горько выдохнул маг и опустил на мех прямо там, где стоял.

– Жизнь научила, – равнодушно бросила ведьма.

– Я пришел предупредить, без меня тебе не удастся... – он на миг

замялся, зыркнул на меня обжигающим взглядом черных глаз и дипломатично продолжил, – сделать то, что ты задумала. Не забывай, что именно я отправлял Эри в стазис, и естественно, позаботился о том, чтобы никто не смог снять мои заклятья.

– Не волнуйся... – голос ведьмы снова зазвенел льдинками от ненависти, – я этого никогда не забывала.

– Трине... ты же не знаешь... если бы я отказался, она нашла бы другого мага, с её состоянием это было нетрудно. Но тогда у тебя не было бы ни малейшего шанса его вернуть. Ведь стазис – это мое условие, она желала, чтобы Эри убили.

– Во-первых, никогда не смей называть меня Трине, ведьма с таким именем умерла пять лет назад. Во-вторых, если мы не сможем снять стазис, то сами найдем тебя хоть на дне моря. И, в-третьих, даже если мне придется принять твою помощь, не вздумай надеяться, что это изменит мое отношение к тебе, – ледяным тоном отчеканила Латринея.

– Ну, надеяться мне никто не имеет права запретить, даже ты, без надежды не может выжить ни одно разумное существо. И не имеет значения, что эта надежда зачастую безрассудна и эфемерна, – горько усмехнулся маг, – а помощь я тебе предложил безо всякого меркантильного умысла. В команде наемников, которую тайком собрал Роул, есть, по меньшей мере, двое черных магов средней руки, которые готовы на все, ради обещанных им молодых ведьмочек.

– Хорошенько запомни, Кэт, – с сарказмом фыркнула Сирень, – ни один демон никогда даже пальцем не пошевелит, если не видит в этом хоть крохотной выгоды для себя. И неважно, что ты об этой выгоде пока даже не подозреваешь, в их расчетливых мозгах все просчитано на двести лет вперед. Хотя утверждают они обычно обратное... вот только подтвердить свои слова не могут ничем.

– Ты неправильно информируешь девочку, и зря так отзываешься обо всех демонах разом. Я не собираюсь оправдываться, и, хотя многие ведьмы считают иначе, но если бы на моем месте был другой маг, Роул давно бы был законным князем, – с едва сдерживаемой яростью взрыкнул Ургафир.

Спор становился все интереснее, и я вся обратилась в слух. Теперь я готова была от души поблагодарить наставницу за то, что не дала мне уйти.

– Возможно... где-то и есть другие демоны... – теперь в голосе Сирени тоже звучит обжигающий льдом гнев, – только мне таких пока встретить не довелось, потому и говорю про всех.

Ее ненависть снова начала сгущаться вокруг ведьмы ледяным коконом, и я на всякий случай осторожно отодвинулась на самый край, сообщив,

что если сцепятся эти двое, плохо придется всем, кто находится в радиусе ста метров.

– Прибыл посланник от Старейшин, – объявил выступивший из тоннеля гольд, и ведьма, согласно кивнув ему, просто исчезла, оставив после себя лишь ледяной порыв ветра.

– Она была моей невестой... – тихо заговорил демон в тот момент, когда я уже устала ждать его ухода, и сломала себе все мозги, прикидывая, как бы незаметнее протиснуться мимо мага в тоннель, – до свадьбы оставалось меньше месяца, и я в состоянии эйфории ожидал назначенного дня, как вдруг объявился этот красавчик. Князь Эрнилинс. Приехал в деревушку, словно проездом, и мигом очаровал всех местных девушек. Но самого его интересовала только Трине, я это сразу понял. А вот предпринять ничего не успел, попался в простую ловушку, как последний пастух. Опоили снотворным зельем, блокирующим магию, и что самое досадное, опоили именно там, где я никогда не ждал подвоха. В доме родителей Трине. Конечно, потом-то я все выяснил, оказалось, это её сестрица на шкатулку с драгоценностями клюнула, только было уже поздно. Трине нашла меня спящим без одежды в постели сестры и сразу разорвала помолвку. Хотя я уже тогда понимал, ей только предлога для этого и не хватало. На князя она смотрела таким сияющим взглядом, о существовании какого я до той поры даже не подозревал. И ничто не могло ее убедить, что эта встреча им заранее рассчитана и подготовлена. Ведь законная жена у Эрнилинса к тому времени уже была, дочь соседнего князя. Только детей пока не нарожала, но они и не нужны ему были от женщины, у которой способности напрочь отсутствовали. Князя гномов к этому времени начали понемногу понимать, что их способности постепенно вырождаются из-за частых родственных браков и предпочитали второй женой брать сильных ведьм. А Трине уже тогда была очень способной, даже способнее, чем ты сейчас. Вот и понадобилась князю в качестве матери наследника. И в качестве дойной коровы, понемногу сливать её энергию он начал с первых дней как привез в свой дворец. Всем посвященным сразу понятно становилось, по тем заклинаниям, какими он немедленно защитил свои владения и замок. А после рождения сына князь совсем воспарил, способности у Эри оказались просто выдающиеся и даже раздумал Трине сливать до конца, как это делали другие князья. Как постоянный источник энергии она его больше устраивала, а слитая ведьма становится беззащитной перед проклятиями и ядами и долго не живет. Зато его первая, истинная жена Тассминия ненавидела и ведьму и ее сына, прекрасно понимая, что когда у нее самой появятся дети, они всегда будут

при одаренном брате только номинальными правителями, ведь магами руководить нельзя. И вот тогда она и нашла меня.

Демон тяжело вздохнул и смолк, размышляя о чем-то далеком, но очень мрачном, а я попыталась сложить воедино все, что мне уже стало известно. И почти сразу поняла, пока что вопросов меньше не становится. Только кому их задавать, не демона же расспрашивать? Нет, до такой степени бесцеремонности я пока не дожила. Впрочем, а чего я мучаюсь? Сказала же Сирень, расспроси Малину, вот и нужно расспросить, пока есть время.

Однако, как оказалось, времени-то у меня вовсе и не оказалось. Демон внезапно насторожился, прислушался и повел руками, словно задвигая над нами занавески.

– Беги, скажи ведьмам, Роул на подходе, – приказал таким тоном, что я сразу прониклась серьезностью момента и, не тратя время на расспросы, метнулась в тоннель.

Но пробежав всего несколько шагов, наткнулась на дозорного гольда и, догадавшись, что можно передать известие через него, с чистой совестью вернулась на уступ. Чтобы самой рассмотреть происходящее, и, что греха таить, хоть издали поглядеть на Роула. В последний раз. Как бы не хотелось мне верить в его невиновность, однако факты вещь упорная. И раз все вокруг рассказывают про красавчика неприглядные истории, мне остается только пожалеть, что внешность князя так обманчива. А если полностью поверить рассказу демона, то получается, что и братец его был не лучше, видимо, подлость – это их семейная черта. Но с другой стороны, всё, что я раньше по книжкам знала про демонов, никак не характеризует и эту расу с положительной стороны, тем более Сирень совершенно серьезно предупредила насчет меркантильности. И действительно, стоит хорошенько вдуматься, как понимаешь, выгода выступить сегодня на стороне ведьм для демона все же есть. И очень немалая. И сама Сирень, самая мощная из местных колдуний, и ее сын, наследник княжеского замка и сокровищ. Но для этого нужно, как я понимаю, вначале попасть в сокровищницу, а до этого победить воинов Роула, которые вот-вот войдут в пещеру.

Черт, они же сейчас войдут, что же я стою, как дура?!

Прошмыгнув мимо демона, хлопаюсь на пузо в том месте, где до этого лежал гольд-наблюдатель и пытаюсь хоть что-нибудь рассмотреть в сумраке, царящем на дне пещеры.

– Не видно? – с ядовитой жалостью рыкнул над плечом голос демона.

– Ни коlobка, – раздраженно буркнула я, пытаюсь сообразить, могут ли

сейчас чем-нибудь помочь первоначальные знания о магии, полученные на уроках Сирени.

Выходило – ничем. Само, собой, светлячка повесить я уже смогла бы, не вопрос. Вопрос, как среагируют на его появление черные маги и наемники? Ведь не решат же, что он появился сам по себе?

– Человечьим зрением наемников и магов отсюда не разглядеть, – бесцеремонно ложась рядом и свешивая голову за край, сообщил маг, – отслеживать издали магические потоки ты сможешь лет через пятьдесят, не раньше. Но вот различать узелки магии в амулетах и защитных заклинаниях вполне можешь научиться прямо сейчас.

– Как? – недоверчиво уставилась я на демона и только теперь разглядела, что мужчина он очень даже видный.

Не такой смазливый, как Роул, или хотя бы те парни из журналов, по которым сходили с ума мои подружки. И вообще, скорее умный и возмужалый, чем очень красивый. Даже мне, с моим небольшим жизненным опытом, по твердому, уверенному взгляду и непримиримо сжатым губам, сразу понятно, это самодостаточный и самостоятельный мужчина. Тьфу, демон. Давно живущий по своим собственным законам и правилам.

– Я тебя научу, – обыденно предложил он, вот только почему-то я сразу не поверила этой внезапной доброте.

Не делают ничего такие прожженные жизнью мужики, а особенно демоны, за просто так. Вот потому и спросила у него прямо:

– И что я буду за это должна?

– Какая ты... недоверчивая, – не сразу нашел нужное определение демон, – ничего не будешь, только поторопись, если на самом деле хочешь хоть что-то разглядеть.

– Учи, – твердо кивнула я, – но не забудь про ничего.

– Закрой глаза. Представь, что ты в темной комнате, где отовсюду торчат острые лезвия. Они холодные, только на самых остриях немного нагреты. Посмотри на меня, не открывая глаз, и попробуй почувствовать это тепло. Не кожей и не умом, а седьмым чувством.

Спорить, что у человека шесть чувств, а не семь, я не стала. Давно поняла, что это не так. Иначе, чем тогда мы ощущаем далекую грозу, или недобрый взгляд, или опасность, угрожающую близким?!

Просто сделала все так, как сказал маг, зажмурила глаза и попыталась почувствовать тепло.

– Неправильно, – тут же остановил мои упражнения демон, – не зажмуривайся, просто прикрой глаза. Легко, как во сне. И не думай ни о

чем, просто жди. С твоими способностями должно получиться сразу.

Я повторила все действия еще раз, и глаза прикрыла и замерла... Подождала немного, и уже почти открыла рот, сообщить, что ни какого коlobка не вижу, как вдруг обнаружила перед собой целую кучку разноцветных светлячков. Словно елку внезапно включили.

– Сверху семь красных огоньков, под ними справа темный, почти черный, потом два белых и один зеленый, потом синий в окружении белых, еще справа три рядом, один красный, и два белых, слева четыре, один повыше, темно красный, ниже два синих и желтый. А посредине большой, розовый, с темно красной серединой, и какой-то неровный... – ошеломленно перечисляла я увиденное внутренним зрением, и, заинтересовавшись последним огнем, распахнула глаза во всю ширь, – а это что такое?

Демон выглядел здорово ошарашенным этими словами, и, судя по вытаращенным глазам, совсем не ожидал от меня таких успехов.

– Видимо, это мой запас энергии, вот только почему розовый? – сорвалось с его губ, прежде чем демон успел взять себя в руки.

– Ну, прости, – поспешила извиниться я, – может, у меня что со зрением не так, но оно было именно розовое, и немного шевелилось, как живое. А остальное я правильно сказала?

– Даже слишком, – хмуро фыркнул демон, – а теперь точно так же посмотри вниз.

Вниз я смотрела, уже имея представление, что нужно искать и как, и все же увиденное поразило. Пропать была перекрыта плотной, слабо светящейся разноцветной сетью, словно сложенной из нескольких слоев гигантских кружевных салфеток. В комнате у Светкиной бабушки стол, тумбочка и все многочисленные полочки были покрыты такими, только нормального размера.

Но никаких наемников и магов я не заметила, о чем немедленно заявила Ургазиру. Он вновь распластался рядом, и с минуту задумчиво смотрел в сторону, откуда, как я поняла, должны появиться люди князя. Вертя при этом в руках снятое с пальца кольцо. Осененная догадкой, я прикрыла глаза и сразу поняла, что не ошиблась. Простые, невзрачные колечки, ничем не примечательные на первый взгляд, мгновенно преобразились, стоило посмотреть на них внутренним зрением. А кольцо, которое он снял, выделялось погустевшим синим блеском.

– Остановились у первой двери, – сообщил мне прямо в ухо маг, и я мгновенно распахнула глаза.

Демон понимающе ухмыльнулся, а я почувствовала, что краснею, как

первоклашка, пойманная в момент исправления кола на четверку.

– В следующий раз попробуй рассмотреть магические предметы и наложенные заклинания, не закрывая глаз, просто уходя в себя. Но, не забывая присматривать за окружающим миром, чтобы никто не застал врасплох, – словно не замечая моего смущения, пояснял демон, – а пока никого нет, расскажи, какие ты различила цвета в защитном плетении.

Еще несколько минут я училась видеть магию, не закрывая глаз, а маг внимательно следил за мной и рассказывал чем заклинания различных цветов и плетений отличаются одно от другого. И каких сюрпризов можно ждать от тех из них, которые растянуты в нескольких метрах под нами.

– Ведьмы идут, – вдруг прервал свои объяснения демон, и одним движением легко вскочив с коврика, шагнул в сторону, – не говори... Трине, что я тебя учил, у ведьм не принято вмешиваться в дела чужих учеников.

Я кивнула в знак согласия, но про себя решила, если пойму, что он задумал что-то, что ей не понравится, расскажу обязательно.

Ведьмы появились из прохода через несколько секунд и первой, как я и ожидала, была Сирень.

– Где? – метнувшись к краю и заглянув вниз, отрывисто бросила она, не оборачиваясь, но и я, и демон, прекрасно поняли, кому предназначался этот вопрос.

– Остановились за дверью, – сделав один шаг в сторону бывшей невесты, кратко отрапортовал маг, несколько мгновений выжидающе помолчал, но, так и не дождавшись следующего вопроса, добавил с еле заметным вздохом, – наверняка готовят ловушки, чтобы никто не подошел сзади.

– А зачем они вообще идут сюда, если никто чужой не может войти в сокровищницу безнаказанно? – не выдержала я показного нежелания Сирени разговаривать с бывшим женихом.

– У Роула нет другого выхода. После того, как он получил известие, что Латриния сумела попасть в выработки гольдов, это был единственный оставшийся ему путь. Потому что предела возможностей высших ведьм не знает никто. И если ей удастся выкрасть Эрифиуса, его власти во владеньях придет конец. Поэтому он должен добраться до саркофага первым, чтобы, угрожая его уничтожением, потребовать с Латринии отказа от прав ее сына, – очень ловко обойдя вопрос о нынешнем состоянии княгини, охотно объяснил мне демон.

– А почему... – наконец-то дорвавшись до хорошо осведомленного источника, попыталась я задать следующий вопрос, но Сирень решительно пресекла дознание на самом интересном месте.

– Кэт, сейчас нет времени на подробные объяснения. Лучше скажи мне, что ты решила?

– Я с тобой, – помедлив секунду, с тяжким вздохом, который не удалось скрыть от внимательных глаз наставницы, принимаю такое логичное и вместе с тем непростое решение.

И ведь прекрасно понимаю, нет на самом деле у меня никакого выбора, да никогда и не было, почему же душа сразу отзывается на этот шаг такой пустотой и болью, словно я собственными руками вырвала из неё клочок. Очень важный, как оказалось, хотя до этого момента и сама не подозревала, насколько.

– Ну и молодец, я и не сомневалась, – приобняла меня за плечи простодушная Береза, – всегда верила, что не польстится такая умная девочка на красивые глазки княженки. Нам и с Рябинкой горюшка хватает.

– А что случилось с Рябинкой? – мгновенно сделала я стойку, но Сирень метнула в подругу такой укоризненный взгляд, что та сразу смешалась и засуетилась, уводя меня с уступа.

– Пойдем, – бормотала виновато, – пойдем отсюда, тут и без нас тесно. Ты же еще не завтракала? Вот и покушаешь, там девчата отличный завтрак приготовили, и кашу, и оладьи, все уже завтракают. А потом будем ждать зова.

– Береза, – перебила я ее, когда тоннель стал широк настолько, что смогла идти с ней рядом, а не плестись гуськом, – лучше поясни мне ваш план захвата сокровищницы? Хотя бы в общих чертах?

– Да какой там план! – отмахнулась она, – все просто. Нужно, чтобы Роул открыл дверь, кроме него это никто не сможет. А уж тогда Сирень легко саркофаг заберет, сейчас его заклятья не выпускают. Сильные маги защиту ставили, и каждый ее усложнял и усиливал. Теперь ни один без ключа не откроет.

– Береза, – пройдя еще сотню шагов, остановилась я от ошеломительного прозрения, – ты сама поняла, что сказала? Что Сирень может туда входить?!

– А что тут такого? – пожала плечами ведьма, – дикие и не то могут. Если надо, в игольное ушко проскользнут. Но вот вынести оттуда не может даже маленького колечка. Ты разве не поняла, почему в своем истинном нынешнем виде она всегда одета в голубое платье?! Потому что в тот момент, когда погиб Эрнил, была именно в нем. Вернее, когда она узнала о гибели мужа, а узнала сразу, связаны они были магическими амулетами. Только не говори ей... что я проболталась, не любит она вспоминать.

– Не скажу, – пообещала я, и, чтобы совсем успокоить ведьму, сообщила, – она все равно разрешила Малине все мне рассказать.

– Ну, вот и хорошо, – непонятно хмыкнула Береза, – тогда пусть Малина все тебе и объяснит... с самого начала.

Больше на эту тему мы не разговаривали, и не по моей инициативе. Береза все мои попытки расспросить о прошлом переводила на разговоры о завтраке и хозяйственных проблемах. Вскоре мы дошли до пещеры, где собиралась армия Сирени, и едва я пристроилась на камушке с миской в руках, как ведьма слиняла, сославшись на дела.

Расспросить Малину после завтрака, как я намеревалась, пока запивала оладьи холодным молоком, не удалось. На нее навалилась целая куча банальных забот об обеде и устройстве лазарета, и, едва я ее нашла, обрадованная нашедшейся дополнительной парой рук ведьма отправила меня чистить овощи.

Не слушая никаких заверений, что мне это противопоказано врачами, по причине стойкой аллергии. Именно на это неблагодарное занятие.

День тянулся нестерпимо долго, и все время для меня находилась какая-то работа. Помогать разносить обед, мыть чашки, снова готовить... а мне так хотелось растянуться на меховом одеяле и немного спокойно подумать. Хоть чуть-чуть просчитать наперед возможные варианты развития событий и определить свое место в них.

По напряженным взглядам ведьм, словно невзначай оглядывающихся в сторону прохода, я догадывалась, что пока никаких изменений в дислокации не происходит, но никого спрашивать напрямую и не пыталась. Все остальные ведьмы, кроме Березы и Малины, посматривали в мою сторону настороженно, из чего я сделала вывод, что деза, запущенная Сиренью, сработала на отлично. Настроила против меня весь клан, и теперь ни одно движение не останется не замеченным и не зафиксированным ушлыми ведьмами. Почище видеокамер сработают, со всех сторон сфотают. И от ясного осознания, что сегодня весь день живу как на сцене, я тихо зверела, ожидая первого промаха со стороны сестер по разуму. Вернее, по магии.

Однако сорвалась не на них, а на черного мага, пришедшего в пещеру в тот самый момент, когда все уже поели, и я протирала тряпкой освободившийся стол. Все эти вещи, и столы, и скамейки, и матрасы, притащил с собой отряд гольдов, пришедший перед обедом. И естественно, активно поучаствовавший в уничтожении наготовленного. Поэтому порции получились чуть меньше, чем рассчитывала Малина, и, едва накормив всех желающих, ведьмы снова устроились чистить овощи и перебирать крупу.

Малина тоже пошла с ними, настойчиво напомнив, что без моего непосредственного участия благое дело приготовления ужина загнется на корню.

К этому времени я уже прекрасно сообразила, что мне специально не дают ни минутки передышки, только не могла понять, как это расценивать. Как заботу или как недоверие?

И вот в тот самый миг, когда я усердно терла тряпкой некрашенные доски и мрачно представляла себе гору нечищенных овощей, очень похожих на картошку и морковь в одном флаконе, и пришел пообедать демон. Наверное, он еще издали заметил меня, потому что прошел мимо пары пустых столов и шлепнулся за тот, который терли мои руки. В то самое время, как голова была занята совсем другим, поиском повода откосить от ножики и бака с водой, вокруг которого уже сидели неутомимые однополчанки.

– Кэт, принеси чего-нибудь перекусить.

Нет, он попросил вовсе не грубо и не фамильярно. И вообще, судя по всему, тоже был занят своими мыслями, только для меня это оказалось последней каплей.

– Так и знала, что ничего – это пустое слово, – едко хмыкнула я, выпрямляясь и швыряя тряпку на стол, – а на самом деле теперь навечно попаду в разряд должниц. Кэт – туда, Кэт – сюда.

Он медленно поднял от стола черные глаза и словно кто ведро воды колодезной на меня сверху вылил. Так выразителен был взгляд, и ледяное изумление и гнев и презрение... ох, что же я натворила-то! И как теперь выкручиваться... да и помогут ли теперь извиненья, или вообще хоть что-нибудь, если демон разозлился по-настоящему? А лично я на его месте разозлилась бы обязательно и наглядно показала наглой букашке из чужого мира, где тут северные лисы обитают.

Вот и пришел, тебе, Катька, конец, с безнадежностью понимаю, глядя, как демон медленно опускает глаза и убирает со стола руки. Продолжила мысленно его движение и вдруг снова увидела пеструю россыпь огоньков, только теперь все разноцветные искры, означающие магические кольца, были собраны в плотную кучку, словно маг тесно переплел пальцы. А заметно потемневшее розовое пятно стало больше, и вокруг него языками жадного пламени вились алые протуберанцы, словно рассерженные змеи.

По всей вероятности, ведьмы, не спускавшие с меня глаз, тоже сообразили, что происходит нечто скверное, потому что сразу несколько кухарок бросили свои ножи и ринулись к столу.

– Кэт, иди сюда! – повелительно крикнула Береза, еще не пробежав и

половины расстояния.

Мне даже смешно стало, несмотря на то, что внутри все просто оледенело от страха. Неужели она не соображает, что если демон захочет меня наказать, то я и рукой двинуть не успею, не то, что от стола отойти. По лицу демона скользнула пренебрежительная ухмылка, нет сомнений, что он на раз раскусил наивную попытку ведьмы спасти невоспитанную иномирянку, и тоже развеселился.

А ведь если маг прибьет меня сейчас, ведьмы в долгу не останутся, полыхнуло в мозгу страшное понимание, и пойдет бойня до победного конца. А виновата в этом одна я, вернее, моя несдержанность... ох, сколько раз Марина предупреждала, нарвешься ты, Катерина, на большие неприятности. Как в воду смотрела. Вот они, неприятности, словно в замедленном кино, неотвратимо приближаются со всех сторон, и нужно срочно что-то сделать, как-то остановить... вот только как?

Есть только один способ... и, хотя я его жуть как не люблю, но выбирать не приходится.

– Ургаир... – как в пропасть, шагнула я к столу, – я не хотела... извини пожалуйста, у меня сегодня настроение паршивое... В общем, извини.

– Это я виноват, обратился как к служанке, – тихо буркнул маг, не поднимая глаз, – сейчас попрошу кого-нибудь другого.

– Не нужно. Я принесу, – гордо вскинула я голову, пусть не думает, что я извинялась от страха за свою жизнь.

И обернувшись к котлам с остатками обеда, попадаю прямиком в объятия Березы.

– Ты почему меня не послушала? – задыхаясь от быстрого бега, сердито шипит ведьма, – иди-ка отсюда.

– Сами идите, это мой стол. Чего набежали, давно черного мага не видали? – строптиво фыркаю я, намеренно вызывая огонь на себя.

– Кэт, этот... обидел тебя? – заглядывает мне в лицо пухленькая Смородина, пытаюсь протиснуться между мной и Березой.

– Что он тебе говорил? – Теревит с другой стороны Вишня, с ненавистью поглядывая на демона.

– Да, в конце-то концов! – начинаю возмущаться, копируя собственную тетушку, и для пущей наглядности точно как она всплескиваю руками, – будете вы меня слушать, или нет? Клушки сумасшедшие! Картошку чистить надоело, что ли? Не видите, человек устал, кушать хочет, чего набросились, как сороки? Я и без вас управлюсь!

– Нам показалось... – многозначительно тянет Береза, не спуская глаз

с демона.

– Вам показалось, – с нажимом отвечаю я, оттесняя ведьм подальше, – ну идите уже, а то Сирень придет, снова ругать будет.

Имя Сирени производит на ведьм отрезвляющий эффект, и они, недоверчиво поглядывая, но не имея никаких доказательств, что я лгу, не спеша удаляются к своему котлу. А я, пытаясь подавить внезапно навалившуюся слабость, начинаю наполнять миски тушеными овощами и мясом.

– Спасибо, – внимательно посмотрел мне в глаза демон, когда я поставила перед ним еду.

– На здоровье, – не в силах больше сдерживать дрожь в ногах, шлепаюсь напротив.

– Я не про еду, – ковыряя вилкой в миске, сообщил он.

А про что тогда? А ну, да, с его умом, да не понять, чем это могло закончиться?! Небось, вперед меня сообразил, потому и сидел как американский наблюдатель, словно происходящее его никаким боком не касается. Вот только пусть не думает, что это я себя пожалела, или его.

– Мне ведьм жалко стало... у них и так жизнь тяжелая, – прямо заявила я, – если бы началась драка, им бы здорово досталось, ты в магии намного сильнее.

– Я понял, – не переставая энергично жевать, кивнул демон, – потому и сказал спасибо.

Неподалеку прошла, словно по делу, одна из ведьм, и демон смолк. Я сидела, поставив на стол локти, бездумно смотрела, как он ест, и настроение понемногу начинало улучшаться. Может и действительно мне давно нужна была встряска, или грело душу сознание, что сумела разрулить такую взрывоопасную ситуацию? И неважно, что сама я ее и создала, от ошибок никто не застрахован.

– Сейчас тебе стало поспокойнее? – принимаясь за пирожки, интересуется демон.

Что? Подняв на него взгляд, ловлю в черных глазах участие и вмиг закипаю. Вот же... демон, это он на мне свою магопсихологию тренирует! А спросить вначале не мог?

– Кэт... – маг мгновенно понял, что его слова произвели вовсе не тот эффект, на который он рассчитывал, – что случилось?

– Ничего особенного, – едва не скриплю зубами от ярости, – просто кто-то, не спросив разрешения, влез ко мне в душу и начал наводить там порядок по своему усмотрению. И надеется, что я буду прыгать от счастья, узнав, что мои эмоции можно менять как носки!

Больше я от обиды ничего не смогла выговорить, пулей выскочила из-за стола и решительно направилась в сторону кучи сложенных на день постелей. Мне нужно, наконец, побыть одной, хорошенько успокоиться и всё обдумать. И не советую ведьмам даже близко подходить с напоминаниями о нечищенных овощах, иначе узнают о себе много нового.

День двенадцатый, очень агрессивный

– Береза, возьми Кэт, и кого-нибудь из опытных ведьм, вы пойдете с пятым отрядом. Смородина, бери двух помощниц и в шестой. Вишня, ты со своими ученицами в седьмом... – не заглядывая в свиток, который держала в руках, распоряжалась неподалеку Сирень.

А я спешно допивала горячий кофе, возникший на столе по моему желанию, и всю костерил про себя Березу, разбудившую лишь в самый последний момент. Конечно, можно было поверить объяснению, что ведьма дала мне поспать лишние полчаса исключительно из жалости, только мимолетная ехидная усмешка, скользнувшая по ее губам, никак в эту версию не вписывалась. Скорее всего, она еще дует за вчерашнее, вот и сделала в ответ маленькую гадость, типично в ведьминском стиле.

– Кэт... – внезапно раздается сбоку знакомый шелест, – дашши
шшшикалатт?

– О, Фуссо! А я уже волноваться начала, куда это ты делся, – мгновенно создав на столе золотистую россыпь, обрадовалась я. – Вот, бери быстрее, пока не видят.

– Работал... – в промежутках между влетающими в пасть плитками, сообщает краб своим безэмоциональным голосом.

– Где? – тарашу от удивления глаза, даже не представляя, какое на этот раз задание могла дать ему Сирень.

А что это была именно она, почти уверена, потому что последний раз видела краба рядом с ведьмой. Да и почему-то мне кажется, что не стал бы он слушать никого другого. За исключением разве, демона, но это тоже не факт. У них отношения довольно странные, если судить по тому разу, когда они появились вместе в мою комнату. Вроде действуют заодно, но ведут себя как-то настороженно, как тайные противники. Или, скорее, как временные союзники.

– Увидишшшш... – прошипел он совсем тихо, и исчез, а я поспешила допить свой кофе, сообразив, что не зря он так таится.

Видимо, услышал, что к нам кто-то направляется, я давно уяснила, что у краба слух много тоньше моего. А когда через несколько секунд к столу подошла Береза, закончившая сборы и красноречиво уставилась на недоеденную кашу, заставить меня врасплох ей не удалось. Карманы были битком набиты шоколадом, а то, что не вместились, Фуссо ловко сгреб в какую-то складку на животе, вроде кенгуриной сумки. Похоже, не скоро я

раскрою все крабьи таланты, вспоминая, с какой скоростью исчезал шоколад, разочарованно вздыхаю ему вслед.

– Пора отправляться, – строго объявляет Береза, и я с показной поспешностью вскакиваю со стула.

– Я готова.

– А кашу, почему не доела? – тоном дежурной воспитательки пытается качать права ведьма, но на такой простой наезд у меня давно заготовлен не один десяток отговорок.

– Ну, Береза, не привыкла я... по ночам кашу есть... – тяну как можно жалобнее.

– И потом, – заговорщицки оглянувшись, выдаю самый убойный из своих доводов, – тошнит меня что-то.

Наши воспитательки после такого заявления обычно зависали минуты на три, а потом рысью тащили меня в медпункт к Марине. И требовали тщательно разобраться, с чего это воспитанницу может подташнивать. Правда, часто пользоваться этой причиной не рекомендовалось, и выбирать лучше было новеньких воспиталок, старые все эти отговорки знали наизусть. Не одна я ими пользовалась.

А вот с Березой вышла осечка. Она мгновенно провела рукой по моим джинсам и скептически покачала головой.

– Все в порядке у тебя со здоровьем, – поджав губы, сообщила колко.

– Правда?! – очень искренне обрадовалась я, на таких ушлых теток нужна особая тактика, – Это просто замечательно, тогда пошли быстрее! Ну, Береза! Что же ты стоишь?

Но ведьма еще несколько секунд сверлила мою жизнерадостную рожицу подозрительным взглядом, потом еще раз провела рукой в районе моего желудка и, успокоенно буркнув, чтобы в случае чего я сразу сообщила ей, наконец-то сдвинулась с места. Причем, довольно прытко, наверное, мы и в самом деле опаздывали.

Наш маленький отряд, состоящий из меня, двух ведьм и нескольких гольдов направился не к проходу на уступ, как я почему-то решила, а к боковой стене. Нас гольды поставили посреди отряда, а меня ведьмы, не сговариваясь, сунули между собой. И попытку возмутиться такой несправедливостью пресекли на корню. Заявив, что я в этом отряде самая младшая, и потому должна всех молча слушать и беспрекословно выполнять. Знакомая песня, мне её почти пять лет в интернате в голову вбивали, да так и не вбили. Слишком быстро я осознала, кем, в конце концов, стану, если буду неукоснительно выполнять это правило. Крепостные крестьяне и те, наверное, больше свободы видели, чем мы,

интернатские зверята.

Однако спорить с ведьмами и доказывать им свою точку зрения я не стала, наоборот, сделала скромный вид и послушно встала туда, куда велели. Заранее зная, если мне почему-то очень сильно не понравятся указания ведьм, все равно все сделаю по-своему.

В стене обнаружился вход в очередной тоннель, причем замаскирован был так здорово, что я заметила его, лишь обнаружив, что темная пустота вокруг нас сменилась поблескивающей фиолетовыми искорками поверхностью камня.

Некоторое время я топала, бездумно ориентируясь в слабом сиянии светляка, подвешенного над головой шедшей впереди ведьмы, со смешным именем Клюква, но окончательно проснувшись, придумала себе увлекательное развлечение. Рассматривать ведьм и гольдов на наличие магических предметов, как научил демон. И сразу сделала для себя целую кучу потрясающих открытий. Все гольды имели при себе по несколько подобных вещиц, в основном колец и кулонов с камнями, издающими сияние белого, синего и желтого цвета. Не забыть бы, спросить у демона, когда вся эта заварушка закончится, что они означают. Хотя про синий я уже знала, таким цветом светилась магия воды. А вот на ведьмах камней было мало, на Березе всего один, на Клюкве – два. Зато слабо отсвечивали витые пояса и браслеты, и теплыми пятнами светились резервы в районе солнечного сплетения. Еще у Березы слегка подсвечивали желтым ладони и я немного поразвлеклась, подсматривая через плечо, как она плетет призрачными пальцами невидимое кружево. И так загляделась, что чуть не упала, когда нога не нащупала впереди тропы.

– Осторожно, тут ступени, – ловя меня на полдороге вниз, флегматично сообщила Клюква и мне пришлось отставить свои изыскания, полностью сосредоточившись на круто уходящей вниз лестнице.

Она оказалась довольно длинной, не меньше пяти или шести этажей, жаль я не догадалась считать с самого начала. Наконец, ступеньки закончились, и мы вступили в такой узкий коридорчик, что разминуться тут я смогла бы только с гольдом. К тому же стены были сильно скруглены кверху и книзу, как у сплюсненной трубы, так что довольно высокая Береза вынуждена была идти наклоняясь, иначе задевала плечами за камень. Я от души ей сочувствовала, но вслух ничего говорить не стала, не люблю пустых охов и вздохов, а помочь все равно ничем не смогу. И потому очень обрадовалась, когда эта труба вывела нас в небольшую узкую и длинную комнатку, с оставленными по бокам выступами, на которых лежали меховые подстилки, приготовленные заранее.

– Тут и будем ждать, – сообщила мне Береза, – располагайся, я светляка уберу. Когда получим сигнал, гольды вон там откроют проход, но ты никуда не беги. Мы тебя взяли на крайний случай, если не хватит энергии, подбросишь нам с Клюквой. Тебя ведь Сирень научила?

Научила, мрачно киваю я, сразу сообразив, что меня снова крупно развели.

Взяли в отряд не равноправным бойцом, а в качестве дойной коровы, именно так это называл Ургаир?! Но обидно вовсе не это, я и сама прекрасно понимаю, что ведьма из меня пока никудышная. Злит и оскорбляет другое, ведьмы в который раз меня используют втемную. Можно, конечно, допустить, что у Сирени не было времени на подробные объяснения, после вчерашнего утреннего разговора мы почти не виделись, дикая ведьма лишь мелькнула пару раз вдалеке. Но ведь могла она хоть той же Березе, или еще кому, приказать, чтобы просветили меня заранее. Тогда я бы так не переживала по поводу своих умений, ничего нет хуже, чем подвести в драке команду.

Еще довольно долго я втихую бесилась и негодовала, а потом как-то устала. Или свыклась с собственным окончательным решением, уйти отсюда подальше, едва закончатся боевые действия. Ведь говорили же мне, что ведьминских деревушек в этой местности несколько, найду местечко поспокойнее, и начну вплотную заниматься своими способностями. Не может быть, чтобы они совсем никому не были нужны, насколько я поняла, все ведьмы могут лечить людей и животных, управлять погодой и находить пропавшее. И непременно должны найтись люди, готовые платить за такие умения. Да и вообще, пора бы мне разузнать про этот мир побольше, вроде есть такие страны, где ведьм совсем не притесняют.

Приняв такое решение, возвращаясь к насущным проблемам и понимаю, что мы уже довольно долго сидим в этой пещерке, как мышки в норке и никакого сигнала никто не дает. А ведь неслись сюда как сумасшедшие, едва ноги не сломали. Может, про нас вообще забыли? Ведь прошло уже около часа, а может и того больше, никогда не умела это определять. К тому же мне всегда казалось, что при различных обстоятельствах время движется по-разному. Впрочем, это и тетка всегда повторяет, праздника ждешь долго, а проходит он быстро.

Вспоминание о праздниках вызвало видение всяких вкусных вещей, которые обязательно готовила тетка. И невольный вздох, не съеденная каша теперь не вызывала такого неприятия, как всего пару часов назад, ну не дольше же мы тут сидим?! А разворачивать при всех шоколадку я всё никак не решалась, помня про острое зрение гольдов и шелест фольги. Ведь его-

то никак не избежать. Да, похоже, и ведьмы отлично ориентируются в этой полумгле, лишь чуть разбавленной исходящим от стен слабым свечением. Мне же остается лишь мысленно поблагодарить демона за урок, ведь это его заслуга, что я вижу хотя бы цветных светлячков, окружающих меня рваной гирляндой.

– Береза... – захожу издалека, решившись, для начала, на видимость перемирия, хотя ей об этом знать и не обязательно, – а почему мы молчим? Нас что, могут услышать?

– Да нет, пожалуй, – немного подумав, шепчет она, – а о чем говорить?

– Говорить не обязательно... – покладисто соглашаюсь с этим заявлением, хотя на самом деле совсем иного мнения.

Могли бы, например, рассказать мне что-нибудь интересное про свой мир, а то вечно им некогда. Однако сейчас меня интересует совсем иное.

– А вот немножко пошуршать бы не помешало, – осторожно предлагаю, нащупывая в кармане первую плиточку.

– В каком смысле... пошуршать? – насторожилась Береза.

– Вот так, – поясняю вежливо, с серебряным хрустом разворачивая обертку.

– А что это? – похоже, Сирень никому не рассказывала о моих особых способностях.

– Угощайтесь, – провокационно вываливаю на скамью свои запасы, и протягиваю одну шоколадку сидящему рядом гольду.

Да знаю я, что все они тут взрослые, опытные воины и прочее, но все равно, глядя сверху на вязаные шапочки, копии той, что подарила мне Сирень, никак не могу отделаться от ощущения, что рядом бегают зеленая пацанва. А кстати, не пора ли и мне надеть свою шапку, после памятной тренировки я все время таскаю ее в одном из карманов выданного Сиренью жилета, благо, места много не занимает.

Не откладывая на потом, чтоб не забыть, торопливо засовываю остаток плитки в рот и достав подарок ведьмы, привычным жестом натягиваю на голову. Почему-то это простое действие очень насмешило гольдов, они тихо захихикали и дружно потянулись к хрустящей кучке. Еще больше став похожими на отряд третьеклассников на экскурсии. По кондитерской фабрике. Приглашали нас туда пару раз в год, в порядке шефства. Нет, с собой ничего не давали, мы бы полфабрики вынесли. Зато пробовать не запрещали. Марина потом каждый раз по три дня ругалась, отпаивая напробовавшихся лекарством. А отправляя на экскурсию в следующий раз, только тихо вздыхала, не решаясь протестовать. Когда еще обездоленным детям удастся сладкого вволю поесть, вздохнула она однажды в ответ на

мой справедливый, как я считала, упрек. А потом рассказала, какими деликатесами кормят свору любимых собачек в одной состоятельной семье, куда ее приглашали делать уколы дедушке. Однако никогда не угостят даже простой конфеткой соседских детей, нечего было нищету плодить, раз прокормить не могут, надменно заявила как-то Мальвине холеная хозяйка.

– А еще есть? – отвлекает меня от раздумий бархатный голосок гольда, и я внезапно понимаю, что слышу его впервые.

Настолько бесшумно и ловко они все делают, понимая друг друга без слов, что со стороны кажется, никакие слова им и вовсе не нужны. Вот и оказался мне совершенно незнаком мягкий, мурлыкающий говорок гольдов.

Шлепнув рукой по скамье и не нащупав ни одной плитки, недолго думая, вызываю в памяти привычную картину, и шелестящий шоколадный дождь обрушивается на нас.

На пару секунд в комнатке застыла напряженная тишина, а потом протяжно и горестно втянула воздух Береза.

– Ну что же ты наделала?!

– А что... – еще не понимая, в чем снова провинилась, уже предчувствую, что эта оплошность будет посерьезнее пересоленного творога.

– Нельзя тут колдовать до срока... – беззлобно ворчит Клюква, доставая непонятно откуда светящуюся от магии тросточку.

– А объяснить мне раньше... слабо было?! – одновременно обозлилась и расстроилась я.

Доигрались, конспираторши несчастные, в подпольщиц. Вот теперь на своей шкуре испытаете последствия чрезмерной скрытности, если мое безобидное стремление угостить соратников засекала вражеская разведка. Или тут это называется по-другому?

Сердитые обрывки мыслей растерянно метались в моей голове, зато гольды действовали на удивление спокойно и слаженно. Один замер у той стены, где предполагался проход, куда, пока неизвестно, меня снова не поставили в известность, и явно прислушивался к чему-то, творящемуся за каменной толщей. Остальные сгруппировались вокруг ведьм, замерших в ожидании посреди помещения. Меня молча, но настойчиво, оттеснили в самый дальний угол, и я уже успела почувствовать себя никому ненужной и игнорируемой, почти преступницей. Как вдруг гольд, стоявший рядом, ловко подхватил с пола несколько плиток и сунул мне в руки, оставив себе одну.

– Ничего... – ободряюще дотронувшись до моей руки, сказал своим

бархатным голоском, – не казись. Долго ждать нехорошо.

Я хотела спросить, чем так плохо ожидание, но он уже отвернулся и зашелестел фольгой. Остальные гольды как по команде начали подбирать злосчастные плитки и уничтожать ничуть не медленнее, чем интернатские экскурсанты.

– Действительно, чего добру зря пропадать, – тоже зашуршала полученной от гольда шоколадкой невозмутимая Клюква, – неизвестно, когда обедать придется.

Мне показалось, она хотела сказать, что возможно обедать не придется вообще, да в последний момент передумала. Зачем говорить вслух то, что каждый знает и так, неназванная беда всегда дальше. Впервые в жизни мне вдруг захотелось сказать что-то ободряющее, типа – прорвемся, не бойсь, но пока я пыталась подобрать верные слова, оно началось. Сражение.

И каждый из нас это сразу понял, ощутив зловещий порыв то ли ветра, то ли тепла, на который отозвался дрожью извечный монолит скалы. Почти сразу кусок стены рухнул куда-то вниз, и на наши головы посыпались мелкие осколки. А в пролом вместе с чужими криками и стонами хлынул яркий свет, осветивший непонятное и жуткое зрелище. Прямо перед нами зияла глубокая яма, заполненная вставшими дыбом обломками того, что было раньше виденным мною с уступа ровным полом пещеры. Но это я узнала значительно позже, в первый момент по сердцу резануло зрелище полураздавленных человеческих фигур, копошащихся среди этих обломков, их крики и стоны. А потом пришла волна боли, скручивая все внутри тугим жгутом. Ведьмы дружно подняли в защитном жесте руки, а Клюква резко махнула своей тростью, посылая в невидимого мне врага тонкую молнию. Боль мигом исчезла, и я четко осознала, мы только что перенесли удар вражеского черного мага. И с этим пониманием ушла рвущая душу жалость к искалеченным врагам и магам, пытающимся выбраться из ямы. Некоторым это уже удалось и они, на ходу залечивая свои и чужие раны, немедленно вступали в битву. Не жалея ни соратников, ни нас, и значит, не заслуживая моего сочувствия. Жесткий закон интернатской стаи, или бьешь ты, или тебя, мгновенно вернул меня в те времена, когда жалость к врагам была непозволительной роскошью, доступной только обреченным.

Гольды тем временем тоже не стоят без дела, целый арсенал тонких ножей и дротиков, обнаружившийся на их поясах, жалящей стайкой устремился в выживших врагов, вызывая новые крики и стоны. Вражеский маг отреагировал мгновенно. Новая волна жаркой боли вонзилась в тело, и один из гольдов, всхлипнув, рухнул как подкошенный. Пошатнулась и Береза, и двое гольдов, стоящих рядом, немедленно подставили ей свои

плечи. Клюква снова запустила одну за другой пару молний, и, наверное, попала, так как боль снова исчезла. Воевали и ведьмы других отрядов, я видела над головами гольдов, как мечутся по пещере яркие всполохи. Одна лишь я ничего не делала, не имея ни малейшей возможности рассмотреть из своего угла врагов, чтобы врезать по ним одним из тех сгустков огня, что выходили у меня особенно удачно. Попробовала было, пользуясь суматохой боя, проскользнуть к пролому, но как оказалось, гольды за мной следили. И немедленно пресекли попытку самовольства, бесцеремонно толкнув на скамью. Но на них я и не подумала обижаться, бой кипел все жарче, внезапно вскрикнула Береза и начала заваливаться на своих защитников.

– Кэт! – Не оборачиваясь, отрывисто скомандовала Клюква, – добавь ей энергии.

Я немедленно нашла внутренним взглядом побледневшее пятно магического запаса ведьмы и осторожно начала подпитывать, представляя как мой запас небольшими порциями перемещается к ней. Клюква тоже швырнула в обессиленную ведьму каким-то заклятьем, вроде лечения, в этом я пока разбираюсь слабо. И вновь повернулась к врагам, продолжая ненадолго прерванный бой. Я уже без колебания проверила и её запас и, не дожидаясь просьб, начала передавать ведьме энергию, сожалея, что не догадалась проделать это раньше, с Березой, еще до того как она выбыла из строя. Но через минуту с удивлением убедилась, что рановато списала нашу командиршу со счетов. Когда ведьма снова встала в поредевший строй гольдов. И немедленно начала выплетать пальцами мудреные звездочки, светящиеся под внутренним зрением алыми всполохами, и сразу отправлять их в гущу сражения. Яростно бушующего разноцветными всплесками магии в такой тихой еще недавно пещере.

Но я больше не рвалась на передовую, у меня теперь было важное занятие. Азартно отрывая от своего запаса точно такие клочки, какие брала на огненный сгусток, я осторожно вливала их поочередно своим соратницам, и гордо чувствовала себя самым необходимым членом отряда.

Ровно до тех пор, пока влетевший в пещеру чужой заряд не взорвался под потолком облаком темного удушающего дыма.

– Кэт, энергию, быстрее! – кричит, прикрывая лицо углом платка Береза, и я уже привычно пытаюсь послать ей очередную порцию.

И тут же с ужасом понимаю, что всё, магии больше нет. Вернее, она пополняется понемногу из энергетических потоков, которые меня научила находить Сирень, но далеко не так быстро, как я ее тратила. Поэтому сейчас мне просто нечего послать ведьме. А ядовитый дым уже коснулся её головы и с надеждой глядящая на меня Береза вновь начинает заваливаться

на пол, но в этот раз гольды и не пытаются ее удержать, загнипнотизированные приближающейся гибелью.

– Нет! – рвется из души крик отчаяния, – не надо, остановись!

А в голове почему-то вспыхивает яркое воспоминание о весеннем дне, когда Марина возила меня в город, пышный фонтан на площади, в который озорные мальчишки бросали маленькие пластиковые шарики. И сильные струи откидывали их так ловко, словно именно для этого и были предназначены.

Наверное, страстное желание спасти себя и отряд как-то наложилось на это воспоминание, не знаю, помню только, что сознательно ничего подобного я сделать не хотела. Потому и смотрела на вырвавшийся из пола водяной веер, разметающий ядовитый дым по потолку и стенам, с таким же изумлением, как и застывшие в ступоре гольды.

– Кэт, это ты? – растерянно бормочет Клюква, прикрываясь локтем от тугих струек, – останови!

– Как? – чуть не плачу я, но фонтан внезапно выключается сам, безо всякого участия с моей стороны.

– Ты сильная ведьма, – уважительно объявил тот гольд, что поднял мне шоколадки, и в котором я теперь с уверенностью определила их командира, – тут нет поблизости ни одной водной жилы.

Остальные гольды согласно кивали мне мокрыми головами, не торопясь стирать с лиц текущие из-под шапок струйки, и я хотела сказать им, что сама не знаю, откуда взялась эта вода, но от пережитого напряжения пересохло во рту и ноги начали предательски подкашиваться. Командир гольдов услужливо подставил плечо и меня заботливо усадили на мокрый мех. Клюква немедленно ринулась к расprostертой на полу Березе, а гольды затаились у пролома, готовясь защищать его от вторжения врагов. И только я снова оказалась не у дел, да еще и чувствую себя такой выжатой, что не нахожу сил выговорить хоть слово. И в глубине души даже рада этому, можно пока не задавать Клюкке вопрос, на который до ужаса боюсь услышать ответ. В каком состоянии Береза.

– Латринея! – внезапно необычайно громко зазвенел под сводами мелодичный голос, и у меня на миг все сжалось в груди, а потом сердце куда-то заполошно заторопилось.

И чуть потеснив вину и боль от произошедшего с Березой, в голове тотчас заметался совершенно неуместный в этой обстановке, но такой важный для меня сейчас вопрос. Как я выгляжу в этой мокрой невзрачной шапке, в надежном, но далеко не изящном защитном жилете, усыпанном каменной крошкой и с неразлучным потертым рюкзаком за плечами? Я

попыталась представить себя со стороны и чуть не застонала от разочарования. Картинка получилась настолько безрадостная, что не оставила мне никакой надежды на внимание князя. Впрочем, если не кривить душой, ее у меня не было и тогда, когда я гуляла по его дворцу в шелковом платье и с тщательно уложенными волосами, иначе он меня не бросил бы в той клетке.

А в пещере после этого обращения постепенно стих грохот падающих камней, и перестали летать боевые молнии. И только стоны и крики раненых никуда не делись, но они оказались не помехой усиленному магией голосу.

– Латриней, я предлагаю перемирие. Давай поговорим! – снова гулко звучит под сводами такой знакомый голос, и я с досадой понимаю, что втайне все время мечтала его услышать, только ни за что бы в этом не призналась.

Даже самой себе.

Ведь звук его голоса означает, что князь жив, и это для меня почему-то очень важно, намного важнее спасения совершенно неизвестного мальчика. К которому я не испытываю ничего, кроме обычной жалости. А вот к Роулу... мне жутко не хочется даже пытаться разобраться в сложной мешанине собственных чувств, интуиция подсказывает, что ничего хорошего из этого не выйдет. Главное, сейчас – он жив и невредим, и хотя практически признался в поражении, первым предложив перемирие, в моей душе теплится надежда на мудрое решение Сирени, при котором больше не будет погибших.

– Слава странницам, приходит в себя, – тихо прошептала Клюква, и я, облегченно вздохнув, тут же эгоистично выкинула из головы и Березу и ее травму.

Переключив все внимание на происходящее за пределами комнаты, с замиранием жду отклика ведьмы. Я уже и свою счастливую считалочку про себя пробормотала и на всякий случай трижды незаметно сплюнула за плечо. Так мне хотелось, чтобы они попробовали договориться мирным путем. Войну я и раньше никогда не любила, даже фильмы про нее не смотрела, какой в них интерес. А после сегодняшнего боя и вовсе возненавидела всем сердцем, и неважно, ради чего она затеяна, эта война, нельзя посылать людей на смерть даже за самые великие идеи. Всегда можно найти другой путь.

– Говори, чего хотел, – так же громко отвечает князю голос Сирени, и от холода, прозвучавшего в нем, притихли даже раненые.

– Мы можем встретиться... в любом месте, где ты скажешь, – почти

заискивающе предлагает голос Роула, заставляя меня чуть покраснеть от стыда за этот тон.

Однако, нет у него по-видимому, другого выхода, раз идет на такие уступки.

– Мы не будем встречаться, говори здесь и сейчас, – в словах Сирени теперь не просто лед, а россыпь ледяных игл, насмешливых и злых.

– Но это семейное дело... – еще спорит гном, однако по интонации понятно, что уже готов уступить.

– Не тяни время. Здесь все знают, за что воюют. Сейчас ты добровольно откроешь дверь в сокровищницу и отдашь моего сына, а я постараюсь больше никогда не вспоминать твоего имени.

– А княжество? – словно в раздумье тянет гном, но всем уже понятно, что он согласен с предложением дикой ведьмы.

– Княжество принадлежит законному князю, Эрифиусу Аглензайру, наследнику рода, от рождения обладающему способностями мага, – так же холодно отчеканила Сирень, но мне почудилась в этом ответе какая-то скрытая издевка.

Видимо и Роул её почувствовал, потому что молчал дольше обычного. Наверное, собирался с силами, или пытался взять себя в руки. И, когда я почти уверилась, что ответа не будет, наконец, заговорил.

– Хорошо, я согласен. Твои условия? – голос князя звучит теперь глухо и устало.

– Простые. Твои люди и маги отходят назад, а мои друзья собираются у двери сокровищницы. И если хоть один твой наемник вступит в эту пещеру, перемирие будет считаться расторгнутым.

– У нас будет возможность унести раненых? – так же устало интересуется Роул.

– Десять минут, и время уже пошло, – видимо Латриная давно взвесила все вероятные вопросы и свои ответы.

Больше всего мне сейчас хочется быть там, где будут проходить эти переговоры, чтобы хоть одним глазком взглянуть на гнома, логика подсказывает, что это будет наша последняя встреча. Незачем мне теперь оставаться здесь, а ему больше не нужна будет сила ведьм. Да даже если нужна, и он попросит поделиться, добровольно я на это никогда не пойду. Не совсем дурочка, успела оценить силу своих способностей, и понять открывающиеся передо мной возможности. Жить так, как я хочу сама, а не так, как диктуют обстоятельства. Даже если этого просит глупое сердце.

Собрав все силы, я по стенке доковыляла до гольдов, с ножами наготове стоящих в проходе, и не спускающих глаз с хлынувших в руины

людей и нелюдей. Маги заклинаниями приподнимали обломки плит, наемники вытаскивали раненых и погибших. Но разглядывала я теперь не их. Оказывается, такие комнатки, как наша, были через равные промежутки выдолблены в обеих стенах вытянутой в длину пещеры. Меня почему-то так и тянуло называть эти помещения, загодя приготовленные для засады, дзотами, хотя я плохо разбираюсь в военном лексиконе. И почти из всех этих дзотов выглядывали серьезные лупоглазые рожицы гольдов, а за ними виднелись знакомые и не очень, лица ведьм. Однако были и комнаты, в которых, как я ни старалась заглянуть в темноту проходов, не шевелился ни один силуэт. Выходит, потери были не только у армии князя. А прямо против нас на краю пролома сидела, свесив вниз босые ноги, немолодая ведьма и неловко прижимала к себе неподвижное женское тело с разметающимися по полу длинными волосами.

– Ой, – горестно выдохнула сзади Клюква, – и как же к ней дойти-то?

Я лишь плечами пожала, разглядывая страшный развороченный завал перед ногами. Тут не ходить, а летать впору, а у меня в этом деле пока только теоретические познания, не считая одной плачевной попытки. Но вскоре обнаружила, что Сирень тоже не забыла про своих пострадавших подруг и целительницы уже споро поднимают их наверх корытами и ступами. Вскоре забрали и ведьму из дзота напротив, их так и поднимали вместе с подругой, не сумев разжать стиснутые в кольцо руки.

Спасательная команда Роула уложилась в выделенное время, и я с замирающим сердцем ждала момента, когда он пройдет мимо. Немного беспокоясь, как же князь будет пробираться среди острых обломков плит, но не забывая старательно держаться в тени, словно он собирался высматривать меня среди толпы ведьм.

Однако на уцелевший пятачок пола к двери сокровищницы Роула перебросили темные маги, оказывается, они и это умеют. С моего наблюдательного пункта была видна только затянута в серебристые одежды стройная фигура, возникшая рядом с массивной, кованной из темного металла дверью. Украшенной выбитым в поверхности замысловатым геометрическим рисунком, напоминающим многолучевую звезду, и десятком разномастных ручек. Несколько ведьм, закутанных по самые глаза в темные покрывала, бесшумно слетели с карниза в преданных корытах и встали по обе стороны от князя. Однако знакомой фигуры Сирени я, к своему изумлению, среди них не обнаружила. Впрочем, как выяснилось через секунду, её там и не было.

– Открывай, – скомандовал из-под потолка голос ведьмы, и князь досадливо дернул плечом.

– А как же ты?

– За меня не волнуйся, как откроешь, и войдешь внутрь, так и приду, – отрезал голос Сирени, и я вновь поразила её бдительности.

Такое впечатление, что она в нашем интернате воспитывалась. Там наивными и доверчивыми недолго остаются, жизнь быстро заставляет научиться осмотрительности.

А Роул тем временем уже начал производить над дверью какие-то манипуляции, сначала что-то крутил, передвигал, потом резал палец, поливал кровью снятый с шеи кулон и, наконец, вставил его в точно подошедшее отверстие.

Яркий свет вспыхнул в месте соединения кулона и подогнанной под него выемки, и струйками побежал по рисунку, наполняя каждую черточку мягким свечением. Все замерли, замороженные зрелищем, доступным до этого момента только тем, в ком текла кровь князей Аглензайр.

Разумеется, я тоже не сводила с двери глаз, тем более что мне пришла в голову отличная мысль, рассматривать происходящее не обычным, а внутренним зрением. А это оказалось намного более впечатляющим и красочным. К первому, ярко-белому рисунку добавился пурпурный, более тонкий и сложный, протянувшийся с двери на всю стену сокровищницы, перегородившую пещеру поперек. Да и фигуры князя и ведьм выглядели так ярче и интереснее. В отличие от моих соратниц на этих ведьмах было навешано не по одному кулону и браслету. А на некоторых были еще и кольца и на одной даже диадема, показавшаяся мне смутно знакомой. Ну, да, на демоне был такой же обруч, только с семью алыми камнями, а в этом горят огоньки трех цветов, белого, синего и красного.

Тем временем узор на стене и двери полностью налился ровным светом, и дверь начала медленно отходить в сторону, открывая проход в сокровищницу. Вот только одна странность удивила меня, разглядывая дверь простым зрением, отчетливо вижу, что она уже открылась, а перейдя на внутреннее, обнаруживаю, что напоенный магией рисунок в этом месте никуда не делся, а темный овал прохода появился немного правее.

Годы, проведенные в интернате, кроме вечного ощущения голода, от которого не спасали даже передаваемые теткой увесистые сумки, выработали во мне довольно нужные по жизни качества, чутье на опасность и мгновенную реакцию. Вот и сейчас, не успев ни хорошенько обдумать этот факт, ни посоветоваться с ведьмами, ясно понимаю – еще мгновение и будет поздно.

– Сирень! – заорала я так, как орала только в тех случаях, когда от этого зависела чья-то жизнь – проход правее!

Двое темных магов в тот же миг возникли рядом с Роулом, а вокруг ведьм засветилось кружево активированных защитных заклинаний. Оставшиеся у начала пещеры магии и наемники тотчас выпустили залп стрел и огненных шаров в стоящих в проломах гольдов и те ответили роем дротиков. Береза пока не могла даже подняться с полки, на которую ее уложили воины, зато Клюква снова яростно швыряла во врагов молнии, удивляя меня своей выносливостью.

– Тут уймища энергии зря пропадает, – выкрикнула она, не оборачиваясь, – попробуй взять.

Эта идея показалась настолько простой и заманчивой, что я решилась. Уже привычно перейдя на внутреннее зрение, присмотрелась к взлохмаченной магической дымке, впитывающейся в стены, и мысленно потянула к себе самую тонкую струйку. И почти сразу ощутила привычное тепло в районе солнечного сплетения и возвращающуюся силу. Не медля ни секунды, собираю комок энергии и представляю, как он жидким пламенем врезается в самого бойкого из темных магов, появившегося рядом с князем.

И сразу обрушившего на стоящих по соседству ведьм целый шквал различных заклинаний. Их отголоски донеслись даже до нас, обдав отвратительным запахом горящих тряпок и всполохами боли.

Мой подарок впечатался в него точно в тот миг, когда темный поднял руки, готовясь призвать на соперниц что-то особенно поганое. Какого побледневшее марево их щитов могло и не выдержать. Маг по-бабьи взвизгнул и, оборвав свое действие, попытался затушить огонь плотным коконом, отлично различимым внутренним зрением. Но совершенно бесполезным в этом случае. Еще, когда Сирень разъясняла мне, что огненные заряды можно создавать разными, я вспомнила, как учитель химии зажигал на лабораторной веществе, которое не гаснет, даже если откачать из колбы воздух. Вот и натренировалась делать огненные снаряды со схожими качествами.

Напарник мага мгновенно сориентировался и обрушил на собрата не меньше бочки воды, но въевшаяся в одежду раскаленная смола продолжала гореть, быстро истощая магию защитных амулетов. Воспрянувшие духом ведьмы не упустили удобного момента ринуться в атаку, и второму магу пришлось срочно заняться созданием щита для самого себя. Я еще секунду полюбовалась крестником, спешно срывавшим с себя горящие тряпки, и, присматривая новую цель, начала готовить второй снаряд.

И вдруг краем глаза заметила, что на площадке происходят странные вещи. Сметенный с ног неведомой силой, рухнул под ноги ведьмам Роул,

но маги не кинулись хозяину на помощь, а, объединив усилия, подняли все щиты над собой. Оставив беззащитного князя на полное растерзание разъяренным ведьмам. От страха за него что-то перемкнуло в моих мозгах, потому что больше я не замечала ничего из происходящего вокруг, кроме гнома, безжизненно валяющегося на усыпанных мусором камнях. Не знаю, как оказалась на узкой, потрескавшейся кромке пола, уцелевшей возле самой стены, помню только, что неслась по ней со всех ног, словно за мной гналась стая бешеных маньяков.

Что-то отчаянно кричала вслед Ключва, кто-то пытался перехватить меня, когда я промчалась мимо ближайшего к сокровищнице дзота, а молния, выпущенная черным магом, промазала всего на несколько сантиметров. Бесполезно. Сила, что несла меня, не замечала ни преград, ни опасности. Пулей домчавшись да площадки, подныриваю под локоть высокой ведьмы, чтоб добраться до неподвижной серебристой фигурки и неожиданно оказываюсь в железных тисках далеко не женских рук. Отчаянно пытаюсь вырваться, беззастенчиво пускаю в ход весь запас проверенных приемов, и вдруг обнаруживаю, что обмякшее тело, на котором сосредоточены сейчас все мои помыслы, окутывается мутноватой дымкой и с невероятной скоростью устремляется в замеченный мной овал входа. За ним следом в сокровищницу ринулись остальные ведьмы, а вместе с ними прыгнул и подлый захватчик, крепко прижимающий к себе мою пинающуюся и щипающуюся особу. Я даже зажмурилась от ужаса, представив, чем окончится наш прыжок, если меня подвела интуиция. Однако ничего такого не произошло, не взорвалась в ярости старинных заклинаний сокровищница, не обрушился на наши незваные головы потолок, и не выросли из пола острые шипы, раздирающие нарушителей на части. Тишина и покой этого места были так ощутимы, что я удвоила попытки вырваться из чужих рук.

– Все в сборе? – с насмешливой вежливостью произнес абсолютно незнакомый низкий уверенный голос.

Перестав от неожиданности пинаться, высовываю голову из-под руки пленителя, глянуть на говорящего. Прямо перед нами, в центре ярко освещенной пещеры, уставленной уходящими вдаль стеллажами и сундуками, в удобном кресле сидит импозантный мужчина, или нет... не мужчина. Скорее, демон. И разглядывает нас острым взглядом холодных черных глаз.

– Байтарз? – опуская меня на пол, до противного знакомым взрыкивающим голосом удивились над головой.

– Это правильное решение, – язвительно отозвался тот, кого демон

назвал Байтарзом, – не стоит ломать дальше комедию с переодеваниями и заклинаниями невидимости. Иначе я могу огорчиться... а ты же знаешь, Ургазир, что меня лучше не злить... или забыл? Могу напомнить.

– Я и так помню, – глухой рокот в голосе демона напомнил мне далекие раскаты мощной грозы, но обитателя пещеры это ничуть не беспокоило.

– Тогда мне не нужно беспокоиться насчет твоего поведения... – удовлетворенно кивнул старый знакомец темного мага, и откровенно хищная ухмылка растянула его губы, – сам понимаешь, твоей доли тут больше нет.

Это какую такую долю он имеет в виду? Мгновенно насторожилась я, пытаюсь заглянуть в глаза застывшего рядом мага. Но не смогла даже повернуть голову, чужая магия так надежно и незаметно сковала тело, что я умудрилась этого не заметить.

– Понимаю, – цедит с ненавистью Ургазир, и заинтересованно скосив на него глаза, натыкаюсь взглядом на полускрытые накидкой стиснутые кулаки демона, до крови впившие внезапно подросшими когтями в кожу.

Так, похоже, у нас большие проблемы. А где же застряла Сирень, собиравшаяся войти сюда сразу после Роула? И что все-таки с князем? Вот только боюсь, сейчас мне не от кого ждать ответа на эти вопросы.

– Но, может, ты мне не веришь? – продолжает глумливо беседовать с Ургазиром его знакомец, и до меня, наконец, доходит, что таким образом он празднует свою победу.

Упиваясь тем, что сумел переиграть почти равнозначных соперников. Вот неосознанно и стремится продлить момент наслаждения беспомощностью пойманных в ловушку врагов, такой оригинальный звездный час.

А из этого следует простой вывод, этот демон просто маньяк. Разумеется, не обычный, земной, у которых нет магии, хотя бывает ничуть не меньшая власть, зато действующий точно теми же шаблонными методами, захватить, запугать, поиздеваться, и все с одной целью, доказать, что круче никого нет.

И первое правило, прямо-таки вдолбленное нам учителькой по ОБЖ, гласит, нельзя ему показывать свой страх, нельзя плакать и спорить, а тем более молить о пощаде. Лучше спокойно с ним заговорить, постараться найти слабое место и как можно дольше потянуть время, возможно, найдется способ спастись. Ну, насчет слабого места, это громко сказано, какие могут быть у такого мощного мага слабые места? А вот, насчет заговорить и потянуть время, это я, пожалуй, могу попробовать.

– А угощать ты нас чем-нибудь будешь? – опередив сердито засопевшего демона, собравшегося рыкнуть что-то угрожающее, капризным голоском интересуюсь я, и как можно наивнее хлопаю длинными ресницами.

Спасибо, ведьмам, преобразившим мою внешность, раньше у меня не получилось бы так эффектно.

– А это что еще за чучело? – с недовольством отвлекаясь от демонстрации своей крутизны, пренебрежительно прищурился Байтарз, – а ну-ка, малявка, иди сюда!

Я недоверчиво дернула ногу вперед и обнаружила, что цепкое заклинание, держащее меня на месте, мгновенно исчезло, словно никогда и не существовало. Не переставая радостно улыбаться, смело топаю напрямик к демону, и, со стороны, наверное, выгляжу полной дурой. Не зря же кто-то из ведьм так тяжело вздохнул мне вслед, а Ургазир скрипнул зубами.

Будто бы мне и без их красноречивых вздохов не жутко, так словно специально, нагоняют еще страхов, разозлилась я на оставшихся сзади соратников. И, как ни странно, эта злость подстегнула, взвела меня, заставила собраться, как перед экзаменом или дракой.

– Ну, пришла, что скажешь? – кокетливо улыбаюсь, остановившись прямо перед позвавшим.

– Ты меня, что, совсем не боишься? – нехорошо ухмыльнувшись, начинает заводиться демон.

– Почему не боюсь? – наивно вытаращив глаза, удивляюсь я, – Очень боюсь. Только не того, чего ты думаешь.

– А ты знаешь, о чем я думаю? – с сарказмом фыркнул демон, и поскреб подлокотники выпущенными когтями.

Может и произвели бы они на меня впечатление, если не видела минуту назад точно такие же.

– Ну, да. Наверное... – делаю вид, что серьезно задумалась.

– И о чем же? – сквозь злость и презрение прорвалась нотка искреннего интереса.

– Ты думаешь, что я тут потому, что воюю за ведьм, – заявляю, обличительно уставив в него грязный палец, – а на самом деле наоборот! Я больше не с ними, они меня обманули, и не один раз. И вон тот маг, который демон, тоже обманывал. Только князь меня не обижал, но они с ним что-то сделали... видишь?

– А, – в его глазах загорается огонек понимания, и демон едва заметно расслабляется, – помню, Роул мне говорил про девчонку из чужого мира.

Но на вид ты почти чистокровная гномка.

– Так это же не мой вид! – обиженно взывала я, делая в сторону мага еще маленький шаг, – это ведьмы мне обманом отрезали косу и наколдовали все это! Чтобы я стала похожа на сына Латринеи!

– Ну, ну, – демон уже не скрывает своего интереса, – и зачем же им это было нужно?

– Чтобы Латринею в чувство привести, – заговорщицки понизив голос, выдаю неполную версию известной мне истории, – она после того как сына отобрали и муж погиб, немного того... не в себе была. Вот они и решили, что нужно ей все напомнить, даже вещи на меня мальчишечьи одевали.

– И как, привели они ее в чувство? – едкая насмешка гуляет на приоткрытых губах демона, показывая кончики клыков, вполне достойных киношного вампира.

– Не знаю, – дохожу до самой опасной части рассказа, тут важно не сказать чего-нибудь такого, что кардинально разойдется с версией Роула, – она меня с горки сбросила. Я в себя пришла во дворце, Роул может подтвердить, он ко мне сиделок приставил. И платья новые дал, и на руках носил...

– Ладно, про это расскажешь после, садись вот сюда, – демон бесцеремонно дернул меня за руку и усадил на подлокотник, – и если хочешь жить, не доставай оружие.

– У меня нет оружия, – оскорбилась я, – можешь проверить.

– Проверю, не волнуйся, – ухмыльнулся демон, и в его глазах мелькнуло то самое нехорошо-загадочное выражение, какое всегда пряталось в глазах интернатских парней, приглашающих меня посидеть ночью в каком-нибудь укромном уголке.

Только я давно научилась узнавать это выражение по мельчайшим признакам, и, чтобы не ломать о голову очередного наглеца ножку стула, загодя положенную в назначенном месте, сразу отказывалась наотрез. А вот на демона ножки стула явно недостаточно будет, поэтому поторопись, Катя, если не собираешься выяснять подробности его проверки.

Однако демону я улыбнулась самой глупой улыбкой, на какую была способна, и, устроившись поудобнее, приготовилась ждать подходящего момента.

– Ну, если среди вас есть еще такие же молодые ведьмы, или немного постарше, подходите сюда, я обещаю вам помилование. И удобные покои в моем дворце, – с так раздражающей меня двусмысленной ухмылкой предложил маг, возвращаясь взглядом к пленникам.

– А еда у тебя есть? – Снова перебиваю демона, так и не придумав,

чем еще можно отвлечь его от соратниц.

– Иди, возьми вон там, – не отводя взгляда от ведьм, досадливо рыкнул он и я, понятиливо кивнув, неторопливо слезла с подлокотника и отправилась вглубь пещеры.

Похоже, он живет здесь не первый день, делаю я безрадостный вывод, разглядывая смятую, но удобную постель и стоящий рядом с ней низкий столик, заставленный тарелками с подсохшими объедками. А, следовательно, ловушка для нас готовилась вовсе не сегодня. И стоящие чуть дальше корзины с продуктами и бочонки с напитками наглядно это подтверждают. Особенно бросается в глаза отштампованный на всех бочонках увитый венком из диких синих роз овал со стилизованным изображением горных пиков, на фоне которых сияют золотом меч и кирка.

Холодной безысходностью сдавило сердце, едва мне на глаза попался этот то ли герб, то ли торговое клеймо княжества Аглензайр. За три дня, проведенных во дворце, я столько раз его видела, что просто не могу не узнать. Во всевозможных вариантах, в виде живописи, лепнины, резьбы по дереву и камню этот изящный овал из роз встречается на всей посуде и утвари, имеющейся во дворце. По-новому сопоставив в уме все события, произошедшие в последний час, ясно понимаю, что отнюдь не Сирень, а князь вышел победителем из этой схватки за сокровищницу. Получается, он вовсе не сдался, и не признал себя побежденным, а нарочно заманивал Сирень в ловушку вместе с самыми сильными ведьмами. А заодно и предавшего его Ургазира. Ну а я, как последняя дура, сама сюда прибежала, хотя, если рассудить здраво, ничего это для меня не изменило. Вряд ли кому из ведьм, дежурящих в дзотах, удастся уйти из захлопнувшейся ловушки. Вот потому он и отвел своих людей, чтобы не терять больше заранее запланированного количества, с горечью начинаю постигать суть хитроумного замысла. Совсем ведь без потерь обойтись нельзя было, Сирень могла не поверить, что Роул готов без боя отдать ей несметные сокровища, накопленные предками. Да и сама она не зря так осторожничала, отлично осведомлена была про коварство родственничка... и все равно попала в ловушку. Кстати... ну где же она все-таки застряла? Ведь если и есть у нас хоть крошечная надежда попасть не в гарем к демону, или в дойные коровы к его напарникам, то связана она с дикой ведьмой, единственной из всех нас, кто может хоть как-то противостоять мощному темному магу. И где только Роул сумел отыскать такого, да еще и втайне от Ургазира?

Едкий смех Байтарза подстегнул меня, словно прутом, и заставил почти бегом вернуться к его креслу. С большим блюдом в руках, на которое

я впопыхах набросала всего, что попало мне под руки, и поставила найденную на столе бутыл.

Но мага в кресле уже нет, он отправился изучать своих пленников. Пока я ходила за едой, демон успел содрать покрывала с ведьм и добраться до соплеменника. И сейчас стоит перед побелевшим от бешенства Ургазиром с накидкой в руке и злорадно ржет, разглядывая напуганную на демона женскую юбку.

Но все, на что пока способен сам Ургазир, это яростные взгляды, как колющие молнии сыплющиеся из темной бездны демонских глаз. Заклинание, которым сковал его и ведьм противник, не дает им ни малейшей возможности колдовать, и делает совершенно беспомощными перед произволом демона. Зато Байтарз и не собирается скрывать своего торжества и демонстративно веселится, по-хозяйски разглядывая новых рабов.

А я ошеломленно разглядываю его спину, вернее, то, что пониже... и точно знаю, если он хотел меня потрясти, то достаточно было не выпускать когти, а повернуться задом. Вот и еще одна загадка решилась сама собой, меня все время интересовало, почему Ургазир, несмотря на летнюю жару, всегда ходит в длинном черном плаще. Поначалу я решила, что это такая мода у темных магов, но теперь точно знаю, что ошибалась. Просто он скрывал то, что Байтарз не считал нужным прятать. Длинный, гибкий, покрытый густой шерстью хвост, высывавался из специальной дырки в обтягивающих кожаных штанах и был точно такой же, как у обезьянки, которую я видела в зоопарке. Даже с пушистой кисточкой на конце.

Быстрый взгляд, осторожно брошенный в мою сторону Ургазиром, когда его собрат в очередной раз согнулся от приступа сумасшедшего веселья, я поймала почти случайно, и застыла столбом, пытаюсь понять, что он пытается сообщить этим отчаянным взглядом. Но черный маг уже выпрямился, и выражение лица его пленника мгновенно изменилось. Перед Байтарзом снова стоит хоть и обездвиженный, но непокоренный коллега, и его бессильная ненависть приятно щекочет самолюбие победителя.

Так что же означал этот загадочный взгляд мага? Что он не поверил моим словам про ненависть к ведьмам? Или просто просил помощи? А может, предостерегал от каких-то действий? Как догадаться, если я так мало с ним общалась? Всего лишь два раза, нельзя же считать за общение то путешествие по горным тоннелям.

Ох, думай, старайся, Катюха, сейчас от твоих умственных способностей зависит не только твоя жизнь и свобода. Наверняка ведь не будет ни единого шанса удрать на волю из логова этого демона, если мы

даже из поставленной на скорую руку ловушки не можем вырваться. Судя по растерянным взглядам ведьм, ловушечка-то оказалась совершенно неизвестного им типа. И даже демон про такую не знал. Или наоборот?! Знал, да ничего поделывать не смог? Или не успел?!

Так что же он хотел сказать? В сотый раз повторяю про себя на все лады, но догадаться пока не могу. Стараясь не прислушиваться к оскорбительным предположениям черного мага, которыми тот без устали посылает плененного соплеменника, с отчаянием вглядываюсь в лицо демона, надеясь, что он сумеет подать мне знак. Хотя махонький, но чтоб было понятно, в каком направлении искать путь к спасению.

И я все же дождалась. Едва захватчик, пребывающий в совершенном восторге от собственного черного юмора, на секунду отвернулся от демона, поглядеть, достаточно ли запугал притихших ведьм, Ургазир вновь кинул быстрый взгляд в мою сторону. И убедившись, что я не свожу с него глаз, послал еле заметную поощрительную улыбку. И сразу же вернул на лицо прежнее яростное выражение, только, словно от боли, прикрыл веками глаза. Затем открыл во всю ширь и снова опустил ресницы. Так, сомнений нет, это и есть намек. Вот как бы ещё понять, на что именно? Я сунула в рот кусок копченого мяса и задумалась, пытаюсь припомнить мельчайшие подробности наших недолгих встреч.

Все слова, все взгляды... и вдруг – "не зажмуривайся, а просто прикрой глаза. Легко, как во сне" – словно вновь слышу низкий рычащий голос, мягко объясняющий, как проверять вещи магическим зрением. Ну конечно, именно на это он и намекает, едва не подавившись куском, я потрясенно вытаращившись на демона и поймала мелькнувшую в черных глазах искорку торжества. Это, что же, значит, он уверен, что у меня получится? Ой, сильно сомневаюсь, но всё же попробуем, посмотрим...

Темно-бордовые нити простой крупноячеистой сети, натянутой на уровне человеческого пояса были прикреплены к стеллажам и к полу, и достаточно убрать одну, как откроется выход из одной ячейки. Теперь понятно, как он меня выпустил. А если я оборву вон ту нить, освободится Малина, а если ту, то Вишня. Конечно, правильное всего было бы выпустить Ургазира, да он неудачно стоит почти посередине сети, и нужно некоторое время, чтобы его освободить. Но боюсь, именно этого времени у меня и не будет. Только теперь я заметила, что самая последняя нить прикреплена к запястью черного мага и едва я трону сеть, как он тут же это почувствует. Вот если бы мне удалось его как-нибудь задержать на одном месте, и желательно на несколько минут... угу, размечталась. Что же мне делать? Эх, иметь бы заклинание, чтоб связать мага руки, хоть на пару

минут, и чтобы он магичить не смог... но чего нету, того нету.

Да у меня вообще нет ничего такого, что могло бы хоть на минутку отвлечь внимание демона, с горечью вспоминая содержимое своего рюкзака, тяжело вздохнула я. И даже сбросила его с плеч, убедиться, что ничего случайно не попало... когда его ведьмы таскали. О, ножик, оказывается, есть, теткин, кухонный, так он такой тупой, что хлеб еле режет. И еще ложка... а это что такое? Хм, как же я про него забыла, хмыкая удивленно, на всякий случай быстро засовывая тюбик в карман.

– Ну, и что ты там ищешь? – подозрительно рыкнул сзади голос черного мага.

– Ай! – вскрикнув от испуга, оборачиваюсь к Байтарзу и начинаю орать с напускным гневом, – ты что, нарочно меня пугаешь? Не знаешь, что нельзя к девушкам потихоньку подкрадываться? Вот кому я буду нужна, если меня перекосит от страха?

– Не бойся, не перекосит, – грубо буркнул демон, – а если перекосит, сам и вылечу. А ну, дай сюда.

Он нагло вырвал из моих рук рюкзачок и начал беспардонно в нем копаться. Ну и мерзкая же у них тут мода, без разрешения рыться в чужих шмотках.

– А говоришь, оружия нет, – вытаскивая злополучный ножик, прищурился недобро сыщик.

– Совсем ошалел от мнительности, – уже всерьез разозлилась я, – если кухонный ножик за оружие принял. Да он вообще тупой, мучаюсь каждый раз, как кусок отрезать нужно, неужели додумалась бы на тебя с ним бросаться?

– А зачем его в руки брала? – держа нож меж ладоней, сомневается демон.

Вот как он это определил? Подивилась я способностям мага, но сдаваться и не подумала.

– Хотела немного мяса отрезать, да не получилось. Говорю же тебе, тупой он. Да ты сам попробуй, а я погляжу, – сую магу под нос блюдо с едой, хихикая про себя, нашел с кем спорить, я, если нужно, еще десяток доводов придумаю.

Он недоверчиво и хмуро посмотрел на меня, сцапал блюдо и принялся с усилием возить моим ножом по внушительному куску окорока. Его силушка делала чудеса, хоть и с трудом, но нож постепенно погружался в мясо. Я уже начала было паниковать, но тут произошло то, что должно было произойти уже давно. Старенький, выточенный до серпообразной формы ножик не выдержал такого издевательства и сломался пополам.

Глядя на ошалевшего от неожиданности демона, явно не ожидавшего от моего оружия такой подлости, и с трудом сдерживаясь, чтобы не захотеть, делаю самую скорбную мину, на какую только способна.

– Вот, сломал хорошую вещь, – начинаю жалобно причитать, прикрыв лицо руками, иначе демон поймет, что рыдаю вовсе не от горя, – а она еще моей бабушке служилаааа...

– Подарю я тебе ножик, только не вой, – легко нарежая мясо на ломти выпущенным когтем, снисходительно бурчит демон, и в его голосе уже нет и следа подозрительности.

– А когда? – мгновенно переставая причитать, заинтересовалась я.

– Когда с этим разберусь, – пренебрежительно ткнул он пальцем куда-то вниз, и мой взгляд, отследив направление, уперся в бездвижное тело князя, – так и подарю. Ты же останешься со мной?

– Конечно, – потрясенная возникшим у меня страшным подозрением, киваю машинально, – а ты что, сомневаешься?

– Нет, – отставив блюдо на пол, демон легко, как куклу, поднял меня, усадил на колени и припал ртом к губам.

Непонятно, от чего там мои подружки в таком восторге, а вот я уже несколько раз пробовала целоваться с парнями, и мне совершенно не понравилось. Когда чужой, слюнявый рот, пахнувший в лучшем случае жвачкой, а чаще борщом, табачным дымом или вином, начинает грубо мусолить мои губы, я испытываю наравне с отвращением только одно желание, от души врезать кулаком по уху. И признаюсь честно, пару раз таки не сдержалась. А в остальных случаях просто удрала.

– Ты ненормальная, – потирая ухо, обиженно заявил мне один из тех, кому прилетело, – по правилу, после поцелуя девчонки должны становиться как масло.

– Покажешь мне завтра, где это правило записано, – разворачиваясь в сторону дома, злобно рывкнула я, – а если не найдешь, лучше не попадайся на пути.

Вот и сейчас, едва почувствовав на своих губах теплые губы демона, приготавливаюсь самоотверженно вытерпеть мерзкую процедуру под названием поцелуй. Однако маг не стал сосать и кусать мне губы, он нежно, едва прикасаясь, пил с них дыхание, и я уже почти поверила, что поцелуй может быть совсем не противным, как ощутила легкое головокружение. Точно такое же, какое чувствовала совсем недавно в дзоте. Так, начинаю понимать, стало быть, это он не целует, а отбирает мой запас. Оскорбившись до глубины души такой подлостью, накрепко стискиваю губы, и резко отталкиваю от себя демона.

– Какая вкусная у тебя магия, – довольно ухмыляясь, как нажравшийся сливок котяра, бесцеремонно объявил он, – хорошо, что прервала, сам бы я не смог. Похоже, я нашел себе подходящую подружку на ближайшую сотню лет, только не забывай вовремя останавливать, когда я беру энергию. Будет обидно тебя потерять.

Его уверенность в том, что он имеет полное право распоряжаться чужой судьбой и энергией, так возмутила меня, что я на пару секунд потеряла дар речи.

А демон, приняв молчание за согласие или за восторг от такой заманчивой перспективы, легко чмокнул меня в щечку и пересадил на подлокотник.

– Пойду, разбужу его и заставлю подписать документы, – сообщил мне по-свойски, – и будем перебираться во дворец. Роул говорил, что тебе там нравится. Да и мне тут за три дня уже все опротивело. Все эти сундуки интересно разглядывать только в первый день, потом всё кажется однообразным. Но ты можешь пойти, выбрать себе пару побрякушек.

– Обязательно пойду, – послушно киваю, занятая нерадостными мыслями, – а можно, я посмотрю, как ты будешь с ним разговаривать?

– Неужели тебе так нравится этот жадный красавчик? – вновь вставая с кресла, фыркнул маг.

Кажется мне, или действительно в голосе демона сквозь насмешливое презрение звучат нотки ревности?! Ой, мамочки, вот только этого мне и не хватало. Впрочем, я же все равно собираюсь попробовать помочь ведьмам выпутаться из ловушки, а после этой попытки мне его симпатия точно не грозит, наблюдая за решительно помахивающим хвостом магом, рассуждаю я. Попутно пытаюсь представить, как же он сидит на этом своем мохнатом продолжении позвоночника. И вдруг понимаю, так вот же он, шанс!

Тюбик в одно мгновение появился из кармана, открутить крышечку, выдавить как можно больше содержимого и тюбиком же размазать по сиденью, оказалось делом нескольких секунд. Можно бы и быстрее, да нужно было приглядывать, чтоб Байтарз не обернулся и не поймал меня на месте преступления.

Я успела как раз вовремя и возвращающийся назад маг, тащивший не подающего признаков жизни князя под мышкой, как щенка, смог увидеть лишь мою довольную рожицу, рьяно жующую отрезанный им ломоть окорока. Но безмятежное выражение дается мне не так-то просто, сердце колотится как сумасшедшее и пальцы слегка дрожат от одной мысли, что со мной сделает маг, если обнаружит приготовленную ему ловушку.

А они уже почти рядом, и неожиданно мне становится понятно, куда

демон собирается положить Роула. Все старые страхи враз отступили перед новой проблемой, которую нужно решать немедленно.

– Нет! – загораживая блюдом вовсе не для князя приготовленную ловушку, отчаянно взвизгнула я, – не нужно его сюда! Он грязный!

– Вот как?! А мне казалось, он тебе нравится, – язвительно поднял демон одну бровь.

– Уже нет, ты намного лучше.

Прости, Роул, за эти слова, но иного выхода у меня сейчас нет. К тому же нам еще в школе доходчиво объяснили, что обман врага не ложь, а дезинформация.

– Эх, женщины! – презрительно буркнул демон, примериваясь, куда бы положить князя.

– погоди минутку, сейчас одеяло принесу, – соскочив с подлокотника, кричу я магу, поняв по скептически скривившейся физиономии, что класть князя на голый пол ему почему-то не хочется.

Мягко подтолкнув на бегу демона к креслу, во весь дух мчусь к его постели, мечтая, чтобы он ничего не заподозрил. Ведь, как говорит моя тетушка, мужчина только в одном случае свято верит женщине, когда она сообщает, что он лучше другого, и то, только потому, что сам так считает.

Схватив одеяло, так же быстро возвращаюсь и обнаруживаю демона терпеливо сидящим в кресле с Роулом в объятьях. Картинка еще та, и в другой обстановке я хохотала бы до слез, но сейчас мне вовсе не до смеха. Как знать, повезло мне, и маг поверил, что я всерьез считаю его достойнее князя и потому так стараюсь, или...

Быстренько расстелив одеяло возле его ног, скромно отхожу в сторонку, старательно делая вид что меня совсем не интересует происходящее. И что у меня не сводит пальцы от желания разобрать серебристые спутавшиеся пряди, и поправить нелепо задравшийся камзол.

Усаживаться рядом с демоном я не стала, лучше быть от него подальше, когда обнаружится моя шутка, и от князя, если он придет в себя. Наверняка ведь узнал меня по голосу, когда я испортила ему всю задумку. Откуда же мне было знать, что он предусмотрит и такой вариант, и устроит в сокровищнице засаду?

Я быстренько присмотрела неподалеку массивный сундучок, и спокойно направилась к нему, не забыв прихватить блюдо с мясом, чтобы моё отступление выглядело как можно естественнее. Однако на полпути к цели этот стратегический маневр прервал грозный окрик мага.

– Эй, малявка, ты куда?

– Во-первых, – с достоинством обернувшись, уперла я руки в бока, как

любит делать тетка, – я не Эй, и не малявка, а Кэт, во-вторых, ты сам предложил взять пару побрякушек, я не просила. Ну, а в-третьих, что-то мне не хочется сидеть рядом вот с ним.

– А ты большая нахалка, Кэт, – с насмешливым изумлением уставился на меня демон, – и мне это даже нравится, с такими не скучно. Но все равно должна жить по моим законам, и первое правило – никуда нельзя ходить без разрешения. Иначе буду наказывать. На первый раз прощаю, иди, бери свои блестяшки, но постарайся этого больше не забывать.

Последние слова он рявкнул таким суровым тоном, что и не захочешь, да запомнишь. Ну, вот теперь я, кажется, начинаю понимать, почему ведьмы так не любят селиться на территории демонов. Мной так только в интернате командовали, но тогда спасала надежда, что повзрослев, я оттуда уйду и никогда больше не вернусь. А предполагаемая жизнь во дворце демона заранее представляется мне пожизненным заключением без права на амнистию и свободу голоса. И пусть не сомневается, что я постараюсь сделать все возможное и даже невозможное, лишь бы туда не попасть.

Добравшись до сундука, первым делом проверяю, нет ли на нем магических ловушек, и лишь убедившись в их отсутствии, с замиранием сердца открываю крышку. Еще две недели назад едко высмеяла бы любого, кто предсказал, что в моём распоряжении вскоре окажется сундук с сокровищами, а теперь воспринимаю это как должное. В предвкушении потрясающего зрелища я от восторга и волнения даже глаза на миг зажмурила, а распахнув – разочарованно вздохнула. Ну, вот совсем не так я себе его изнутри представляла, этот самый сундук. Когда смотришь фильмы, и главный герой находит сундук или клад, все драгоценности в нем обычно насыпаны вперемешку, как мусор в мусорке. Можно копать в золотых монетах, как курица в навозе, и вытаскивать из них то ожерелье, то диадему. А этот сундук был доверху заполнен солидными коробочками и шкатулочками разных размеров, с обязательным княжеским гербом на крышечке и порядковым номерком, привешенным на обвязывающую шкатулку ленточку. А самой верхней лежала тонкая книжица, на обложке которой было написано очень доходчиво – опись. Эта опись меня добила, поэтому я решила не распаковывать все шкатулки подряд, а поступить цивилизованно, и изучить вначале описание драгоценностей.

Сказано – сделано, взяв из сундука опись, захопываю крышку и, устроившись на сундуке поудобнее, начинаю изучать описания княжеских драгоценностей. Не забывая откусывать бутерброд, сооруженный из подручных продуктов и исподтишка приглядывать за магом. Насколько я помню, в инструкции было сказано, что приклеиваемый предмет нужно

придавить посильнее и выдержать двадцать минут. Ну, насчет посильнее я ничего не могла поделать, разве что сверху на Роула взгромоздиться, когда демон его на руках держал, но боюсь, что даже с моей фантазией трудновато было бы придумать убедительную причину, зачем я туда влезла. Если я, разумеется, не желаю, чтоб меня посчитали сумасшедшей. А я этого пока не хочу, так как не успела выяснить, что в этом мире делают с психами, даже в нашем мире в прежние времена в разных странах к ним относились неодинаково. Зато не дать ему встать с кресла раньше времени могу попробовать, хотя это будет совсем не просто.

Демон тем временем пристально уставился на князя, и мне так вдруг захотелось, чтобы Роул очнулся от своей странной отключки, что я даже забыла на несколько мгновений, что мы теперь враги. Ну да, он жадный и хитрый, но разве князь виноват, что его так воспитали? Вон его старший братец, судя по рассказам, ничуть не лучше был, а ушла же к нему Латриней?! Хотя неизвестно, как ей жилось, но почему-то хочется верить, что неплохо.

Снятие с князя заклинания оказалось для демона не таким уж простым делом, и вскоре его лоб начал поблескивать от пота, а когти судорожно впились в подлокотники. Он уже пару раз заинтересованно поглядывал в мою сторону, явно мечтая подзаправиться энергией, но я тут же делала вид, что чрезвычайно увлечена чтением описи и ничего не замечаю. Не знаю, почему он меня не позвал, но, прекрасно понимая, что взять энергию он хотел для спасения Роула, отказать бы не смогла. Мне и так с большим трудом удалось сохранить безразличный вид, сердцем я была готова отдать хоть все. Однако разумом четко понимала, если демон снова заберет энергию, то освободить из сети ведьм будет просто нечем. Несмотря на то, что, вспомнив подсказку Клюквы, я понемногу собираю выплеснутую во время боя энергию, запас пока далеко не полон.

Первое движение князя я пропустила, увлекшись описанием ожерелья из сапфиров и бриллиантов в обрамлении белого золота, подаренного одной из прабабушек князя на совершеннолетие.

Зато напрочь забыла про всякие драгоценности, едва услышала волнующий мелодичный голос.

– Тебе всех удалось поймать? – приподнявшись на локте, интересуется Роул, чуть сонно разглядывая пленников.

– Кто вошел в проход, все в моей ловушке, – уклончиво отвечает Байтарз, поглядывая на князя свысока во всех смыслах.

– А где Трине?! – взгляд и голос поднявшегося на ноги князя набирают силу и непонятно, чего в них больше, страха или ярости.

– Ты сказал, поймать всех, кто войдет с тобой сюда, – в рыке демона тоже заметно добавилось презрения и непокорности, – я так и сделал. А теперь хочу получить оплату, и сразу предупреждаю, цена изменилась.

– Да я в этом и не сомневался, – еще чуть пошатываясь, делает Роул первые шаги к пленникам, – давно знаю, что у демонов нет честного слова. Вот и второе подтверждение моей правоты.

– А где первое? – маг притворяется, или действительно не понимает?

– А первое стоит перед тобой в бабьей юбке, – язвительно фыркнул князь, указав пренебрежительным кивком головы на Ургазира, – а ведь он давал мне клятву верности, когда заступал на должность главного мага. Ну, демон, расскажешь по-хорошему, где твоя бывшая невеста?

Легкий блик скользнул по лезвию кинжала, зажатого в поднятой руке, такому же острому, как насмешливая ухмылка не снизошедшего до объяснений демона.

– Откуда же ему это знать? – в знакомом голосе, прозвучавшем так близко, что я от неожиданности едва не подавилась, звучит ничуть не меньше сарказма, чем в голосе князя.

– Я верил, что ты не сможешь спокойно смотреть, как я убиваю твоего жениха, – хладнокровно ответил на это заявление Роул, разворачиваясь к нам лицом.

И уже почти повернувшись, точным натренированным взмахом с силой отправил свое оружие прямо в грудь Ургазиру.

Что-то прекрасное и сверкающее, как большая хрустальная люстра, висевшая в театре, куда нас вели на новогоднюю елку, и такое же хрупкое, разом обрушилось в моей душе, превращаясь в кучу печальных осколков. Взбешенный рык Байтарза, судорожный вздох Сирени, внезапный прыжок в сторону, сделанный князем, все это осталось где-то в стороне. А в центре было чуть удивленное, неверяще глядящее черными глазами лицо демона и ясное понимание, что освободить его из ловушки нужно немедленно.

Но еще раньше, чем я это осмыслила, подсознание автоматически протянуло щупальца магии и начало одну за другой обрывать багровые нити, стремясь как можно быстрее добраться до оседающего тела мага. Сирень включилась в эту гонку всего на миг позже меня, но сразу обогнала, обрывая проклятую сеть целыми кусками. Через несколько секунд освобожденные из ловушки ведьмы бросились помогать нам, и вскоре уже склонились над сидящим на полу, побледневшим, но не потерявшим сознание демоном.

И все это под непрекращающийся яростный монолог Байтарза, в

котором жуткие угрозы в мой адрес перемежались многоэтажными ругательствами на неизвестном, но очень выразительном языке. Наконец он догадался провести вокруг себя острыми когтями, и в бешенстве вскочил с кресла вместе с висевшим со штанов внушительным куском кожи, которой было оббито кресло. Но в тот же миг взвыл от боли и рухнул назад, с рычаньем строя из слов все того же непонятного, но звучного языка еще более внушительную пирамиду. Я к этому времени успела занять безопасное место между ним и Сиренью, и бдительно следила за демоном, очень надеясь, что наставница не допустит расправы надо мной. А вот в сторону лежащего перед целительницами Ургазира старательно пыталась не смотреть, хватило одного взгляда на алый ручеек, бьющий из-под вошедшего почти по рукоятку кинжала.

Зато Сирень сразу после освобождения пленников отвернулась от бывшего жениха с видом полнейшего равнодушия, потрясая меня своей бессердечностью. И теперь внимательно следила за чем-то, происходящим за нашими спинами.

– Остановись, Роул, – заявила она вдруг своим ледяным равнодушным голосом, – ты совершаешь ошибку.

– Это ты её совершила, придя сюда, – едко фыркнул от стеллажей голос князя, – очень большую и глупую ошибку. Если войти в сокровищницу можно и без моего согласия, пользуясь открытым проходом, то выход открывается только с моего добровольного разрешения. Разумеется, ни один из вас никогда его не получит, даже если просидит тут сто лет. Но мне вовсе не хочется, чтобы вы запакостили мою сокровищницу, поэтому я дарую вам быструю и почти безболезненную смерть.

Как это, смерть? Недоверчиво хмыкнула я, оглядываясь на наставницу, в надежде увидеть на ее призрачных губах насмешливую ухмылку. Однако на ее строгом лице нет и тени улыбки, наоборот, горькие складки залегли на лбу возле переносицы.

– Аaaa! – вскочивший с кресла демон полоснул себя когтями по висевшей на заднице обивке, освобождая хвост, приклеившийся так, что не давал сделать ему даже шага, – ты, лживое гномье отродье, не забывай, что подписал договор с главой гильдии магов! Я свою часть выполнил полностью, выводи меня отсюда, а оплату можешь прислать потом. Сейчас я возьму только ее.

Грозный коготь мага указал точно на меня, хотя сам он не сводил разъяренного взгляда с гнома.

– Кэт моя ученица и никуда ты её не возьмешь, – холодно

откликнулась Сирень.

– Правила об учениках не распространяются на существа с неопределенным статусом, – самодовольно ухмыляется Байтарз, – поэтому она моя.

Какие еще правила? Вопросительно гляжу я на наставницу, но она только досадливо морщится в ответ. Ничего себе порядочки, живого человека делят как курицу, у кого прав больше, а мое мнение, что, никакого значения не имеет?!

– Ничего подобного, – слабый голос Ургазира прозвучал для меня спасительным звоном, – не твоя. Кэт еще и моя ученица, а у меня статус вполне законный.

– Но такого не может быть, – злобно шипит претендент на мою свободу, – ведьмы ученицами ни с кем не делятся. Значит, ты лжешь!

– Ничего он не лжет, – решив, что спасение утопающего пора брать в собственные руки, твердо заявляю, глядя в свирепые глаза демона – в моем мире по разным предметам разные учителя, вот я и решила взять себе второго учителя по демонской магии.

– А ты вообще помолчи, – оборвал меня Байтарз, – ты при всех говорила, что согласна со мной пойти, что я лучше князя. И пусть под клятвой скажут, что это не так!

– Это не считается, это просто военная хитрость, – обиженно взывала я, оглядываясь на ведьм, в ожидании поддержки, но они только смущенно опускали глаза.

Ой, похоже, я опять натворила чего-то непоправимое. Вот кто меня за язык тянул давать ему обещания? Что, не могла пококетничать, потянуть с согласием?

– Она действовала по моему тайному приказу, – снова выручает меня Ургафир, – и я могу это подтвердить под клятвой.

– Ваши разбирательства очень познавательны, но мне пора, – насмешливо подводит итог спору Роул, про которого я от расстройства почти забыла, – уничтожитель грабителей уже запущен, и у вас есть полчаса, чтобы высказать мне всё, что я, по вашему мнению, должен узнать.

– Как запущен... – возмущенно заорал его наемник, и вдруг смолк, расширенными от ужаса глазами глядя вверх.

Я проследила направление его взгляда, но абсолютно ничего не заметила. Может, они снова играют заодно, родилась было слабая надежда, но ее тут же убил печальный, полный откровенной нежности взгляд Ургазира, устремленный на дикую ведьму. Так смотрят только на

прощанье, когда точно знают, что уже никогда не будет для этого ни более удобного места, ни времени.

Снова перевожу взгляд вверх, только теперь смотрю не так, как обычно, а внутренним зрением. И сразу понимаю, о чем идет речь. Нас со всех сторон окружает перевернутая чаша странного, посверкивающего алыми сполохами, купола, словно выкованного из острых стальных полос. Только призрачных и как живых, очень медленно стягивающихся к середине. И я вполне могу представить, что останется на полу через полчаса, когда они сойдутся.

Только не хочу. Ведь это произойдет не с кем-то далеким и чужим, а вот с этими ведьмами, Ургазиром, со мной, наконец!

Ой, мамочки! Так что же они все стоят-то, и ничего не делают?!

– Ну, так делайте что-нибудь! – закричала я на всех сразу, – вас тут вон сколько, и все самые сильные ведьмы и маги! Чего вы ждете?! Давайте все вместе по ней ударим, неужели не справимся?

– Кэт, – печально сказала Малина, – про эту штуку все знают, ее магией не пробьешь, особенно изнутри. Только быстрее пойдет. И с оружием та же история. Лишь Роул может остановить, своей кровью.

– И то только в первые десять минут. Чем сильнее она сжимается, тем становится мощнее и непослушнее, – тихо добавил Ургазир.

– Так поторопитесь, придумайте что-нибудь!

Ну не привыкла я сдаваться вот так, покорно и беспрекословно!

– Эх, хорошая бы из тебя подруга демона вышла... – с тоской буркнул себе под нос Байтарз, однако в наступившей тишине слышали это все.

– Не нужно было на мой дворец и сокровища замахиваться, был бы честнее, так ушел бы вместе с ней, – назидательно заметил Роул, усевшийся с удобством на широкий сундук в ожидании заказанного шоу.

– Я могу сказать тебе много интересного, но вначале кое-что покажу, – так спокойно и холодно, словно ничего непоправимого не происходит, произнесла Сирень, что я даже обозлилась.

Наверное, правда, слишком мало осталось в ней человеческих эмоций, если она может быть такой равнодушной в этот момент. И потом, еще неизвестно, что станет с ней, когда нас... того, сожрет тот уничтожитель.

– Показывай, – любезно согласился князь.

Почему-то его звонкий голос и красивое лицо больше не вызывали в моей душе умиления и восторга. Теперь там нетающей кучей острых льдинок лежали осколки той прекрасной штуки, что заполняла мое сердце последние дни. Оказывается, я даже сама не подозревала, как много места она занимала, и теперь вдруг с горечью обнаружила просто пропасть

ненужного мне незанятого пространства. По которому гулял холодный ветерок одиночества, заставляя меня внутренне сжиматься от знакомого со дня гибели родителей ощущения безвозвратной потери.

– Смотри, – так же отстраненно кивнула Сирень, и провела рукой в сторону самой тихой и инертной из своих помощниц.

Вот это фокус. На моих глазах внешность женщины начала меняться. Вначале стала нечеткой, словно на плохом снимке, смешались цвета, черты лица, пропорции тела. А потом из всего этого опасливо проступил совсем другой облик, начал твердеть, набирать четкости и, наконец, застыл уже окончательно. Я сразу вспомнила, что уже видела один раз мельком эту неяркую, но очень милую девушку, еще хотела поближе познакомиться, да она куда-то пропала.

– Рябинка?! – Роул уже не сидит на сундуке, а стоит, вцепившись руками в стеллаж, от которого начал свое движение уничтожитель, – нет, я не верю. Это не она. Ты снова лжешь, Трине! Ты все это придумала сейчас, сделала её из своей подружки!

– Как я могла бы придумать то, чего не знала? – наконец-то в голосе Сирени звучит хоть капля человеческих чувств, и неважно, что это только досада и усталость, – она ведь встречалась с тобой тайно! Вначале по моей просьбе, нужно было, чтобы кто-то доносил тебе обо всех наших планах. Не истинных, разумеется. А потом пришла и заявила... что не может тебя обманывать, потому что любит. Тогда мы стали ей незаметно подсовывать те сведения, какие нам были выгодны, но так, чтобы она не подозревала об обмане. Извини, Рябинка, но доверять влюбленной девушке глупо и опасно. Поэтому ты знала только то, что тебе позволяли узнать. И тебе, Роул, она не могла рассказать ничего, по-настоящему важного. Конечно, ты можешь сейчас вспомнить про тех двух гольдов и одного из вампиров, который летал в Змейку к возлюбленной и приносил тебе новости, но их тоже кормили неправдой. Уж извини, война такое дело. Правильно сегодня Кэт сказала, это военная хитрость.

– Ты стала... совсем другой, – с кривой ухмылкой буркнул князь, но не бросился, как мне ожидалось, спасти возлюбленную, и острые осколки на дне души чуть шевельнулись, принося терпкую боль.

– Жизнь научила, – буднично отозвалась Сирень, – но я пока показала тебе не всё. А чтобы ты не считал, что это обман, попроси своего наемника внимательно поглядеть на Рябинку. Демоны это умеют.

Попросить Роул не успел, демоны и без его просьбы разом обернулись к побледневшей, и как-то сжавшейся ведьмочке. Ну да, у нее, наверное, были такие же надежды, как и у меня. Что князь немедленно выключит

свою страшную ловушку, едва поймет, кто в нее попал.

Рассмотрев смущенную Рябинку, мой новоявленный учитель только горестно присвистнул, а Байтарз с чувством выдал пятиэтажное сооружение на своем любимом, но непонятном мне языке.

– Поздравляю, Роул, – объявил он едко, когда закончил материться, – у твоего сына будут очень неплохие магические способности.

– У какого... – дернулся Роул, и подозрительно уставился на Рябинку, – а ты мне что говорила?!

– Мне Сирень не разрешалаааа... – внезапно разразилась слезами юная ведьма, – сказалааа... что тогда больше не отпустит... к тебе.

– Дура! – рявкнул совсем не мелодично князь, – если бы ты сказала мне, я сам бы тебя никуда не отпустил! А теперь ничего не могу поделать! Они все маги, и у меня против них ничего больше нет!

– Но и это не последняя новость, – голос Сирени снова непроницаем и холоден как вода в полынье, – теперь попроси своего мага рассмотреть тебя.

– Это еще зачем? – насторожился князь, но демоны снова дружно уставились в указанном Сиренью направлении.

– И кто его так?! – пару секунд поизучав красавчика, угрюмо поинтересовался Байтарз, а его сородич только плотно сжал губы и опустил глаза, по-видимому, не желая ни с кем встречаться взглядом.

По его нахмурившимся бровям и затвердевшим скулам было невозможно не догадаться, что сейчас он узнал что-то очень скверное про Роула. Или... про Сирень?

– Я, – не стала отказываться ведьма, – и он это заслужил. Вы, наверное, не знаете, но в ведьминских деревушках у него уже бегают трое детей. Два мальчика и девочка, ведь правильно, Роул?! Он слил их с помощью Ургазира сразу после рождения, и вместе с ними их матерей. А потом благородно отпустил на все четыре стороны. И собирался так же поступить с Кэт, да и сына Рябинки не пожалел бы. Уж очень ему хотелось стать магом. Вот я и нашла единственный способ, каким можно его остановить. Согласна... не очень гуманный, но ничего другого не придумалось.

– И ты ему помогал?! – осуждающе смотрит на Ургазира собрат.

– А разве я мог отказаться... – вздохнул мой учитель, – тогда бы он нанял другого. Например, тебя. Ты же не отказался ловить для него ведьм, еще и через гильдию заказ для верности оформил. Да и Кэт чуть не выпил досуха, хорошо, девочка вовремя спохватилась.

– Да что она со мной сделала, расскажете вы, наконец, или так и

будете выяснять, кто лучше?! – взорвался за невидимой стенкой князь.

У него даже лицо пошло красными пятнами от возмущения. И только вцепившиеся в стеллаж унизанные кольцами пальцы, побелевшими костяшками выдавали тревогу.

– Ты только не волнуйся... и не кричи, – соболезнующее глядит на него демон, – но этот ребенок последний, который может у тебя быть. Она как-то умудрилась... так это сделать, что сам ты никогда бы не заметил. Ну, может лет через сто начал бы волноваться, когда решишь обзавестись наследником.

– Неправда... – ошеломленно покачивает головой Роул, пытаясь осознать всю величину проблемы, которая на него сейчас свалилась, – врёте вы все! Вам нужно, чтобы я поверил и выпустил вас! Но я не верю! Не могла она ничего мне сделать, она даже близко подойти не могла, у меня вот, вот...

Он крутит перед собой руками в кольцах, потом суетливо вытаскивает из-за воротника целую гроздь разнообразных амулетов.

– Никакое, даже крошечное заклинание близко нельзя сотворить, чтобы я не почувствовал! – кричит он ожесточенно, – на эти амулеты целое состояние ушло!

– Ничего ты не понял, – со вздохом произносит Сирень и спокойно направляется в сторону родственника.

Через страшную штуку под названием уничтожитель она прошла, даже не вздрогнув, впрочем, та её тоже не заметила. Хотя уже приблизилась к нам почти на метр, и стала по размеру только чуть больше беседки для малышни, что стоит на краю спортплощадки.

– Как?! – у Роула от потрясения даже рот приоткрылся, – почему?!

– Не задавай вопросов, на которые не хочешь услышать ответов, – бросила Латриная, – лучше поторопись, режь свой палец, пока не поздно.

– Ты до сих пор еще не поняла? – князь отвернулся, но по его голосу чувствуется, что он чуть не плачет, – не могу я его остановить. Я и сам до недавнего времени не знал, что нет у меня такой власти. Оказывается, это Эрнил настроил здесь все на себя и на сына. С помощью твоей магии, между прочим!

– Роул, ты все время кричал, что не веришь мне, – и не подумала его жалеть Сирень, – почему ты думаешь, что я тебе поверю? Режь палец, пока не сделала с тобой еще чего похуже прежнего.

– Да, пожалуйста, – Роул выхватил из ножен второй кинжал и полоснул себя по пальцу, – ну, а дальше что?

– Собери кровь вон в тот кубок и с искренним желанием освободить

всех пленников, скажи заклинание. Я тебе обещаю неприкосновенность, если ты сделаешь всё правильно и чистосердечно. Они ни в чем не виновны, а меня эта штука, как видишь, не удержала, – деловито скомандовала ведьма и я начала надеяться, что у неё все получится.

Роул не стал ни спорить, ни сопротивляться, молча взял с полки небольшой, потемневший от времени кубок и, набрав в него крови, звонко проговорил нараспев что-то тарабарское. Судя по лицу Сирени, внимательно следившей за его декламацией, заклинание было произнесено правильно. Затем князь решительно шагнул к уничтожителю, продвинувшемуся за это время еще ближе к нам, и с повелительным выкриком выплеснул на него содержимое кубка.

Полыхающая все разгорающимся алым огнем поверхность полусферы пошла рябью, начала бледнеть и останавливаться. Несколько секунд я с замирающим сердцем наблюдала внутренним зрением за бездвижно застывшей на одном месте ловушкой, повторяя про себя как молитву, ну исчезай ты, наконец! Ведьмы и демоны тоже замерли, и в наставшей мертвой тишине не слышно было даже вздохов, словно все разом перестали дышать.

Но тут уничтожитель снова разгорелся до прежней яркости и с удвоенной скоростью ринулся на нас. Испуганно ахнула Рябинка, рыкнул что-то неперебиваемое взбешенный Байтарз. Ведьмы спохватившись, потащили лежащего почти у самой поверхности сжимающейся ловушки Ургазира ближе к центру, словно это могло его спасти. Сирень расстроено вскрикнула что-то, и исчезла, видимо, не захотела наблюдать за нашей гибелью.

Ведьмы и демон сгрудились вокруг Ургазира посредине сужающегося круга и подтолкнули поближе к нему меня и Рябинку, совершенно не соображая, что таким образом оказывают нам медвежью услугу. Смотреть, как гибнут твои друзья далеко не лучший подарок. Рябинка закрыла ладошками личико и тихо плакала, черный маг матерился все грознее.

А я судорожно вспоминала, как положено в моем мире вести себя в таких случаях. Когда стоишь на палубе тонущего Титаника и тебе не хватает ни шлюпок, ни дверей, или сидишь в самолете, который направлен в пентагон. Что можно сделать за эти последние в твоей жизни секунды? Позвонить родственникам, попрощаться с друзьями, сделать что-то приятное для себя, на что никогда не хватало времени или смелости? Например, поцеловать принцессу Лею. Но мне некому здесь звонить, да и мобильных они еще не придумали, и целовать напоследок тоже некого, а сказать ведьмам – прощай, я еще успею. И потому осталось всего два дела,

поблагодарить за выручку демона и исполнить свое последнее желание.

– Ургаизр, – вежливо заявляю, наклонившись к магу, – спасибо тебе, что научил меня очень интересным и полезным вещам. И что заступился. Я бы хотела, чтобы ты и дальше был моим учителем.

Все, одно дело выполнено, с чистой совестью отведя взгляд от изумленно вытаращившегося демона, приступаю ко второму и последнему, реализации своего заветного желания. Ну, разумеется, из разряда тех, какие мне здесь доступны.

Решив не мелочиться, и доставить радость не только себе, но и товарищам по несчастью, призываю разом пять коробок шоколада, три торта, десять бутылок фанты и двадцать чашечек кофе. Гулять, так гулять.

От яркой вспышки, сделавшей видимой всю магическую конструкцию, пришлось на миг зажмуриться, но я сразу же распахнула глаза пошире. Нехорошее подозрение, что снова сделала что-то не по правилам, возникло и быстро укрепилось в моей душе. Тем более, я некстати вспомнила, что использовать магию внутри уничтожителя нельзя. Однако сфера, сжавшаяся за это время до размера рыночной палатки, неистово горела снаружи, и сквозь огненную пелену и усиливающееся потрескивание доносился отчаянный крик Роула, безнадежно звавшего Рябинку.

– Змеи хаоса, что ты такое сделала, Кэт? – закричал Ургаизр, сумасшедше сверкнув черными глазами.

– Исполнила свое последнее желание. Призвала немного сладостей – кротко опустив ресницы, честно ответила я.

Учителям всегда нужно отвечать честно, если попался с поличным.

– Так призывай еще, – прямо над моей головой рявкнул черный маг, потрясенно разглядывающий приостановившийся уничтожитель, – призывай быстрее, малявка, и побольше, ну, кому я говорю?!

Обычно я не подчиняюсь приказам, высказанным повышенным голосом и в невежливой форме. Но в этот раз было что-то такое в интонации наглого демона и в его крошечных глазах, что я пожала плечами и вызвала еще десять коробок шоколада, десять тортов, и двадцать бутылок лимонада. Хотя уже уразумела, что до нас они вряд ли дойдут в первоизданном виде. Если вообще дойдут.

Исполнение моего желания ознаменовалось новой вспышкой огня над куполом разрушителя и новой серией хлопков и щелчков. Весь жар, вся алая сущность ловушки потянулась туда, к куполу, не пропустившему ко мне мои лакомства. Вот колобок, запоздало поняла я то, о чем уже догадался Байтарз, да ведь эта безмозглая штука, запрограммированная создателями на отражение нападения, приняла мои шоколадки за атаку

врагов и гонит теперь все силы на их уничтожение!

А оглянувшись на демона, убедиться в своей правоте, обнаруживаю, что маги, объединив усилия, пытаются пробить истончившуюся у самого пола стенку ловушки. И ведьмы активно им в этом помогают. А чего же тогда я-то жду? Нужно им помочь, и лучший способ, по моему разумению, добавить ловушке проблем. Новая порция шоколада и тортов обрушилась на купол, вызывая новый шквал хлопков и щелканья. Маги напряглись, громче забормотали свои заклинания ведьмы, в воздухе потянуло запахом горелого масла и сахара, и на наши головы вдруг закапал раскаленный шоколад. Я быстро вернула на голову защитную шапочку и опустила ее на лицо как боец альфы, ведьмы начали заматываться в покрывала, демоны, занятые проходом, автоматически врубили магические щиты. Не рассчитанный на такое сложное противодействие старинный уничтожитель начал трястись и выгибаться. Ослабленная, почти не светящаяся нижняя часть стремилась быстрее добраться до нас, а верхняя вспучивалась наружу, пытаясь сжечь агрессивные торты.

– Ложись!

Первым на этот раз догадался о грозящей опасности мой учитель, схвативший одной рукой меня, другой Рябинку, и чуть слышно скрипнув зубами от боли в едва затянувшейся ране, прижал нас к полу. И навалился сверху всем телом. Было неудобно и больно лежать, рядом всхлипывала Рябинка, чуть дальше рычал свои проклятья в адрес князя Байтарз, а я никак не могла сообразить, зачем мы тут валяемся? Но сначала не стала никого спрашивать, потому что и дышать-то было тяжело, а потом оказалось уже поздно.

Что-то с грохотом взорвалось прямо над нами, и даже под накрывшим меня телом демона стало жарко. Почти в тот же миг в уши ворвался отчаянный вопль князя, а затем пол под нами качнулся и мы полетели куда-то вниз.

Дух перехватило не столько от этого стремительного падения, сколько от неожиданности и предчувствия жестокого удара, ну не может же он рухнуть мягко, этот тяжелый монолитный кусок пола, неизвестно почему решивший обрушиться именно в этот момент. Вроде взрыв был не настолько уж силен?!

Однако остановился наш обломок плавно, как лифт в районной поликлинике, куда нас водили два раза в год на медосмотр. И в эти дни лифты для инвалидов работали с предельной нагрузкой, а мы как награды подсчитывали, кому удалось больше раз проехать в просторной кабинке. Разумеется, никто не разрешал нам ездить в лифте одним, за этим следила

специальная санитарка. Ну, так ведь там всегда хватает бабушек, которым нужно помочь. И неважно, что некоторые из них по пять раз поднимались на разные этажи, ища кабинет, расположенный на первом. Важно, что они потом были очень довольны услужливыми вежливыми детками, и непонятно почему величали нас тимуровцами.

– Успели! – облегченно выдохнул где-то рядом голос Сирени, и я нетерпеливо завожилась, пытаясь выбраться из-под тяжелого демона.

Но придавившее меня тело не подавало никаких признаков жизни, и поневоле пришлось ждать, пока его не сняли чьи-то руки. Но уши-то у меня закрыты не были, поэтому я слышала все возгласы и вскоре отчетливо представляла, что случилось. Оказывается, гольды и крабы давно окружили сокровищницу узкими тоннелями и под полом тоже прорубили на разных уровнях несколько проходов. И когда Сирень поняла, что князь действительно не сможет нас спасти, она бросилась за помощью к гольдам. Всего за несколько минут они совместными усилиями успели сделать почти невозможное, прорезали круговую бороздку в потолке тоннеля под тем местом, где должна была сойтись ловушка, а крабы выдолбили дыру на нижний уровень. Вот туда наш каменный лифт благополучно и провалился, поддерживаемый магией Сирени и ведьм.

– Вставай, – позвал меня мягкий голосок и потянул за рукав.

Вот, колобок, а почему же тут так темно, не успеваю спросить я, как та же рука сдергивает с моей головы шапку. И ничуть, оказывается, не темно, уходит вдаль полоска подвешенных на равном расстоянии светящихся шаров, точно таких, какой висел в пещере, а возле меня стоит знакомый командир гольдского отряда и на его пучеглазом личике светится неподдельная радость. И только в этот момент до меня дошло, что все самое страшное позади. Нет, в собственную гибель почему-то не верилось до самой последней секунды, хотя умом и понимала, что спастись невозможно, но кто-то наивный, прятаясь глубоко внутри, упорно ждал чуда.

Меня тряхнуло откатом пережитого ужаса, по сердцу прокатилась ледяная волна, и затряслись руки. Я пыталась сильнее стиснуть их в кулаки, но меня трясло все сильнее.

– Ничего, все позади, – мягко уговаривает голосок гольда, – все хорошо! Вам повезло, от уничтожителя еще никто живым и невредимым не уходил.

Ну, не совсем невредимыми, скептически хмыкаю про себя, и во мне, как всегда не вовремя, просыпается голос совести. Вон твой новый учитель даже встать сам не смог, а ты, Катка, так распереживалась, что не

поинтересовалась его здоровьем. А что самое смешное и глупое, трясешься как кутенок, уже после того, как вытащили из колодца. Это простое рассуждение вернуло мне способность спокойно дышать и интересоваться окружающим. Благодарно улыбнувшись гольду, решительно поднимаюсь на ноги, и обнаруживаю, что стоя на обломке пола достаю головой почти до края выбитой в потолке дыры. И мне отсюда отлично видно все происходящее вокруг, хотя обычно бывает наоборот, все интересное приходится разглядывать из-за чужих плеч, привстав на цыпочки.

Почти рядом со мной Сирень водит призрачными руками над мускулистой спиной лежащего навзничь мага, и от этих движений с кожи исчезают некрасиво вздувшиеся волдыри. Чуть дальше на поставленных вдоль стен тоннеля скамьях ведьмы отпаивают каким-то снадобьем рыдающую Рябинку, и залечивают друг – другу ожоги и ссадины. А заодно и обожженные руки Байтарза. И между всем этим снуют молчаливые гольды, подавая мази, наливая в кружки из кувшинчиков воду и отвар, и раздавая желающим одежду и одеяла.

– Такой выплеск был, что все щиты к змеям сорвало, – в промежутках между непонятными ругательствами и глотками отвара так доверительно жалуется целительницам черный маг, словно уже забыл, что еще меньше часа назад настойчиво предлагал им комфортную жизнь в своем гареме.

– Мы почувствовали, – согласно кивает ему Малина, – запас сразу наполовину пополнился.

– Хорошо вам, можете выброшенную энергию ловить, мне бы так, – с неподдельной завистью вздохнул маг, чуть прояснив этой короткой фразой еще одну мучащую меня загадку.

– Зато вы накапливаете больше, и заклинания можете мощнее создавать, – в тон ему сетует ведьма, будто беседует не с недавним врагом, а со старой подругой.

– Все, Ургаир, можешь вставать, хватит притворяться, – негромко командует раненому демону Сирень, и, заметив мой неодобрительный взгляд, насмешливо добавляет, – а, ты Кэт, не спеши обвинять меня в жестокости, хотя Роул и задел кинжалом его сердце, для демона это не смертельно. У него есть второе, молодое. Они рождаются с одним, а потом от него отпочковывается второе. Так и меняют их в течении жизни, как деревья листву. Твой учитель тебе этого не объяснил?!

– Нет, – немедленно подобралась я, почувствовав в ее словах скрытый намек на предательство, но ответила, кротко опустив ресницы – мы еще не изучали особенности демонской физиологии. Я вообще хотела бы, поскольку ты моя главная наставница, согласовать перечень навыков,

которым будет учить меня маг.

– Спасибо, ученица, за защиту, – легко поднимаясь с почти родного куска камня, отвесил церемонный поклон демон, и ухмыльнулся так насмешливо, что я сразу заподозрила подвох, – и особенно за последнее желание, оно всем нам очень понравилось. Я буду рад учить тебя и дальше.

– Угу, – словно только вспомнив про недавние события, с интересом уставился на меня Байтарз, – так что же это были за сладости-то?

– Давайте вначале отсюда выберемся, потом её сладости пробовать будем, – твердо скомандовала Сирень и первая двинулась к вырубленным в камне ступенькам на верхний уровень тоннелей.

Мы послушной цепочкой поплелись за ней, хотя лично у меня не было никакого желания возвращаться в то страшное помещение. И даже сапфиры в обрамлении алмазов и белого золота не казались такой уж привлекательной платой за пережитый ужас. Хотя, кто же мне их теперь даст, от покровительства черного мага я ведь отказалась.

– Все смогут влезть? – обращаясь сразу ко всем, спросила дикая ведьма вежливо, показывая на простую деревянную лестницу, приставленную к краю круглой дыры гольдами.

Но мне почему-то показалось, что интересуется ее один конкретный ответ.

– Рябинке я помогу, – предложил черный маг, и мне показалось, что на его губах промелькнула подозрительно лукавая усмешка.

– Иди сюда, ученица, тебя я буду придерживать, – позвал меня Ургазир, словно не понял ни вопроса ведьмы, ни намека соплеменника.

– Тогда поднимайтесь за мной, – равнодушно скомандовала Сирень и, не касаясь ступеней, улетела вверх.

Следом полез Байтарз, одной рукой держа на мощном плече завернутую в одеяло Рябинку, а другой придерживаясь за перекладины.

– Тебя так же поднять? – веселые искорки скачут в непроницаемых глазах демона.

– Ты себя подними, весельчак У, – скептически фыркнула я, и, хватаясь за перекладины, белкой взлетела в сокровищницу.

Опыт великая вещь, а мне столько раз за жизнь приходилось лазать не только по железной пожарной лестнице интерната, но и по шатким лесенкам на сеновал и в теткин погреб, что эти несколько ступенек можно считать легкой разминкой.

В сокровищнице царит такой разгром, словно сюда обрушились одновременно землетрясение, смерч, пожар и деревенская свадьба. От потрясения я не сразу замечаю сидящего на полу у сундука Роула, лицо его

прикрыто ладонями и сквозь пальцы течет струйка крови. Душа рванула меня к нему, но холодно звякнули на дне опустевшего сердца нетающие осколки, и кто-то умный, недавно поселившийся в моем мозгу доходчиво объяснил, что нечего мне в ту сторону даже смотреть. Тут полно ведьм и магов, которые отлично умеют лечить, и есть любящая его Рябинка, ждущая от князя сына.

Я решительно отвернулась и потопала дальше, вглубь сокровищницы, в надежде найти местечко почище. Садиться на сундуки, ушлепанные горелой мешаниной из фольги, шоколада и пластмассы, почему-то не хотелось.

– Кэт, ты куда?! – так дружно рывкнули два абсолютно непохожих голоса, что я даже вяло восхитилась.

Надо же, всего несколько часов, как они оказались в одном педагогическом коллективе, а какое завидное единодушие!

– Хочу где-нибудь сесть, – опустив руки по швам, смиренно отвечаю сразу обоим, – что-то ноги устали.

– Не нужно отходить далеко от меня, – Сирень неумолима, – там могут быть другие ловушки.

Вот с этого бы и начинала, от слова ловушка теперь я буду подскакивать в любое время дня и ночи. Впрочем, судя по хитрому взгляду учителя, он тоже явно не поверил моей показной покорности. Ох, чувствую, натерплюсь я от них, пока стану настоящей ведьмой.

Украдкой вздохнув, делаю пару шагов назад, и сталкиваюсь со знакомым командиром гольдов, несущим вместе с помощником удобное креслице, накрытое шкурой. Вначале мне показалось, что оно ажурно сплетено из ивовых прутьев, но усевшись и прикоснувшись рукой, понимаю, это металл. Теперь мне понятно, почему они таскают эти кресла по двое. Вскоре уже все присутствующие устроены с удобствами, а толпа деловито снующих гольдов продолжает убирать следы разгрома и обустраивать временное пристанище.

Еще через четверть часа Малина позвала меня умыться, и я с удовольствием последовала за ней. Вернувшись, обнаруживаем стол, установленный гольдами посреди расчищенной площадки, где раньше ночевал Байтарз, и постепенно заполняющийся горшочками и мисками с едой.

В желудке мгновенно проснулся голодный зверь, и я, не в силах ему противиться, немедленно пробираюсь на свое место и подтягиваю к себе миску побольше. Никто даже внимания на этот маневр не обратил, оказывается, все устали и проголодались не меньше моего. Только минут

через двадцать перестук ложек и вилок перестал напоминать шум скорого поезда, а на лицах появилось задумчивое выражение. Типа, а что это, собственно, мы тут ели? Я давно отвалилась на спинку кресла и сквозь длинные ресницы наблюдала за присутствующими. Никогда раньше не подозревала, что это так интересно. Только в ту сторону, где сидели рядышком Рябинка и замотанный повязками Роул, старалась не смотреть. Но всё равно замечала и счастливый блеск в глазах ведьмочки, наконец поверившей, что получит таки вожделенного мужа, и усталый, потухший взгляд князя. Впрочем, недолго ему оставаться князем, Малина по секрету шепнула, что после обеда будем открывать саркофаг.

Вскоре оказалось, что оживление нового князя произойдет не так быстро и просто, как я это себе представляла. После обеда нас вежливо отправили отдыхать, а за столом остались только Сирень, Роул, Малина и демоны. Даже Рябинку моя наставница отослала, заявив, что той полезнее немного полежать.

Вот и валяемся мы уже второй час на накрытых одеялами скамьях и болтаем о всякой ерунде, не забывая разворачивать шоколадки, грудой лежащие на столике, служившем раньше черному магу. Это он и напомнил, когда мы вставали из-за стола, про загадочные сладости.

– А что, – подозрительно прищурился на ведьму, – обещанного лакомства нам так и не покажут? Или это ваше секретное оружие?

Эти слова невольно заставили меня насторожиться, и вопросительно оглянуться на наставницу, а вдруг она и правда, не хочет никому показывать мои особые способности?!

Но Сирень на этот выпад мага только загадочно усмехнулась и кивком разрешила мне продемонстрировать свой фокус. К этому времени гольды уже утащили со стола грязную посуду, и места для моих экспериментов было предостаточно. Ну, я и развернулась. Через пару секунд на столе стояло с десятков тортов, полсотни бутылок фанты и несколько кучек просыпавшихся из ниоткуда шоколадок, жвачек и пакетов с чипсами.

И меньше чем через минуту все отвернувшиеся было от стола ведьмы и гольды, снова сидели по своим местам, ретиво шелестя обертками. Шоколад и жвачки понравились не всем, зато торты и чипсы исчезали с такой скоростью, словно никто перед этим не наелся до отвала. Маги, изучив чужие продукты, затеяли долгий спор, каким образом мои лакомства могли ввести в заблуждение настройку ловушки, при этом что-то говорили про фольгу и животное происхождение продуктов, но я в это не вникала. Все равно не понимала и половины сказанных слов, но по опыту знала, если мальчишки начнут обсуждать подробности произошедшей на

углу аварии, или выяснение какой-то технической особенности новой марки машины, то это не меньше чем на три часа. И, похоже, такими они навсегда остаются в любом возрасте и в любом мире.

А на меня как-то незаметно навалилась такая усталость, словно полдня без остановки картошку копала. Поэтому, захватив горсть шоколадок, я поплелась к скамейкам, намереваясь провести ближайшие полчаса с максимальным удобством.

Это тогда я так думала, что они за полчаса договорятся, но прошло значительно больше времени, прежде чем нас позвали открывать саркофаг.

– Кэт, запомни, ты ничего не должна делать без разрешения, – в третий раз настойчиво повторила Сирень, – просто молча стоишь сзади, и если кто-нибудь попросит энергии, немедленно отдаешь. Клюква говорит, у тебя хорошо получалось.

Да поняла я, сколько можно объяснять! Однако, чтобы не сердить ведьму, вслух этого не говорю, просто усиленно киваю головой.

К саркофагу мы шли цепочкой, оказалось, он находится далеко от входа, в боковой пещере. По обе стороны прохода тянулись нескончаемые добротные стеллажи, и на них бесчисленные сундучки и ящички. И все с гербами, с замками и номерочками на ленточках. Бедные князья! Да тут на одно только изучение описей можно полжизни потратить, прежде чем выберешь себе браслетик к празднику. А вторые полжизни, как я подозреваю, они тратят на то, чтобы спрятать сюда не меньше ценностей, чем дедушка или прадедушка. Вдруг потомки презирать начнут, что натащил меньше всех! Вот только непонятно, есть у этих накопителей какой-то верхний предел, ну, скажем, набрать миллион сундуков, или они никогда не прекратят эту гонку?

Пройдя под широкую арку, ведьмы остановились, и я, сразу забыв про чужие брюлики, осторожно заглядываю Клюкке через плечо.

А где саркофаг-то?! Вот, Это, что ли?! Ну-ууу. Лично мне при этом слове виделось что-то золотое... или мраморное, на крайний случай, рельефное и резное, украшенное символами и рунами. А тут просто камень... темно серый, бесформенный, словно оплывший кусок пластилина. Гигантский кусок.

Роула отвели к дальней стене, и поставили рядом несколько гольдов. Наверное, для охраны. И Рябинку неподалеку усадили, как утешительный приз. Маги и Сирень встали возле самого камня, основное должны будут сделать они. Вокруг них замкнули круг двенадцать самых сильных ведьм, за ними выстроились остальные, человек двадцать вместе со мной.

Приготовились, стоим, ждем. Непонятно чего. Наконец в арке

появилась странная процессия, несколько гольдов тащат на носилках колючую тушу горного краба, стянутую толстыми цепями.

– Снова пытался сбежать, – устало доложил командир, – почти пять локтей стены продолбил. Пришлось крючьями вытаскивать и связывать, сам идти не захотел.

– Ну, вот зачем ты так делаешь? – печально глянула ведьма на плотно обмотанного цепями краба, и от её участливого голоса у меня в душе зашевелились нехорошие подозрения, – ведь знаешь, что без тебя не обойтись!

– Не верь, ей, Фус! – внезапно закричал из своего угла Роул, – она сама не знает, получится у неё или нет! Никто точно не считал, сколько там разных заклинаний накручено! Так ты хоть живешь, а что...

Князь внезапно смолк, судорожно распахивая рот и хрипя, словно от удушья, и Рябинка, горестно взыв, ринулась к нему.

– Скажешь еще хоть слово... – с угрозой рыкнула на князя Сирень, и обернулась к крабу, – раз не хочешь по-хорошему, придется оставить цепи. Начинай, Ургаир.

Происходящее не нравится мне все больше, но вмешиваться я не имею никакого права. Зато могу попытаться прояснить ситуацию.

– Клюква, – зову шепотом, путем хитрых рокировок оказавшись рядом с ведьмой, – зачем ей Фуссо?

– Тсс! – прижимает она палец к губам, – потом!

Опять потом. Ну ладно, недолго осталось, вон внутренним зрением уже видно, как налились белым сиянием ладони демонов, а Сирень вся светится призрачной синевой, по которой проскакивают острые искры. Камень тоже как-то посветлел, поплыли по его поверхности разноцветные сумасшедшие узоры, нарисованные не иначе как пьяной обезьяной. Или заглочившим компом. Потом стало заметно, как маги и ведьма тянут эти узоры в разные стороны, осторожно и бережно распутывая хитрые плетения. Если из-под узора начинал выглядывать кусочек или хвостик нового заклинания, за него магическими щупальцами хватались ведьмы с той стороны, где это было удобнее и держали, пока не освобождался кто-то из главной тройцы.

– Энергии, – внезапно хрипло бурчит Байтарз, и одна из ведьм второго круга начинает быстрыми взмахами рук бросать в него свой резерв.

Еще через полчаса умоляюще оглянулся мой учитель, и я порадовалась, что стою недалеко, и могу с чистой совестью принять этот взгляд на свой счет. Энергию ему я отдавала не мелочась, значительно более крупными порциями, чем ведьмам. Да и было её у меня сейчас в

избытке, заметив, что Клюква и еще пара ведьм, не стесняясь, собирают магию сорванных заклинаний, я тоже подтянула к себе яркий всполох.

– Спасибо, – мельком кивнул Ургазир и вновь сосредоточился на работе.

Но я теперь не оставляла его без своей поддержки, как только запас пополнялся, переправляла половину демону. А пополнялась энергия все быстрее, с камня начинали сползать последние узоры.

– Это моё, – вдруг громко объявил учитель, когда на камне высветился алыми лучиками последний узор, и шагнул вперед, уверенно собирая в комок свое творение.

Вот он уже держит его в руках, клубком ярких нитей, и, сжимая все сильнее, начинает впитывать в себя. Наконец-то всё закончено, вздыхаю с облегчением, продолжая вглядываться в демона внутренним зрением. И вдруг всё во мне напряглось, отлично видимая алая струйка энергии, проскользнув по рукам, устремилась к розовому пятну запаса, и там стали происходить непонятные изменения. Словно кто-то злой неразумно мешал несмешиваемые краски, и они бунтовали, сердились, уничтожали друг друга.

– Сирень! – Не выдержала я, – оно его ест!

Ведьма и демон одновременно обернулись от камня, ставшего полупрозрачным и почти круглым. А в неясной глубине темной тенью просматривалась худенькая фигурка, застывшая на полудвижении, словно муха в янтаре.

– Держи! – рявкнул демон ведьме, кивнув на камень и, выдав на ходу пару любимых эмоциональных фраз, прыгнул к соплеменнику.

Я тоже выдвинулась поближе, так, на всякий случай, но помощь не понадобилась. Маг обхватил своими ладонями руки учителя и потянул к себе агрессивное сияние. Размешанный в темно-вишневом пятне его магической силы, алый поток быстро потерял всю агрессивность и стал просто струйкой энергии, полученной черным магом в подарок.

– Кто-то из наших постарался, специально на тебя ловушку делал, – отпуская Ургазира, хмуро сообщил демон, – эй, Роул, кого ты сюда приглашал, гадость эту устанавливать?

– Я ваших имен не запоминаю, и в магии ничего не понимаю, – пряча разочарованный взгляд, грубовато буркнул князь, – но в верности своего мага всегда сомневался, вот и позаботился... о сохранности.

Побледневший Ургазир только криво ухмыльнулся в ответ на это заявление и вопросительно глянул на меня. Правильно поняв этот взгляд, отправляю ему заранее приготовленную порцию магии. Вообще-то хотела

послать раньше, да засомневалась, не наврежу ли учителю.

После нескольких добавок маны розовое пятно в груди демона почти выровнялось и начало набирать яркость, а сам он, послав мне благодарный взгляд, снова отвернулся к камню.

– Зря ты, дева, глазки ему строишь, – укоризненно шепнула на ухо Клюква, оттесняя меня на прежнее место, – не уступит она, только озлится.

Что?! Да с чего ты такое придумала?! Уже начинаю открывать рот, чтобы сердито отбрызнуть выдуманную невесту что ведьму, да вовремя вспоминаю слова Сирени и откладываю разборку на потом. Но пусть и не надеется, что я забуду, такие обвинения никогда не забываю и никому не прощаю.

Торжественную тишину, установившуюся в пещере, едва камень начал таять, превращаясь то ли в газ, то ли в магическую энергию, нарушало только протестующее шипенье краба, однако Сирень не обращала на него никакого внимания. Поднявшись в воздух, она парила над саркофагом, и едва он стал совершенно невидим, одним движением выхватила из него повисшее как в невесомости тело сына.

– Ургаир, быстрее! – её голос звенит от напряжения, но маг и так не теряет времени даром.

Установив над отчаянно сопротивляющимся Фуссо сложную магическую воронку из переплетающихся белых линий, подносит к ней голову спящего мальчика и, пробормотав какие-то слова, начинает втаскивать это светлое сияние в княженку. И оно всасывается в серебряноволосое темя, словно дымок в вентиляцию.

Шок, который я испытала, едва разглядев мальчишку, похожего на меня теперешнюю, как отражение в зеркале, постепенно уступает место возмущенному осознанию происходящего. Сразу встали на место не сходящиеся между собой части загадки, не дававшей мне покоя в последние пару дней. Но возмущение мое от этого не стало меньше, наоборот, выросло в разы. И я намерена потребовать у своей наставницы объяснений, а если они меня не устроят, вряд ли придется ей учить строптивую иномирнянку.

Ведьмы взволнованно закричали, глядя в сторону тающего саркофага, и я невольно повернулась туда же. Ох, колобок, да что ж это твориться-то? Он и не подумал растаять до конца, наоборот, набрал цвет и полыхает теперь ядовито зеленым пламенем. Оглянулись на саркофаг и демоны. Едва увидев эти всполохи, черный маг выдал еще неслыханную нами сложнейшую комбинацию непонятных слов, а мой учитель побледнел до синевы.

– Роул, что это такое? – голос Сирени звенит как металл.

– О, я и забыл, – в голосе князя сквозь притворное сожаление звучат нотки торжества, – один маг... имени не знаю, наложил проклятье быстрой старости. Если Эрифиус в течении часа не вернется на свое место, заклятье вступит в силу. С мальчишкой начнут...

– Заткнись, – рявкнул в сторону князя Ургазир, и повернулся к дикой ведьме, – все темные маги знают про это заклинание. Только очень редко его кастуют, слишком неприглядные изменения. Прости, Латриней, но оно не имеет обратного хода. Эри придется срочно вернуть в саркофаг. Давай его мне, времени остается в обрез.

– Ну, нет! – начиная постреливать колючими молниями, шипит ведьма, – я слишком долго ждала, чтобы вот так сразу его отдать!

– Ты не понимаешь, в саркофаге сейчас для него спасение, – умоляюще протянул к ней руки демон, не обращая внимания на синих ос, впившихся в его кожу, – на воле он за три дня превратится в древнего старичка. И никто не сможет помочь, чтобы вывести противоположное заклинание, нужно несколько лет работы. Я даю тебе слово, что сам этим займусь, ничего другого не стану делать, пока не найду способ уничтожить проклятье.

– Он говорит правду, – не выдержал Роул, – единственное спасение для племянничка, снова вернуться в стазис. Мне искренне жаль, я всегда относился к нему с пониманием.

Тонкая молния ужалила князя и он рухнул на пол, но во мне впервые за несколько дней ничего не дернулось от этого удара. В этот момент мои симпатии были совсем на другой стороне.

– Ургазир, – голос ведьмы стал спокойнее и тверже, видимо она приняла наконец решение, – скажи мне...

Дальше разговор пошел на непонятном мне языке и, наверное, это правильно, что наставница не хочет посвящать всех подряд в свои планы, слишком много вокруг желающих на эти проклятые сокровища.

Демон говорит мало, и мрачнеет с каждым словом, произнесенным ведьмой, а она тараторит не умолкая, пытаясь убедить его в своей правоте. Наконец он выдавил сквозь стиснутые зубы короткое слово, и резко обозначившиеся скулы застыли в горькой усмешке.

– Кэт, – тоном наставницы окликнула Сирень, – мне нужна твоя помощь.

Иду. Как не помочь в таком серьезном деле?!

– Что делать?! – останавливаюсь перед ней.

– Закрой глаза и помолчи, мне нужно сделать небольшую проверку, –

обыденно приказала она, передавая спящего мальчишку Малине.

Всего-то?! Я послушно закрыла глаза и в наступившей мертвой тишине некоторое время терпеливо ждала, когда мне разрешат их открыть. А потом вспомнила, что могу смотреть сквозь веки внутренним зрением, и попыталась себя настроить. Почему-то вышло не сразу, а когда получилось, я даже растерялась от изумления. Вокруг меня мягко гасли зеленоватые всполохи, а прямо перед глазами цвело белое пламя.

Что происходит, пытаюсь выкрикнуть, но язык не слушается. Я запаниковала всерьез и почти успела распахнуть глаза, но в этот момент невесть откуда взявшийся смерч подхватил меня и, закружив до тошноты, до боли в висках, потащил куда-то в темноту.

День тринадцатый, самый страшный

Все было неправильным. И совершенно не таким, как всегда. Еще не проснувшись окончательно, и даже не открыв глаза, я уже чувствовала, что все вокруг стало чужим, незнакомым и необъяснимым. Хотелось сосредоточиться, задуматься о происходящем, понять, что произошло... но мысли бродили в голове бесцельно и неприкаянно, как вырвавшиеся зимой на свободу козы. Вроде, всё то же самое, но нет нигде ни клочка травки, ни ветки с листочками. А все многоцветье мира безжалостно урезано всего до двух цветов, черного и белого, и последний явно доминирует. И свистит в пустом поле бесконечная студеная пурга, забивая промерзлые белые крошки в шерсть до самой кожи.

Нет, Катька, не раскисай, одергиваю себя, пытаюсь собрать вялые мысли в мало-мальски связную кучку. Нужно что-то вспомнить, что-то очень важное, я это определенно знала... но никак не могу найти в путанице мыслей. Со мной часто бывает, увижу по телеку актера или шоумена, и ведь знаю назубок и как зовут, и на ком женат, и фамилию сто раз раньше называла, а в этот момент не могу. Путается на уме что-то похожее, вот точно знаю, не оно, но отделаться никак не получается. Есть, конечно, на такой случай один смешной, но верный способ, нужно вдумчиво повторять таблицу умножения, начиная с единицы, меня ему еще в первом классе мама научила.

А кстати, про маму... чем там у Сирени проблемы с сыном закончились? Мне почему-то плохо конец процедуры запомнился, вроде она помочь просила, и я даже подошла к саркофагу...

От нахлынувшего воспоминания об уносящем меня смерче, в голове снова закружилось, и сразу возникло страшное подозрение. Неужели меня еще раз затащило в дыру между мирами, как в то несчастливое утро? И если так, то куда же выкинуло в этот раз? Я заторопилась, попыталась открыть глаза, осмотреться, но это почему-то никак не получалось. Навязчивое предположение, что со мной случилось что-то очень скверное, вначале такое осторожное и неуверенное, крепло с каждой минутой.

Да что за напасть, расстроилась я, и протянула руку, потрогать, что там у меня с лицом. Но рука почему-то не протянулась, как я ею ни дергала. У меня вообще было чувство, что руки меня не слушают. Словно отсохли. И одна, и вторая. Тогда я попыталась шевельнуть ногами. Вначале ничего не происходило, но после отчаянной третьей попытки появилось ощущение

движения. И в тот же момент, оттуда, где были ноги, донесся странный скрежет и глухое шарканье. И эти неправильные, невозможные звуки привели меня в полнейшее замешательство. Нет, это не я. Не могу же я производить такие жуткие скрежещающие звуки?! Однако на всякий случай, стоит проверить. Я резко дернула ногой, скрежет повторился. Дернула два раза подряд, неприятный звук повторился два раза. Еще минуты две я производила подобные эксперименты, пока не убедилась, да, это скрежетание точно исходит от меня.

Несколько минут я перебирала в мозгу разные предположения и догадки, пока с досадой не признала, слишком мало у меня фактов для того, чтобы делать какие-то выводы. Зато обнаружила, что голова постепенно начала соображать яснее и, порадовавшись этому факту, немедленно сама себе выдала задание. Придумать способ, как проверить, что с глазами. Вообще-то оказалось, что придумывать ничего не нужно, достаточно напрячь память. Была у нас в интернате одна девочка, такая гибкая, что могла пальцами ноги почесать себе голову. И все мы, глядя на нее, тоже пытались так научиться, почему-то тогда это казалось очень нужным умением. Вот и я тренировалась, и хотя особых успехов не достигла, но всё же кое-что могу. Привычно изогнувшись, пытаюсь дотянуться ногой до лица, и вдруг с изумлением обнаруживаю, что я не лежу на постели, как считала до этого мгновения, а сижу на корточках. Именно такие ощущения вдруг возникли у меня, а затем я почувствовала и твердый пол под босыми ногами, и руки, вытянутые вперед и в стороны и к чему-то привязанные. Легкая паника охватившая меня при этом открытии, грозила стремительно перейти в истерику, а это было именно то, чего не следовало делать ни в коем случае.

Уж это-то я выучила на всю жизнь. Поэтому пару раз медленно и с чувством повторила про себя таблицу умножения и снова предприняла попытку дотянуться ногой до подбородка.

Исходя из того, что руки привязаны и упасть назад я не смогу, откидываюсь на вытянутых руках насколько возможно и тянусь ногой к лицу. Плотное покрывало удалось зацепить пальцами с первого раза, и меня вначале даже поразило такое везение. Но когда ткань упала и я рассмотрела свои руки, все остальные мысли и рассуждения на некоторое время перестали существовать.

Я почти сразу поняла, что означает увиденное мною. Вот поверить оказалось намного труднее. Мысли заполошно метались в голове, как куры, которых пытается поймать заигравшийся щенок. Не помогала даже таблица умножения. В душе горело яростное желание выдрать из стен намертво

вмурованные толстые цепи, и пойти крушить всё и всех подряд. Да так чтобы ни одной вещички целой не осталось, чтобы летели вслед клочки и истошные крики. И я даже подергала свои цепи и поочередно и вместе, но быстро убедилась, что здесь всё сделано на совесть. Или на страх?!

Только после того, как немного остыла, пришло ясное понимание, именно потому меня и посадили на цепи, когда была еще в бессознательном состоянии, что боялись этой безудержной ярости. А значит, не отпустят до тех пор, пока не убедятся, что я не опасна. Стало быть, мне позарез нужно изобразить кротость и покорность. И пусть в школьном театре у меня не нашли особых талантов, заявив что лицо маловыразительно, здесь я постараюсь сыграть свою роль на отлично. Ведь на моей нынешней морде никакой выразительности не предусмотрено самой природой.

Я подоткнула под себя покрывало и, опустившись на ноги, принялась продумывать план. И для начала решила не кривить душой хотя бы с самой собой, вот почему я упорно называю свои нижние конечности ногами? Когда на самом деле из тела торчат корявые и огромные, не меньше семидесятого размера, лапы. Издали похожие на петушиные, а вблизи отлично видны чешуйки, шипы и острейшие когти. И рук у меня теперь тоже нет, вместо них гигантские крабы клешни, крепко прикованные за те места, где должны быть запястья, массивными металлическими браслетами. А цепи растянуты в стороны таким образом, чтобы я никак не могла одной клешней дотянуться до другой. Все правильно, ведь крабы клешни легко перекусывают металл, и проблем с освобождением в противном случае для меня бы не существовало.

Еще с полчаса я с интересом осваивала постепенно просыпающиеся ощущения и открыла массу интересных особенностей, о которых и не подозревала раньше. Ну что Фуссо видел в темноте, я подозревала и до этого, а теперь убедилась воочию. Или это не совсем правильное выражение? В настоящий момент я не вижу глазами стен, пола, цепей и собственных клешней, в камере нет ни одного источника света. И окон нет. Зато ощущаю всё до мельчайших подробностей по изменениям температуры. И естественно, интенсивнее всего светилась в темноте я сама. Еще чутко слышала всё, что происходило за пределами толстых стен, и сопенье нескольких охранников за дверью меня даже позабавило. Кроме того оказалось, что мой новый организм тонко чувствует запахи, каким-то десятым даром ощущает почти незаметные колебания камней пола и стен, и прекрасно ориентируется во времени суток. Например, я прекрасно знала, что сейчас время чуть перевалило за тот мрачный промежуток,

который здесь называли ведьминым часом.

Разумеется, я изучала возможности своего нового организма не только из простого любопытства. Ведь теперь это единственное оружие, которое мне досталось и знать его достоинства и недостатки я просто обязана. Именно исходя из них я и буду действовать. И постараюсь больше не обманываться, достаточно с меня и тех ошибок, за которые заплатила собственным телом. Если бы я могла плакать, то дойдя до этого рассуждения, обязательно почувствовала бы на щеках соленые капли, но в этом теле такая функция не предусмотрена. Да я даже глаза прикрыть не могу, нет у меня теперь ни век, ни ресниц. Зато понятно, зачем на мою голову намотали плотное покрывало, по привычке вздохнула я и из пасти вырвалось сердитое шипенье.

Все, хватит себя жалеть, ничего этим не изменишь. Пора приступать к разработке плана действий. Обиды и выяснения отношения я отбросила сразу. Нет, не совсем, просто отложила в дальний уголок памяти. И мечты о побеге, тщательно просчитав варианты, тоже отмела как несбыточные. Чтобы бежать, нужно иметь как минимум представление о том, куда бежать, и чем потом заниматься. А посвятить свою жизнь копанию погребов или цирковым фокусам я всегда успею. Значит, делаем вид, что ни на кого не сердимся и никого не хотим убить. Трудновато, но не невозможно. И лучше всего это прокатит, если я прикинусь потерявшей память. Нет, не совсем, чтоб не отправили в подземелье к другим крабам, а так, наполовинку. И разговаривать тоже не стоит, впрочем, я пока и не знаю, сумею ли это делать. Как же попробовать? Оглянувшись на дверь, за которой сопят гольды, уже приоткрыла, было, пасть, да захлопнула снова.

Опять чуть не сглупила, может и у них слух не хуже моего? Поэтому нужно придумать, что сказать. Попросить пить? Нет, не хочется. Тогда есть? Что-то внутри включилось от этой мысли, и я решилась.

– Мясссоо... – прошуршало так оглушительно, что я даже загордилась, надо же, а говорю-то я намного громче, чем Фуссо.

И только минут через пять, не дождавшись из соседней комнаты никаких признаков суматохи, начинаю понимать, в чем дело. Это я просто слышу теперь намного лучше, чем говорю. А как же тогда Фуссо выдерживал общество шумных ведьм и звонкий голос князя? Ведь он должен был вонзаться в мозг как острый нож. А краб не выказывал никакого недовольства, интересно, просто терпел или у него есть способ снизить восприятие звука?! Вернее, теперь у меня.

После нескольких экспериментов и небольшой тренировки в ушных щелях все же обнаружили створки, которые сжимались, если звук

становился нестерпимо громким. Правда, для определения этой способности мне пришлось немного поскрести когтями пол, но на что не пойдешь ради науки.

Продолжая изучать свои возможности, и строить планы, я не переставала автоматически слушать звуки, раздававшиеся за пределами ближайших помещений, и приближающиеся осторожные шаги слышала задолго до того, как они прозвучали под дверью в мою камеру.

Зазвенел в двери ключ, скрипнула петля.

Даже не оглядываясь, по тепловому силуэту понимаю, кто стоит в проеме, и, несмотря на свое твердое решение не поддаваться эмоциям, начинаю закипать.

Ну, почему именно он? Что, у всех остальных не хватило совести или смелости первыми посмотреть мне в глаза?

Он немного постоял на пороге, потом решительно шагнул в комнату и плотно прикрыл за собой дверь.

А почему, интересно, не проснулся ни один гольд, вдруг запоздало спохватилась я, ведь шел он, не таясь, и с дверью возился спокойно, не волнуясь, что поймают. Значит, имел право?! Но в таком случае хоть один лупоглазик должен был проснуться, чтобы проверить, кто это звенит ключами. Не сходится. Следовательно, он знал, что они не проснуться. И тогда получается, что не так-то он прост, как я считала.

– Кэт, ты уже проснулась?

А голос у него красивый. И почему-то очень виноватый. Ну, уж нет, вот это он зря. Я-то прекрасно знаю, кто и насколько виноват в моем нынешнем горе. И не собираюсь отыгрываться на невиновных и детях.

– Дассс... – как художественно я теперь умею шипеть, – давнссс.

– Это хорошо. Сейчас я тебя освобожу и мы отсюда уйдем. Я их всех усыпил. Они забыли, что я маг, – отпирая кандалы на моих клешнях, спокойно вещает он, – и не знают, что за эти годы прочитал все магические книги, какие впрок заготовил для себя Роул. Вот и все, идем.

Но я в таком шоке от услышанного, что не могу не то что идти, а и выговорить хоть слово.

– Кэт, ты все поняла? Уходим.

– Эрисс... – как ему объяснить, что у меня совсем другие планы?

– Кэт, некогда. Я все приготовил, нужно торопиться.

– Нетссс... я не пойдуссс...

– У тебя что-то с ногами? Не слушаются? – пытается догадаться он, – ты пробуй, заставляй их шевелиться. У меня тоже не сразу пошли, но мозг у краба тогда был маловат, мне не хватало места. Потом я догадался, как

его можно увеличить, тебе сейчас должно быть проще.

– Эриссс... где твояссс комнатасс? Пойдем тудасс... – приняла решение я.

Оставаться дальше в этой камере просто глупо, его детское самоуправство все равно скоро раскроется. Но бежать в неизвестность глупее в сто раз. Мальчишка не понимает возможностей своей матери, каким бы сильным он ни был магом, она все равно его отыщет. И легко догадаться, кому из нас тогда придется собирать шишки.

– Зачем? – мой освободитель сердито хмурит брови, – отсюда нам ближе к выходу.

– Эриссс, не надо к выходуссс, – как трудно говорить убедительно и мягко, когда в голосе не звучит никаких эмоций.

– Ты боишься? – догадался он, – не бойся, я все продумал. Здесь говорить нельзя, я тебе потом все объясню! Ну Кэт, ну не упрямься!

– Этоссс тысс упрямсс как оселссс – рассердилась я, – посссслушшай меняссс, не надосс уходить.

– Ладно, – внимательно посмотрев на меня, вздохнул мальчишка, – раз ты так решила... только знай, больше такого случая не будет. Теперь она начнет всё время за мной следить, и ведьм для охраны штук сто приставит...

Он не договорил, отчаянно махнул рукой и направился к двери. Я потопала следом, пытаясь на ходу приспособиться к новой точке обзора. В узком коридоре, куда мы попали, холодно светили магические шары, и ощущение исходящего от предметов тепла притупилось, но не пропало вовсе. Мы молча поднялись по лестнице, прошли по нескольким коридорам и залам и оказались возле знакомой мне двери. Оказывается, его поселили в старых покоях. Или это он сам так захотел?

– Входи, – гостеприимно распахнул передо мной дверь хмурый наследник, и я решительно шагнула внутрь.

Искренне радуясь своей сообразительности и замечательной способности крабьего организма ощущать малейшее тепло. Мне теперь даже голову не нужно поворачивать, чтобы следить за летящей поодаль женской фигурой, провожающей нас еще от лестницы.

В просторном помещении, где мне довелось прожить всего несколько часов, теперь просто идеальная чистота. Вместо засохшего стволика на скамеечке стоит горшок с роскошным цветущим кустом, постель застелена богато вышитым покрывалом, на окнах новые светлые занавеси, а на полу огромный пушистый ковер. Вот на нем мне и придется спать, с сомнением покосившись на стоящий между окном и изящным очагом уютный

диванчик, тяжело вздохнула я.

– Кэт, – закрыв дверь, повернулся ко мне мальчишка, – объясни, почему ты не захотела уйти? Ведь поняла... что они с тобой сделали. И никогда не сможешь их простить... я по себе знаю.

– Нетсс... не понялассс – немедленно поймала я его оплошность.

Пусть объяснит подробно, чтобы подтвердить мои догадки, точная информация всегда ценнее.

– Она знала... давно знала про это проклятье, – сев на диванчик, Эри смотрит мимо меня и вовсе не по-детски горько кривит губы.

– Не правдассс... – невольно вырвалось из глубин моей души, оскорбленной такой подлостью, хотя умом я сразу приняла это заявление.

Уж слишком точно оно объясняет все таинственные недоговорки и непостижимые совпадения. И просто идеально вписывается в хронологию произошедших со мной событий, выстроившихся в отлично продуманный и прекрасно разыгранный спектакль. Есть только пара сомнений насчет осведомленности всех участников, но теперь я знаю, что именно нужно выяснить и постараюсь разведать все.

– Правда, – скорбно произнес юный князь, – я сам ей рассказал. Ты еще очень мало живешь в теле краба, но скоро поймешь, что можно знать всё, что происходит в замке, не выходя из комнаты. А дяде очень нравилось, что я прислуживаю ему, и постепенно он забыл... что я не выдрессированное животное. И зачастую не обращал на меня никакого внимания, даже когда вел важные переговоры. Однажды Роул заплатил черному магу за работу сундучком с редкими камнями, а потом подозревал меня и подробно объяснил, что именно колдун делал в сокровищнице. Запомни, торжествуяще ухмыляясь, говорил он в тот день, даже если твоей матери удастся войти в сокровищницу, найти и провести туда мага, который сумеет пробудить тебя после стазиса и вернуть в тело хранящийся в крабе слепок разума, радоваться жизни ты будешь только три дня. И все три дня будешь стремительно стареть. Но никто не сможет помочь тебе и прекратить страдания Трине, у этого проклятья нет отмены. Я выслушал с безразличным видом, а выйдя из его кабинета, бросился в погоню. У меня прекрасный нюх... извини. Теперь уже у тебя. Так, вот... я его догнал. Он не ожидал нападения и потому не успел... ничего наколдовать. А потом не смог. Я хорошо разбираюсь в амулетах, и действуют они одинаково в руках мага, гольда, или клешнях краба. Ему очень не хотелось говорить мне правду, но умирать не хотелось еще больше. Но когда он все рассказал, я его все-таки убил. Чтобы он никому больше не смог навредить своими заклятиями. С тех пор я не ем... сырое мясо, и Роул это отлично знал. Он

вообще очень наблюдательный и хитрый... но это ты сама видела. И еще жадный, тот сундучок до сих пор не дает ему покоя. А я делал вид, что не понимаю, о чем речь. Но ты должна знать, он в надежном месте, и денег, вырученных от продажи камней, хватит, чтобы купить хороший дом и жить в достатке.

Господи, ну как можно быть таким расчетливым и одновременно наивным! А рассуждает он совсем не по-детски, хотя на вид больше двенадцати не дашь. Зато представления о жизни за пределами княжеских владений – как у пятилетнего малыша. Кто продаст дом мальчишке с крабом? В лучшем случае посадят в тюрьму по подозрению в воровстве драгоценных камней, в худшем – прибьют и прикопают.

– Ссколько тебе леттт? – прошипела я, и Эри неожиданно залился румянцем.

– Это непростой вопрос... мне шел тринадцатый год... когда Тассминия решила от меня избавиться. Но с тех пор прошло больше пяти лет... я много узнал за это время, читал, изучал магию и историю, работал... получается, что на самом деле мне восемнадцать.

– Это никомусс не докажешшшшшш – спешу развеять его иллюзии, – люди верятсс томусс шшшшшш видятсс.

– Я знаю, уже вчера вечером столкнулся, – возмущенно фыркнул князь, – но ты-то понимаешь, что это не так?! Ты же сразу поняла, что я не краб, кроме тебя никто не разговаривал со мной как с человеком!

Да ни черта я не поняла, очень хочется крикнуть мне, я все время считала тебя опасным монстром и пыталась приручить. Но такого говорить ему нельзя, пока это единственное существо во всем громадном дворце, которое не просто сочувствует мне, но и пытается помочь. И поэтому я говорю ему совсем другое.

– Не одна ясс... а Лин, демонсс и твоя мамасс?

– Кэт! Это совсем не то! Они всё знали с самого начала! Ургазир сам провел этот ритуал, и матери сам сказал. Она его тогда чуть не убила, я подслушал их разговор с Лин. Ведь Лин моя тетка, мать старшая сестра. А бабка с дедом, когда узнали про случившееся, перестали с ней разговаривать. Они ее винили во всей этой истории. Она и ушла сюда, но во дворце жить не захотела. Я сам копал ей убежище, мы там были, помнишь?

– Дассс – машинально бурчу в ответ, ошеломленная раскрывающимися подробностями. Только теперь я начинаю понимать, что запутанные старинные интриги и давние события до сих пор не перестают вмешиваться в настоящее и моя судьба оказалась затянута в них, как маленький листок в мощный водоворот.

Мне нужно теперь все вспомнить и переоценить в свете выясненных подробностей, но выдавать мальчишке свою заинтересованность я пока не стану. И потому спешно перевожу разговор на более прозаическую тему.

– У тебяsss еда ессссть?

– Здесь ничего нет, я все сложил в корзину, – с виноватым укором глянул он и вскочил с диванчика, – сейчас посмотрю в гостиной, там всегда стоят фрукты.

Едва дверь захлопнулась за умчавшимся князем, я ощутила её присутствие. Но даже не шевельнулась, пусть думает, что я пока не разобралась в особых способностях крабьего организма.

– Кэт...

Молчу.

– Ты меня слышишь?

Ну, допустим. Но виду не подам. И разговаривать с тобой не собираюсь.

– Прости меня.

Размечталась. Еще попроси об услуге. Например, помочь в налаживании отношений с сыном. Не от горячей же любви он решился на побег?!

– Кэт, у меня не было в тот момент другого выхода! И даже другого животного под руками не было, чтобы не подсаживать твой разум в этого ужасного монстра. Но ты должна мне поверить...

Тут я не выдержала и презрительно фыркнула. Но получилось лишь безразличное шипение. Хотя так даже лучше. Ни к чему ей знать, что мне больше нравится быть уродливым монстром, чем, например, милой собачкой. Хотя бы потому, что отравить или убить это тело значительно труднее. А если вспомнить про мои нынешние способности... да ему просто цены нет.

– Я прошу мне поверить... – мгновенно исправилась она, и переместилась.

Теперь она стояла прямо передо мной. Недолго стояла, поворачиваюсь я теперь мгновенно.

– Не хочешь со мной говорить... – раздался из-за спины печальный голос, – ну как хочешь. Но знай, что со вчерашнего вечера все черные маги, нанятые Роулом, под руководством Ургазира начали искать заклинание, которое снимет со стазиса проклятье. Можешь сама проверить, они будут все время заниматься этим в той башне, под которой ты сидела в камере. А мы...

Ага, а испытания станут проводить на добровольцах? Или уже

наловили для этой цели невинных жертв, хотелось съязвить мне, но крепко сомкнутые крабы челюсти не разжимаются для болтовни так же легко, как человеческий рот. И это еще одно достоинство моего нового организма.

Я давно уловила быстрые шаги приближающегося Эри, и ждала его появления с тайным злорадством. Но ведьма тоже почувствовала его заранее, и исчезла, прервав разговор на полуслове.

– Кэт... вот фрукты и печенье, – выпалил, влетая в комнату, князь, и вдруг замер, вглядываясь во что-то недоступное даже моему нынешнему телу, – кто тут был? Впрочем, не отвечай, я и так знаю, это она. Больше никто не смог бы миновать мои внешние щиты, не разрушив их. Вот только она не знает, что я и внутри поставил сигнальную паутину. Чего она хотела?

– Дай кушшшать, – шиплю, словно не слыша настойчивого вопроса, и не замечая недовольного взгляда.

Уж очень не понравился мне его требовательный тон, с чего это мальчишка взял, что я собираюсь перед ним отчитываться?!

– Вот, ешь, – поставил на пол блюдо Эри, и влез с ногами на диванчик.

Некоторое время он молча сидел напротив, терпеливо наблюдая, как я бросаю в рот печенье и дорогие южные мангогруши. Конечно, по закону подлости оправдались мои самые плохие предчувствия, всё, что я жевала, не имело никакого вкуса. И зачем тогда этот юный лицемер все время охотился за моими шоколадками? Воспоминание о любимых сладостях почему-то испортило мне настроение значительно больше, чем осознание своего неожиданного перевоплощения. Плакать захотелось просто нестерпимо, и не просто плакать, а рыдать в голос, уткнувшись в чье-нибудь сочувствующее надежное плечо и сквозь содрогания чувствовать, как голову утешающе гладит теплая добрая рука.

Вот только вряд ли кто-то захочет гладить меня по острым шипам, да и героев, согласных подставить под уродливую морду свое плечо, тоже не найдется.

Я даже зашипела от нестерпимой тоски, сжавшей душу, представив, сколько еще подобных разочарований мне придется пережить до тех пор, пока маги изобретут средство, освобождающее от проклятья. И невольно посочувствовала Эри, прожившему в этом жутком теле столько лет.

– У горных крабов очень своеобразное внутреннее строение... – не глядя на меня, голосом лектора начал мальчишка и в течении получаса методично разъяснял мне подробности, которые сама я ни за что не отважилась бы у него спросить.

А я была ему за это очень благодарна. Как и своей новой физиономии

за то, что она не умеет выражать эмоции и краснеть. Но больше всего меня потряс тот факт, что краб, в мозгу которого теперь жил мой разум, был самкой. Нет, я вовсе не мечтала побыть мальчиком, наоборот, мне было привычнее думать о себе в женском роде. Но попробовав представить себя на месте Эри, когда он очнулся в чужом теле и обнаружил, что отец убит, мать исчезла, а сам он теперь самка краба, я невольно содрогнулась. Правильно говорит тетка, что ближайшая лужа кажется самой глубокой на свете только с собственного крыльца.

– Если у тебя есть вопросы, задавай, я расскажу все, что знаю, – окончив лекцию, предложил мальчишка, и я нечаянно заметила, как вспыхнули его уши.

Ну, уж нет, с вопросами я пока перебыюсь. На данный момент мне всё ясно, и очень надеюсь, что за то время, которое я буду в этом теле, никаких проблем не возникнет.

– Сссспассссибо, – прошипела я вежливо, но прозвучало это так же бесстрастно, как обычно.

– Пожалуйста, – бормочет он, с надеждой вглядываясь в крабьи глаза, – Кэт, я только теперь понял... ты её чувствовала... там?

Мне не хочется ему врать, но и выдавать свои секреты я пока не намерена. Поэтому откладываю в сторону порядочно поцарапанное моими клешнями блюдо и начинаю выбирать место, которое будет моей постелью. Мне хочется найти укромный уголок, который не будет сразу бросаться в глаза вошедшим в комнату. Такая маленькая месть, посмотреть на реакцию знакомых обитателей замка, в тот миг, когда они внезапно обнаружит меня рядом с собой.

– Кэт... что ты ищешь? – недоумевает Эри, наблюдая с дивана за моими изысканиями.

– Месссто.

– Какое место?

– Ссспать.

– Кэт! Неужели ты могла подумать, что я позволю девушке спать на полу?! – возмутился князь, – ты будешь спать на моей кровати. А мне пока вполне хватит этого дивана, ты же тут спала, а мы одного роста!

– Сссломаетссся, – категорично отвергла я благородное предложение, но он оказался очень упрямым.

И сумел уговорить меня на эксперимент. Влезть на широченную княжескую кровать. Правда покрывало я его снять все-таки заставила, пожалела труд неизвестных вышивальщиц. И с досадой отметила, что мальчишка оказался прав, кровать меня выдержала. Но потоптавшись

немного по постели, и устроившись в гнезде из мягких подушек, поняла, что мне тут нравится. А когда он плотно задернул занавесь балдахина, и вовсе сдалась, место для наблюдения получилось просто отличное. Меня никто не видит, зато я прекрасно чувствую все происходящее.

– Сспокойной ноччи, – прошипела в сторону диванчика, на котором мягко светилось тепло худенького силуэта, и услышала в ответ звонкое – и тебе.

Через несколько минут князь ровно засопел, а я обнаружила, что не имею ни малейшего желания спать. Немного посидела в своем гнезде, потом осторожно, стараясь не шуметь, слезла с постели и отправилась в бассейн. Эри сказал, что все крабы любят купаться, особенно в горячих подземных источниках, и я собиралась проверить это утверждение.

Оказалось, что юный князь был прав. Купаться в теплой воде мне понравилось необыкновенно. И не столько за ощущение легкости, с которым это громоздкое тело плавало на поверхности, Эри объяснил, что у крабов очень объемные легкие. В глубоких выработках иногда очень плохой и бедный кислородом воздух, перевела я для себя его объяснения, и за счет запаса, захваченного с поверхности, крабы могут находиться там без вреда для себя намного дольше, чем гольды. Значительно больше, чем плавать, мне понравилось наблюдать за светящимися теплом каплями, летавшими вокруг волшебным хороводом, когда я пыталась полить себе спинку. В результате вода в бассейне быстро остыла, и вообще как-то обмельчала, и тогда я решила, что пора закрываться.

Почти ловко выпрыгнула в довольно глубокую холодную лужу, потянулась клешней за сложенными на полочке холстинами, заменяющими здесь привычные полотенца, и вдруг обратила внимание, что спящий в соседней комнате князь уже не одинок. Теплое пятно воровато скользит по комнате, осторожно приближаясь к тому месту, где стоит кровать, и я не сомневаюсь ни секунды, что задумано недоброе.

Разумеется, не было у меня изначально даже мимолетного желания становиться телохранителем князя. Но давняя интернатская ненависть к любителям устраивать неудобным темную, просто толкнула к решительному вмешательству в готовящееся преступление. А что это именно оно, я была уверена. Человек, или кто бы там ни был, не станет в предрассветной мгле втихомолку лазить по чужой комнате, если у него нет злого умысла.

Дверца в комнату открылась без скрипа, мои лапы с втянутыми когтями осторожно ступили на мягкий ковер. Это просто замечательно, что его так вовремя тут постелили, ходить бесшумно, как Фуссо, я пока не

научилась. А лазутчик уже у кровати, опасно приоткрывает занавесь и, швырнув что-то внутрь, стремглав бросается к двери, с явным намерением побыстрее покинуть место преступления. Вот только крабы бегают намного быстрее.

– Ай! – вскрикнул знакомый голос, когда террорист натолкнулся во тьме на мои колючки.

И в тот же миг в комнате вспыхнули все светильники.

– Ну и что ты делаешь в комнате моего сына в такой час?! – ледяной голос повисшей в воздухе Латриней ударом кнута упал на замотанную в черную накидку фигурку.

– Мне начинает казаться, что это не моя спальня, а прихожая, – недовольно буркнул с дивана Эри и тут же оглянулся на меня, – к тебе это не относится.

Да поняла я, против чего он бастует, но упускать такой хороший повод получить собственную комнату вовсе не собираюсь. Ночной рассказ мальчишки разбудил во мне подозрения, что может найтись много занятий, при которых не нужны никакие свидетели. Например, изучение книг с заклинаниями.

– Как видишь, я не могу оставить тебя без присмотра, иначе это может обернуться слишком большой потерей, – пытается договориться с ним мать.

– Замка и битком набитой сундуками сокровищницы, – уже откровенно ехидничает парнишка.

– Поговорим об этом позже, сейчас я занята, – отрезала ведьма и, опустившись на пол, превратилась в Сирень.

Нет, это я в первый момент так подумала. Потом рассмотрела и внутренне ахнула. Не было у Сирени такого шелкового пеньюара цвета полуночного неба, с вьющейся по рукавам и подолу тонкой вышивкой. И ухоженных золотистых, с рыжинкой, волос, струящихся до поясницы, тоже не было. Как и колец, сверкающих на тонких пальцах. На ковре стояла вовсе не простая знахарка, а княгиня. И это перевоплощение впервые заставило меня задуматься, а сколько у нее еще лиц, и все ли их я уже видела?!

– Идем, – Латриней отбросила с головы ведьмочки накидку и взяла её за руку, – до утра посидишь под охраной. И не трясись ты так, знаю я, что у тебя не было выбора, Роул, небось, условие поставил, что иначе не женится.

– Нет, я и сама так думаю... – строптиво не приняла брошенную спасительную подсказку Рябинка, – как может управлять хозяйством

малолетний мальчишка, который одичал за пять лет, бегая по выработкам с крабами? Не зря он сюда первым делом своего дружка притащил! Роул столько за эти годы для княжества сделал, и связи с купцами в других странах наладил, и в городе лавки ювелирные открыл, гольдам скот стадами закупают, да ты и сама все знаешь. А твой сынок даже тебя не слушает, грубит вон.

– Дурочка ты была, дурочкой и осталась, – жалостливо хмыкнула княгиня, – чужие слова повторяешь, а не понимаешь, что своим поступком решила и свою судьбу и Роула. Но про это потом, сейчас иди, отдыхай, набирайся сил, они тебе теперь пригодятся.

Она не повела Рябинку сама, как вначале подумалось мне, а дернула за шнур, висевший у двери, и через несколько секунд на пороге возник лупоглазый охранник. Похоже, ведьма сменила всю службу дворца на преданных гольдов.

– Отведите ее в подвал, поместите в камеру с кроватью и мыльней, и не спускайте глаз. Да обыскать не забудьте и заберите все снадобья, украшения и амулеты. Она нужна мне здоровой и невредимой.

– Понятно, – цепко перехватывая запястье сникшей Рябинки, жизнерадостно кивнул гольд и внезапно незаметно подмигнул мне.

Это еще что за партизанские игры? Продолжая стоять колючей статуей, не поддавалась я на провокацию. Мне сначала нужно понять, что за страсти кипят вокруг и кто против кого дружит, потом я выберу, что полезнее лично мне. Поступать по зову души в этом мире оказалось весьма неумно и очень опасно. Впрочем, так же, как и в моем собственном.

– Эри, – резкий окрик княгини неприятно удивил меня, – что ты там делаешь?

– Смотрю, какой подарочек передал мне дядя, – спокойно откликнулся мальчишка.

– Отойди, я сама, – ведьма уже около распахнутой сыном занавески.

– Трине, – в голосе князя зазвенел металл, – ты не забыла, что мне восемнадцать лет и что я маг?

– Хоччу ссвою комнатуsss – немедленно встряла я в начинающуюся разборку, нечего мне тут делать.

– Кэт, подожди... – повернулся в мою сторону мальчишка и сделал пару шагов.

Больше не успел. Взметнулось позади него пламя, грохнул оглушивший мои чуткие уши взрыв и полетели во все стороны обломки кровати.

Я даже сама не поняла, как оказалась рядом с упавшим Эри, скорость

крабьего передвижения в таких ситуациях просто сумасшедшая. Но княгиня, в тот же миг превратившаяся в дикую Латринею, одетую в голубое платье, была быстрее.

– Сыночек... – умоляющий выкрик ведьмы не соответствует бешеному гневу, полыхающему в призрачных глазах.

– Тишшше, – шиплю я, осторожно стряхивая со спины лежащего навзничь мальчишки щепки и тлеющие тряпки, – посссмотри, ран нетссс.

– Кээт... – слабым голосом простонал потерпевший и приподнял голову, – не уходи.

– Посссмотри... – не собираюсь ничего обещать, пока не удостоверюсь в своих догадках.

А в комнате уже тесно от набежавших гольдов и ведьм, оказывается, все они ночевали по соседству.

– Что тут произошло? – низкий рык знакомого голоса прозвучал бы неожиданно, если бы я заранее не ощутила яркое тепло крупного хвостатого силуэта, возникшего в дверях, – это она...

Маг резко смолк, остановленный быстрым взглядом Латринеи, но я успела засечь и понять все то, чего не рассмотрела бы, находясь в собственном теле.

И немедленно разозлилась и обиделась. Значит и он считает меня опасным для обитателей дворца существом?! Ну, и прекрасно, он не ошибается. Я такой и буду, вернее, очень постараюсь быть. Только не стану в приступе бешенства отхватывать клешнями руки и ноги у своих обидчиков. Я сделаю хуже. И не потому, что это я такая подлая и злопамятная. Нет, это вы все меня достали своей ложью и интригами.

Коротко и презрительно пшикнув, с показной брезгливостью обхожу мага по широкой дуге и с независимым видом выбираюсь в коридор.

– Ну, вот что ты наделал? – звенит неприкрытой ненавистью крик князя, – и зачем ты вообще сюда прибежал!

– Эри... куда же ты... – несется вслед за топотом мальчишеских ног зов матери, вызывая во мне чувство торжества.

Не знаю, зачем я так ему понадобилась, но верить теперь не собираюсь больше никому, и воспользоваться всей выгодой от этого обстоятельства постараюсь на все сто процентов. Так же как ведьма воспользовалась моей простодушной доверчивостью.

– Кэт, подожди!

Ну, жду. Вообще-то я и не собиралась уходить слишком далеко, но сделать вид что ухожу, это же не обман, а военная хитрость?

– Шшшто?

– Куда ты идешь?

– Ффф камеру...

– Кэт, не сердись... сейчас освободят комнату рядом с моей, и ты сможешь делать что хочешь. К тебе даже никто не войдет без разрешения, я распоряжусь.

– Ссстрашшшу поссставишшш? – жаль, что он не может услышать ехидства, которое я вложила в этот вопрос.

– Нет, конечно, просто у тебя будет свой охранник, который будет слушать только тебя.

– Можно меня? – мягкий голос гольда не застал меня врасплох, как Эри, я уже целую минуту слежу за подбирающейся все ближе компанией ведьм с Сиренью и магом во главе.

Прекрасно понимая их опасения и любопытство. Но удовлетворить его им не придется, в гольде я, наконец, узнала командира отряда, вместе с которым воевала против наемников Роула. И ему почему-то доверяю больше, чем им всем вместе взятым, возможно потому, что не могу пока представить, какой выгоды могут ждать от дружбы со мной гольды.

– Егоссс, – успеваю прошипеть прежде, чем князь заметил маневры ведьм.

– Так... – знакомые ледяные интонации Сирени звучат в голосе её сына, когда он распахивает дверь соседней с его покоями спальни – немедленно предоставьте тому, кто жил в этой комнате, другие покои. Вещи перенесет Делз. Входи, Кэт.

Он с вызывающим видом держался за ручку, пока мы с гольдом не проскочили внутрь, потом не спеша вошел сам и резко захлопнул за собой дверь.

– Надеюсь, ты не прогонишь, пока наводят порядок в моей комнате? – с вызовом смотрит на меня мальчишка и мне неожиданно становится понятно по его стиснутым, чуть вздрагивающим губам и прищуренным глазам, что бесится юный князь не от вредности, а от смертельной обиды и боли.

Сколько времени он копил свои претензии к тем, кто был рядом, и почему не мог высказать все раньше и не хочет сейчас, так сразу не разберешься. Да и неплохо бы сначала решить, а нужно ли мне вообще влезать в чужие разборки и не ударит ли всё это меня еще сильнее, чем ударило? Хотя сильнее уже вроде и некуда. Но и смолчать сейчас нельзя, каждая секунда промедления бьет князя в самое больное место.

– Не выдумывай клупосссти, – ну и акцентик у меня теперь, самой тошно, – щассс саффтракать буттем. Делссс, принессси еды, побольшшше.

– Я быстро, – весело кивает гольд и рыбкой выскальзывает за дверь.

– Спасибо, – очень тихо буркнул князь и, растерянно осмотревшись в так лихо захваченном помещении, направился в сторону столика, вокруг которого стояло несколько удобных кресел.

А я топала следом и яростно костерила себя в душе за несвоевременную жалостливость, которая, по закону подлости, не может обернуться для меня в будущем ничем, кроме новых неприятностей.

За завтраком я молчала, и, машинально забрасывая в рот очень аппетитные на вид булочки, старательно обдумывала все произошедшее, пытаюсь определить, откуда может свалиться новая беда. Ведь гарантии, что она не придет, у меня практически не было. Сама того не желая, я встала преградой в отношениях между дикой ведьмой и ее сыном, и надеяться, что моя бывшая наставница станет это безропотно терпеть, было бы большой глупостью. А с другой стороны, если она его так любила, то почему за пять лет не наладила взаимопонимания, почему обращалась с сыном как с животным, или слугой? Что-то не заметила я за последние несколько дней между ними особой нежности и понимания, какие бывают между любящими родственниками. И вообще, куда Фуссо пытался сбежать и почему на ритуал возвращения его притащили в цепях? Мне и в тот момент это очень не понравилось, хотя я тогда даже не догадывалась о истинной роли краба в этой истории. А теперь вообще кажется просто жестоким.

Но спрашивать князя про все это я пока не буду, догадалась уже, что сейчас ему ничуть не легче приходится в собственном теле, чем мне в чужом. Наверное, даже хуже, ведь он привык за пять лет к крабьим суперспособностям, а теперь в одночасье стал слабым и медленным, и кроме того почти ослеп и оглох. Так мало того, что весь мир резко стал для него опасным и незнакомым, еще вчера дружелюбные и надежные крабы и гольды вдруг оказались совершенно чужими и недоступными для прежнего общения.

– Княгиня спрашивает, когда вы сможете прийти на совет по поводу последнего покушения, – учтиво интересуется Делз, относивший узел с вещами Малины, по печальному совпадению оказавшейся прежней жилищей этой комнаты.

– А мне обязательно нужно туда идти? – с подозрительным интересом изучая вершины скал, занимающие большую часть наблюдаемого из окна пейзажа, страдальчески бурчит сам себе новый владелец дворца.

– Но это же на вас было совершено покушение, – кажется мне, или гольд в самом деле пытается ненавязчиво протолкнуть собственное

мнение, – и вы вправе потребовать более серьезного наказания, чем определяют члены совета.

– Шшто сса ссафффет? – выпалила я прежде, чем успела хорошенько обдумать, нужно мне соваться в дела княжеского правосудия, или стоит остаться в сторонке.

– Сегодня утром княгиня объявила, что до достижения князем Эрифиусом Аглензайр совершеннолетия, править своим княжеством он будет с помощью совета, – вежливо пояснил гольд и застыл с таким подчеркнуто равнодушным выражением лица, что поверить в него было просто невозможно.

– Так, – стиснул тонкие пальцы парнишка, и в его фиалковых глазах полыхнул огонь гнева, – а вот мне кажется, она слишком поторопилась с этим заявлением. На самом деле мне уже восемнадцать лет и это достаточный возраст, чтобы править без незваных помощников.

– Эриссс... – протяжно прошипела я, и намеренно затянула паузу, нужно отвлечь его хоть ненадолго от злости на мать, – а паччему краба ссвали Ффуссссо?

– Это я могу рассказать, – вмешался пучеглазый охранник, стрельнув в меня мимолетной тенью лукавой усмешки, – в именах знатных господ ближайшим родственникам разрешено сокращать лишь окончания, а начало можно сократить только несмышленным малышам, бастардам или тем, кто совершил нечто неподобающее.

Вот это удар. Такого я никак не ожидала, выходит, имя Фуссо все пять лет висело на мальчишке клеймом неразумного дурачка. Мне сразу припомнилось, с какой надменной ухмылкой Роул повторял эту кличку, и как невозмутимо реагировал на это скрытое издевательство краб. Ну, у него однако и выдержка! Мне еще учиться и учиться такому самообладанию. Похоже, Сирень действительно плохо представляет истинные способности своего сына, и именно ее поведение мешает им найти общий язык.

Но что я могу тут поделать, а самое главное, нужно ли вообще вмешиваться? Моя тетка всегда говорит, двое дерутся, третий не лезь, от обоих достанется. Однако в интернате эта поговорка подходила не для каждой драки. И если я видела, что подлый и сильный бьет более слабого, ни разу не смогла остаться в стороне. Хотя и приходилось потом Марине зашивать мои раны и мазать ссадины. Одно выручало, все заживало на мне необычно быстро и всегда бесследно. Марина говорила, что это уникальная регенерация, и я ей верила, и даже слегка гордилась. А вот теперь догадываюсь, что дело было совсем в другом.

– Ты пойдешь со мной? – испытующе глядит князь, и очень странно

видеть такое серьезное, почти жесткое взрослое выражение на нежном мальчишечьем лице.

– Сс уссслюфием... – я снова тяну время, не зная как преподнести свое требование.

– Чтобы я вел себя спокойно? – догадался Эри, – я обещаю, больше никаких истерик. Ты права, мне не следует вести себя как избалованному глупому мальчику. Это играет им на руку. Просто всё слишком быстро переменилось... я не успел сразу почувствовать себя князем.

– Ищщще – придумала я новое пожелание, – я будуссс молщщщцать.

– Не хочешь с ними разговаривать? – князь снова попал в десятку, – это твое право. Если честно, я тоже с удовольствием последовал бы твоему примеру... но не могу.

– Тогда я пойду, передам, что вы придете в любое удобное княгине время, – в голосе Делза слышится нескрываемое одобрение, и я решаю последить за охранником повнимательнее, не так он прост как казалось раньше.

Пока Делз выполняет роль парламентаря, я обследую свое новое жилище. Для этого мне теперь не требуется ходить вдоль стен и разглядывать мебель, я и так чувствую каждую вещь и каждую трещинку в стене. Но то ли назло обстоятельствам, то ли самой себе, предпочитаю действовать привычным образом. И, медленно бредя вдоль стен, постепенно начинаю понимать, что таким образом пытаюсь отсрочить встречу с теми, кого хотела бы больше никогда не видеть. С Сиренью, ее подругами, Роулом и демоном. Все они сыграли свои роли в том, что произошло со мной и теперь не имеет значения, заранее это было задумано или произошло случайно. Важно другое, никто из них не заступился, не попытался придумать другой выход, или хотя бы потребовать, чтобы меня честно предупредили о грядущем. Нет, молча и равнодушно наблюдали за происходящим и в моем понятии все они теперь подлые сообщники. И именно этого я и не могу им простить. Да и вряд ли смогу когда-нибудь потом. Вот потому и встала на сторону князя, что он один присутствовал там не по своей воле и не мог ничего сказать, стянутый цепями.

Или все-таки мог, засомневалась я, пытаюсь оценить возможности крабьего организма с недоступной раньше стороны.

– Эрисс, а посщему ты не хотелссс вернутьссся в сссвое телосс?

Конечно, это не самый главный вопрос, который занимает меня сейчас, но подходить к основной теме лучше постепенно, мальчишка и так обижен на всех вокруг. Кроме меня. И это еще одна загадка, которую мне нужно решить прежде, чем начинать изобретать план мести.

– А ты не будешь смеяться? – очень серьезно спрашивает он и выжидающе смотрит на крабью морду, хотя знает не хуже меня, что рассмотреть на ней улыбку невозможно. По той простой причине, что не предусмотрена крабьей физиологией возможность улыбаться.

– Нетссс, – начинаю я понемногу учиться общаться одними междометиями, слишком трудно выговаривать слова так, чтобы они оставались понятны окружающим.

– Я боялся, – помолчав долгие пять минут, признался князь, – она даже не знает, что я прочел все книги, где есть хоть немного про это заклинание. И был абсолютно уверен, что с тех пор, как проснись в собственном теле, начну считать последние часы. Я предлагал ей, после того, как мы отберем саркофаг, нанять магов и сначала найти контрзаклятье. И только потом проводить ритуал возвращения. Но она очень упряма. И ещё... ей очень не хотелось признавать краба сыном... она не верила, что он – это я. Наоборот, была убеждена, что в крабе только малая часть моего разума, я подслушал... как она говорила это Лин.

Мне все утро было странно и неприятно слышать, как князь упорно называет свою мать – она, но теперь я начинаю понимать, что ведьма это заслужила. Нет, я его вовсе не оправдываю, просто больше не осуждаю, прекрасно испытал на собственной шкуре... или панцире, как оскорбительно и больно, когда в тебе не видят человека, просто потому, что ты временно не похож на него внешне.

– Совет состоится прямо сейчас в приемном зале, – обвинительным приговором падает на меня патетичное объявление вернувшегося гольда.

Ну и зачем мне понадобилось обещать князю, что пойду с ним на этот дурацкий совет, расстроилась я. Вечно влезаю со своей инициативой куда не нужно. Сидела бы сейчас на широком подоконнике и решала свои проблемы, так нет, понадобились мне чужие. Словно своих мало, или они какие-то несерьезные.

Решительно поворачиваюсь к князю, объявить что передумала, и с досадой понимаю, известие о немедленном выходе в свет расстроило не только меня. И Эри сейчас больше чем раньше, готов отказаться и от ненавистного совета и от своих прав.

И я ничего не имела бы против, если б не сверлило мозг нехорошее подозрение, что именно этого и добивается княгиня. Сломать сопротивление сына, заставить его слушать себя так же беспрекословно, как все остальные местные ведьмы.

– Нусс, ссструсил, – прошипела я и помотала перед носом князя клешней, стараясь чтобы это выглядело издевательски.

– Ничего я не струсил, просто решаю... надо идти переодеваться или нет, – быстро придумал он причину.

– Я могу принести одежду сюда, там еще чинят кровать, – мгновенно проявил инициативу Делз, – а переодеться можно в умывальной комнате.

И не успел еще князь неуверенно кивнуть, как гольд стремительно исчез за дверью. Окончательно убедив меня этим поступком, что он почему-то очень заинтересован в решении совета. Теперь остается лишь выяснить, чего именно он хочет, самого сурового наказания для бывшего хозяина или его устроит что-то другое. И у меня есть только один способ это узнать.

– Сскашши шшто я ушшла, мне надоссс сссспросить, – прошипела я, едва князь скрылся в умывальне, и полезла в шкаф.

Делз понимающе кивнул и щелкнул за мной задвижкой. Я привычно дернулась, ненавижу сидеть взаперти в небольших помещениях, но почти сразу опомнилась, теперь ни защелка, ни дверца не являются для меня серьезной преградой. Зато есть прекрасная возможность испытать свои новые способности. Сосредоточившись на тепловом ощущении и прислушавшись к неслышным человеческому уху звукам, начинаю четко представлять, что сейчас происходит в соседних помещениях. И сразу ловлю своего охранника на лжи, кровать в спальне Эри уже починена и никого из слуг там нет. Зато в следующей комнате очень тихо переговаривались две ведьмы, и их разговор меня сразу заинтриговал.

– Я сама ничего не понимаю... – почти шепчет печальный, почти неузнаваемый голос, – и не думай, что ты первая, все говорят то же самое.

– Все сомневалась, может мне кажется... – вздыхает второй голос, и его я узнаю сразу, это Клюква, – что же теперь делать?

– Здесь нельзя ничего говорить, соберемся по клубочкам... кого-то оставим последить. Попадаться нам нельзя... сама понимаешь.

– А сейчас... где?

– Внизу... суетится. Пора и нам идти... а как не хочется... – снова тяжело вздохнул неопознанный голос.

Хлопнула дверь и две пары ног неторопливо прошагали в сторону лестницы, ведущей на первый этаж.

– А где Кэт? – встревоженно спросил голос князя, метнувшегося по моей спальне размытым светящимся силуэтом.

– Пошла вниз, догоняй, – бестрепетно соврал охранник, и, едва проводив Эри за дверь, бросился открывать задвижку на шкафу.

– Есссли рассскашшешшшь праффду, попробуюсс поммочч, – выпаливаю приготовленную заранее фразу, – теппя интересуется

решшение соффетта?

Фу, кто бы только знал, как мне нелегко далась такая длинная речь!

– Обещаю, – сразу согласился Делз, – нам нужно, чтоб Роула не отсылали в Бранмлейнское княжество. Беги вправо, там, в конце коридора, есть лестница для слуг, тебе откроют дверь. Ты успеешь раньше князя.

Я ринулась в указанном направлении, только двери спален и проходные залы замелькали. И пока ноги успешно выполняли привычную работу, голова пыталась решить задачку, похожую на уравнение из высшей математики и все в ней было так же сложно, непонятно, и имело не по одному значению.

Дверь на черную лестницу распахнулась прямо перед моим приближением и так же быстро захлопнулась сзади, когда я покатилась по ступенькам вниз. И эта слаженная солидарность гольдов была еще одним неизвестным значением и без того сложного уравнения.

На первом этаже, выскочив из кухонного коридора в общий, я резко притормозила и потопала дальше прогулочным шагом, беззастенчиво рассматривая и подслушивая все, что происходит в окружающих помещениях.

– Кэт, ну куда ты делась? – бросился навстречу князь, видимо забыв, что я не собиралась разговаривать при ведьмах.

– Наверное, заблудилась, – с пренебрежением предположил холодный голос наставницы, и мне в спину уперся ожидающий взгляд.

Ну и зачем ей нужно меня задевать? Чтоб я разозлилась и меня, под предлогом всеобщей безопасности можно было отправить в свою комнату? Или хочет заставить заговорить и тем самым принудить к переговорам? А может ей больше понравится, если я смолчу, и тогда можно будет и меня записать в тупые животные? Ну, и какой из этих вариантов мне выбрать? И не факт, что я вычислила все, просто искать дальше сейчас нет времени.

– А ты не забыла, что Кэт была здесь очень недолго и почти все время провела взаперти, откуда же ей знать расположение помещений?! – немедленно ринулся на мою защиту Эри.

А вот это он зря, я и сама могу за себя постоять. Хотя... возможно, она и собиралась представить меня виновницей их ссор? Смешно... но не невероятно. И тогда вполне объяснимо присутствие перед входом в зал толпы мающихся бездельем ведьм, изредка перешептывающихся о чем-то несущественном.

– Княсссь... – прошипела я, выбирая второй вариант развития наших с ведьмой отношений, – иссвинитесссь. Нельсссь так рассковаривать с мамойсс.

Он на долю мгновенья застыл, изумленно всматриваясь в меня, потом по губам пробежала едва заметная плутоватая ухмылка.

– Ты права, Кэт... я веду себя сейчас как несовершеннолетний мальчишка. Но это лишь оттого, что очень хочется оградить тебя от всех оскорблений и унижений, какие пришлось вынести мне самому за годы пребывания в этом крабьем теле, – с горечью выговорил князь, с картинной печалью опуская длинные ресницы, затем повернулся к Латринее, – Извините, княгиня, я был с вами недостаточно почтителен. Обещаю впредь следить за своим поведением. Идем, Кэт.

И мы гордо прошли мимо безмолвно расступившихся и замерших в ожидании чего-то неизвестного ведьм в распахнутые двери просторной комнаты, уставленной удобными креслами и низкими столиками. С правой стороны на небольшом возвышении, чем-то похожем на сцену в колхозном клубе, тоже стоит столик, а сзади него два украшенных гербами не то стула, не то трона. И именно к ним уверенно топают Эри. Но еще раньше, чем мальчишка поднялся по ступенькам, я догадалась о его намерениях, и решила во что бы то ни стало предотвратить очередную перепалку.

Подхватила ближайшее кресло и, запрыгнув прежде князя на сцену, поставила его чуть сзади и сбоку от того трона, на котором собирался устроиться Эри. И мгновенно в нем обосновалась, героически стараясь не обращать внимания на легкое потрескивание.

Парнишка недовольно засопел, но говорить ничего не стал, получив за это мое молчаливое поощрение.

Княгиня вплыла на сцену следом за ним, величественная и еще более холодная, чем раньше, и я очень пожалела, что теперь не имею возможности рассматривать её внутренним зрением. Но чего нет, того нет. Крабы не только не обладают никакими магическими способностями, у них еще и устойчивый иммунитет к магическому воздействию.

Ведьмы неспешно, но молчаливо занимали свои места, старательно отводя от меня глаза. Только Ургагир, пришедший одним из последних, бросил острый изучающий взгляд на нашу компанию, и на секунду задержал его на мне. Потом устроился в укромном уголке за шкафом, и постарался стать как можно неприметнее. Даже не подозревая, что клокочущая во мне обида не даст и на миг забыть о его присутствии, а крабы возможности – упустить из виду.

– Приведите виновных, пусть ждут в соседней комнате, – опережая сына, командовала Латриния гольдам, выстроившимся у дверей, заставив князя крепко сжать вцепившиеся в подлокотники пальцы.

Нарочно она, что ли его дразнит? Не могу только понять, зачем ей это

нужно. Неужели так стремиться править княжеством сама? Но ведь это она и раньше могла бы проверить, незачем было вкладывать столько труда, и проливать кровь подруг, чтобы доставать саркофаг. Или я чего-то не понимаю? Ну, во всяком случае, уже сегодня буду знать точно, нужно только постараться выполнить условие гольда. Не отдать Роула этим, как их...

– Князь Амлинг Бранмлейн с сопровождающими лицами, – громко объявил исполняющий обязанности мажордома гольд, провожая в зал заявленных особ.

Если бы я была сейчас сама собой, то непременно вытянула шею в попытке побыстрее разглядеть непредвиденных гостей. Для меня разумеется, неожиданных. Ну, и очевидно для Эри, вон как напряглось его лицо и снова вцепились в подлокотники худые руки.

Зато Латринья, величественно выпрямившая спину, улыбается гостям с вежливой приветливостью. Ну, конечно, она-то знала заранее об их приезде. Как и остальные ведьмы, не случайно оставившие незанятыми ближайшие к возвышению кресла.

В которых князь и двое его спутников устроились после почти получасового обмена любезными приветствиями, поздравлениями и прочей словесной шелухой. Абсолютно не заинтересовавшей меня в отличие от самих гостей. Однако вовсе не старый, совершенно седой и морщинистый гном, представленный Эри как князь Амлинг Бранмлейн был среди них самой загадочной личностью.

И даже не темный маг, неведомо какой расы, бесстрастно разглядывающий ведьм из-под опущенного на самые глаза капюшона черного плаща, который он и не подумал снимать, войдя в зал.

Нет, интереснее всех был третий гость. Несмотря на то, что князь представил его как-то мельком, и держался молодой гном очень неприметно, верилось в эту скромность с большим трудом. Проскальзывала в его взгляде с трудом сдерживаемая надменность, намекая, что вовсе не является он простым секретарем. И еще одну странность я подметила почти сразу, не был этот гном и мужчиной. Уж такова особенность крабьего теплового зрения.

– Ведите, – приказала княгиня после того, как проворные гольды расставили на столах угощение и разлили по бокалам напитки.

Эри тревожно бросил на меня быстрый взгляд, когда гольды привели в зал Роула и Рябинку и поставили у стены, из которой торчали какие-то крючки. Очень не понравившиеся мне. Но пока пусть торчат, возможно, это вовсе не то, о чем сразу подумалось.

– Роулиниз Аглензайр, признаешься ли ты, что подговорил свою любовницу, ведьму Рябинку на преступление против своего племянника, законного князя Эрифиуса Аглензайр? – незамеченный мною раньше немолодой сухонький гном остановился напротив высокомерно прищурившегося Роула. Явно желавшего дать понять всем этим безродным ведьмам, что общается с ними только по принуждению.

– Конечно, нет, – звонко ответил красавчик, и в моей душе прокатился слабый отголосок старой боли.

– Ведьма Рябинка, сама ли ты решилась на преступление?

– Да, господин судья, – уверенно кивнула девушка, – и я уже объяснила ведьме Латринее причины, по которым так поступила.

Ну, вот почему Роул сейчас молчит и торжествующе улыбается? Неужели он не соображает, что ничего не выгадает, перекладывая свою вину на любящую его ведьму? Наоборот, получит пожизненную ненависть всего ведьминского клана, ведь по сочувствующим взглядам видно, что Рябинку они любят и в обиду не дадут.

– Следствие не верит вашим заявлениям, – бесстрастно объявил судья, – вы оба лжете по предварительному сговору, поэтому для выяснения истины к вам будут применены особые меры.

Всё во мне взорвалось возмущением от этого заявления, это какие такие меры он собирается применить? И не имеют ли к ним непосредственного отношения те вбитые в стену крючья?!

Невероятным усилием я сдержала себя от немедленного вмешательства в этот суд и только скрипнувшее кресло выдало мое беспокойство. Несколько взглядов метнулось в мою сторону, несколько пар рук приготовились плести заклинания. Но я уже успела сообразить, что крабья сила и скорость ничем не смогут мне помочь против заклятий. Конечно, магия на организм крабов не действует, зато она действует на все окружающее. И у ведьм найдется не один десяток хитрых способов переправить меня в подвал.

– Вы не имеете права... – чуть побледнел Роул, неверяще вглядываясь в холодное лицо княгини, – я урожденный потомок рода Аглензайр.

– А она женщина, носящая очередного потомка, – колюче ухмыльнулась Латриния, – поэтому начнем с тебя.

– Шшшто ссс ним сссопираютссся тттелать?! – от волнения моё шипение еще непонятнее прежнего.

– Ничего особенного, ему дадут снадобье, не позволяющее солгать, – снова отвечает за Эри мать.

– А ссаччем вереффка? – не унимаюсь я, наблюдая за направившимися

к Роулу гольдами.

– Ну, он же не станет пить его добровольно, – охотно объясняет она, словно не замечая зависшей в зале тишины.

– А еффо сссспросили? – похоже, эта мысль даже не приходила в ее голову.

– Роулиниз Аглензайр, согласен ли ты добровольно выпить снадобье? – снова поворачивается к Роулу судья, восприняв ее молчание как сигнал к действию.

– Нет, я ничего не буду пить, но добровольно признаюсь в том, что хотел немного припугнуть мальчишку. Чтобы он отказался от княжеской власти до того момента, когда станет взрослым, – высокомерно поглядывая на ведьм, объявил подсудимый.

Рябинка всхлипнула и закрыла лицо руками.

– Роулиниз Аглензайр, учитывая твоё добровольное признание, суд постановил, – читает гном, достав из висевшей на плече сумки, похожей на гибрид рюкзака и портфеля, заранее приготовленный документ, – во избежание повторения подобных происшествий, принудить тебя ко вступлению в брак с единственной дочерью князя Амлинга Бранмлейна, Беристой Бранмлейн и немедленному отъезду в княжество Бранмлейн. Ведьма Рябинка за помощь в преступлении будет отправлена вместе с тобой и признана второй женой, а ваш сын по рождении получит статус законного ребенка тройного брака, но лишен права наследования.

Что-то не очень я поняла, в чем же тут наказание, зато поняли все остальные. Виновато опустил глаза Эри, в голос зарыдала Рябинка, побелел застывший в шоке Роул и даже ведьмы заметно помрачнели.

Ну, так пусть и мне объяснят.

– Ф ччем тут накассание? – прошипела я как можно громче.

– А почему это животное все время лезет не в свои дела? – несмотря на прозвеневшие в голосе льдинки, глаза гномки горят бешеным огнем.

– Ккосспошша приффыкла оссскорпплять фсех подрядссс? – немедленно отбиваю выпад назад.

– Кого это я тут оскорбила? – взорвалась она и тут же до крови прикусила губу, поняв, что прокололась.

– Вот потому и наказание, – тихонько вздохнула не вытерпевшая Клюква, – что она уже двух мужей запорола.

– Да что ты выдумываешь, ведьма! – Вскочила с кресла гостя и, обернувшись к Клюкве, яростно зашарила по поясу в поисках оружия.

Но ведьмы дружно выставили в ее сторону ладони и княжна, покачнувшись, осела в руки своего придворного мага, бережно

опустившего спящую в кресло.

– Не нраффится мнессс фашш ссуд, – слезая с развалившегося от этого движения кресла, направляюсь в сторону ступенек.

– Кэт! – бросился вслед Эри, – ты же обещала со мной посидеть!

– Иссвини, мнессс протиффно, – не останавливаясь, неторопливо шлепаю к выходу.

– А какое наказание ты сама можешь предложить? – чуть насмешливо бросает вслед мне Латриная, но я уже заметила хитро подмигнувшее личико Делза.

– Делссс, – позвала я охранника и он мгновенно очутился рядом, – скашши сса менясс, ты шше помнишшь?

– Госпожа Кэт извиняется, что не может сама изложить свои предложения, сами понимаете, трудности произношения, – учтиво поклонился замершему залу гольд, – но она высказывала их чуть раньше и я возьму на себя смелость повторить. Поскольку господином Роулом большая часть обид была причинена ведьмам и князю Эрифиусу, будет справедливо, чтобы он загладил свою вину, совершая полезные деяния именно для них. Например, учитывая его способности, можно поручить организацию строительства домов для ведьм на восточном склоне, под защитой замковых стен. И он может договориться с купцами об открытии в новом поселке постоянных лавок. А ведьмы могли бы сдавать купцам на продажу зелья и амулеты.

Ох и жук! Слушая складную речь гольда, восхитилась я, это же он явно не сейчас придумал! И скорее всего, не один! В какую же историю они меня втягивают, эти милые пучеглазики, выдавая рекомендации от моего имени.

– А мне эти предложения нравятся, – неожиданно подал голос Ургаир, – во всяком случае так нам хоть какая-то польза от Роула будет. И не будем чувствовать себя негодяями, отправившими Рябинку с ребенком на издевательство к этой сумасшедшей. А вам, князь Амлинг, пора уже оставить попытки найти своей дочери знатного мужа, а разрешить морганатический брак. Иначе до ваших бывших родственников могут дойти сведения, по чьей вине раньше времени покинули этот мир их сыновья.

– Латриная! Надеюсь... Вы не собираетесь нарушать наш договор? – Вскочивший с кресла старик едва не рычит от злобы.

Вот теперь понятно, в кого доченька пошла. Или это у них воспитанье одинаковое?!

– Я за предложенье Кэт, – подняла лежащий на столе прут с

развевающимся белым бантиком Клюква.

– И я, – еще один бант взлетел в руках Березы.

– Я тоже, извини, Трине, – едва слышно буркнула Лин, махнув бантом.

Через минуту над столиками цветет белая кипень развевающихся бантов, а сообразительный судья что-то быстро строчит в своем свитке.

Князь Амлинг уже покинул нас, попытавшись на прощанье возмущенно хлопнуть дверью, но оказалось, гольды не такие уж слабые ребята, чтобы это позволить. Следом за ним унес свою госпожу так и не сказавший ни слова маг, и в зале стало как-то посвободнее и пошумнее.

Латрина сидит с абсолютно спокойным выражением лица, но я была уверена, что Ургагир внутренним зрением видит пробегающие по ее телу колючие молнии. И Эри, наверное, тоже, не зря он так на нее поглядывает.

Приговор, в который судья добавил немедленное заключение брака с Рябинкой, успевший взять себя в руки Роул выслушал молча и так же молча вышел из зала в сопровождении гольдов. Не удостоив никого из нас ни единым взглядом. Но мне это было и не нужно, неожиданно я почувствовала, что могу свободно дышать, наблюдая за стройной сереброволосой фигурой, исчезающей в дверном проеме. Рябинки с ним не было, ведьмы увели ее наряжать к свадебному обряду.

– Фссё, ухоттим? – позвала я разговаривающего с судьей князя, и услышав небрежное – сейчас, потихоньку выскользнула из зала, даже не надеясь, что этот маневр останется незамеченным ведьмами.

Слишком много внимательных взглядов пересекалось на мне, пока я стояла к ним спиной. Смешные. Ведь наверняка знают всё насчет крабьих способностей, почему же наивно считают, что я ими не пользуюсь?

Назад, в свою комнату, возвращаюсь по парадной лестнице, в сопровождении ни на шаг не отстающего Делза. По пути я старалась побыстрее освоить крабьи возможности и пыталась проникнуть тепловым ощущением во все ближайшие комнаты. И не сразу обнаружила одну очень интересную особенность дворцовой архитектуры, но обнаружив, не могла думать больше ни о чем. Мне внезапно вспомнилась пара очень подозрительных фактов, на которые от расстройства я раньше просто не обратила внимания. Зато теперь точно знала, с какого вопроса начну разговор с гольдом.

Однако, едва войдя в комнату, поняла, что в мои планы ворвался неучтенный фактор.

– Приффет, – безразлично бросив незваному гостю, неспешно топаю к столу.

Нет, есть пока не хочется, но и показывать ему свою

заинтересованность я не собираюсь.

– Я хочу рассказать тебе кое-что такое... чего не скажет ни одна из твоих подруг, – внимательно всматриваясь в мою бесстрастную морду, заявил черный маг.

Очень интересно. Вот только нет у меня тут больше никаких подруг, с предателями не дружат. И его пока тоже в друзья не записывала, с чего он взял, что я вот так сразу и поверю? Но выслушать не помешает, в моем положении уже ничего помешать не может.

– Коффори.

– Ты знаешь, что княгиня наняла магов искать обратное заклятье для наложенного на саркофаг?

– Тта.

– А что срок найма пять лет, тоже знаешь?

– При чем этоссс? – еще шипит моя пасть, а в голове уже защелкали, собираясь в понятную картинку, детальки пазла.

– Не поняла? А, извини, ты же не знаешь правил найма магов. Когда магов нанимают на такую работу, обычно срок не оговаривают. Только оплату. Теперь понятно? Каждый старается сделать дело как можно быстрее. Незачем сидеть пять лет, если можешь справиться за год. Или за сезон. Это уж как повезет. А она четко оговорила, пять лет.

– Байтарсссссс! – не выдержала я, – понятносс. А откуттта тысс сснаешшшь?

– Так мне она тоже сделала предложение, и если я соглашусь, то оплатит не только эту работу, но и службу на Роула. А кстати... ты случайно не знаешь, его все-таки продали в мужья княжне Бранмлейн?

– Какссс проттали? – против воли вырвалось из моей пасти.

– Ну, было у них такое намерение... – чуть виновато вздохнул он, – князь очень богат, а дочку пристроить никак не может. Говорят, у неё характер... слишком горячий.

Ффу, а я то уже обозлилась, решив, что ведьмы переиграли свое решение после моего ухода.

– Нетт, не проттали.

Неизвестно, почему его так волнует судьба бывшего князя, но никакого секрета я сейчас не выдала. Все равно к вечеру все будут знать, как я поняла из подслушанных шепотков, ведьмы намерены отпраздновать свадьбу Рябинки с княжеским размахом. Ну и заодно свою победу.

– Это хорошо, – бросив на меня испытующий взгляд, пробормотал демон, – не такой уж он негодяй, чтоб поступать с ним так жестоко.

– Он сассушшил накассанье, просссто шшшаль Ряпппинку, –

рассердилась я, сообразив, что демон специально так благодушно отзывается о Роуле.

Потому что считает меня влюбленной дурочкой. Впрочем... что уж себя-то обманывать, ею я и была, и правильно делала Сирень, что не доверяла мне никаких секретов. Вполне могла за ласковое слово всех заложить... хорошо, что это безрассудство закончилось. Но обсуждать эту тему я пока еще не готова. Тем более с этим интриганом.

– Кэт... – еще раз смерив мою колючую фигуру оценивающим взглядом, решился гость, – я мог бы тебе помочь. У меня есть друзья, очень сильные маги, и заклинание мы найдем намного быстрее, чем за пять лет. И тело подходящее найти не проблема, но решать нужно сейчас. Если я не подпишу контракт, меня попросят из замка. А сидеть тут пять лет... уж извини, но я не выдержу.

И что он предлагает? Бежать? Да что у них, помешательство поголовное началось? С одним беги, с другим беги. А куда? В очередную ловушку? Здесь у меня, конечно, хватает врагов, и враги довольно могущественные, взять хоть ту же Сирень. Но уже немного изученные и понятные. А на новом месте все начнется сначала, вот уж эту простую истину я успела понять. Но главное даже не это. И не техническая сторона побега, которой я пока даже представить не могу. А две совершенно неразрешимые проблемы, которые держат меня крепче цепей. И первая – это, как ни обидно, новый князь. Вот на роду мне написано что ли, страдать по вине особ княжеского рода?

Но так уж все сложилось за последние несколько часов, что бросить его я не смогу. Впервые за свою жизнь в полной мере испытал на собственной шкуре знаменитое изречение Экзюпери что мы в ответе за тех, кого приручили. Нет, дело не в ответе, как-то не так это звучит, как я чувствую. Скорее в беспокойстве, в совести, в волнении. Отвечать можно перед чужими, а для себя ответы не нужны. Нужно только знать, что твои действия не навредят и не обидят, и не будет потом больно и стыдно смотреть в поверившие тебе глаза.

Но, кроме Эри, есть еще одна причина, по которой я никуда не уйду, как бы не рвалась прочь душа. Банальная и недоступная, запертая вместе со смертельным заклинанием в сером бесформенном коконе саркофага с остановленным временем. И неважно, что Байтарз что-то говорил мне сейчас про свободное тело, это не для меня. Каким бы оно ни было замечательно красивым, высоким или способным, бросить свое, родное, которому ведьмы обещали вернуть косу природного цвета, а сама я хотела бы оставить поправленное лицо... нет, не смогу никогда.

– Кэт, что ты молчишь? – начинает беспокоиться маг, и в его непроницаемо черных глазах я вижу отблеск беспокойства и почему-то сострадания, – если ты мне не веришь, или думаешь, что я собираюсь сделать тебя рабыней, или запереть в замке, обещаю, ничего такого не будет. Ты станешь совершенно свободным человеком. И деньгами и жильем я тебя обеспечу, и устроиться помогу. Мы, демоны, добро хорошо помним, и того, что я тебе жизнью обязан, никогда не забуду. Ведь если бы не ты... её фокус с полом мог немного опоздать. Ну, решайся.

Я слушала его и пыталась для себя понять, действительно он говорит правду, или нет. И получалось, что маг вполне мог и солгать, особенно если вспомнить слова Сирени про любовь демонов к интригам и выгоде. А если поразмыслить еще, сам же и сказал, что сидеть здесь пять лет не собирается. И что-то про дополнительную награду, обещанную Сиренью. А если предположить, что она обещала эту плату не просто за так? И что наш побег это ее идея? Вот тогда все получается очень правдоподобно, и сбежать нам не только удастся, а еще и помогут. Ведь не первый раз ей такие интриги придумывать. А сыну скажет, что демон сделал мне очень выгодное предложение, да оно и вправду шикарное, не мучиться пять лет в теле безобразного монстра, а жить в нормальном человеческом теле. И сломленный мальчишка потеряет последнюю надежду на чье-то понимание и помощь, а ведьма получит неограниченную власть.

Нет, что-то не очень верится... но шанс, что все повернется именно так, довольно велик. А еще выше другой, что переселив меня в новое тело, демон забудет про свои обещания. И никаких доказательств, что он их давал, у меня не будет, ведь для ритуала переноса требуется полнейшее доверие и покорность. Значит, и размышлять не о чем.

– Никкутта я ни ппайтту.

– Кэт, ты хорошо подумала?

– Ттта. Уххотти.

– Я уйду, но у тебя есть время до завтрашнего утра. Если все-таки передумаешь, сломай вот этот гвоздь, с твоими клешнями это будет нетрудно, – кладет маг на стол обычный для этого мира кованый штырек и, оскорбленно сверкнув на меня глазами, решительно выходит из комнаты.

– Кде ты пппыл? – похоже мой вопрос совершенно не напряг появившегося в дверях охранника.

– Стоял за дверью.

– А ппачему ппусстил тттемона?

– Я его не впускал. Он сам вошел. Еще до нашего возвращения.

– Ппачему не проккнал?

– Ты же не приказывала.

Странный у меня однако, охранник, совершенно спокойно наблюдает как по моей комнате расхаживает посторонний, хотя получил от князя четкий приказ никого чужого не пускать, пытаюсь насмешливо фыркнуть я, и когда это не выходит, начинаю подозрительно всматриваюсь в гольда, заметил или нет мое усилие? Похоже, нет. Хотя огромные глаза странно косят в какой-то не понятной мне гримасе. Словно указывая куда-то ему за спину. Но там ничего нет! Только пара стульев по бокам огромного платьевого шкафа.

Что, в шкафу? Щас посмотрю.

Да нет тут никого, и одежды тоже нет. Висит на крючке чей-то забытый поясик и больше ничего, кроме пыли. Похоже во дворце Роула не одна Биша не любила воевать с пылью.

– Делссс – начала было я фразу о непонятных выходках некоторых гольдских воинов, но увидев его гримасу, в которой досада, тревога и возмущение смешались в невообразимый коктейль, продолжила совсем не так, как намеревалась, – Скашши штоп ппыль упппали.

– Обязательно скажу, – вздохнул с облегчением гольд, и многозначительно вытаращив и так огромные глаза, заговорщицки предложил, – а ты не хочешь, пока будут убирать, погулять по парку? Чтобы пыль так не раздражала.

Вроде обычные слова, но почему он смотрит уныло и разочарованно, как преподаватель, давший ученикам простейшую задачку и получивший тридцать различных результатов. Причем, среди них ни одного верного.

Но меня такие взгляды всегда задевали, не люблю ни нерешенных задач, ни снисходительного отношения. Поэтому, неспешно отходя от шкафа, я не переставала его внимательно изучать, благо для этого мне не нужно поворачивать ни голову, ни туловище. Крабьи глаза имеют обзор триста шестьдесят градусов и могут смотреть в разные стороны. Вот только я пока к такому обзору никак не могу привыкнуть.

Я почти сломала себе мозги решением неизвестной проблемы, как внезапно вспомнила про свое недавнее открытие. И тут же, проверив неожиданную догадку, мысленно хихикнула, гольд был прав. Не стоит мне вслух рассказывать ничего важного в этой комнате. Да и почти во всех остальных на этом этаже – тоже.

– Проффоди кккулять, – решительно команду охраннику и первой выхожу из комнаты.

Сад оказался еще лучше, чем я запомнила по первому дню и несколькими прогулкам с Роулом. Обернувшийся разноцветной лентой

вокруг дворца, он выглядел невероятно просторным и загадочным. Извилистые дорожки приводили то к беседке, то к мостику через обдающий ледяными брызгами поток, то к разнообразным по форме клумбам. В одном углу светила золотистыми стволами почти прозрачная рощица, в другом загадочно переплелись над дорожками густо усыпанные цветами лианы, в третьем под величественным деревом, похожим на дуб, стояло несколько замшелых скамеек и каменный стол. А был еще четвертый, пятый и неизвестно какой по счету. Словно у дворца имелось не меньше двадцати стен, хотя мне ясно помнилось, что форму он имел обычную, прямоугольную, только по углам поднимались стройные башни, соединенные между собой ажурными и невесомыми на вид каменными мостиками.

В конце концов Делз привел меня к стоящим на пригорке живописно сложенным из неотесанных камней воротцам, увитым колючими дикими розами, причем с одной стороны цветы были белоснежные а с другой бархатисто-бордовые. Сразу за воротцами вниз спускалась пологая лестница из цельных плит и заканчивалась возле уходящего под стену несущегося по саду потока. А по берегу потока была из таких же огромных плит выложена прогулочная набережная, с коваными перилами и витыми фонарными столбиками.

– По этому потоку Фус вынес тебя за стену, – неожиданно сказал Делз и всё во мне замерло.

Ну и ничего же себе экстремал. А если бы мы не смогли выплыть из-под стены на той стороне, или там оказался очень тесный проход? А еще могла быть решетка, или острые камни, да что угодно!

– Ничего плохого не могло случиться, мы заранее тщательно проверили весь путь, – каким-то восьмым чувством поняв мой запоздалый трепет, спокойно поясняет гольд.

– Ктто ффасс проссил? – начиная понимать, что не просто так он начал этот разговор, интересуюсь я, хотя, уже кажется догадалась и сама.

– Четверо, – коротко бросил воин.

– Ффусс, – начинаю перечислять я, и он утвердительно кивает, – Ссирень, Урркассир, и...

Тут я запнулась, не в силах выбрать из двух кандидатур. Или трех? Возможно, если б я знала их получше, или немного подольше, сомнения отпали бы сразу, но в данный момент определить, у кого еще были веские причины просить гольдов о помощи, я не в состоянии.

– Неушшшли Роуллс?

– Нет, – с сочувствием глядя на меня, качает головой охранник, – для

него такой риск не свойственен. Он предпочитает сразу зажарить попавшего в ловушку поросенка, а не отпустить его и ловить по осени огромного кабана. Хватит гадать, этого человека ты все равно не знаешь. Впрочем, он и не человек вовсе. Это старейшина нашего поселка Кройз Халлгант.

– Здравствуй, сошедшая со звезд, – голос и тепловое ощущение появились словно одновременно, и я, несмотря на возможности крабьего тела, не успела даже определить, откуда.

А повертывающиеся глаза уже изучают стоящего на лестнице гольда, и в душе начинает расцветать уютное ощущение воплотившейся в жизнь сказки.

Он точно такой, каким я в детстве представляла гномов. Белые волосы, переходящие в бороду, пушистым воротником обнимают щекастое личико, вокруг больших добрых глаз весело лучатся морщинки, мягкое пузико перехвачено плетеным пояском. И даже крепкие сапожки и омоновская шапочка ничуть не выбиваются из общего стиля.

– Я нес сса сфёссстт, – от волнения шиплю я еще сильнее.

– Нам так понятнее, – не согласился он, – а ну-ка, открой рот.

– Ссаччем?

– Не упрямясь, мы тебе плохого не сделаем. Открывай.

Попробую поверить. Хотя, насколько я помню объяснения Эри, ни один человеческий яд не вреден крабам, а едят они не просто всё что растет и бегают. Любая органика, вплоть до угля, перерабатывается в их желудках. Да и маленькие камушки и песок особо не вредят.

Успокоив себя подобными рассуждениями, раскрываю пошире свою пасть. Однако это показалось Делзу недостаточным, и он проворно сунул туда какую-то железную штуку, которая не позволила бы мне захлопнуть пасть, даже если бы я захотела. Еще двое гольдов вынырнули из кустов и принесли с собой ящички с инструментом.

– Стой смирно, иначе проткнешь Санра шипами, – строго окрикнул меня гольдский старейшина, – не думай, что в твоей пасти так легко работать.

Я так и не думаю. Больше того, я вообще не считаю, что там нужно работать. И даже в страшном сне не могу представить, как и что там можно делать какими-то железками. А самое обидное, что я ощущаю тепло гольдов всей своей колючей шкурой, или это панцирь? И только того, что творится в моей пасти, разобрать не могу. Словно занавеска висит. Вот руки гольда метнулись в ящик, выхватили какой-то инструмент, сунули за непроницаемую занавесь, глубоко в пасти что-то заскребло и задержало, а

руки уже вынырнули и берут новую железку шкуродерного вида.

А разум уже определил, нечто похожее я испытывала в зубо врачебном кресле, и вспомнил неприятное жужжание, резкую боль и грубый окрик. Совершенно произвольно отступаю на полшажка и плотнее смыкаю вокруг тела шипы.

– Кэт, стой спокойно, немного осталось, я же знаю, что тебе не больно, мы на домашнем крабе проверяли, – уговаривает Делз и я нехотя возвращаюсь.

Но он не врет, и через пару минут гольды ловко захлопывают неприятную железку и моментально выхватывают из моих, грозно щелкнувших, зубов.

– Ну, и что вы там делали?

Ой! А кто это сказал? Стиснув челюсти, неверяще оглядываю окрестные кусты, деревья, набережную и даже поток, бурлящий под нависшими над руслом плитами.

– А ты еще не поняла? – лукаво улыбается старейшина Кройз.

Ну, может и мелькнула в мозгу догадка, но вот поверить ей я пока не могу. Как и снова открыть рот, внезапная боязнь нечаянно сломать так неожиданно обретенную способность говорить человеческим голосом, сковала меня суеверным страхом.

– Не бойся, все сделано на совесть, мы иначе не делаем, – с достоинством произнес тот гольд, которого называли Санром.

– Хочешь немного у нас погостить? – оглянувшись на башни дворца, неожиданно предложил старейшина, – ведьмы сегодня празднуют свадьбу и им не до тебя. А если кто и станет искать, во дворце достаточно гольдов, которые скажут, что ты вот только сейчас была тут.

Хочу ли я? Конечно, хочу. Очень. И именно этого, как ясно поняла только в последнюю секунду, и хотела все время после окончания суда. Уйти, спрятаться куда-нибудь подальше, чтоб не ловить ни понимающих, ни подозрительных взглядов, и не терпеть ни осмотрительных фраз, ни случайных оговорок.

– Да.

Абсолютно машинально отвечаю гольду и с восторгом понимаю, нет, ошибки быть не может. Это именно из моей жуткой пасти звучит теперь такой мелодичный голосок.

– Тогда поспешим, сюда идут, – заторопился староста и шагнул куда-то вниз.

Я произвольно скользнула за ним взглядом и обнаружила что неподъемные на вид, замшелые ступени лестницы легко скользнули в

сторону и передо мной открылся аккуратный спуск куда-то в подземелье.

– Быстрой, – подстегнул позади голос Делза и я метнулась в лаз с крабьей проворностью.

Даже испугавшись на миг, что снесу с ног старейшину. Но он ловко посторонился, а я сумела вовремя притормозить и столкновения не произошло.

– Иди за мной.

Кройз деловито затоптал вниз, снова вызывая во мне восторженное умиление, оказывается, детские сказки не солгали и они действительно бывают, мудрые бородатые жители гор.

И неважно, что на самом деле их расу зовут гольды, а не гномы, и они намного больше тех человечков, которых иногда рисуют в мультиках.

Мне достаточно того, что они есть.

Шли мы недолго, хотя я, помня о бегстве из подвалов, приготовилась к длительному путешествию. И даже вначале посетовала, что не видно у спутников в руках ни ламп, ни факелов. Однако вскоре поняла, что для них, как впрочем и для меня, это абсолютно ненужная вещь. Меня вело ощущение прохлады, исходящее от стен, воздух по сравнению с ними казался подсвеченным теплом, как вода в аквариуме, только этот свет в моем восприятии был розоватым. И в нем уверенно топали две светящиеся розовым детские фигурки. Одна принадлежала старейшине, вторая мастеру, сотворившему со мной чудо. И пока совершенно не хотелось выяснять, постоянное или временное.

Миновав несколько спусков, поворотов и коридоров, старейшина открыл вполне обычную дверь, и мы оказались в просторной пещере. Посредине стоит длинный каменный стол, вокруг ажурные кованые кресла, накрытые пушистыми шкурами, у стены светится остывающим зевом похожий на камин очаг.

– Тебе садиться не предлагаю, – без обиняков заявил старейшина, усаживаясь к столу – крабы даже спать могут стоя. А вот поесть не помешает, Фусу покажется подозрительным, если краб, наевшийся на свадьбе до отвала, вечером попросит еды.

– А откуда он узнает, что я там ела? – как приятно разговаривать, не выдавливая из себя шипенье.

– Ну, это все ему подтвердят. Как ты сама понимаешь, больше всех тебя будет искать именно князь. И именно его нам труднее всего провести, показывая другого краба.

– Какого другого? – насторожилась я, не донеся до рта огромную мясную косточку, из разряда тех, которым так радуются мульташные

собаки.

Тетушкина Жучка предпочитала косточки помельче, и чтобы мяса на них было побольше. А в идеале, кость вообще могла не присутствовать.

– Того краба, который вместо тебя сейчас гуляет с Делзом по парку. Для людей, которые не так часто общаются с этими существами, они все похожи, как рыбки в реке. И только Фус, знакомый почти со всеми нашими помощниками, может сразу отличить подмену.

– А вам палец в рот не клади, – восхитилась я такой предусмотрительностью, – ну, а если кто-то захочет со мной поговорить?

– Шипят все крабы, и Шуш тоже может по знаку Делза прошипеть что-то непонятное. А понятного от тебя сегодня вечером там и не ждут.

– Ну, вот это точно, – неожиданно мне стало смешно.

Стоило лишь представить жалостливые взгляды ведьм, провожающие молчаливого краба, неприкаянно жующего свадебное угощение.

– Но мне кажется, Роул больше не производит на тебя такого впечатления, как раньше?

М-да, похоже, с деликатностью у этого сказочного старичка небольшой напруг. Хотя, именно так, без вздохов и сочувствия, мне намного проще говорить на эту тему.

– Нет, не производит, – и тут же вспомнила про просьбу Делза, – а почему вы не хотели отдавать его этой сумасшедшей?

– Ну, ты ведь и сама не хотела? – смеются хитрые морщинки, – а у нас совершенно другие причины. И я их тебе обязательно объясню. Но сначала скажи, как ты представляешь себе наше сотрудничество с гномами?

Сотрудничество?!

Очередная кость зависла перед моей распахнутой пастью. О каком сотрудничестве может идти речь, когда князь распоряжается ими как слугами, если не как рабами? Я слишком хорошо знала и любила историю, чтобы понимать, как могут называться такие отношения двух рас. Это все равно, что назвать сотрудничеством отношения американцев и негров в шестнадцатом веке.

– И о чем ты так задумалась?

– Кройз, извини, конечно, но ваши отношения с князьями мало похожи на сотрудничество. Они живут в роскоши, в прекрасных дворцах, и ничего не делают, а вы ковыряетесь в темных пещерах за кусок мяса, и все ценное отдаете им... – слова, которыми я могла высказать свое отношение к этому вопросу и не обидеть старичка, иссякли.

– Спасибо, – лукаво улыбаясь, гольд подложил в мой тазик костей, с которых срезал на большое блюдо мясо, – за то, что ты так возмущаешься.

Но на самом деле все не так, как видят это гномы и те, с кем они общаются. Рассказывать всю историю нашего народа я тебе не буду, это очень долгий рассказ. Но самое основное успею. Ты пока погрызи кости, а как придут мои ученики, так и начну.

Почему он не хочет ничего говорить, пока я, вернее крабиха, в которой я нахожусь, не доела, понятно без объяснений. Хруст от размалываемых зубами костей стоит такой, что в ушах трещит. Зато где-то в желудке появилось ощущение приятной тяжести. А вот что это за неизвестные ученики, пока совершенно неясно. И чему он может их учить, только истории или еще каким-нибудь наукам? А может, вообще ювелирному делу или боевому искусству?

Зато все сразу стало на свое место, когда они заявили. Смешные глазастые мальчики и девочки в одинаковых штанах, жилетках и шапочках. Только рубашки, надетые под жилеты, различались цветом и отделкой. Да девочки щеголяли выглядывающими из-под шапок косичками и разговаривали более писклявыми голосками. Роста они были старейшине до плеча, на мой взгляд, такого, как наши ребяташки в средней детсадовской группе. Но судя по репликам и серьезному любопытству, с которым пришедшие изучали меня, ученикам не меньше четырнадцати.

– Садитесь, поешьте и начнем урок, – теперь мне понятно, что именно о таком учителе я мечтала все восемь лет, пока ходила в школу.

Чтобы он смотрел добрыми, понимающими глазами, чтоб ободряюще похлопал по плечу опоздавших и укоризненно качнул головой на расшалившихся. И внимательно проследил за тем, чтобы никто не остался обделенным или обиженным. Хотя еды на столе вполне достаточно, на аппетит никто не жалуется. Словно дети хорошенько набегались перед уроком.

– Они идут ко мне на урок из поселка, который расположен в двух часах пути отсюда, – сообщил Кройз, оглянувшись на мою застывшую в раздумье крабью тушу, – и без обеда не могут.

– А разве я против? – возмущенно фыркаю в ответ, было бы странно, если б этот сказочный старичок не угостил детей.

Да что я такого сказала-то? От чего все ложки и вилки разом застыли в том положении, в каком застало их мое заявление? И почему огромные, как у японских анимешек, глазенки стали еще больше и круглее?!

А у некоторых, особенно впечатлительных, еще и открытые рты напоминают букву о.

– Это Санр?! – с восхищенным неверием выдохнул один из мальчишек и Кройз утвердительно кивнул.

В следующие несколько минут юные гольды так ликовали и восторгались, что даже забыли про еду. Но к моему разочарованию, вовсе не мной, а талантливым мастером Санром, изготовившим устройство, которое позволяет мне говорить человеческим голосом.

– Тебе непонятно, почему они так гордятся Санром, – понимающе хмыкнул старейшина, когда ребятня уgomонилась и вновь увлеченно заработала вилками, – все дело в жидкости, которую выделяют крабьи железы для переваривания пищи. Она за пару часов делает дыру в пластинке из любого металла. Пришлось ему поломать голову.

Вот теперь и я от души порадовалась, что Санр такой изобретательный. Шипеть целых пять лет, а на меньший срок я уже и не рассчитываю, Сирень большой специалист в области долговременных планов, не пожелаешь даже врагу.

– Сегодня я расскажу вам краткую историю нашего рода, – начал урок Кройз, когда дети поели, убрали со стола и помыли руки, – а потом вы зададите три вопроса. У вас будет несколько минут отдохнуть и решить, кто их задаст. Ясно?

Дети согласно закивали, и, устроившись поудобнее, приготовились слушать, а я к этому моменту уже нашла себе такое местечко, с которого хорошо видно лицо старейшины.

– Давным-давно наши предки жили в большой прекрасной долине, защищенной от северных ветров высокими горами. Посреди долины плескались ласковые волны глубокого озера, в которое впадало несколько чистых горных речек. В озере водилась рыба, а в окрестных лесах различные звери. По берегам озера наши предки построили несколько десятков чистых, уютных городов и сёл, а между ними раскинулись возделанные поля и богатые сады. Гольды занимались разнообразными ремеслами, ловили рыбу, рубили лес, выращивали различные злаки и овощи. Весной и летом большинство жителей работало в полях и шахтах, а зимой мужчины занимались ювелирным и камнерезным делом, – задумчиво, словно вглядываясь в видимую только ему картину, рассказывает старейшина, – и всё это приносило хороший доход. Торговцы из многих стран приезжали за изделиями гольдских мастеров и привозили взамен разнообразные товары. Гольдиния процветала. Но однажды в середине лета случилась страшная беда. Те, кто видел издалека, рассказывали, что с неба сорвалась раскаленная звезда и упала прямо в озеро. День стал ночью, горячая грязь и кипящая вода погубили большую часть нашего народа. Погибла и долина, не осталось в ней ни садов, ни городов. Но это стало только началом гибели нашего народа, оказалось, что

выжившие гольды и скот заражены непонятной болезнью, косившей всех подряд, невзирая на возраст. И тогда оставшиеся в живых бежали с родных мест, забрав с собой лишь инструменты да немногие уцелевшие ценности. К зиме они добрались до неприступных гор и столкнулись с новой проблемой, где пережить холода. Как ни малочисленна была толпа изможденных беженцев, ни один город не вместил бы всех разом, а расставаться они не желали. И потому решили пережидать зиму в горных пещерах. Опытные горняки вскоре нашли требуемое и проделали удобные проходы наружу и к водным источникам. На деньги от проданных ценностей закупили продукты и подготовились к зимовке. Зима прошла благополучно, разведчики нашли цепь подземных озер с теплой водой и от купания в них начали понемногу выздоравливать больные. Даже те, кого считали уже безнадежными. Гольды радовались и обсуждали планы устройства на новом месте. Но весной выяснилось, что к тем, кто выходил на солнечный свет, возвращалась странная болезнь. Заболевали даже те, кто не болел раньше. Поневоле пришлось остаться в пещерах, благо, мастера не сидели зимой сложа руки, и им было на что покупать продукты.

Кройз поглядел на притихших опечаленных ребятишек, достал из кармана несколько так знакомых мне золотистых плиточек и выдал детям по паре кубиков. Так вот куда таскал Фуссо выманенный у меня шоколад, понимаю с запоздалым сожаленьем. Жаль, я не знала этого раньше, намагичила бы целую кучу.

А старейшина уже неспешно рассказывает, как гольды приноравливались к жизни в пещерах, как нашли и приручили семейство мутировавших в подземных глубинах монстров. Предков моей крабихи. Как поколение за поколением обустроивали подземные переходы и спуски, вырубали лестницы, строили мостки. И как однажды обнаружили, что страшная болезнь исчезла бесследно, но возвращаться на поверхность уже не захотели, солнечный свет показался ослепительным привыкшему к полумраку племени. Как через многие столетия на склоны гор пришло несколько тысяч рассорившихся с соплеменниками гномов и как после долгих споров и сомнений гольды решились заключить с ними взаимовыгодное соглашение. Продавать свои изделия только гномам, в обмен на защиту от зачистивших охотников за чужим добром.

Уже задали свои вопросы серьезные, глазастые ученики и, получив на дорожку по кружке горячего напитка с мясным бутербродом, ушли в нелегкий путь домой, а я все думала о несправедливости жизни. Ну вот за что свалилось такое горе на невысокий работающий народец?! И что это было такое, метеорит или терпящий аварию космический корабль? И была

ли похожа болезнь, напавшая на гольдов, на лучевую?

– О чем молчишь? – подбросив в очаг несколько кусочков угля, спросил старичок.

– Скажи, а гномьи князя догадываются, что народ гольдов... как бы это сказать... ну что вы все вместе? – вырвался у меня самый главный из крутящихся в мозгу вопросов.

– Конечно, нет, – довольно захихикал Кройз, – они даже подумать не могут, что старейшины Эжунт из Бранмлейна, Зираим из Гверсинта и Кройз – это я один. Да и другим старейшинам приходится появляться в разных княжествах под разными именами, не так уж много среди нас стариков. Князя вообще поделили на своих картах наши горы и объявили тех, кто живет в отмеченных ими областях своими подданными. Ну а мы и не спорим, зачем им объяснять, что кроме маленьких поселков, в которые они иногда наведываются, в глубинах гор расположены наши города и мастерские.

У, какие хитрые. Но в таком случае они должны знать...

– Кройз, а дворцы гномам тоже вы строили?

– Разумеется. Но не всем сразу, с этим мы бы не справились. Пришлось им богатеть до такой степени, чтобы средств хватило на постройку дворца, по очереди. Ведь приходилось нанимать рабочих со стороны. Мы только рисовали планы и давали указания.

Так, так. Вот теперь кое-что мне абсолютно ясно.

– Значит и тайные проходы в перекрытиях между первым и вторым этажом тоже вы сделали?

– Ну а кто же еще? – лучики у глаз гольда собрались в веселые пучки, – хотя гномы не дураки и за строительством старательно наблюдали. Они и до сих пор искренне считают, что тайные проходы могут быть только в стенах! Только двое посвящены в эту тайну, дикая ведьма, и ее сынок. От неё скрыть такое трудно, сквозь стены ходит. А Фус нам как свой.

– Кройз, – вспомнила я, – ты хотел объяснить, почему вы не хотели, чтоб Роул попал в Бранмлейн?

– Нас попросил один... очень полезный человек. Пообещавший помощь в важном деле.

– Тот маг? – вырвалось из крабьего горла.

– Ну, вот видишь, какая ты сообразительная. А про проходы почему сама не поняла?

– Да поняла я. Еще когда по лестнице шла. Только пока никак не привыкну одновременно во все стороны смотреть и обычным зрением и тепловым.

– Ну-ка, ну-ка, объясни мне, как ты это понимаешь, – заинтересовался старичок и развернул ко мне кресло.

Ну, вот кто тянул меня за язык? Ясно же, что теперь меня не отпустят, пока не выпытают все до тонкости.

Разговор на самом деле затянулся и не только Кройз задавал мне вопросы, но и я, припомнив то одно, то другое, выпрашивала у старейшины непонятные мне раньше подробности происходящего.

Пока не решилась задать самый главный вопрос.

– Кройз, а почему ты в тот, первый день решил, что меня нужно вынести из дворца?

– Этому много причин, – его улыбчивое лицо вдруг стало строгим и усталым, – но главная, нельзя было допускать к хозяйствованию Роула. Потому мы и помогали Латринее. Да и сейчас помогаем, хотя она об этом и не подозревает. Но давай, я расскажу тебе про это в следующий раз?

Катерина, ученица ведьмы.

День шестнадцатый, почти спокойный

– Если хочешь мне что-то сказать, выходи из стены, – звонко объявляю, не оборачиваясь от окна, и прошу сидящего рядом, на подоконнике, гольда, – Делз, сходи, принеси мне поесть.

Гольд невозмутимо спрыгивает на пол и выходит из комнаты, хотя отлично знает, что в шкафу, где у обычных девушек положено висеть нарядным платьям, у меня стоят две корзинки с провизией. И точно так же он уверен, что содержимое разговора станет ему известно, едва гостья покинет мою комнату.

– Ты еще сердишься на меня? – приняв облик Сирени, дикая ведьма проходит к креслу.

– А ты как думаешь?

– Ну, да, все правильно, – согласно вздыхает она, – я бы тоже сердилась на твоём месте. Но пойми меня...

– Почему? – обрываю её на полуслове, – почему я должна тебя понимать? Разве ты захотела меня понять? Ну, с чего ты решила, что имеешь право распоряжаться моей жизнью? Или еще чьей-то? Почему все должны жалеть только тебя и делать только то, чего хочется тебе? Ты сыграла на моих чувствах и на бедах своих подруг, ты не считаешься ни с чьими желаниями и надеждами. И никогда никого не жалеешь. Не знаю, как в вашем мире, а у нас тебя бы назвали законченной эгоисткой. Из-за тебя скитаются по блиндажам Малина, несчастен Ургаир, страдает Эри, а я превратилась в монстра. И теперь ты собираешься давить мне на жалость? Так сообщаю заранее, со мной этот номер больше не пройдет. Хватит. Я уже и так влипла из-за твоих интриг по уши в настоящее... ну, в общем, никаких пониманий. Хочешь сделать предложение – говори, а понимать тебя я не обязана и не хочу.

– Ты стала очень жестокой... – бормочет она, но с кресла вставать не торопится.

– Ага, в чужом глазу соринку видно, а в своем бревна не заметно, – выпаливаю в нее любимой тетушкиной поговоркой, – а вот все остальные считают, что жестокий тут кто-то другой. Но я не собираюсь переходить на личности. Тебя не переделать, да и не нужно это мне. Как только я получу свое тело, ноги моей не будет в этом дворце.

И уже выкрикивая эти слова, понимаю, что совершила огромную ошибку. Слишком поздно включила свое тепловое ощущение. Но

исправлять что-либо уже поздно. Эх, не зря тетушка твердит, что слово не воробей, вылетит, не вернешь. Хотя я плохо понимаю, как можно вернуть того же воробья.

– А я хотела с тобой договориться, – печально говорит ведьма, но этому скорбному тону я не верю заранее.

Наверняка она заметила его раньше меня, потому и сказала про жестокость.

Сирень уже давно улизнула сквозь стену, а я все жду, хватит у него смелости выбраться из потайного перехода самому, или все-таки придется позвать.

– Кэт...

Ну, вылез, наконец. Сейчас попробует надавить на мою сознательность.

Как тем поздним вечером, в день свадьбы Рябинки, когда Делз, встретив у потайного выхода, проводил меня по лестнице для прислуги до спальни. Но у дверей красноречиво замер, скорчив такую выразительную гримасу, что я, еще даже не войдя, по тепловому силуэту догадалась, кого там увижу.

И не ошиблась. Эри ждал, взобравшись с ногами на кресло, и обняв свои худые коленки, несчастно смотрел, как я аккуратно закрываю за собой дверь и неспешно топаю к лежанке.

– Почему ты весь вечер от меня прячешься? – спросил мальчишка напрямик таким несчастным голосом, что мне стало нестерпимо стыдно за обман.

Но выдать гольдов я не могла, да и не хотела, хотя уже понимала, что они тоже ведут свою игру, и значительно более тонкую, чем Роул. Но их заботы и мотивы поступков показались мне как-то ближе и человечнее. Да и не требовали от меня пока ничего подземные жители, и прежде, чем хоть что-то спросить, раскрыли свои карты. Вот и пришлось выкручиваться как умею.

– С чего ты это взял? – вот же дура, совсем забыла, что он еще не знает про мой изменившийся голос.

Вон как глаза вытаращил, даже немножко стал на гольденка похож. И что сказать, не сразу нашел, зато, когда отмер, смотрел уже так обвиняюще, что я сразу забеспокоилась.

– Все понятно, с гольдами сдружилась. А я-то думаю, почему все тебя видели, и слуги и ведьмы, один я – нет. Ну, конечно, какая тебе от меня польза. Одни неприятности...

Ох, вот все это мы уже слышали и проходили. Едва у парня хоть

намного задето самолюбие, он начинает нести что-то подобное, или ещё хуже. Потому и не дала я ему договорить, чтоб потом самому же не было стыдно за свою вспышку.

– Не разговаривать с ведьмами мне очень легко, – сообщаю, изо всех сил стараясь, чтоб голос звучал кротко и покаянно, – я на них сердита. А не разговаривать с тобой нет никакой причины, вот и пришлось играть в прятки. Но я надеялась, ты поймешь, порадуешься за меня, ведь сам испытал, как тяжело все время шипеть, словно змеюка. Оказывается, я ошибалась... извини.

– Кэт, но мы же могли уйти оттуда, – он уже почти сдался, и спорил только по инерции, – незачем тебе было терпеть...

– И ничего я такого не терпела, – теперь можно и возмутиться, – просто старалась помалкивать. А когда я еще на ваш праздник смогу посмотреть, да и тебе уходить никак нельзя было, это же и в твою честь торжество.

– И давно они... это сделали? – мальчишка уже забыл про обиду, или сделал вид, что забыл, и пытается выяснить подробности.

– Да сразу, как я гулять с Делзом вышла. Мастер Санр ждал нас возле того потока, по которому ты меня унес из дворца. Это Делз мне рассказал. Я посмотрела, там так страшно, вода куда-то под стену уносится как бешенная, как ты только решился?

– Да крабу там ничего не грозит, я больше всего боялся, что ты задохнешься, – легко поймался на крючок Эри и начал с энтузиазмом рассказывать, как вытаскивал меня, завернутую в одеяло, по потайному проходу, как прятался от охранников в аллеях спящего парка.

Как привязывал к плотику, стараясь покрепче затянуть веревки, чтобы я не оторвалась в потоке. И как потом испугался, услышав мой жалобный стон, и расстроился, когда меня тошнило.

Я тоже рассказала мальчишке про свои подозрения и страхи, опуская некоторые моменты, о которых он, судя по помрачневшему личику, все же догадался. И начал извиняться, что не решился тогда нарушить приказ Сирени и поговорить со мной.

После этого вечер воспоминаний набрал обороты и грозил растянуться до утра, но появившийся Делз настойчиво выпроводил князя в его собственную спальню.

– Кэт, – в голосе мальчишки звучит боль, а глаза упорно не смотрят на меня, следя за пальцем, рисующем на подоконнике ломаные линии, – теперь ты понимаешь, почему я хотел сбежать еще в первый день? Она не оставит тебя в покое. Если ей чего-то хочется, она не успокаивается, пока

не добьется своего. Но теперь мне бежать нельзя, подписаны все документы, и народ княжества признал меня законным князем.

Действительно, выяснилось, что есть и народ. Я сама видела. На второй день после свадьбы Рябинки и Роула. Оказывается, за южной стеной дворца, в зеленой долине, посреди которой мчит ледяная речка, расположен городок гномов. Очень нарядные каменные дома, пышная зелень садов и скверов, мощеные плитами улицы и высокие башни окружающей его стены смотрелись просто суперски. Мне даже обидно стало, что меня принесло не туда, а в безлюдное ущелье. Хорошо хоть Эри сразу разочаровал, сообщив, что ничего бы это не изменило. Выплеск необычной силы был так силен, что Ургазир даже не попытался скрыть его от Роула. Прекрасно осведомленный о нанятых тем черных магах, вместе с наемниками ждущих указаний князя в охотничьем домике.

Они и в самом деле тоже засекли возмущение энергетических потоков, сопутствующее моему появлению и, сопоставив направления, точно указали место, где меня следует искать.

– Но ты еще можешь уйти, – неизвестно откуда тонкие пальцы извлекли смутно знакомый гвоздь, – вот, это тот, что Байтарз тебе оставил. Он ведь пока не уехал, ждет в охотничьем доме. Если ты сломаешь гвоздь, после полуночи он будет тебя ждать возле стены, я покажу, где. И объясню, как можно перебраться на ту сторону. Иди Кэт, и не волнуйся, если он попробует тебя обмануть, я его из-под земли достану.

– А как же ты? – только одно интересует меня сейчас.

– Я справлюсь. Правда. Не так это и трудно, очутиться в теле краба было намного страшнее, но я же справился? – всё так же не смотрит на меня мальчишка.

Ну, вот что мне с ним делать? Если я даже не могу понять, плакать мне хочется от такой трогательной заботы или надавать по шее? За то, что так плохо думает о друзьях.

Наверное, я все же отвесила бы ему подзатыльник, если б была в собственном теле. Но крабьей клешней без особой надобности размахивать не рекомендуется, хотя князь и защищен магическим щитом, может отлететь вместе с ним.

А плакать это тело не может, да и с чего мне плакать, если я еще вчера клятвенно пообещала Кройзу ничего не предпринимать, не посоветовавшись с ним?

– Тебе не кажется, Кэт, – пробурчал запыхавшийся старейшина, вылезая поздно вечером из внезапно открывшейся дырки в углу комнаты, – что не подобает почтенному старейшине ползать ночами по потайным

ходам?

– Не-а, не подбоает, – согласилась я, искренне радуясь его появлению, низкорослый Санта-Клаус принес с собой просто ощутимое чувство надежности и тепла.

– Правильно! – поднял он вверх пальчик в назидательном жесте, – и неправильно одновременно. Потому что у нас есть новость, которую я хочу сообщить тебе сам.

Нет, сердце у меня не забилося быстрее в тревожном предвкушении от его слов, внутренняя система жизнеобеспечения крабов вещь на редкость стабильная и невозмутимая. Но в душе что-то затрепетало, заволновалось, одновременно надеясь и страшая угадать его следующие слова.

– Но вначале ты должна дать мне слово, что не предпримешь никаких действий, не посоветовавшись со мной, – категорично объявил Кройз, вскарабкавшись на великоватое для него кресло, – мы слишком хорошо к тебе относимся, чтобы позволить делать опрометчивые, и, следовательно, опасные поступки.

– Даю, – выдохнула я, – клешней не шевельну, не посоветовавшись.

– И еще, – не спешил делиться новостью гольд, – я знаю, что некоторые обитатели дворца, заметив твою дружбу с князем, попытаются к тебе подольститься. Или наоборот, рассорить с ним. А может даже, подбить на побег. Поэтому я тебя прошу быть поосторожнее, никому сразу не доверяться и ни в какие побеги не пускаться. Хотя бы, пока не поговоришь со мной.

– Обещаю, – эти слова дались мне так же легко, как и первое обещанье, я и сама отлично знала, как любят всякие завистники дружить с любимчиками учителей или против них.

– Ты умная девочка, – похвалил Кройз, и, немного помедлив, сообщил, – помнишь, я рассказывал, что нашими изделиями торгуют гномьи купцы? Так вот, к каждому из них мы приставили по помощнику из своего народа. А к некоторым даже не одного. Купцы ими очень довольны, гольдские приказчики не болтливы, трудолюбивы и честны. Довольны и мы, ни один медник не остается неучтенным. Купцы ведь нам долю с продажи отдают. Но не об этом разговор. Разнообразные новости купцы, сама понимаешь, узнают первыми, а вместе с ними и приказчики. И всё, что считают достойным внимания, немедленно сообщают мне. Так вот, еще на той неделе пришла первая весть про загадочных ведъм, появившихся в нашем мире. Я дал задание проверить, и сегодня получил ответ, что это не выдумка. Действительно, примерно полторы декады назад в разных странах появились удивительные ведъмы. Сила у них необыкновенная, и

заклинанья неизвестны нашим магам и ведьмам. Да и ведут они себя не так как местные, смело бросаются в бой с нечистью и бандитами, не опускают взглядов перед демонами и вампирами. И многие важные и странные события, происходящие в последние дни в нашем мире, напрямую связаны с появлением этих ведьм. Мы со старейшинами посоветовались и считаем, что вместе с тобой в наш мир затянуло еще нескольких твоих соплеменниц. Не знаю как, я не маг, и даже маги пока не могут ответить на эти вопросы. Но я послал приказ всем гольдам и людям, которые на нас работают, искать возможность встретиться хоть с одной такой ведьмой. И если у них получится, я сразу сообщу тебе. Все поняла?!

Ну как я могла не понять? И не поверить сразу и бесповоротно, ведь именно этого ждала и хотела моя измученная душа. Встретиться со своими, ведь только они поймут и помогут, не выстраивая никаких планов, как повыгоднее меня использовать.

Вот потому и не полезу я сегодня ночью через стену, и зря черный маг тратит свое время, ожидая меня в охотничьем домике.

– Эри, выбрось этот гвоздь, никуда я не пойду. И можешь магу передать, что я своих решений не меняю. А когда вернусь в свое тело, то обязательно тебе хорошенько врежу, чтоб не смел про меня так думать.

– Кэт... – с невыносимой надеждой глядят на меня удивительные фиалковые глаза в обрамлении мокрых ресниц, – если хочешь, стукни сейчас.

– Вот еще, нужен мне тут твой трупик, – проворчала я, впервые порадовавшись, что вместо собственного лица имею колючую зубастую крабью морду, на которой нельзя рассмотреть никакого смущения.

– Княгиня Латриная велела передать, что приехали гости из соседних княжеств, и князю нужно подготовиться к приему, – бесстрастно объявил появившийся в дверях Делз.

– Как они мне надоели, – с досадой фыркнул мальчишка, – теперь месяца два будут поздравлять.

– Не только поздравлять, – себе под нос тихонько прокомментировал всезнающий Делз, – их сейчас интересует чем тут можно пожить.

– Действительно, – поняла я подсказку охранника, – они ведь считают, что ты необразованный мальчишка, понимающий только в крабах. Никто же не знает, что ты изучил почти все книги в библиотеке. И потому никакого отпора от тебя не ждут. Так что у тебя есть прекрасный шанс их удивить.

– Тогда я пойду? – подумав пару минут, повеселел Эри, похоже, идея нарушить загребуемые планы сородичей пришлась ему по вкусу.

– Конечно, иди, тебе нужно привыкать к таким мероприятиям.
– Кэт, а может... ты тоже пойдешь? – остановился он, уже взявшись за ручку двери.

– Нет, Эри, не обижайся, там будет Сирень, а я с ней сегодня уже встречалась.

– Ладно, тогда встретимся вечером.

Угу, надейся, промолчала я, неопределенно помахав клешней. У меня на этот вечер совсем другие планы. Выведав у Делза расположение комнат, в которых живут ведьмы, я излазила прошлой ночью весь потайной ход, надеясь подслушать хоть что-то интересное. Ведь не днем же они строят свои заговоры?!

– Ну, и много секретов ты выяснила? – ловко выметая поутру метелкой паутину из моих шипов, язвительно ворчал Делз.

– А ты? – почему-то мне казалось, что веселится он неспроста.

– А какой тебя интересует?

– Про то, где ведьмы собираются проводить свое тайное собрание.

– Чшш! – прижал палец к своим губам гольд, и я мысленно хихикнула, таким земным вышел этот жест.

– Могу показать, и даже помогу там спрятаться, – прошептал он чуть слышно, когда я тщательно проверила все окрестные помещения тепловым зрением, – если в обмен расскажешь, чего они замышляют.

– Ну, если они меня не обнаружат и не прибьют, то обязательно, – пообещала я, все равно без его помощи нечего не узнаю, так что терять нечего.

Наоборот, как-то спокойнее действовать в компании с такими опытными шпионами.

– Сегодня вечером постарайся уйти от князя, я буду ждать возле потока, – почти неслышно шепнул охранник.

Неслышно, но не для крабьего слуха. Я прекрасно все услышала и запомнила. Только одна деталь меня беспокоила, обещание, данное старейшине. Обманывать миниатюрного Санту не хотелось категорически.

– Делз, но мне вначале нужно посоветоваться, – подумав пару минут, безнадежно сообщила я, – с Кройзом.

– Не волнуйся, – в выпуклых глазах гольда гуляет море лукавой насмешки, – у меня от деда тайн нет.

– Что, правда? Он твой дед? – я почувствовала несказанное облегчение, просто камень с души свалился.

А потом пришла легкая зависть, повезло же ему с дедушкой! Небось, все остальные гольды завидуют.

– И не только мой, – фыркнул охранник, – у нас семьи большие. Но давай оставим этот разговор до вечера, кто-то сюда идет.

А слух-то у них ничуть не хуже моего, окончательно убедилась я, направляясь к подоконнику, в последние дни он стал моим любимым местом.

Вечер в этот день наступал невыносимо долго, так часто бывает, когда чего-то ждешь, а заняться нечем. Я успела погулять, пообедать, поболтать с вернувшимся с приема князем. Необычайно довольным собой и тем шоком, который испытали гости, обнаружившие что хозяин может легко говорить на любую значимую тему, от науки до политики. Они попытались было взять реванш в светских сплетнях, но мальчишка оказался вполне осведомленным обо всех творящихся в княжествах интригах. Ну, еще бы, понимающе хихикнула я про себя, вспомнив слова старейшины, что Фус им как свой. Это значило что и тайн, приносимых шпионами, от него не скрывали.

Даже Латриней порой казалось озадаченной его эрудицией, и это больше всего льстило мальчишке и поднимало настроение. Как я его понимала! Именно родителям, особенно после их смерти, мне всегда хотелось доказать, какая я у них находчивая и разумная. В тайной детской надежде, что откуда-то издалека они видят мои успехи. И прощают промахи.

Но, наконец небо за окном стало густо сиреневым и князя, уснувшего в кресле, пришли звать на ужин. Он, покачиваясь, дошлепал до двери и только потом виновато оглянулся.

– Извини, Кэт, я потом забегу.

Иди уже, чудо лохматое. Потом я буду сидеть в засаде, а тебе Делз что-нибудь соврет.

Катерина, ученица ведьмы.

День семнадцатый, полный неожиданностей

Сидеть в засаде – это самое нервотрепное в мире занятие, точно знала я уже через час. И не имеет никакого значения, какой у тебя в этом деле опыт, каждый раз время тянется одинаково медленно, а по нервам бьет взрывом каждая упавшая песчинка. Особенно, если у тебя слух монстра, похожего на уродливого краба с куриными лапами, а нервы воображаемые.

Но хуже всего, что всё происходит вовсе не так, как я себе представляла, сидя на широком подоконнике в уютной комнате и рассматривая со второго этажа безупречные аллеи сада и цветущие клумбы.

С той самой минуты, как мы с Делзом разными путями добрались до условленного места рядом с потоком, где нас ждал следивший за ведьмами гольд, заранее оговоренный план действий начал гореть синим пламенем.

– Быстрее, – нетерпеливо прошипел шпион, – они снова сменили место встречи. Теперь оно за восточной стеной, на том склоне, где будут строить для них дома. Мы еще успеваем устроить схроны.

– А Кройз знает? – засомневалась я, не желая без разрешения старейшины выходить за периметр надежных стен.

– Ждет тебя внизу, – открывая проход, сообщил гольд, – хочет сам дать наставления.

Тогда я согласна, незыблемая вера в то, что старый гольд не бросит в непредвиденном случае, добавляет мне энтузиазма.

Кройз ждал нас в той же комнате, и на столе так же стояло огромное блюдо с кусками вареного мяса.

– Поешьте, неизвестно, сколько ждать придется, – без ненужных раскланиваний пододвинул старик к нам еду, – и помните, никаких вмешательств в их дела и разборки. Пусть хоть поубивают друг друга, сидите и молчите. Если не сможете выдержать, говорите сразу, узнаем их планы другим способом. Кэт, тебя это касается в первую очередь.

– Обещаю, – без колебаний откликнулась я, быть втянутой в ведьминские разборки даже в шкуре краба не лучшая перспектива.

– Хорошо. Воины готовят три схрона в разных местах, подходящих для тайного собрания. Сейчас вас туда проводят и замаскируют, и от магического взгляда тоже. Когда ведьмы разойдутся, мы вас выпустим.

Поэтому самое главное лежать, – он оглянулся на меня, – или сидеть неподвижно. Выдержите?

– Да, – серьезно кивнул Делз, и я поняла, что он собирается участвовать в этом деле наравне со мной.

А как же Эри? Кто совет ему насчет моего гулянья?

– А как он объяснит, почему спокойно сидит в комнате, а не охраняет тебя? – фыркнул Кройз, когда я все-таки задала ему эти вопросы, – надеюсь, вы не задержитесь, ну а если что... придумаем, что сказать.

Ну, еще бы, ведь у них многовековой опыт вождения за нос своих мнимых хозяев, ехидно хихикнула я про себя и активнее захрустела костями.

На выходе из подземного хода, уже с внешней стороны ограды, нас ожидало несколько гольдов с оружием и лопатами. И маг, чья замотанная в черный плащ фигура резко выделялась среди них ростом. Он мельком оглянулся на нас и вдруг застыл, словно пораженный сделанным открытием.

– Немедленно назад, – раздался в следующую секунду повелительный рык и мы послушно ринулись в проход.

Да и невозможно было послушаться, столько ярости и силы было в негромком, глуховатом голосе.

– Что случилось? – провожавший нас до выхода Кройз, успевший отойти на несколько шагов, бегом возвращается назад.

– На ней маячок. Совсем свежий, не больше суток, – теперь голос водящего надо мной руками мага едва слышен.

Но я все равно его узнала, хотя и не по голосу. Это маг из Бранмлейна, тот самый, что так не хотел отдавать за Роула свою госпожу.

– Латринья приходила утром, – отвечает на вопросительный взгляд старейшины Делз, – может не стоит ей туда ходить?!

А вот это уже явно про меня, хотя я никак не могу понять, какая опасность может угрожать мне в схроне, под присмотром кучи гольдов? Тем более, если этот маг снимет с меня маячок?!

Так я им прямо и заявила, и после некоторых сомнений и совещаний гольды всё же выпустили меня за стену и позволили залезть в похожую на неглубокий колодец ямку.

После чего перекрыли ямку где-то на середине высоты бревнами, вставили трубку для воздуха и засыпали землей. А сверху тщательно уложили дерн, я сама видела, как всё это делается, меня прятали последней.

Где-то в городке с тревожной голосистостью четыре раза прозвенел

главный колокол, знаменуя этим полночь, а в моей памяти всплыло запечатленное до мелочей сказочное зрелище, открывшееся мне вчера ночью. Когда я в поисках выхода в вертикальный ход, которые находятся в местах соединения основного здания и башен, внезапно распахнула дверцу на крышу. Загадочные и уютные огоньки в окнах раскинувшегося где-то внизу города, накрытого огромным звездным небом, две разные по цвету и размеру луны, важно свершающие свой извечный путь, резные флюгера и острореберные крыши, поблескивающие в их свете.

Красота.

Легкие шаги, раздавшиеся прямо надо мной, спугнули волшебное воспоминание, и чуть пристыдили своей неожиданностью. Сначала подумалось, что я, замечтавшись, прозевала их приход и только потом, после первых сказанных шепотом слов, пришло понимание, что ведьмы прибыли на собрание не пешком, а в своих ступах и корытах.

– Может, не нужно было её звать? – решив вопрос размещения корыт, спросил с сомнением голос Клюквы, и тихо добавил, как бы про себя, – не верю я ей.

– Зато я верю, – непримиримо отрезала Береза, – она больше всех нас натерпелась. Незачем ей бежать с доносом, спасибо все равно не дождется.

– А его никто не дождется, – горько и зло фыркнул не сразу узнанный мной голос, но почти сразу всплыло в памяти бескрайнее звездное небо и развевающаяся флагом юбка.

Так это же Вишня!

– Все собрались? – чуть виновато спросил голос Лин, и мягко шлепнули по земле её спрыгнувшие с колоды ноги.

– Почти, только Ромашка что-то задержалась. А Рябинку мы и звать не стали, незачем впутывать.

– Здесь я, – сообщил незнакомый голос, – слишком большой круг дала, пока направление путала. О чем сбор сзывали?

– О самой, – осторожным шепотом сообщила Клюква, – непонятно она себя ведёт... сомненья одолели. И слова у ней с делом расходится начали, и обещаний не держит, да и намеренья каждый день меняет, как тут про устройство на новом месте думать? Только обживешься, сердцем прикипишь, как все по новому повернет... решайте сами, сестры.

– А я так скажу, всё бы понять можно, и простить, чужим народом править ой как непросто, кабы она к сыну тянулась. Ведь как плакала, вернуть его рвалась... а вернулся, хуже чем с пасынком обращается.

Вот этот голос мне незнаком, но говорит очень решительно. И до того созвучно моим чувствам, что я свою пасть намертво стиснула, и еще

клешней зажала, чтоб чего не поддакнуть из-под земли.

– А я еще с того раза, как она девчонку эту, пришлую, вместо сына в проклятое безвременье сунула, поняла, с ней что-то недоброе творится. Ведь сговаривались же князя на то место, я и дурман наготове держала, и вдруг...

– Мне тоже сразу не поверилось, – печально подхватила Клюква, – даже решила вначале, что это шутка, или проверка такая. Я ведь драконьего не знаю, о чем они договаривались, не поняла. А теперь и подойти к девчонке не могу, совесть сжигает. Представляю, что она про всех нас думает, память-то у ней в полном порядке.

– Всё не так, как вы думаете... – несчастно пробормотал голос Малины, но её сразу перебили возмущенные ведьмы.

– Ты больше всех от нее пострадала и всё равно продолжаешь защищать, – прицыкнув на расшумевшихся подруг, сурово заявила ведьме Клюква, – неужто не видишь, что ей наплевать и на тебя и на нас? Да и на сына. Она, наконец, дорвалась до власти и нарядов, каждый день по три раза переодевается, гостей принимает. Как мы можем доверять ей свои жизни? И судьбы учениц? Если она свою единственную ученицу обманом в монстра сунула?

Спасибо, Клюква. За эту речь я, пожалуй, прощу тебя, и завтра утром, если вы решите остаться во дворце, сама приду к тебе поговорить. Мне очень не хватает общения с теми, кто немного больше понимает в произошедшем, чем я. С Кройзом на эту тему не поговоришь, не смыслит он в ведьминских законах.

Что-то шлепнулось на траву, ещё, ещё... что такое там у них происходит? На драку вроде не похоже, нет ни выкриков, ни возни, может все-таки вылезти?

С моими клешнями прокопать дыру в обычной глине дело пары минут.

– Какой улов! А вот и главная рыбка, – с ядовитым восторгом протянул прямо надо мной знакомый голос, и я почувствовала, как меня стягивают незримые путы.

Но ведь этого не может быть, на крабов не должна действовать магия, пытаюсь шевельнуться, запаниковала я, и услышала, как над головой шуршит спешно разгребаемый кем-то грунт.

Вот встали дыбом перекрывающие колодец бревна, посыпались сверху комья глины и куски дерна. Но ни одна песчинка не попала на мой панцирь, я медленно поднимаюсь вверх, словно заключенная в надувной шарик огромного размера. И абсолютно прозрачный. Наверно он на самом деле каким-то образом спрессовал вокруг меня воздух, сообразила я, но

никакого облегчения от этого открытия не испытала. Никакие, даже самые правильные догадки теперь не помогут мне вырваться на свободу.

– И почему некоторые девушки такие бестолковые? – насмешливо разглядывая повисшую в метре от травы крабью тушу, нехорошо ухмыляется Байтарз, – никак не хотят понимать, что от предложений таких мужчин, как я, отказываться бесполезно?!

Тут он разглядел, наконец, мою зажатую клешней пасть и развеселился еще больше.

– Ох, моя бедная малявка, эти гадкие гольды, что втянули девочку в свои шпионские игры, запретили тебе говорить? Как они могли так поступить с самым лстивым и лживым язычком в этом мире? Надеюсь, ты не настолько наивна, чтоб поверить, что трехсотлетний демон может так просто простить маленькой хитрой козявке унижение и боль, которые испытал по её вине? Но про это позже, сначала я разберусь вон с тем самоуверенным наглецом, что пытается подобраться сзади.

Бормоча последнюю фразу, демон чуть развернулся и послал куда-то в ближайšie кусты ветвистую алую молнию. Над кустами вспух и заиграл кровавыми отблесками трехметровый пузырь, видимо, у нападавшего была поставлена защита.

– О, силен, гаденыш, – зло восхитился маг и несколько мелких, серебристых и багровых шариков кометами ринулись на защитный кокон.

Присасываясь к нему жадными пиявками и прогрызая себе дыры в облитой пламенем защите. И кокон не выстоял, он беззвучно взорвался, разлетаясь рваными лохмотами, медленно тающими в темноте ночи. Еще одна молния прочертила алый путь и облила языками пламени стоящую в кустах фигуру в длинном капюшоне. Яростный вскрик, полный досады и боли вырвался из груди мага, и синий смерчик закружил подле него, срывая и гася яростное пламя. Но досмотреть чем окончится эта борьба, мне не удалось.

– А вот и тяжелая артиллерия торопится, – в голосе демона появилась озабоченность, пора, дорогая, сказать им прощай.

С этими словами он притянул к себе зажавший меня шар, и начал выписывать рукой какой-то вензель, но в этот миг зашевелилась одна из бездвижно лежащих на земле ведьм. С трудом приподняла голову, потянулась к демону и с усилием прошептала:

– Возьми... с собой.

– Желанье дамы для меня закон, – польщено ухмыльнулся маг и легко подхватил снова потерявшую сознание Малину.

А потом завершил свой замысловатый жест и мир вокруг нас на миг

исчез.

Чтобы возникнуть вновь, но уже в совершенно другом оформлении. Не было больше ни бездонного неба, наполненного загадочным перемигиванием звезд, ни голубой луны, обгоняющей медленную подругу, ни травы усеянной неподвижными телами ведьм.

Багровыми отблесками гуляли по темным стенам зала отблески высоких светильников, скалили зубы шкуры неведомых хищников, разбросанные по полу.

– Эту умыть, переодеть, дать бодрящего чаю и в мой кабинет, – сбросив в руки метнувшихся к нему слуг Малину, холодно скомандовал демон, – а этой я сам займусь.

И стремительно направился в распахнувшуюся перед ним дверь, а я, как шарик на веревочке, послушно поплыла следом.

Спешно вспоминая все инструкции по обращению с маньяками и аналогичные случаи из жизни. И как ни печально, все больше понимая, что ничего из этого арсенала мне сейчас не подходит.

– Посиди пока тут, – манеры мага и стиль общения снова неуловимо изменились, он больше не был ни одной из тех личностей, которых я видела в нем за время нашего короткого знакомства.

В этом месте он был господином, и все вокруг должны были беспрекословно подчиняться, это ощущалось в каждом жесте и каждом слове.

– И не вздумай ковырять в стенах дырки, здесь стоят мои заклинания и я всё сразу узнаю. И тогда ты будешь ждать ритуала в цепях, я хорошо рассмотрел, как это делается, – на секунду в его холодных глазах мелькнуло злое презрение.

Хлопнула дверь, громыхнул засов.

Стягивающий меня невидимый шар растаял, и я шлепнулась на каменный пол. Опять камень. Как они любят этот холодный, некомфортный строительный материал, сердито оглядывая почти пустое помещение без печки и окон, ворчу про себя. Мне-то все равно, крабьим лапам холод каменного пола нипочем, но судя по жидкой постилке на широкой деревянной скамье, изначально предназначалось это помещение вовсе не для крабов.

Разумеется, я не стала даже пробовать делать в стенах дыры, и вовсе не потому, что так испугалась угроз демона. Просто успела посмотреть вокруг крабьим внутренним зрением и обнаружила, лучшее, что мне светит, даже если удастся продолбить дыру, – это точно такое же помещение, но уже обитаемое.

Несколько почти одинаковых по размеру камер расположены за стеной, и во всех спят какие-то люди. И я почти уверена, все они находятся здесь не по своей воле. Но про все это и многое другое я стараюсь не думать, все равно слишком мало у меня пока информации, так чего зря нервы себе портить? Хотя я и не уверена, что крабы нервы можно испортить и более серьезными проблемами.

Шаги нескольких существ, направляющихся в нашу сторону, мое тело уловило издалека и я решила, что лучше всего попробовать притвориться спящей. Как правильно заметил Кройз, крабы могут спать даже стоя, и не нуждаются для сна в особых условиях, да и сам сон у них короткий и чуткий, вполглаза. Но ведь не всем же это известно?

Вот и пристроилась в уголке на какой-то тряпке, ноги поджала, глаза втянула, пусть попробуют не поверят, что я сплю. И что даже грохот засова меня не разбудил.

Но обманывать оказалось некого, Малина, еле дошедшая до скамьи, была не в том состоянии, чтобы меня разглядывать, а провожавший её то ли слуга, то ли охранник поставил возле двери кувшин с прикованной к нему за цепочку кружкой и захлопнул дверь.

Увидев этот кувшин, я прямо умилилась, и даже про Лин на миг забыла, так похожа была эта цепочка на ту, что связывала в другом мире другую кружку с жестяным бачком, что стоял в столовой интерната.

– Пить, – прошептала бледными губами ведьма, и зыбкие виденья родного мира испарились без следа.

Я молнией метнулась к кувшину, и подхватив его вместе с кружкой, бросилась к ведьме. В кувшине оказался теплый настой, пахнувший травами и медом, и я, осторожно приподняв ведьме голову, выпоила ей почти полную кружку.

– Что он с тобой сделал?

Нет, я не простила её, эту верную сообщницу и сестру моей главной обидчицы, но если когда-нибудь мне выпадет шанс отомстить демону, счет должен быть предъявлен по максимуму.

– Ничего... особенного... выкачал магию.

– Всю? – непроизвольно вырвалось у меня.

– Нет... дня через три восстановится.

Всё понятно, демон в своем любимом репертуаре. Хотя... нет, не всё. Для того чтоб выкачать из ведьмы магию, умывать её не нужно. Значит, она что-то скрывает, и при одной мысли об том, что этот негодяй мог с ней сделать, во мне клокочет ненависть.

– Лин, ты сказала неправду.

– Что?!

– Он велел тебя умыть и переодеть. Я не ребенок и не дурочка. Что ещё сделал этот подонок?

– Кэт, не волнуйся. Все не так, как ты подумала. Ведьм не так-то легко всех разом силы лишить, а вот ему удалось. Наслал на нас дождик из настоя золотого ятрышника. Это зелье любую ведьму вмиг валит в сон, потому и вырубаем мы по весне все всходы, что найдем. Он ведь не везде растет, всего одно ущелье в проклятых горах и любит. Вода там необычная, да и почва, не как везде. Дай-ка мне еще кружечку... хорош квасок. С понятием сварен. Так вот, еще им в черный цвет кожи красят, ятрышником-то. Вот и позаботился хозяин, чтоб не ходила я после вся в пятнах, умыть велел. Да и одежда от настоя этого считай, пропала. Ты кувшинчик-то рядом со мной поставь, я сейчас еще чуток выпью, да спать лягу.

Ведьма выразительно помигивает мне, хватая за колючее запястье и придвигается так близко, словно хочет сообщить на ушко какой-то секрет.

И едва я, заинтригованная ее маневрами, придвигаюсь вплотную, выхватывает из-за пазухи висящий на простом шнурке невзрачный мешочек и со всего маху бьет им меня по морде.

– Лин, ты что, с ума сошла?! – еще успеваю спросить я, как накатывает безнадежное понимание, нет, она не сошла, она действует на редкость здравомысляще и целеустремленно.

Это я сошла с ума, раз не вызубрила за эти дни, что никому из ведьм нельзя доверять. Вот и попала снова на простую удочку, на жалость. И ведь говорил мне мальчишка, что есть только пара снадобий, пыльца какого-то цветка да редкий минерал, толченный в пыль, которые могут обездвигить краба и погасить его сознание. Да я и подумать не могла, что это знает кто-то еще, кроме него. Теперь вот убедилась в обратном.

Тяжелая клешня, движимая гневом и отчаяньем, несётся к ведьме, но порошок уже подействовал, уже всосался в чуткие ноздри, ядом проник в кровь и удар выходит далеко не такой силы, какой желало мое вновь оскорбленное в лучших намереньях существо.

Однако и его хватило, чтобы ведьма отлетела к стене и безжизненно застыла, вызвав во мне этой неподвижностью взрыв острого ужаса от осознания совершенного и запоздалое раскаянье.

Ой, мамочки, я же не хотела...

И тут всё вокруг пришло в движение, комната сначала медленно, потом все быстрее закружилась вокруг меня на сумасшедшей карусели, постепенно сливаясь в темный круг. Наверное, это зелье подействовало в полную силу, тяжело шевельнулась последняя мысль и все погасло.

Катерина, ученица ведьмы.

День девятнадцатый, щедрый на объяснения

– Кэт, очнись, очнись, Кэт! Ну, пожалуйста, побыстрее приходи в себя! У нас ни минутки лишней нет! – отчаянно пробивается в сознание чей-то голос, и я пытаюсь прорваться навстречу ему сквозь туман, застилающий разум.

– Что случилось?

Образы и чувства нестерпимо медленно оживают в памяти, зато тепловое виденье уже включилось и я ощущаю несколько розовых силуэтов, столпившихся вокруг меня и зачем-то суетливо машущих руками.

– Приходи же быстрее в себя, нам нужно срочно отсюда уходить.

Откуда, отсюда? И куда уходить? Но слово уходить мне понравилось, оно было правильным, оно перекликалось с моими внутренними стремлениями и несло спасенье.

Спасенье? Значит тут опасно?

Сознание включилось разом, как электрический свет, лавиной обрушивая на меня воспоминанья и чувства. Малина! Я резко приподнялась на лапах, вглядываясь проясняющимся зрением в окружающих людей, и сразу уперлась взглядом в стоящую передо мной ведьму. Несколько женщин в серых балахонах застыли сзади нее.

Пара царапин украшает щеку ведьмы, несколько синяков темнеют под подбородком.

– Это я тебя так? – жгучий стыд затопил душу.

– Ты про это? – мозолистые пальцы коснулись щеки, – нет, это он. Но сейчас рассказывать некогда, ты как себя чувствуешь, сможешь меня понести?

– Куда? – не успела я задать вопрос, а окружающие нас женщины уже приматывают к моим шипам какое-то тряпье и помогают пристроиться на нем Малине.

– Я покажу, – одна из облаченных в серое фигур распахнула дверь и шустро побежала вперед.

Ни секунды не раздумывая и не сомневаясь, срываюсь с места и несусь за ней. Точно зная, это не тот случай, когда нужно долго рассуждать и просчитывать варианты. Не стали бы эти бледные узницы в безликих серых балахонах рисковать своими жизнями, помогая нам удрать, если бы

не знали наверняка, что это единственный шанс на удачу.

Наш бег закончился в глубине подвала, возле железной дверцы. Ну, и что дальше?

– Кэт, мы просчитали, тебя магия не тронет, а на Малине наши щиты. Если у тебя хватит сил выломать эту дверь... за ней потайной ход, – с надеждой заглядывая в крабьи глаза, бормочет проводница.

– Попробую, – с сомнением рассмотрев массивную дверь, буркнула я и взялась за дело.

Подсунула кончик клешни под дужку огромного замка, похожего размером на кастрюлю для супа, нажала...

Ничего. Толстенные металлические скобы даже не заскрипели. А перекусить такие клешней мне вряд ли удастся, слишком мал промежуток, не ухватиться, как следует.

Пару секунд лихорадочно соображаю, пытаюсь подобрать в памяти похожие случаи из своей земной жизни. И вспомнила, как мы с тетушкой разбирали осенью порослячьи загончики, и как умело орудовал ломиком приглашенный на подмогу сосед. Вот бы мне такой ломик! Не оборачиваясь, обвожу взглядом тесное помещение, прикидывая, что бы приспособить вместо лома, и сразу обнаруживаю на стенах тамбура два массивных подсвечника, из тех, в которые втыкают факелы. Или они зовутся подфакельники? Нет, как-то не так, но ведь это сейчас неважно. Стремительно шагнув к ближайшему, смыкаю на нем свою клешню и тяну, налегая всем весом.

А сила-то и не понадобилось, подсвечник неожиданно легко повернулся вниз, и я слегка покрутила его туда-сюда, пытаюсь оторвать от стены. И в тот же момент почувствовала крабьим зрением холодный прямоугольник открывшегося прохода.

– Откуда ты знаешь... секрет этой двери? – с подозрительным вниманием изучают меня сузившиеся глаза сопровождающей узницы.

– Ничего я не знаю, само вышло, – сердито буркнув в ответ, смело бросаюсь в темноту потайного хода.

– Свечу возьми... – доносится вслед, но я уже далеко, и не могу объяснить, что не нужна мне никакая свеча.

Если мое тепловое зрение отчетливо видит и слабое розоватое свечение хлынувшего вслед за мной теплого воздуха и холодную встречную струйку сквозняка, намекающего на близость выхода или вентиляционной шахты. Видела я такие в поселке у гольдов.

Да и обида, вспыхнувшая огнем, когда ведьма так прозрачно высказала свое необоснованное недоверие гонит прочь почище метлы. Ну вот откуда

я могла бы знать этот секрет, если еще вечером даже не подозревала о существовании не только подземного хода но и самого замка? И до сих пор не имею никакого представления, где этот замок находится.

А вот почему-то про то, что мне могло просто повезти, она даже не подумала! Словно у меня на лбу стоит вечное клеймо неудачницы. И невозможно даже представить, что полоса жуткого невезенья, преследующая меня с того злополучного утра, когда я пересолила творог, должна наконец смениться полоской удачи. Хоть тоненькой.

Выход из потайного хода вывел в заросший колючими кустами то ли овраг, то ли ложок, ничего не понятно в предутреннем тумане. Это сколько же часов я провела в отключке, и куда подевался демон, начинают всплывать в мозгу закономерные вопросы. И самый главный, куда идти?

Я и задала его Малине, сначала тихо, потом погромче. И насторожилась, не услышав ответа, а когда припомнила, что пассажирка за всю дорогу не обронила ни слова, и вовсе запаниковала.

Но почти сразу сообразила, что особо волноваться нет причин, крабье зрение отчетливо различало розовый, ровно пульсирующий комочек ведьминого сердца, и легкие теплые облачка вырывающиеся из ее рта при выдохе.

Значит, мне нужно прежде всего постараться как можно дальше уйти от этого места. И при этом не встретиться ни с кем из местных жителей. Неизвестно, как они отнесутся к беглецам из демонского жилища, вполне возможно, тут же побегут доносить, в надежде на награду.

Ну, с крабьими способностями это не такая уж невыполнимая задача. Припомнив, как нёс меня Фуссо, одной клешней загораживаю от сучков и веток голову Малины, а другой помогаю себе подниматься наверх, хватаясь за растущие по дороге кусты и деревца.

К моей досаде не обошлось без проколов, некоторые ветки от недостатка опыта я сжимала так сильно, что они тут же падали на нас, срезанные, как трава хорошо наточенной косой. Вот колобок, да по такому следу нас только ленивый не найдет, разозлилась я на себя. Но чуть поостыв, решила, а и пускай.

Пусть те, кто ринутся за нами в погоню, думают, что я пошла в эту сторону.

А мы пойдем другим путем.

Через четверть часа, выбравшись на травянистый косогор и с удовольствием любовавшись на оставленную мной прореху в густой зелени, резко сворачиваю в сторону и через пару сотен метров снова ныряю в тот же овраг. Теперь я иду не спеша, очень осторожно выбирая, куда

ступить и стараясь ни к чему не прикасаться. И больше не продираюсь под низко наклонившимися ветвями, а обхожу их, осторожно отгибая в сторону.

Мелкая речка, почти ручей, лениво путешествующая по дну оврага, натолкнула меня на новую идею и я, найдя каменистый участок берега, решительно шагнула в воду. И сразу поняла, что это самая удачная моя идея за последнее время. Продвижение пошло намного быстрее, мелководье я пробегала на ногах, через глубокие места плыла, подгребая клешней и работая как лопастями ногами. Да и ветви мешали намного меньше, речка понемногу становилась все шире и полноводнее. Часа через три я поняла, почему, издавелеа разглядев поблескивающую гладь озера. Бдительно держась поближе к нависающим над водой кустам, осторожно вплываю в распахнувшийся простор и первым делом тщательно изучаю местность. Справа, на отлогом песчаном берегу виднеется несколько лодок, а за ними, на бугре толпятся невзрачные домики. Зато левый берег загроможден россыпью огромных валунов, а за ними сплошной полосой тянется лес. Не раздумывая, решительно сворачиваю влево и вскоре неспешно лавирую между камней, стараясь издали засечь появление любых живых существ. Но людей или других разумных существ, на наше счастье так и не встретилось, только пара диких коз или похожих животных пили невдалеке воду. Благоразумно пережидая несколько минут, пока они напьются и уйдут в лес, и только потом так же осмотрительно двигаюсь дальше.

– Кэт, где это мы? – очнулась, наконец Малина.

– Не знаю, – честно ответила я, – сейчас причалим и попробуем разобраться.

К этому времени я обнаружила еще одну выдающуюся крабью способность, о которой князь ничего не упомянул. Не знал, или забыл, неважно, но я убедилась экспериментальным путем, что каким-то образом точно чувствую, где тут север, а где юг.

Пологий проход между камней вывел меня на утоптанную звериными копытами тропу, а чуть дальше нашлась и полянка, где можно было сделать привал.

Я как можно ниже распласталась по траве и Лин, вздыхая и постанывая, сползла с моей спины.

– Это тоже он? – закипает внутри меня злость.

– Неважно, – не смотрит на меня ведьма, – лучше скажи, не помнишь, в какую сторону ты шла от выхода?

– Малина, – перебиваю ее, обмирая от страшной догадки, – это я тебя так стукнула?

– Не виновата ты. Любой бы ударил. Но не могла я тебя предупредить,

у него подслушки везде стоят, – виноватая улыбка ведьмы ножом вонзается мне в душу, – а кабы я тебя не усыпила, он бы поутру ритуал провел. Сразу-то не смог, силы не хватало. У них, у демонов, по-другому энергия собирается, таких, которые как ведьмы могут все собирать и в себе копить, мало. А большинству нужно на источник встать, или струю поймать, копить они могут только в амулетах. Я думаю, это потому что заклинания у них мощнее, расход энергии больше. А мы привыкли по окраинам собирать, вот и приспособились в запас складывать...

– Малина, – расстроилась я, поняв, что ведьма просто зубы мне заговаривает, – прекрати. Скажи лучше, это серьезно?

– Да ничего страшного, ушиб просто. Если б этот не добавил... уже бы бегала. Да меня его жрицы подлечили, сегодня уже намного легче. Вчера и встать не могла. Вот и с собой пузырек дали, сейчас выпью с водицей и полегчает, принесешь водицы?

Ведьма нашаривает на поясе тощий мешочек и извлекает из него кружку, в которой обнаруживается тщательно завернутый в тряпицу пузырек. Но я не могу сдвинуться с места от шока, вызванного ее небрежными словами.

– Как... вчера? Малина, разве мы не сегодня ночью туда попали?

– Нет, намного раньше, – покаянно вздыхает ведьма, – разве ты не знала, что пыльца липуницы крабов не меньше чем на сутки отключает? А ты почти два дня провалялась. Байтарз чуть не лопнул от злости. А сегодня под утро умчался куда-то, Аста сказала, плохие вести получил, по своему шару магическому сильно с кем-то ругался. Вроде злился, что его убежище кому-то раскрыли, маги ведь замки в тайных местах ставят и тропы путают. Так куда ты шла-то, не помнишь?

– Не просто помню, а точно знаю, на запад.

– Ох, ты, – выдохнула расстроенно Лин, – а нам ведь надо в другую сторону.

– Ничего, зато тут искать не будут, – отрезала я, хватая кружку и направляясь за водой, попутно размышляя, чем займусь в первую очередь, построю шалаш для Малины или отправлюсь ловить рыбу.

Наверное, вначале еда. А то я уже задумываться начала, с чего это у меня в животе так легко, если старейшина с вечера накормил до отвала.

– Пойду, поймаю рыбы, – притащив воду, объявляю ведьме свое решение, – если кто появится, кричи.

– Кэт, ты не забыла, что я ведьма?

– Какая с тебя сейчас ведьма, – фыркнула я, направляясь к озеру, – и попробуй только меня не позвать. Больше никогда не прощу.

И только выйдя на мелководье, поняла, что ей сказала. Что за все старые погрешности уже простила. Впрочем... пусть так и будет. Лежачих я не бью.

Рыба в этом озере такая сонная или я теперь такая быстрая, но вскоре на нашей полянке уже весело горел разожженный ведьмой костер, а сама она, полулежа на стожке накошенных мной веток, осторожно поворачивала над огнем наткнутую на палочку рыбину. Я свою порцию, немного пострадав, поглотила сырой, утешая себя тем, что это не мой желудок, а крабий, и ему так привычнее.

День к этому времени перевалил за полдень, и пора было решать, куда мы двинемся дальше.

– Гномьи горы тут, – рисует Малина карту обгорелой палочкой на большом лопухе, – а мы тут. Это озеро я не знаю, но думаю, это где-то у западных истоков Андры. Значит, нам нужно обойти замок Байтарза, и лучше это сделать с севера. Замок Аглензайр находится в северной части гор, быстрее доберемся.

– Малина, – бросив в пасть последнюю рыбину, задумчиво спрашиваю ведьму, – а зачем мне возвращаться в этот замок? Я ведь подслушивала ваше собрание и прекрасно поняла, что даже ведьмы не ждут от нее ничего хорошего. А уж меня она и вовсе терпеть не может. Может я и дура доверчивая, но вовсе не мазохистка, чтоб снова терпеть ее издевательства. Да, Эри мне жалко, но не пора ли и о себе подумать?

Мне очень не хочется рассказывать ей про попавших в этот мир соотечественниц, и про свою мечту найти хоть одну из них. Смутное подозрение, что никого из них Латриней и на пушечный выстрел не подпустит, если я останусь в ее владениях, плавно перешло в уверенность. И именно Малина помогла мне сделать такой вывод, сама о том не подозревая.

– Кэт, ты все неправильно поняла, – голос ведьмы огорченно дрожит, – а я не могу тебе рассказать, это не моя тайна...

– Давай разберемся, что именно я поняла не так, – охотно иду ей навстречу, – может я неправильно сообразила, что ты не зря навязалась в гости к магу? Потому что ей невыгодно, если демон проведет ритуал и я стану человеком. Ведь тогда она не сможет оставить меня добровольным охранником при сыне. Он уже маг, и никаких маячков на себе не потерпит, а ей хочется все время держать его под контролем. Вот она и поставила маячок на меня, ведь где я – там и князь. Больше-то ему даже поговорить не с кем, родной матушке за развлеченьями не до него!

– Кэт... – потрясенно шепчет Малина, – ты же не знаешь...

– А ты знаешь?! – разозлилась я, – Ну так скажи. За что ты терпела побои демона, обвиненья подруг, и многое другое? За что тебя выгнали из дома родители? Ты думаешь, я поверила, что это все из-за коробки с украшениями? Нет, ты делаешь это из-за чего-то гораздо большего, и я даже представить не могу, что она наобещала тебе за помощь в обмане Ургазира. Но как-то давно, когда я еще была человеком и её ученицей, дикая ведьма разрешила чтоб ты рассказала всю её историю. С самого начала. Да у меня времени тогда не хватило спрашивать. Вот теперь хватает, рассказывай.

– Наверное, ты и правда имеешь право все знать, – помолчав, сухо сказала ведьма, – но не судить. Сужу себя я сама. Поэтому, очень прошу, когда я все расскажу, пойди и погуляй часочек, и больше никогда не заводи этот разговор. Иначе я за себя не ручаюсь. Вот ты сказала, не веришь, что я польстилась на коробку с драгоценностями? Правильно не веришь. Не было её, коробки-то. Да и даже простого колечка не было. И покупали не меня, а я. Я ведь с ним раньше, чем Трине, познакомилась. И сразу влюбилась. Так влюбилась, что ничего вокруг не видела. А он... сначала вроде улыбался мне, а как с Трине познакомился, ей улыбаться начал. Она ведь в магии намного сильнее меня была. А для демонов, особенно темных магов, это очень важно, сильная ведьма в подругах. Так они человеческих жен зовут, и даже малый брачный обряд иногда проводят. Вот он ей и предложил, обряд. Трине про мои чувства знала, и хотела ему отказать, да отец не позволил. Не так просто дочку ведьму замуж выдать, не каждый жениться решится. А тут целый демон! Но потом приехал князь и она влюбилась. Так же как я, бесповоротно и навсегда. Да только слово назад взять не могла, причины веской не было. В наших краях внезапная любовь для отказа выгодному жениху не причина, а блажь. Вот я и придумала, мне демона, ей причину для разрыва и князя. Неправильно конечно, но уж больно я его любила. В общем, напоила своего милого зельем приворотным и соблазнила. А он, как проспался, начал на себе волосы рвать, как перед невестой оправдываться будет. И так мне обидно и больно стало, что подсунула ему другое снадобье, что память за последний день отшибает. Ну, Трине он все равно вернуть не смог, но мыслей о том не оставил, так и крутился неподалеку от княжества. А когда Тассминия решила от Эри избавиться, и стала втихомолку мага подыскивать, Ургафир и подрядился. Видимо, мечтал, что сына Трине спасет, а она в благодарность к нему вернется. Только все по-другому пошло. Тассминия Эри обманом в сокровищницу заманила и велела убить, а Ургафир соглашался только в стазис отправить, вот и повздорили. И тогда она второго черного мага

позвала, в засаде он сидел, видно, не было у нее доверья демону. Ургазир над собой и Эри купол поставил, и сдаваться не собирался, у него ведь все на кону стояло. Никто не знает, как там Роул оказался, подсматривал что ли. Да только и он в разборку вмешался, Тассминия ему тоже жизнь изрядно портила. Там сложные расчеты на наследство, я не вникала, знаю, что Роул ее предательницей назвал и за братом рванул. А княгиня поняла что попалась, обозлилась, и приказала магу ловушку поставить, она-то посчитала, что первым Роул вернется. Ургазир тем временем Эри в стазис отправил, у него все готово было, а сил на защиту мальчишки уже не оставалось. А часть разума поместил в молодого краба, что племяннику гольды подарили. Вот в этот момент Эрнил и появился. И прямо в ловушку угодил. Он слабым магом был, его защита вмиг сгорела. А затем и князь, а с ним и амулет, у них с Трине парные были, вроде брачных браслетов. Потому она смерть любимого сразу почувствовала, и от страшной боли превратилась в дикую. В тот же миг в сокровищнице очутилась, и с горя такой пожар устроила, что даже некоторые драгоценности оплавилась. От Тассминии и черного мага только головешки остались, Ургазир две недели с постели не поднимался, с демонской-то живучестью. Только тем и спасся, что успел крикнуть ей про сына. Мол, кроме него никто мальчишку вернуть не сможет. Она на него воды бочку вылила и исчезла. Вернулась только на погребенье, но оказалось, что к этому времени Роул уже все княжество к рукам прибрал и двери в сокровищницу родовым амулетом запечатал.

– Малина, – подождав несколько минут, не скажет ли ведьма ещё чего, – позвала я, – мне все понятно про ваши прошлые дела, поверь, я вам очень сочувствую, но какое отношение к этому имею я? За что она меня в краба сунула, я-то ей ничего плохого не сделала? Если вначале она вообще собиралась в стазис Роула отправить, ведь про то проклятье ей Эри давным-давно рассказал?! И почему с сыном не ладит, вроде ради него всю эту войну и затевала?

– Ты и про проклятье знаешь, – горько вздохнула Малина и отпила пару глотков своего зелья, – ладно, раз начала говорить, скажу и про тебя и про Эри. Мне и самой на то, как она с ним обходится, смотреть больно, кабы не знала правды, нипочем не стерпела. Вот я тебе недавно про энергию говорила, ну, правильно, отвести от мыслей хотела, но не только. Я уже сколько лет только про это все время и думаю. Как сестра дикой стала, так и начала выяснять, где могла, и книги читать, и легенды собирать. Что она теперь такое и как будет дальше жить. И уже через год нашла в одном трактате, да и она призналась, как я прижала, что недолго её век-то. Пока их держит что-нибудь, любовь, месть или еще какое важное

дело, они еще похожи на себя. Но всё равно их тянет войти в источник, или струю энергии и сбросить оболочку, стать свободной. Это она так говорит. И как только все дела разрешат, так противиться этому желанию сил не остается. Они и уходят. Потому и мало их в нашем мире, и как я пригляделась, на лысой горе почти каждый раз кого-то из диких не хватает. Но иногда появляются новенькие, некоторые долго держатся, а иные больше пары раз не танцуют. Вот потому она и решила... не давать сыну к себе привязаться, чтоб после не больно ему было, когда она уйдет. И твое тело потому вместо Роула в стазис сунула, и магам велела, чтоб раньше чем через пять лет обратного ритуала не проводили. И с Ургазира такую клятву взяла, он теперь её тайну знает и противится ей не может. А тебя она выбрала, потому что ты об Эри без всякой выгоды заботишься, и он к тебе тянется. И когда через пять лет тебя вернут в свое тело, лучшей подруги ему не найти.

Малина говорит все тише, и безнадежнее, виновато поглядывая на меня, видно и сама уже понимает, как дико звучит все то, что она рассказала. А я даже слов не могу подобрать, чтоб выразить свое возмущение и протест. Да с какой стати Сирень решила, что имеет право распланировать мою жизнь и чувства сына на много лет вперед? Почему лишала меня возможности самой выбирать свою судьбу и самой принимать важные решения? Только потому, что я согласилась стать ее ученицей? Или считала меня должницей за спасение? Которого, как я понимаю, мне могло и не понадобиться. И зачем мне вообще нужно это спасение, если я взамен становлюсь бесправной рабыней?

Нет, не стану я ничего говорить преданной Малине, пока не разобралась в своих кипящих мыслях и чувствах. И лучшее средство успокоиться, это наловить еще рыбки, крабий организм просто обожает резвиться в водичке. Рванув с места как иномарка, стремительно мчусь к озеру, не обращая внимания на испуганный крик ведьмы, несущийся вслед.

– Кэ-еет!

Но я упрямо несусь к озеру и без остановки перемахнув пару огромных валунов с громким всплеском плюхаюсь в воду. И сразу начинаю бешено грести, словно боюсь, что истошный вопль ведьмы заставит меня вернуться.

А я не хочу сейчас ничего. Ни возвращаться, ни слушать. Такая боль и обида бушует в душе, что даже невозмутимое крабье сердце на мгновение сбилось с ритма.

Всё вовсе не так было в Марининых книжках, добрые жители обязательно кормили, поили, одевали и жалели невольных попаданок. А

если и встречались им на пути разбойники, то были они жутко тупые и слегка трусливые. И нахальных, задиристых девчонок боялись как огня.

А меня в этом мире жалеют только на словах, на деле же наоборот, каждый торопится по полной использовать в своих запутанных интригах. Не считая нужным даже поставить в известность насчет своих намерений. И от этой подлюшности мне еще обиднее и горше и все больше хочется только одного, уплыть куда подальше и никогда не возвращаться.

Веселый смех прозвучал как гром с ясного неба. От неожиданности я даже грести перестала, и в очередной раз порадовалась тому, как удобно устроено крабье тело. Не пришлось мне вертеться в воде и подпрыгивать выше, не потребовалось обшаривать глазами водную поверхность. Или задирать голову вверх.

Крабье зрение и тепловое ощущение вмиг нашли источник смеха. Летящий в нескольких метрах над водой. А разум немедля опознал его как ковер. И завис в потрясении, до сих пор я не слышала, чтобы в этом мире использовали летающие ковры. Коряги, ступы, корыта и даже корзины употребляли местные ведьмы для перелетов, но вот ковер-самолет ни разу даже не упоминался.

Ой! О-ооой! Но ведь это же может быть...

Эй, вы, на ковре!

Вернитесь, остановитесь, мне только спросить...

Я гребла как сумасшедшая, пытаюсь на ходу сообразить, с какой скоростью они летели, и сумею ли я их догнать. Даже не заметив, как перескочила через камни, вылетаю на тропку и, сделав по ней несколько длинных прыжков, резко торможу, почти врезавшись в странных людей, склонившихся над лежащей на тропе Малиной.

Разбойники, вспыхнула в мозгу догадка.

– Эй, вы! – забыв, куда мчалась, озверела я, – а ну-ка, быстро отошли от неё! Иначе через ваши шкуры можно будет картошку калибровать.

– Таких чудищ я еще не встречал, – выхватывая из чехла огромный топор непривычной формы, бормочет мужчина и делает шаг вперед, загораживая своим телом спутника.

Или спутницу? Не бывает же у мужчин таких длинных черных кос?!

Но она не стала смиренно прятаться за его спиной, встала рядом, отбросила с груди косу и знакомо закрутила пальцами.

Надо, же, снова ведьма. А говорили, что их не так много в этом мире. И хоть молодая, да умелая, вон как уверенно снуют пальчики. А того не знает, что на меня ее магия не подействует. Да и ее плечистый спутник зря так прищуривается, начиная поднимать для броска свой странный топор,

крабье́му панцирю не страшен даже обвалившийся потолок тоннеля.

Но последнее предупреждение я все-таки выдам, а вдруг удастся вразумить бедолаг.

– Эй, бандиты, вы что, русского языка не понимаете? – кричу им, изо всех сил стараясь, чтоб голос прозвучал как можно грознее, и не моя вина, что талантливый гольд Санр сделал его таким мелодичным, – быстренько валите отсюда, пока я вам не наваляла!

– Постой, Атанчик, – хватая спутника за руку, готовую метнуть топор, изучающе разглядывает меня ведьма, – что-то тут нечисто. Эй, чудище, ты кто?

– Дед Пихто, – не ведусь я на этот простой прием, призванный усыпить бдительность, – вы мне зубы не заговаривайте. Отходите от нее по-хорошему, сколько раз говорить?!

– А зачем она тебе, – осторожно высвобождает Атанчик свое запястье из пальцев спутницы, – сожрать, или еще чего?

– Ну, ты больной, – возмутилась я, правильно в книжках было написано, что в бандиты тут самые тупые идут, – такую гадость придумать. Подруга она мне, и вам тут шарить нечего. У нас всего имущества кружка, да пузырек с лекарством. Так что ищите другую добычу.

Похоже, мне все-таки удастся разругать стычку мирным путем. Ведьма призадумалась, да и Атанчик свой топор с разочарованным видом в чехол засовывает.

– А что с ней? – не торопясь уходить, разглядывает Малину неугомонная ведьма, давно сбросившая с пальцев недоплетённое заклятье.

– Демон побил, – коротко бросаю в ответ, незачем втягивать всех встречных бандитов в свои проблемы.

– Понятно, – сочувственно кивает бандитка, и вдруг предлагает, – а может, подлечить её немного? Я хоть и молодая ведьма, но в целительстве разбираюсь неплохо.

– Подлечи, но не вздумай какую гадость изобрести, – подумав с минуту, согласилась я, – она сама ведьма не из слабых, если сделаешь что не так, из-под земли достанем.

– Понятно, – начинает умело водить руками над Малиной бандитка, – а почему она на тропе валяется?

– Упрямая, потому и валяется, – немного покривила я душой, – рыбы я пошла в дорогу наловить, а ей за всем самой проследить нужно, вот и ринулась за мной.

Ну не рассказывать же первым встречным бандитам про наши скандалы?!

– Так у вас тут недалеко местечко обустроено, – догадалась ведьма, – может, туда её и отнесем? Атанчик, бери-ка болезную.

Я хотела было отказаться, незачем показывать им наше кострище, но здоровяк Атанчик уже легко подхватил Малину на руки и уверенно зашагал по тропке, и мои возражения так и застряли в пасти. Ну и ладно, рассуждаю, топая за ними следом, ценного там действительно ничего нету, а Малине после лечения полежать немного нужно. Я уже в курсе, чтоб магия на недуг подействовала, требуется время.

– Сюда? – остановился перед кучей веток бандит, и вдруг насторожился, – а кто еще с вами тут... гуляет?

– Никого, – удивилась я – а с чего ты это взял?

– Не могла она сама ветки рубить, да и топора я не вижу... – бдитительно вглядываясь в кусты, шипит разбойник, и, опустив Малину на лежанку, тянется рукой к своему оружию.

– А зачем мне топор? – с превосходством фыркаю в ответ и, метнувшись к кусту, начинаю щелкать клешнями.

Десять секунд и огромная охапка нарезанных веток лежит у ног застывшего в шоке бандита. Похоже, не ожидал он от меня ни такой скорости, ни таких умений.

Вон с какими несчастными глазами ощупывает ровные свеженькие срезы толстых веток.

Знай наших, хихикаю я про себя, наблюдая за ним, тебе, с твоим топором, так быстро нипочём не управится.

– Кэ-ет... – сорванным голосом зовет Малина, и я бросаюсь к ней.

– Тут я.

– А... это кто? – догадавшись не вмешивать в разборки посторонних, бормочет она, вглядываясь запавшими глазами в склонившуюся над лежанкой ведьму.

– Разбойники местные, – уверенно докладываю ей, – ты пить не хочешь?

– Снадобья налей, – слова явно даются моей спутнице с трудом, и я бросаюсь выполнять ее просьбу.

Немного снадобья плеснуть в оставшуюся воду и осторожно приподняв голову ведьмы, поднести к ее губам. Малина с трудом сделала пару глотков и мотнула головой, хватит.

– Дай понюхать, – решительно отобрала у меня кружку бандитка, – а-а, понятно. Ну, значит так, что у вас произошло и кто вы такие, если не хотите, можете не говорить, мне и так кое-что ясно. А вот насчет нас вы ошибаетесь. Никакие мы не бандиты, наоборот, бандитов мы терпеть не

можем. А направляемся в мою родную деревню, сообщить моей матушке, что я жива и выхожу замуж. Вот за него.

Ведьма одарила спутника счастливым взглядом и он так открыто заулыбался в ответ, что на душе стало как-то светло и грустно. Повезло же ей.

– И где же твоя деревня? – выпитое Малиной снадобье уже проявилось в выровненном дыхании и чуть порозовевших губах.

– В Золотоносной урции, несколько часов пути от Поречья, – не задумываясь, выдает ведьма и мне становится ясно, что она не врёт, – а имя мое Кинна. А ты?

– Я Малина, а она Кэт, – показывает на меня глазами ведьма, – а мужа как величают?

– Атаний, – склонив голову, с достоинством представился плечистый, и в пробившихся сквозь листву лучах солнца я рассмотрела, что русые волосы у него слегка с прозеленью, словно старинная, давно не чищенная медная монета, – может, тогда вместе пообедаем?

– Я за рыбой схожу, – буркнула я, разочарованно сообразив, что догнать загадочный ковер самолет мне теперь уже не светит.

– Можно я с тобой? – смотрит чуть напряженно Атаний, наверное, думает, что у меня на озере какие-то тайные дела.

– Идем, мне не жалко, только мешок под рыбу возьми, если есть.

Он сбегал куда-то в кусты и, сгибаясь под тяжестью корзин и тюков, приволок не только мешок, но и целую кучу просто замечательных вещей. От чайника до котла.

И как они только не надорвались, таская все это хотя и приятное на привалах, но лишнее при переходах имущество?!

Рыба лениво кормилась снующей между валунов мелочью и мне достаточно было забрести поглубже и застыть, всматриваясь в воду тепловым ощущением. Вскоре все обитатели переставали обращать на меня внимание и оставалось лишь выхватывать самых крупных рыб. Что, с крабьими клешнями, имеющими по внешнему краю загнутые внутрь шипы, не представляло никакой сложности. Атаний, оставивший вначале мешок на берегу, и бродивший меж камней с острой пикой, вскоре сообразил, что лучше стоять поблизости и складывать в мешок пойманную мной рыбу.

Зато чистил он её как профессиональный повар, ловко используя для этой цели свое оружие.

А потом шустрая Кинна, уже успевшая придать нашей стоянке вполне обжитой вид, сварила из рыбы душистую уху, и накормила бульоном

сначала Малину, а потом налила в миски себе и Атанию.

– Кэт, а ты рыбу вареную ешь или сырую? – ведьмочка с сомнением оглянулась на меня.

– Ну, ты и скажешь, вареную! Конечно, сырую, – авторитетно объявил её жених, азартно черпающий ложкой золотистый бульон и сразу перестал мне нравиться.

Пойду, погуляю, рванувшись в кусты, обиженно бормочу про себя, пусть едят себе на здоровье, я все равно пока не хочу. Зато немного успокоюсь, какая-то я дерганная стала в последние дни. Раньше сказала бы, что это нервы. А теперь не знаю, что и думать, не должно быть у крабов таких расшатанных нервов.

– Кэт, – несется сверху окрик, – вернись, Кэт! Прости его, пожалуйста, он же думал, ты обычный зверь...

Ну, вот что вам от меня надо? С чего вы взяли, что я убежала навсегда? Побегая и вернусь, необходимо же мне хоть иногда побыть наедине с собой. Так опротивело, когда днем и ночью рядом все время есть кто-то, знающий лучше тебя самой, чего тебе делать.

И вовсе не обязательно орать сверху на весь лес...

Что?!

Сверху?

Я резко затормозила и мигом нашла в вышине летящий за мной предмет. И жутко обрадовалась, опознав в нем тот самый ковер. А затем так же резко расстроилась. Значит, все-таки не из моего мира попало сюда это удобное изобретение, ничуть не похожа Кинна на земную ведьму, да и зеленоватых волос у наших парней не бывает. Видимо, закончилась полоса моего везения, и ничего тут уже не поделать.

– Кэт, – с подлетевшего вплотную ковра смотрят виноватые глаза ведьмочки, – мы же не знали. Поехали назад? Там Малина расстроилась, собирается за тобой бежать... а с ее спиной... сама понимаешь.

Ничего не понимаю. Что там такое с ее спиной?

– Кинна... – как бы похитрее спросить, чтоб она не догадалась? Но сообразив, что на хитрые заходы нет времени, выкладываю напрямик, – я ведь не знаю, что там у неё со спиной, она меня усыпила, когда мы к демону попали. А потом жрицы её мне на панцирь положили и через потайной ход нас выпустили. Она только недавно в себя пришла.

– Так после этого снадобья всегда сон одолевает, – утвердительно кивает Кинна, – зато боль оно хорошо снимает. А на спине она еще долго спать не сможет, пока кожа не нарастет. Черные маги непослушных не любят, и воспитывать так, чтоб другим неповадно было, умеют отлично.

Так ты идешь?

– Я по земле побегу, твой ковер меня не унесет, – сдалась я, посомневавшись пару секунд для вида.

На стоянке внешне всё спокойно, и не догадываются мирно беседующие Атаний и ведьма, что я расслышала каждое слово их тихого разговора. Это когда я убегала, то от обиды специально заглушала собственными мыслями обвиняющий голос Малины, и робкие извинения зеленоволосого. А возвращалась совсем с другим настроением, потому, чтобы не пробежать мимо полянки, вслушивалась в каждый звук. И едва уловив первые слова их разговора, не могла не подслушать до конца. Даже специально скорость сбавила, чтоб не спугнуть.

А разговор у них все интереснее.

– Деревушки у нас маленькие, и дорог особых нет, сам понимаешь, гостей мы побаиваемся, – словно извиняется Малина в ответ на вопрос, где живет.

Мне понятно, почему ведьма так хитро обходит все темы, связанные со своим жильем, и не хочет ничего объяснять напрямую, тогда ей или придется врать напрапалую, или ответы на последующие вопросы размотают весь клубок тайн. Но почему Атаний упорно рассказывает, что живет в лесу, но не объясняет, ни что он там делает, ни чем вообще занимается его народ?!

Значит, они или не доверяют друг другу, или обоим есть что скрывать. Да и на вопросы, связанные со мной, Малина отвечает очень уклончиво. Что мой разум случайно оказался в теле монстра, призналась, а откуда я вообще взялась, ни словечка не обронила.

Заинтригованная этими осторожными расспросами, и непонятными полунамёками, я случайно подошла слишком близко к полянке и чем-то выдала свое приближение. Собеседники разом смолкли и заговорили о лекарственных травах, и если бы не мимолетный испытующий взгляд, брошенный Малиной в кусты, за которыми притаилась я, можно было бы поверить, что тему они сменили случайно.

А может её взгляд выражал совсем другое? Вылезая из кустов с охапкой усыпанных плодами ветвей, и топая в сторону костра, упорно пытаюсь по пути сообразить, а не было ли это просьбой не проболтаться?

И в таком случае мне нужно хорошенько подумать, что для меня полезнее, подыграть Малине, которая всю свою жизнь положила на службу сестре, когда-то подарившей ей шанс на счастье, и ни в чем не пойдет против её интересов, или попробовать поговорить начистоту с незнакомой ведьмой. И попытаться выяснить у нее, не слышала ли она чего про моих

соплеменниц. Но, во всяком случае, пока можно и не торопиться, возможно, за время пути какая-то из проблем решится сама собой.

Как-то незаметно получилось, что ведьмы решили дальше путешествовать вместе, причем сначала новобрачные доставят на место нас, а уже потом отправятся к теще. И судя по сияющим глазам Атания, укладывающего на ковер вещи, отсрочка знаменательного знакомства ничуть его не расстроила. Во всех мирах что ли, парни одинаково опасаются встреч с проницательными мамами избранниц?

После того как Кинна чуть не силком скормила мне остатки ухи и несколько печеных рыбин и обобрала в корзинку принесенный мной урожай, заявив, что из него вечером получится отличный компот, стали собираться в путь.

Причем ведьма все-таки уговорила меня устроиться на уголке ковра и провести испытания его возможностей. И как ни странно, он их выдержал. Испытания. Кинна сияла так, словно сама зачаровала этот коврик, хотя сразу похвасталась, что это подарок подруги. Им с Атанием на свадьбу.

Царский подарок, с легкой завистью вздохнула я, поглядев вниз. Несет нас с такой скоростью, словно это не ковер, а по меньшей мере дельталет. И вместительный. Был, пока не загрузили нас с Малиной. Меня посадили впереди, чтоб загораживала ветер, рядом, отгородив от моих шипов корзинками, положили спутницу, а молодоженам достался самый краешек ковра. Впрочем, им и там, судя по счастливому хихиканью, очень неплохо. К тому же вероятность свалиться вниз никому не грозит, магия ковра в полете создает по периметру непроницаемый барьер, высотой около полуметра. Даже мне трудно высунуть за его пределы кончик клешни, а Кинна облокотилась о пустоту с такой небрежностью, что первые пару часов полета я ловила себя на том, что не могу отвести от нее обеспокоенного взгляда.

Летели мы до тех пор, пока не погасли последние отблески заката, и, по словам Кинны, уже почти достигли северо-западной границы Нечистой урции, в том месте, где она ближе всего подходит к владениям гномов. Еще три-четыре часа полета и мы окажемся в землях князя Аглензайр.

Но это будет уже завтра, присмотрев для ночевки широкую песчаную косу в излучине спокойной речушки, ведьма приказала своему коврику приземляться.

День двадцатый, напряженный

Я почувствовала её присутствие почти в тот же миг, как полупрозрачная фигурка сгустилась прямо из воздуха рядом со спящей Малиной. И затаилась, ясно понимая, что ничего не успею. Ни разбудить спящих по другую сторону кострища молодоженов, ни подать знак спутнице. Оставалось лишь прикинуться спящей, в эфемерной надежде подслушать их разговор. Однако, как выяснилось, разговаривать здесь она была не намерена. Повела вокруг руками и в тот же миг уже знакомая мгла поглотила нас, чтобы выплюнуть в небольшой гостиной княжеского дворца.

Чуть слышно застонала, пытаюсь приподняться с пола, Малина, резко вскочил, хватаясь за свое оружие, Атаний. И тут же мешком повалился на пол, сраженный колдовским сном.

– Ты что творишь, сестра? – медленно поднялась с пола Кинна, и, перекинув за спину косу, вытащила за шнурок из-за пазухи невзрачный амулет – зачем моего мужа усыпила?! Или не знаешь ведьминских законов? Мы с пути свернули, чтоб больную ведьму с её животинкой в родные края подвезти, а ты нас так отблагодарить решила?

Я заметила и её осторожный быстрый взгляд в сторону Малины и то, как та согласно прикрыла, словно от боли, глаза. Ну, и когда они успели сговориться? Но мне до этого нет дела, раз ведьмочке так нужно, могу и животинкой побыть. Тем более что она права, хватать их без спросу, было, по крайней мере, невежливо.

Сирень сверкнула на нее ледяным взглядом, мельком взглянула на предъявленный ей знак ведьминского братства, и небрежно указала рукой на стул.

– Садись. А муж пусть поспит немного, не люблю я, когда при мне оружием махают. Да и разговор наш не для него, – она приподняла голову, прислушиваясь к чему-то происходящему за пределами комнаты, и недовольно поджала губы.

Еще бы ей быть довольной, позлорадствовала я, если сюда почти бегом спешат сразу два мага. Демон, что еще недавно называл себя моим учителем, и князь, для которого я должна, по замыслу его матери, стать верным телохранителем и другом, а через пять лет и чем-то большим. И мне очень хочется лично убедиться, что мальчишка даже не подозревает об этих планах дикой ведьмы.

Кинна состроила ей в ответ точно такую же недовольную гримасу, и, прежде чем сесть на стул, бережно переложила Атания поудобнее и сунула ему под голову аккуратнo свернутый ковер.

– Ей бы нужно знахарку посильнее, я в лечении не сильна, – садясь на стул, оглянулась на Малину, и незаметно для княгини быстро подмигнула мне.

Да поняла я уже, что нужно вас выручать, потому и молчу как двоечник на экзамене, выжидая подходящий момент.

Дверь распахнулась и маги ворвались в комнату, причем Ургазиp умудрился прибежать первым. Окинув комнату взглядом, мгновенно определил, где его вмешательство сейчас нужнее всего, и, шагнув к Малине, легко подхватил ее на руки.

– Осторожно, – вскрикнула Кинна, – у нее спина...

– Я знаю, – кивнул демон, – мы были там.

И шагнул было к двери, намереваясь унести пострадавшую прочь, но Малина вдруг распахнула глаза и злобно прошипела сквозь стиснутые от боли зубы:

– Положи меня на диван!

– Хорошо, – отводя взгляд, покладисто согласился маг и понес её к дивану.

– Тебе здесь будет неудобно, Лин, – недовольно буркнула Сирень, но ведьма снова болезненно зажмурилась, делая вид, что не слышит этих слов.

Эри к этому моменту уже успел устроиться на стуле рядом со мной, и, как-то опасливо поглядывая в сторону матери и демона, тихо прошептать, – привет, Кэт.

Но ответа не дождался, я даже клешней не пошевелила, чувствуя на себе неотрывное внимание его матери.

Ургазиp застыл на несколько мгновений возле Малины и вскоре она облегченно вздохнула, открывая еще несчастные от недавней боли глаза. И сразу села, выпрямив спину и сцепив на коленях мозолистые руки.

– И что вы сделали с магом? – спросила так ровно и холодно, словно речь шла не о демоне, наказавшем её так жестоко, а о ком-то совершенно незнакомом.

– Ничего, – оглянувшись на княгиню, буркнул демон, – успел переместиться. Но замка у него больше нет.

– А пленницы? – голос Малины так же безучастен, но это спокойствие гранаты с выдернутой чекой.

Изучали мы на военном деле такие.

– Жриц мы отпустили, в награду за помощь тебе, – так же ровно

отвечает Сирень, и за этой ровностью скрыт вдесятеро больший запас взрывчатки.

– А помочь им найти убежище, еду, нормальную одежду и защиту вам было некогда? – уже еле сдерживает себя Малина.

– Лин, я не могу собрать здесь всех лишенных разума и способностей ведьм нашего мира. Но если ты настаиваешь, этих приведу. Чуть позже, далеко они не ушли, – с показной терпеливостью, как капризной девчонке, ответила Латриней, и устремила пристальный взгляд на Кинну, – а вот кто и откуда эта ведьма я хочу услышать сейчас.

– Я вместе с мужем возвращалась в родную деревню, познакомить его со своей матерью, и случайно повстречалась с Малиной, – вежливо ответила новобрачная, но в этой вежливости я не услышала ни капли симпатии.

– А откуда возвращаешься?

– Ты нас в чем-то подозреваешь, раз устраиваешь такой допрос? – недобро прищурилась Кинна.

– Нет, пока не подозреваю, – с холодной задумчивостью пробормотала княгиня, – но погостить пару дней все же оставлю. Пока не разберусь со всеми, кто замешан в этой истории.

– В какой еще истории? – Похоже, Кинна начинает выходить из себя, – мы просто помогли ведьме, лежащей без сознания посреди дороги, а за это вместо спасибо должны сидеть взаперти?

– А где была Кэт, когда Лин валялась на дороге? – от подозрительного взгляда Сирени еще несколько дней назад у меня вспыхнули бы щеки, как всегда бывает при несправедливых нападках.

Но сейчас я могу только ехидно усмехнуться про себя, и продолжать стойко молчать. Ведьмы и без меня пока отлично справляются.

– Кто, вон тот монстр? Он ловил рыбу в озере, они были страшно голодны, – дерзко глядя в глаза Сирени, отвечает Кинна почти правду.

Хотя, она и сама ведь в этом уверена. Была еще вчера вечером, во всяком случае.

– И что потом?

– Сварили мы эту рыбу, – пожала плечами ведьмочка, – и снадобье я Малине сварила, травки у меня всегда с собой. Но если бы знала, какая благодарность меня ждет, сто раз подумала бы, стоит ли таким ведьмам помогать. Которые за помощь черной неблагодарностью платят.

– Заплачу я тебе, не волнуйся, хорошо заплачу, и отпущу. Как только во всем разберусь, сколько раз говорить? – Сирень уже злится почти ощутимо, и маги это чувствуют лучше других.

Эри чуть побледнел и крепче вцепился в полы легкой курточки, старательно отводя взгляд от сердитого лица матери. Глубокое сострадание к несчастному мальчишке, родившееся в моей душе, подталкивало сделать какой-то шаг, выкрикнуть что-то резкое, но я терпела. Точно зная, что сейчас этого делать не стоит. Но очень надеясь, что у меня ещё будет когда-нибудь для этого возможность.

– Не нужно нам от тебя ничего. Мой муж не беден, гномы бедными не бывают, тебе ли не знать, – откровенно дерзит Кинна, но Сирень уже успела взять себя в руки.

Или это Ургагир постарался, начинаю прозревать я, вглядываясь в стиснутые губы и чуть нахмурившееся лицо демона, застывшего за спиной княгини. А она в это время заинтересованно рассматривает сладко посапывающего Атания.

– И из какого же он княжества? – наконец, роняет, скептически кривя губы.

– Он из Великого леса Дарот, – гордо объявляет Кинна, и я по ее тону понимаю, что это был главный сюрприз.

И он ей вполне удался. Теперь лицо Латринеи снова застыло в раздумье и некоторое время в комнате стоит напряженная тишина.

– Ты это знала? – оглянувшись на сестру, сухо поинтересовалась Сирень, и я почему-то заподозрила, что решение будет зависеть от ответа ведьмы.

– Не в том я была состоянии, чтобы интересоваться родословной случайных попутчиков, – раздраженно огрызнулась Малина, – да и настойку розового ландыша все время пить приходилось, силу-то он забрал. Хорошо, не досуха.

И хотя говорит она про выпитую демоном энергию как-то отстраненно, горечь и боль, проскользнувшие в последних словах, почувствовали все. Даже Сирень как-то стушевалась на пару мгновений, и, бросив в сторону сестры чуть виноватый взгляд, снова обратилась к ведьме.

– Тогда ответь, как ты сумела нести сразу троих? Ведьма ты не из особо сильных. Да и корыта, или на чем ты летаешь, я не вижу?

– Вот на этом и несла, – снисходительно показала пальчиком на ковер ведьмочка и я поняла, что несколько минут назад ошиблась насчет главного сюрприза, – это свадебный подарок, его сама хозяйка леса зачаровала. Только мне и мужу подчиняется.

– Можно глянуть?

– А на чем мой муж лежать будет? – строптиво ворчит Кинна и

похоже, ей все же удастся убедить подозрительную ведьму в полной невинности.

Сирень молча призвала откуда-то подушечку с вышитым княжеским гербом, и вручила Кинне. А та с показной заботливостью поменяла подголовье своему гному и только после этого легко махнула рукой, приказывая ковру развернуться.

Вопреки моему ожиданию, изучением ковра занялся демон, а не Латриней. Внимательно разглядел, потом попробовал прикоснуться и сразу отдернул руку.

А я остро пожалела об утерянных способностях, живо представив, какую увлекательную картину он видит.

– Эта вещь зачарована хозяйкой леса, – уверенно кивнул маг, отступая на свое место за спиной княгини, – но изготовлена не там. Я даже не знаю, откуда она может быть.

– Муж говорит, что в Дароте много диковинок со всех концов света, – хвастливо фыркнула Кинна, и маг согласно кивнул.

– Так и есть.

– Значит, она не врет, – в равнодушном голосе Сирени скользнуло едва заметное разочарование, – тогда я отпускаю их. Но гнома будить пока не буду, незачем ему знать про наши дела. А вот это тебе подарок на свадьбу и не держи на меня зла.

Княгиня протянула Кинне возникшую в воздухе шкатулку, украшенную гербом и ленточкой с номерком.

– Спасибо, но нам ничего не нужно, – подогнав ковер к Атанию, ведьма ловко перекатила мужа на середину и принялась споро грузить свои пожитки.

– Помочь? – шагнул было вперед демон, но ведьмочка бросила такой презрительный взгляд, что он невольно отступил.

– Сама управлюсь, – поставила последние корзинки и, подняв ковер на высоту стула, устроилась с краю, подобрав юбку, – лучше окно открой.

– А подарок все же возьми, и постарайся забыть сюда дорогу, – процедила княгиня и шкатулка шлепнулась в одну из корзин.

– Да я клянусь, что по своей воле и на расстояние птичьего полета не подойду, – отрезала Кинна и ковер стремительно вылетел в распахнутое демоном окно.

– Принимаю твою клятву, – не удержалась от торжествующей ухмылки ведьма и повернулась к Малине, – а теперь рассказывай все подробно. И начни с того, почему ничего не сказала мне про собрание.

– Потому что дала клятву, – пожала плечами Малина, – неужели

неясно, что мне никто не поверил бы просто на слово.

– Что было потом?

– Не знаю. Собрание только началось и вдруг... темнота. Проснулась в кабинете Байтарза. Он забрал почти всю мою силу и приказал уговорить Кэт по-хорошему согласиться на ритуал. Иначе грозился выпить досуха. Потом меня отвели в камеру, где ее держали. И тогда я порвала о шипы на её морде ладанку с пылью липуницы. Которую ты дала именно на такой случай.

– Что? – вскочил со стула Эри, – Лин, как ты могла?

– А тебе хотелось бы, чтобы демон перевел ее разум в тело одной из тех несчастных, что потеряв способности, сошли с ума, и сделал своей жрицей? – прицыкнула на него Малина и я была вынуждена вцепиться когтями в ковер, чтобы не рывкнуть в ответ что-то грубое.

Возмущается так, словно ее методы хоть на каплю лучше демонских.

– Но ведь на тебе стоит ее маячок, и она успела бы вас вытащить... – растерянно бормочет мальчишка, не глядя на мать.

Как интересно. Значит, маячок был все эти дни? Почему же его не заметил Байтарз? И не снял? Но кто же станет отвечать мне на такие вопросы?!

– А ты что... видишь его?! – в голосе мага звучит потрясение.

– Конечно, – пожал плечами князь и вдруг сообразил, – а ты – нет?

– Ну да, – поняв, что попался, вздохнул демон, – Латриня специально подбирала такое заклинание, которого не видит никто, кроме нее. А для меня оно выглядит как простенький оберег.

– А дальше все просто, демон приказал меня наказать и стал ждать, пока она проснется, – скучным тоном отличника, объясняющего очевидное последнему двоечнику, продолжила рассказ Малина, – но тут что-то случилось, и он помчался разбираться. И тогда я уговорила жрицу помочь нам, в обмен на помощь. Разбудила Кэт, меня положили ей на спину... а дальше я не помню. Наверное, потеряла сознание. Очнулась, когда она уже плыла по озеру. Где-то на западе, в истоках Андры. Потом мы нашли полянку и она отправилась за рыбой, все-таки третий день без еды... А мне вдруг стало страшно, что она бросит меня... и не вернется, я и поползла следом. И опять потеряла сознание. Очнулась, когда Кэт отбивала меня у встречной парочки, она сначала приняла их за бандитов. Ну вот, и все. Остальное рассказала Кинна.

– Она ничего не сказала про бандитов... – бросив быстрый взгляд в мою сторону, задумчиво пробормотала Сирень.

– Наверное, это были не самые приятные воспоминанья, – фыркнула в

ответ Малина, – не зря же она с тех пор упорно называла Кэт скотиной и монстром.

Я уже давно догадалась, что Лин изо всех сил пытается меня выгородить, но не могла понять только одного, зачем ей это нужно?

Или это нужно им обеим, чтоб успокоить мое возмущение?

– Кэт, а ты ничего не хочешь мне рассказать? – ну вот и накаркала, добрались и до меня.

Да, я хочу много чего ей сказать... очень хочу, но это будет не объяснение, которого ждет она, а обвинительный приговор. Вот только есть одна тонкость, не пришло еще время выносить его произносить. Потому что пленники не читают приговоров своим тюремщикам, пока ты не на свободе это глупо и бесполезно.

– Кэт?

В голосе ведьмы прорвалось тщательно скрытое раздражение, и я еще крепче вцепилась в несчастный ковер, после близкого знакомства с моими когтями его останется только выбросить. Но упрямое нежелание с ней разговаривать только сильнее укрепилось в моей душе.

– Не станет она ничего говорить, обиделась, – тяжело вздохнула Лин, снова вызывая огонь на себя, – ты же разрешила рассказать ей всю свою историю с самого начала?! Я и рассказала.

– Амлия! Ты с ума сошла?!

– Нисколько, – Лин невозмутима, почти как я, – раз ты разрешила, почему должна была что-то скрывать? И знаешь, я нисколько не жалею. Мне сразу стало легче, как камень с души сняла.

– Но я разрешала еще до того, как мы начали битву, – расстроенно буркнула Сирень, – а потом все изменилось...

– Да ничего не изменилось, кроме тебя, – зло цедит сквозь зубы Эри, глядя на мать фиолетовыми от ярости глазами, – ты всегда говорила мне, что нужно скрываться, никто не должен знать, иначе Роула не победить. Ну победили мы его, и кстати, Кэт сделала для этой победы не меньше других, а если считать спасение ведьм в сокровищнице, то намного больше. И что изменилось от этой победы? Кому стало жить легче и веселей, чем раньше? Не мне и не Кэт, это точно. Может ведьмам? Нет, и не им. После того как ты позавчера переругалась со всеми подругами и они вернулись назад, в свои деревни! А вчера с тобой перестали общаться гольды и сегодня все ходы в их поселки и шахты накрепко замурованы. Конечно, можно наделать новых, но это бесполезный труд, они умеют закладывать ходы намного быстрее, чем ты пробивать новые. С кем мне теперь торговать и где брать камни и руду? Почему, прежде чем на них орать, ты не подумала,

что глупо ссориться с народом, который тебя кормит?

– Эри! Как ты можешь? – не найдя больше подходящих слов, Латринея побелела и начала терять облик княгини, становясь призрачной дикой ведьмой.

– Идите все по своим комнатам, – рыкнул Ургазир, поднимая над головой ведьмы ладони, – ей нужно отдохнуть.

Мы с Эри покинули гостиную молча и охотно, а Малина приостановилась в дверях и я отлично видела крабьим зрением, как она тяжело вздохнула и украдкой мазнула по глазам ладошкой. А потом осторожно прикрыла двери и поплелась вслед за нами, её комната находится недалеко от моей.

День двадцать первый, полный сюрпризов

Он пришел ранним утром, даже солнце еще не встало, только посветлела восточная половина неба. Подошел к широкому каменному подоконнику, на котором я ожидала рассвет, постоял рядом, невидящим взглядом вглядываясь вдаль.

– Кэт, – низкий голос звучит глухо и устало, – поговори со мной.

Помолчал, ожидая моего ответа, и с тяжелым вздохом добавил, – пожалуйста.

Ну, хорошо, допустим, поговорю я, а что это даст? Как будто мои слова могут что-то изменить?!

Вон и Эри вчера сидел тут полдня, рассказывая мне подробности своей жизни после смерти отца. И я ему искренно сострадала, невольно сопоставляя похожие моменты наших судеб. Мне тоже пришлось нелегко, хотя я всего-то из любимой дочери вполне успешных родителей в один день стала интернатской девчонкой. А вот он из избалованного княжича превратился в краба, и одновременно раба собственного дяди. И если я выбивала право на собственное мнение и независимость кулаками и всем, что под руку попадется, то он и этой возможности был лишен. За малейшее неповиновение Роул наказывал очень строго, сажал на цепи в том самом подвале, где я очнулась после ритуала. А на обед слуги приносили ведро очисток и костей. Нет, он и раньше знал, что неприхотливые крабы охотно все это поедают, вот только никогда даже в кошмарах не предполагал, что придется есть такое самому.

– Эри, – не выдержала я к вечеру, – я тебе очень сочувствую, честно. Но хочу услышать правду, ты знал, что твоя мать специально засунула меня в этого монстра? Чтоб у тебя был друг и телохранитель в одном лице? А лет через пять еще и девушка, которая должна стать твоей невестой... или просто подружкой.

И по тому, как он побледнел и отвел глаза, поняла, знал. Нет, я, конечно, понимаю, у него не было никакого шанса помешать планам матери. Возможно, он даже был против, не зря же его притащили на ритуал в цепях.

И если бы он мне все рассказал в первый же день, я бы простила. Простила бы, даже если рассказал сегодня, только войдя в мою комнату. И искренне попросил прощения за обман.

А теперь не могу.

Так ему и сказала.

Князь посидел на подоконнике еще немного, ожидая, не добавлю ли я чего-нибудь к сказанному, но я утопала на кровать и задвинула занавески. И тогда он ушел, тоже не сказав больше ни слова.

Вечером я решила пойти погулять, уж очень заинтересовала меня информация про закрытые гольдами тоннели.

Вот не верилось мне, что забиты все проходы, а не только те, о которых известно княжеской семье. Неужели гольды, привыкшие иметь информацию обо всех событиях из первых рук, не оставили себе хотя бы самой маленькой и незаметной лазейки?

Но стоящий за дверью охранник, очень похожий на одного из наемников, с которыми мы воевали в подземной пещере, с самым решительным видом загородил мне путь.

И я отступила. Не сразу, с минуту постояла, раскачиваясь на своих когтистых лапах и раздумывая, успею ли добежать до потока, если снесу этого наглого аборигена со своего пути. И только когда разглядела, как он в панике трет какой-то амулетик, а затем почувствовала тепловым зрением мчащийся в мою сторону силуэт демона, отступила назад и с силой захлопнула дверь.

Она жалобно скрипнула и затрещала, но выдержала. И демон, расспрашивающий охранника о причине вызова, постоял под дверью, однако так и не решился войти.

А сейчас вот пришел, и хочет поговорить.

Ну что же, посмотрев еще с минуту на неподвижно застывшего мага, решила я, пусть скажет, что ему нужно.

– Говори.

– Спасибо, – горько хмыкнул демон, – если ты не против, я сяду, всю ночь не спал.

Он принес кресло и поставил так, чтобы смотреть в окно, видимо знал, что я прекрасно вижу его лицо, даже сидя к комнате спиной.

– Тебе Малина сказала, почему она помогает Трине? – задал вопрос, едва устроившись.

– Ты хотел поговорить, а не допрашивать меня, – немедленно разоблачила я этот маневр.

– Всё что я могу сказать, зависит от того, сколько знаешь ты, – лицо демона исказила горькая усмешка, – я должен быть уверен, что не раскрою чужой тайны. Видишь ли, мне пришлось дать клятву... очень серьезную клятву, нарушить ее нельзя.

– Сказала, что Сирени, – медленно говорю я, стараясь очень

осмотрительно выбирать слова, – все труднее удерживать стабильную форму, вот Малина из жалости и делает все, что попросит сестра.

И только произнеся это вслух, понимаю, как ничтожно мала эта причина для оправдания жертв, которые приносит на алтарь сестринской любви Малина. Вот значит, как! И эта меня обманула! Ну, посмотрим, что ответит демон, ему-то я склонна верить меньше всех.

– Да, это правда, – странно, но на мрачном лице демона нет и десятой доли того горя, какое я ожидала увидеть при упоминании, что любимая женщина вскоре станет потоком чистой энергии, – и я могу подтвердить, долго ей не продержаться. Ты можешь презирать меня, но я жду этого дня как освобождения. Можешь не верить, но я в самом деле очень любил эту женщину и почти двадцать лет искал способ её вернуть. Но за последние дни убедился, той Трине больше нет. Она была такая живая, веселая... общительная и добрая, словно домашний котенок. Я мог часами слушать беспечную болтовню, и мне никогда не надоедало наблюдать за ее лукавым личиком. Ты ведь не знаешь... мне почти триста лет. И за прожитые годы я научился ценить существ любой расы, и любого пола и возраста, в которых горит радость жизни. Желание жить самим и помогать в жизни другим. Впрочем, кому я рассказываю, ты и сама такая. Именно поэтому я взял тебя в ученицы... и поверь, в тот момент даже не ожидал, что события повернутся совсем не так как я думал. Я не прошу у тебя прощения... простить такое предательство невозможно. И не стану говорить, что у меня не было выбора... выбор есть всегда. Но я точно знаю, что теперь у меня есть способ тебе помочь. Если ты согласишься на сделку.

– А ты уверен, что Сирень нас сейчас не слышит? – тщательно проверив все прилегающие помещения как по горизонтали, так и по вертикали, и убедившись, что ведьмы поблизости нет, на всякий случай спросила я.

– Уверен, – усмехнулся демон, – она полетела просить прощения у гольдов. Только ей под силу проскользнуть сквозь скалы.

– А из-за чего они поссорились?

– Неужели не поняла? – иронично поднял бровь маг, став на миг таким же уверенным и насмешливым, как в первые дни нашего знакомства, – разумеется, из-за тебя. Ты – единственная проблема, которая держит Трине в человеческом облике. Её все сильнее тянут к себе потоки энергии, и потому так раздражает твое упрямство. Вот княгиня и заявила гольдам, что они специально переманивают тебя, ведь из краба, умеющего слушать, думать и запоминать, можно сделать просто идеального шпиона. Не зря же они сделали тебе такой шикарный подарок, приспособление для разговора

из лунного серебра и ничего не потребовали взамен. А всем известно, гольды очень экономны, и лунным серебром дорожат как жизнью своих детей.

Демон внезапно смолк и помрачнел, и я снова проверила все помещения, решив, что он почувствовал возвращение Трине. Однако ведьмы поблизости не обнаружилось, я хорошо научилась распознавать ее силуэт издали. Да и вообще никого, кроме спящего в соседней комнате князя, в этой части дома нет. Даже охранник куда-то делся. Во дворце после ухода ведьм стало слишком тихо и пустынно. Слуги тоже не появлялись, видимо некому было нанять новых, или ведьма еще надеялась договориться с гольдами?

– Вот в этом и состоит сделка, – снова заговорил маг, пристально рассматривая разгорающуюся зарю, – ты соглашаешься с её предложением, а я, едва она... уйдет, возвращаю тебе тело и свободу.

– Как ты сможешь мне его вернуть, – не поверила я, – если там висит заклинание... старости.

– Я вспомнил, кто из моих врагов такой магией баловался, – кивнул демон, – и смотался на второй же день в его замок. Оказывается, он исчез года четыре назад, и там теперь хозяйничает его бывшая подруга. Она разрешила мне забрать его записи и дневники, и все эти дни я искал отмену. Понимаешь, необратимое заклинание у черных магов ценится намного меньше, чем заклятье с отменой. Тогда его можно продать два раза и второй раз зачастую приносит намного больше прибыли. Потому я и не верил, что изобретя такое мощное заклятье, маг не попытался развернуть его в обратную сторону. И в самом деле нашел зашифрованную запись. Вот на то, чтоб ее расшифровать и проверить действие на кроликах и ушло больше всего времени. Зато теперь я могу гарантировать, что освобожу тебя от стазиса и от заклятья в тот же день, как она... в общем, освобожу. И помогу устроиться в городе, или в деревню к ведьмам отправлю, как пожелаешь. Если, разумеется, не захочешь остаться тут.

– А что она от меня хочет? – пытаюсь казаться рассудительной и осторожной, хотя демон не может не догадываться, что купил меня с потрохами.

Ну, да, в этом теле я сильная и неуязвимая, у меня чуткий слух и необычное тепловое зрение. Но кто бы знал, как хочется ходить босыми ногами по траве, чувствуя подошвами каждый крошечный камушек! Есть кашу ложкой, сидя за столом на стуле, и ощущать вкус и форму каждой крупинки! Пить воду не из тазика, а из стакана, наблюдая при этом, как сверкают на солнце стекающие по стенке капельки! Спать, раскинувшись

на постели и чувствуя кожей прохладу простыней.

– Ты ведь и сама догадываешься, – устало буркнул маг, – она хочет, чтоб ты дала клятву, что до совершеннолетия Эри пробудешь в этом теле.

Дала клятву? Про это я слышу впервые! А в ушах уже звучит сердитый выкрик Кинны, – ...клянусь, что по своей воле...

И всплывает в памяти торжествующая усмешка княгини, принимаю твою клятву!

Ох, и не нравится мне это условие! Такой подвох в нем чувствуется, такая ловушка! Впрочем, я давно в ловушке, и как ни крути, выхода все равно нет. Или есть? Раз она хочет, чтоб я дала клятву?! Во всех случаях, подумать хорошенько мне не помешает.

– Я подумаю.

– Нет, – с сожалением смотрит Ургаир.

– Что, нет?

– Времени на раздумья у тебя нет. Разве сама не чувствуешь?

Чувствую. Сирень появилась совсем рядом, в спальне князя. А раз мы ее почувствовали, значит, и она нас вскоре обнаружит.

И точно, всего через несколько секунд призрачный силуэт выплыл из стены.

– О чем секретничаете? – голос ведьмы добродушен и кроток, но мой чуткий слух ловит в нём струной натянувшееся раздражение.

– Какие у нас могут быть секреты, – желчно фыркнул маг, – это по твоей части. А мы просто любуемся рассветом, я зашел к Кэт сказать, что ей разрешено гулять по саду и засиделся.

– Ну, любуйтесь дальше, – щедро разрешила Сирень, и не забудьте, на обед придут старейшины гольдов и глава городской управы, я собираюсь сделать важное сообщение. Вас обоих приглашаю официально, будут зачитаны документы, касающиеся вашего статуса при князе.

Ведьма уже давно ускользнула сквозь стену, и ее силуэт растаял где-то в районе кухни, а мы все не решались выговорить ни слова.

Да и о чем говорить, если без слов понятно, что она снова обошла нас обоих.

День двадцать первый, полный сюрпризов, продолжается

В зал для малых торжеств, куда нас так официально пригласила Сирень, я плелась в самом отвратительном расположении духа. Все мои самые худшие опасения превратились в неизбежную реальность.

Вначале исчезла последняя надежда на встречу с гольдами. После разрешенной мне прогулки по парку я убедилась всеми доступными методами, что ни одного из замеченных ранее проходов во владения маленьких рудокопов больше не существует. Даже ступени возле горного потока были теперь просто лестницей.

А вернувшись с гулянья, с огорчением узнала, что мне выделили новое помещение, совсем в другом крыле здания. Там, где раньше обитал Роул, а теперь жила Сирень.

Но что самое обидное, чуть позже выяснилось, переделка этих покоев именно для меня и Эри велась уже не первый день и в строжайшей тайне. Раз даже князь разинул рот от изумления, когда вошел в просторную общую гостиную следом за мной.

А я наоборот, лишь крепче сжала челюсти, сразу обнаружив снаружи на окнах очень изящные, выкрашенные в почти белый цвет, но от этого не менее крепкие, массивные кованые решетки. Во всех комнатах, от спален до гардеробных.

Впрочем, в моей половине никакой гардеробной не было. Как и мебели. Только каменное ложе посреди комнаты, накрытое меховыми покрывалами и маленькая купальня вообще без окон. Причем ни одна стена в ней не выходила наружу.

Еще из мебели в моей спальне был очень широкий подоконник, взобравшись на который я сразу обнаружила расхаживающий по галерее, расположенной под окном, патруль в виде троицы очень представительных наемников. И у каждого на груди, рядом с амулетами и сигнальным рожком висел тряпчатый мешочек, очень похожий на тот, каким меня усыпила Малина.

И это был даже не намек, а прямое пояснение, для какой именно цели выписывают тут круги эти здоровяки.

Я, конечно, предполагала, что ведьма предпримет все доступные ей

меры по охране одного знакомого мне горного краба, но не догадывалась, что она зайдет в этом так далеко.

А обиднее всего показалась потеря нескольких вечерних и утренних часов, в которые я могла устроиться на подоконнике и постараться забыть про свой уродливый облик, представляя себя в мечтах снова обычной девчонкой.

Мечтать о том, как бежишь в полдень босиком по нагретым камушкам и с прогибающегося мостка прыгаешь в неширокую, но знакомую до последней ямки речку, и с визгом плывешь наперегонки с Жучкой за брошенным прутиком, на виду у вооруженных до зубов наемников не смог бы даже отпетый мазохист. А уж о чем-нибудь более романтичном, типа новогодней дискотеки в клубе или поездке с Мариной в город, даже представить невозможно.

Поэтому я решительно слезла с подоконника и просидела на каменном ложе, спиной к окну, все оставшееся время до собрания, жалея, что не могу вообще не видеть ни ненужного мне теперь окна, ни этих решеток.

– Кэт... – робко позвал князь, войдя в мою спальню после полудня, – можно, я тут посижу?!

– А ты видишь тут хоть одно кресло? – если бы мой голос мог передавать эмоции, в нем плескалось бы целое море яда.

– Я бы принес... но они тут все каменные. Это специально еще прадед придумал, когда его чуть не убили стулом, – пролепетал мальчишка горестно, – только там, где всё хорошо защищено магией, можно ставить деревянную мебель.

Он резко отвернулся и шагнул к окну, тщетно пытаясь удержать худенькие плечи от предательской дрожи, выдающей его рыдания.

Проклятая жалостливость, злюсь сама на себя, сползая с лежанки и топая к подоконнику. Не зря тетка всегда говорила, что лучшую половину русских баб сгубила именно жалостливость. Только я раньше по глупости самоуверенно считала, что это абсолютно не про меня.

– Эри, перестань, – хочу проворчать строго, но лунное серебро, вставленное в крабье горло, назло мне звенит нежными колокольчиками и князь, рывком обернувшись, кладет руку прямо на шипастую морду.

Не знаю, погладить ему вздумалось меня по головке, или просто дружески хлопнуть, получилось лишь то, что могло из этой попытки получиться. Алая струйка хлынула мне на морду, на клешню, которую я, не ожидая такого жеста, подняла слишком поздно, на его белую рубашку, к которой побледневший парнишка прижимал порезанную руку.

Нужно позвать кого-нибудь, лекаря или мага, подорвалась я и вдруг

застыла, злорадно обдумывая пришедшую в голову идею.

Проверить, что сделают наши сторожа в нештатной ситуации.

Прыгнула мимо Эри к окну и, недолго думая, нарисовала на толстом стекле плоской стороной окровавленной клешни знак Зорро.

Охранники, бдительно поглядывающие в сторону решеток, дружно остановились и подняли тяжелые штуки, которые, по-моему, должны называться арбалетами, хотя на особую точность я не претендую.

И тогда я отступила в сторону, предоставляя им полную свободу для полета воображения.

Полет оказался вполне предсказуемым, охранники мигом схватились за свои рожки и, поднимая невообразимый звон и свист понеслись куда-то прочь.

Вот теперь ломай, Катька, сколько хочешь, решетку, не жалея чужих клешней, и беги отсюда что есть силы. Мчись, куда глаза глядят, испытай последний шанс, авось повезет! Искушает душу шальная надежда, и я уж было дернула клешню вверх, к стеклу, разбить быстрее, чем открывать, да что-то остановило.

– Кэт, зачем ты это сделала? – потрясенно охнул князь и я, наконец, сообразила, что именно меня остановило.

– Тебе нужен лекарь, перевязать рану, а они все равно от скуки маются, вот пусть и побегают. И нам польза и им развлечение, – с сожаленьем отвернувшись от окна поясняя мальчишке, и взбираюсь на свою постель.

– Ты забыла, что я маг? – он показал мне еще выпачканную кровью, но совершенно целую ладошку.

– А кровь с рубашки убрать? – подначиваю, уже видя тепловым зрением толпу охранников, несущуюся в нашу сторону под предводительством темного мага.

– Тоже могу, – гордо кивает он, и взгляд становится напряженным.

Ну, же быстрее, мысленно подстегиваю я, предвкушая неожиданное развитие своей спонтанной шутки.

Ургаир в сопровождении громко топающей толпы охранников ворвался в комнату в тот самый миг, когда последний кровавый след исчез и с рубашки князя и со стекла.

– Что тут... – демон замер, обнаружив Эри в целости и сохранности.

– А, маг! – высокомерно фыркнул на него мальчишка и от этого тона желваки на щеках демона нервно дернулись, – вы пришли как раз вовремя, хотя и без разрешения. Распорядитесь, чтобы мне поставили тут кресло и стол. А еще поставьте ваших охранников так, чтоб мне не приходилось все время видеть в окне их небритые физиономии. И...

– Пусть повесят плотные занавески, – не таясь, подсказываю я, вы у меня получите сполна все, чего заказывали.

И даже то, чего еще в мыслях не держали.

– Да, вот именно! Повесить плотные шторы! А теперь все свободны. И каждого, кто посмеет ворваться сюда без разрешения, я превращу в курицу. Вот такую! – он создал на ладони вполне реальную иллюзию, а я, чтоб припугнуть охранников посильнее, молниеносным движением сцапала курочку за лапы и одним махом сунула в пасть.

Ой, мамочки, сжалось всё в душе, едва в пасти что-то громко захрустело. Я потрясенно замерла, глядя в побледневшие лица сторожей, которых не догадалась сосчитать пару минут назад. Она что, и вправду настоящая была? И откуда же этот... колобок... ее взял? Или... из кого сделал? И от этой мысли мне стало окончательно не по себе.

Сторожа вымелись из комнаты мгновенно, причем двигались они теперь на цыпочках, стараясь не производить ни малейшего шороха.

– Ну и зачем вы это устроили, – едва сторожа испарились, с необычной деликатностью притворив за собой мощную дверь, устало спросил сразу осунувшийся маг, – хотите, чтобы она усилила охрану?

– Куда еще, усилить, – расстроенно фыркнула я, – закоренелых маньяков и то меньше стерегут.

– Потом расскажешь, кто это такие и как их стерегут, – невесело хмыкнул демон, – а сейчас вас ждет княгиня. Прежде чем выходить к гостям, все клятвы должны быть даны, а документы подписаны.

– А кто подписывать не умеет?

– Поставит отпечаток ладони. Или клешни, – прикинулся маг, что не понял шутки, – поторопитесь, у нее еще много дел.

Вот так и оказалось, что подписалась я на пять лет служить верой и правдой юному князю, и клятву соответствующую дала. С условием, которое мне очень не понравилось. Очень хотелось спросить Ургазира, зачем такие осложнения, но он усиленно делал вид, что не знает меня и никогда не знал.

Эри, правда, начал было что-то бормотать, типа, кому это нужно, но Сирень была сильно не в духе и так резко одернула сына, что он больше ни слова не произнес, оскорбленно поджав задрожавшие губы.

Едва я произнесла клятву, ведьма отправила меня в коридор. Ей назло я не осталась стоять под дверью, а потихоньку потопала вниз, в сторону зала, где суетились, наводя последний лоск перед прибытием гостей, едва ощутимые отсюда теплые пятнышки.

Ни сторожей, ни охранников поблизости не было видно, что я теперь

никуда не сбегу, жестко контролировало условие, по которому за мою верность и сохранность полностью отвечал демон. Который должен был в случае моего побега или измены завершить заклинание, которое Латриней откроет ему перед своим уходом. Я крутила в уме это условие и так и сяк и все больше начинала подозревать, что ведьма изобрела нечто особо иезуитское. Потому что не видела никакой веской причины, по которой после её смерти маг должен был неукоснительно исполнить данную княгине клятву. А если честно, вообще не могла сообразить, как может ставшая пучком энергии ведьма проконтролировать данные ей клятвы. И в то же время ясно понимала, что продумывая всю эту сложную систему, она не могла не изобрести гарантий, которые будут держать мага крепче цепей. И мрачный как ночь, демон, по-видимому, понимал это не хуже меня, отчего наш с ним договор автоматически становился невозможным.

И это хотя это делало меня бесправной рабыней, но не отнимало последнего, самого безнадёжного шанса на побег. Если рабство в этом чудесном дворце станет нестерпимой ношей.

Время обеда уже прошло, когда нашедший меня возле окна демон тихо предложил следовать за ним.

Спорить я не стала, а толку-то?! Развернулась и молча пошлепала следом, запоздало сообразив, что эта хитроумная клятва лишила меня не только свободы, и стремления за нее бороться но и желания мстить демону. Какой интерес мстить тому, кто наказан сильнее тебя самого?

А что маг унижен до глубины души мог с уверенностью сказать каждый, кто знал его хоть несколько дней. Когти, которые он никогда после того случая в сокровищнице не позволял себе выпускать, впивались в ладони, хвост метался под плащом из стороны в сторону как у разъяренного тигра в цирке.

Я даже слегка развеселилась, наблюдая за этим яростным хвостом, и тут же пристыдила сама себя, вспомнив, что это низко, радоваться, когда кому-то еще хуже чем тебе.

Зал был уже полон гостей, и Латриней в окружении тихо ненавидящих её родственников с холодной отстраненностью восседала на кресле, когда мы вслед за важно шествующим судьей подошли к подиуму. Я сразу и бесповоротно решила, что на подиум не полезу, не комнатная собачонка, чтобы сидеть у ног хозяев.

Дернулся было Эри, позвать меня к себе, но мать так на него пришикнула, что я очень пожалела, что никто не может превратить ее в курицу. Хотя бы на несколько секунд, мне бы хватило.

Не сразу я заметила сидевших по другую руку от Латриней двух

гольдских старейшин, Кройза и еще одного, мне незнакомого. И стоящих у них за спинами воинов, среди которых был Делз. А когда заметила, то поняла, что бывший охранник усиленно пытается подать мне какой-то знак. Вот только понять, что он означает, я никак не могла.

И хотя уже пожалела, что не влезла вовремя на возвышение, исправлять эту оплошку было поздно.

Важный судья встал между подиумом и гостями и размеренно прочел обращение княгини к почтенным подданным князя Аглензайр. О том, что вдова князя Эрнилинса Аглензайр, Латриней Аглензайр, отправляясь в дальнее и опасное путешествие по делам княжества, поручает воспитание и обучение своего сына, князя Эрифиуса Аглензайр до его физического совершеннолетия, главному магу княжества Ургазиру дей Рроквейсу, а личную охрану горному крабу по имени Кэт. Решение финансовых вопросов доверяется совету старейшин племени гольдов, в лице его главы, Кройза Халлганта. Контроль за советом и крабом возлагается на главного мага, принесшего в верности и неукоснительном исполнении этого поручения клятву на собственной крови. Оплатой за исполнение этой клятвы станет открытие магу важной тайны, касающейся лично его, а наказанием за недобросовестное исполнение обязанностей пробуждение проклятья, наложенного на близкое ему существо. Кроме того, заклинание проклятья наложено и на самых добропорядочных граждан города, для того, чтобы краб Кэт не нарушил своей клятвы верности. И в силу оно вступает незамедлительно после отбытия княгини.

– Я не понял... – поднял на Латринею глаза судья, произнеся эти слова, – на кого именно?

А вот я поняла. И они тоже понемногу начинают понимать, серея и бледнея на глазах. Гномы и гномки, пришедшие на званый обед.

А их-то за что?!

Хотя, я уже знаю ответ. Никогда теперь я не решусь сделать даже один шаг в сторону свободы, зная, что все эти совершенно чужие мне люди, или гномы, не все ли равно, будут мучиться по моей вине. Что останутся сиротами маленькие гномята, опустеют уютные домики.

– Ох, какая же ты сволочь! – вот ведь не хотела я ничего говорить, само вырвалось.

– Кэт.

Что она собирается делать? Прибить меня на месте? Да и флаг ей в руки, зафиг мне такая жизнь?

А вот это еще зачем? В панике пячусь от опустившейся передо мной на колени Сирени.

– Я знаю, что ты меня ненавидишь. Так и должно быть. И если бы у меня была хоть крошечная возможность вернуться и все объяснить... и попросить прощения... но её не будет. Когда-нибудь у тебя будут дети, и тогда возможно, ты поймешь... что я сейчас чувствую. А сейчас... могу только сказать, другого выбора у меня просто нет. Так уж сложилась моя жизнь... никогда не было выбора.

Она решительно поднялась на ноги и, не касаясь ногами пола, вернулась на помост, оставив в моей душе после этого коротенького монолога ощущение тягучей горечи и вины. Хотя, в чем я могу быть перед ней виноватой, даже не представляю.

– Ургаир... – теперь ее голос тих и безжизнен, – чтобы расплатиться с тобой, я нарушаю старую клятву, но это уже не имеет никакого значения.

– НЕТ! – вскочила с кресла Малина и ринулась к ней, – ты не можешь так поступить со мной за все, что я вынесла!

Она попыталась схватить дикую ведьму за руки, но ее пальцы прошли насквозь, словно через туман.

– Ой, – Лин дула на обожженную руку, ошеломленно разглядывая сестру, словно перед ней был призрак.

Бабка-йожка Вия

День двадцать первый, после обеда драматический.

– А я на нее так сильно разозлилась, даже крикнула, что ноги моей там больше не будет, – возмущенно тараторит ведьма, – а она в ответ – принимаю твою клятву. Направила я ковер домой и постаралась все это из головы выбросить. Даже поспала немного. Атаний проснулся только к вечеру, я ковер сразу посадила, ужин сварить, сама-то пирожками перекусила. Ну, вот. Сели мы ужинать, я ему и рассказываю, как еле вырвалась из того дворца. Он и говорит, эта ведьма сразу ему подозрительной показалась, да и монстр ее тоже. Вылез на нас из озера, и как закричит – бандиты, вы что, русского языка не понимаете...

– Что?! – так и подпрыгнула я, – Кинна, она прямо так и сказала? Да ведь с этого и нужно было начинать! В какой стороне тот дворец?

Вот же бестолковая ведьма, из-за ее болтовни почти час потеряли! Нужно было еще издали кричать, что моя соотечественница в беде. И судя по невнятному рассказу Кинны и ее догадкам, в очень серьезной. Я уже давно начала догадываться, что выплеск энергии, создавший телепорт между мирами мог затянуть не только опытных ведъм, которым в чужом мире хоть с трудом, но можно выжить. А вот неинициированной или просто слабой ведьмочке придется трудновато, особенно если на пути встретится кто-либо обладающий магическим даром.

И потому моя прямая обязанность, да и просто человеческая солидарность по первому сигналу мчаться на помощь.

А сама уже мысленно скомандовала самолетке и коврику Кинны немедленно взлетать. И едва ведьма указала направление, направляю туда самолетку с самой высокой скоростью. Однако вскоре пришлось притормозить на пару минут, коврик за нами не успевал.

Да что я мелочусь-то? Внезапно пришла в голову здравая мысль и так мне понравилась, что я решила её реализовать. Ведь энергии в этом месте хватит на целый авиапарк. Дождавшись, пока коврик причалит, объединяю его с самолеткой. И сразу увеличиваю рванувшую вперед метелку еще на пару кают. Одну, само собой для Кинны с гномом. А вторая, запасная, надеюсь, еще сегодня тоже обретет хозяйку. Если мы успеем.

– Вия, – крепко прижав меня к себе, ласково ворчит Гарон, – перестань ты так переживать. Вытащим мы оттуда эту ведьмочку, я тебе обещаю. Раз

они так с ней носятся, значит, она этой дикой княгине для чего-то очень нужна. И следовательно не о чем тебе волноваться. Успокойся и отдохни, а лучше хоть немного поспи. Видел я, что ты с горой сотворила, пока я спал.

Ну, разумеется, он прав. Ничем мои переживания девчонке не помогут. Но спать сейчас я просто не смогу. Как и не думать о попавшей в беду соотечественнице. Теперь-то я понимаю, что вовсе не к горе меня тянула вчера утром тревога, зря я решила, что издали подруг почувствовала. А убедившись, что они в порядке, живы и здоровы, сразу не поняла, что это другая душа моей помощи ждет. Сама себя не прощу, если опоздаем.

– Кинна, а кто такие эти дикие ведьмы? – чтобы отвлечься от сверлящей душу тревоги, пытаюсь выяснить, с кем придется столкнуться.

Почему-то в знаниях Дарота этой информации нет.

К владениям горных гномов мы подлетали после обеда, и с того момента, как на горизонте показались острые фиолетовые скалы, я неотрывно смотрела в лобовое стекло самолетки. Гарон неотлучно находился рядом, и пытаясь хоть немного отвлечь меня от съедающей душу тревоги, в шутливой форме излагал историю раскола гномьего племени. Я слушала вполуха, а когда в глубине живописной долинки блеснули крыши небольшого городка, а над ними вырезался на фоне неба силуэт дворцовых стен и башен, нежно прижала палец к его губам, предлагая помолчать. Он нежно его поцеловал и смолк, всматриваясь вместе со мной в растущий в переднем стекле замок.

– Защищен как перед осадой, – хмыкнул неодобрительно, – кого же они так опасаются, свои ведь все вокруг?

Я тоже уже разглядела многослойное плетение защитных заклинаний, запутанное так хитроумно, что вряд ли найдется маг, готовый рискнуть и попробовать решить эту задачку.

Но я уже вовсе не та бабка – Йожка, какой попала в этот мир, да и Гарон теперь далеко не простой маг. И потому снятие этой защиты просто вопрос времени.

Которого, у нас, очень надеюсь, в достатке.

Однако ломать защиту замка нам не пришлось. Вскоре нашелся настолько простой выход, что я даже хихикнула.

– Вия, – крепче сжимает мои руки Гарон, – не нервничай.

– Да с чего ты, милый, взял, что я нервничаю? – веселюсь уже в открытую, – посмотри, какой отличный выход я нашла!

Вернее, вход. И не просто вход, а широко распахнутые ворота. В которые важно втекают разодетые гномы и гномки. Горные, разумеется, и понять это отличие можно только по чуть заметному металлическому

отблеску волос.

– Вия, – ну и с чего он снова так нерешительно мнетя?

Словно чужой.

– Что, милый? – интересуюсь, подарив ему для храбрости нежный поцелуй.

– Не хочу тебя огорчать, но там стоят несколько мощных магов, из тех, кого в этих местах зовут черными. Они нас за двести локтей обнаружат. И сразу...

– Умрут? – огорченно подхватила я, – неужели у тебя сегодня такое кровожадное настроение?!

– Ради тебя я мог бы их и прибить, – явно напрашивается гном на повторение поцелуя, и я не могу его разочаровать.

– Но? – задыхаясь, спрашиваю через минуту, – не убьешь?

– Бесполезно. Едва тут начнется шум, защита замкнется. И тогда пострадают невинные гномы, а мы так и останемся на улице. И защиту все-таки придется ломать.

– Мне приятно, что ты это понимаешь, но и жена у тебя не дурочка. И топать без морока и щитов никуда не собиралась. Припомни, как вы прошли в дом Корделиуса? Повторенье – мать ученья. Тем более теперь мы с тобой намного сильнее и спрятать свою ауру сможем хоть от армии черных магов. Нужно только переодеться, выступать в таком виде перед народом не комильфо. Особенно с нашим статусом.

– А ты, что, собираешься выступить? – наблюдая как я превращаю свою каюту в примерочную, заинтересовался гном.

– Не собираюсь, но чувствую, что придется, – бурчу, обдумывая детали туалета и для верности поглядывая в окно на важно шествующих гостей, – надень-ка вот это, и поторопись. А то гости пройдут, и мы в ворота не успеем.

Но мы успели. Оставив покрытую пеленой невидимости самолетку на Кинну и выдав ей подробные инструкции, почти последними прошли в ворота. Внешность для себя и Гарона я выбрала достаточно неприметную, при этом мы были слегка похожи на всех гостей, кого я успела разглядеть. Проверено на собственном опыте, это самый удачный и беспроявительный облик. Когда ты всем будто бы знаком, и охранник, проклиная собственную забывчивость, долго и безрезультатно вспоминает, как же зовут того гостя, который так по-дружески ему кивнул.

Темные маги действительно стояли чуть в стороне от дорожки, выложенной полированным камнем глубокого фиолетового цвета, и, не надеясь только на свои способности, держали в руках различные

магические предметы. Именно на обнаружение таких партизан, как мы с Гароном, и зачарованные.

Я не удержалась от соблазна проверить их детекторы и кокетливо улыбнулась самому мрачному из магов, одетому в черный плащ такого загадочного фасона, словно он только что сбежал со съемочной площадки. Где снимаются ужастики про чертей и вампиров.

– Ну и чем тебе так приглянулся этот демон? – едва не скрипит зубами Гарон, и все черные маги сразу перестают меня интересовать даже как антураж съемки ужастика.

– Гарик, если ты посмеешь еще раз приревновать меня к какому-то чучелу, то я сама не знаю, что с тобой сделаю! – вцепившись ему в руку, шиплю яростно, – не выношу ревнивцев. Или ты веришь, что твоя жена приличная женщина, или давай разбежимся сразу!

– Не сердись, но ты так на него смотрела... – огорченно бурчит Гарон, – я не выдержал.

– Я специально сделала такую физиономию, чтоб он меньше пялился в свое зеркало, или что там у него в руках было? – ну да, слукавила, но ведь всего чуть-чуть?

В большом зале дворца, очень изящно украшенного мозаикой из полированного камня различных оттенков фиолетового цвета, расставлены удобные кресла и диванчики, обращенные в сторону небольшого подиума, на котором тоже находится несколько кресел. И два из них, те, что посередине, настолько отличаются богатством резьбы и обивки, что сразу понятно, кто на них будет сидеть.

На этих тронах.

Мы устроились в последнем ряду, и внимательно наблюдаем за происходящим, прислушиваясь к тихим перешептываниям гостей, явно опасаящихся не только говорить громче, но и сделать лишнее движение. И такое поведение княжеских подданных говорит явно не в пользу хозяев этого дворца. Хороших правителей народ должен уважать, а не бояться.

Я уже придвинулась было к мужу, сообщить шепотом эту аксиому, как ощутила появление где-то рядом мощного источника энергии. Пришлось в спешном порядке заняться укреплением морока, чтоб он не засиял от притока энергии, словно покрыт люминесцентной краской.

Подправляя магические щиты, попутно определяю, откуда идет эта энергия и почти не удивляюсь, обнаружив её источник сидящим на одном из тронов. Вернее, сидящей. Стройная женщина с необыкновенными сиреневыми глазами и золотистыми локонами настолько точно совпадает со сделанным Кинной описанием, что нет ни мельчайшего сомнения, что

это она и есть, княгиня Латринейя Аглензайр. Дикая ведьма.

Кинна рассказала мне целую кучу легенд и баек про то, кто они такие, и Гарон с Атанием тоже кое-что добавили, но сразу предупредили, что за достоверность информации не отвечают. Нет в окрестностях Дарота никаких диких ведьм.

Ее сущность вызывала во мне живейший интерес, подогретый противоречивыми легендами. Не отводя взгляда, пристально слежу за хозяйкой, и не только обычным зрением, но и на энергетическом уровне. И все сильнее подозреваю, что она еле удерживает человеческий облик. И, следовательно, жить ей остается последние часы.

Бедные гости! Они и не подозревают, что их пригласили не на праздник, а на репетицию поминок.

Странная компания вошла в комнату и молча прошествовала к подиуму. Пара глазастых, белобородых карликов, чуть выше метра ростом, в сопровождении молодых воинов той же расы важно протопали по ступенькам и заняли кресла рядом с княгиней, оставив воинов стоять за спинками. С другой стороны от нее скромно устроились две женщины в неловко сидящих на них нарядных платьях. Судя по ауре, обе ведьмы. Значит, старшая по логике должна быть Малиной. Если только ведьма, еще ночью предупредившая Кинну о том, что их могут найти в любой момент, не наказана за свои провинности.

Сразу следом за ведьмами вошли два очень похожих между собой молодых гнома, один из которых, совсем еще мальчик, опустился на второй трон, а второй устроился рядом с ведьмами и теперь бесстрастно разглядывал гостей, чуть заметно кривя в презрительной усмешке красивое лицо.

Последними входили трое и, мельком скользнув взглядом по важному человечку со свитками в руках, и угрюмому магу, встреченному в парке, я впилась взглядом в топающего рядом с ним монстра.

А иначе это чудище и не знаю, как назвать. Круглая шипастая тварь, напоминавшая плоскую консервную банку ростом и размером с кухонный стол, с прилепленной спереди рогатой и зубастой нашлепкой уродливой головы, и мощными когтистыми лапами, поневоле внушала отвращение и ужас. И не только мне, именитые гости подтянули к себе ноги и вжались в кресла, а женская половина не удержалась от испуганных вскриков. Видимо, не так часто им приходилось наблюдать это чудовище вблизи. А оно, устрашающе помахивая внушительными клешнями, протопало к подиуму и застыло рядом, явно не желая присоединяться к сидевшей на нем компании.

Рванулся с трона мальчишка, но под хлестнувшим плетью взглядом дикой ведьмы сразу опустился назад, и застыл, возмущенно стиснув губы. А обстановочка-то у них тут, похоже, накалена до предела.

– Вот она, – шепнул Гарон, и, дождавшись ответного кивка, предложил, – забираем?

– Подожди, хочу понять... что тут творится, – не переставая бдительно следить за происходящим, вздохнула я.

Не пойму, что именно меня настораживает, но в то, что удастся забрать ведьмочку без осложнений, надеюсь все меньше. Слишком напряжены все сидящие на подиуме, слишком напуганы гости. В добрые намерения княгини, похоже, не верит никто из присутствующих. И наверняка имеют на то веские основания.

К тому же мало просто забрать монстра, нужно еще найти тело девушки. По намекам Малины, Кинна поняла, что его прячут где-то в подземном тайнике. И вполне возможно, что сама девчонка не имеет об этом месте никаких сведений.

– Вия, ты чувствуешь? – напрягся гном.

– Да, – еле слышно шепчу в ответ.

Странно было бы, если б я со своими возможностями не ощутила странной сети, которой незаметно опутала всех гостей дикая ведьма.

Внешне вроде безобидное плетение, чем-то похоже на защитное, почему же у меня к нему такое интуитивное отвращение?

Катерина

День двадцать первый, полный сюрпризов, продолжается.

Ургаир в один миг оказался возле трона и знакомо повел в сторону княгини руками, собирая лишнюю энергию, вскочил с трона Эри, и встал рядом с демоном, толпой бросились в зал гуляющие по холлу черные маги.

И, ловко лавируя между креслами, спешно пробиралась в нашу сторону парочка отважных гномов, хотя все остальные с неистовой надеждой поглядывали в сторону двери.

– А вы куда, – грозно зыркнул в сторону смельчаков мраком глаз Ургаир, не переставая водить руками над ставшей почти прозрачной Сиренью.

– Помолчи, демон, – властно оборвала его гномка, – Гарик, кокон. Так. Держи. Щас достану.

Я всеми своими чувствами следила за разворачивающимся действием, отлично понимая, что маги видят намного больше, чем я. Но и того, что смогла разглядеть я, было достаточно, чтобы отчетливо понять, превращение в энергию, которое обещал мне маг, началось намного раньше, чем он предполагал.

И всё, что сейчас вокруг происходило, вовсе не соответствовало заготовленному им на этот случай плану. Откуда-то из пола, из окон, из двери пробилась слабые плети растений, потянулись к дикой ведьме, сплетаясь вокруг нее в тугой кокон. Не оставляющий даже малейшей щелочки рвущемуся наружу ослепительному свету.

Ростки, оказавшиеся во внутреннем слое кокона, дымились и сгорали, но сверху непрерывно нарастали новые и новые, стремясь подавить разгорающееся в коконе пламя.

– Вот же вражья сила, натуральная ядерная бомба, – расстроенно рыкнула гномка и у меня сразу отнялись лапы.

Что она сказала? Мне не послышалось?

– Чего стоите, – на миг обернулась она к Малине, выводите людей! Быстро! А ты окно открой!

Это уже Роулу, и гном, не огрызнувшись и не споря, опрометью бросился выполнять этот приказ.

Но в тот же миг я оттолкнула его в сторону и молнией ринулась к окну,

сразу сообразив, что сумею сделать это намного быстрее.

Окно распахнулось с одного удара, посыпались мне на панцирь осколки стекла, но я, не обращая на них внимания, вскочила на подоконник и выглянула наружу, убедиться, что там никто не гуляет в этот момент.

– Кэт, ты куда? – дернулся было вслед демон, но грозный окрик незнакомки его остановил.

– Не смей орать на девочку, демон, русские людей в беде не бросают! Твоя хозяйка это сразу поняла. Кэт, глянь, чтоб там, в кустах, никого не было, сейчас перебросим её в сад.

Я метнулась выполнять команду, и не успела еще завершить круг и доложить, что никого нет, как в центр лужайки хлопнулся дымящийся клубок ветвей и листьев.

А вслед за ним прилетела она, говорящая такие знакомые вещи незнакомка и с ней её спутник.

– Потерпи, Кэт, немного осталось, – не переставая что-то колдовать, весело подмигнула мне гномка и вдруг ее облик потек, заструился, становясь совсем иным.

Чужим и знакомым одновременно.

– Виктория Вяземская? – не веря себе, ошарашенно пискнула я, восхищенно разглядывая стройную рыжеволосую ведьму, с карими глазами, отдающими зеленью.

– Мы знакомы? – теперь ее очередь удивляться, – как тебя зовут? Откуда ты знаешь мое полное имя?

– А я вот и не знал, – обиженно буркнул ее спутник, тоже успевший сменить за это время внешность.

И его новая нравится мне намного больше.

– Меня зовут Катерина, не помнишь, прошлым летом ты дала мне на вокзале визитку и сказала что возьмешь...

– В ученицы. Конечно, помню, извини, что не узнала сразу, – снова весело подмигнула она, – но у тебя тогда была такая роскошная коса.

– Они ее отрезали... – что случилось с моим серебряным голосом, почему он так задребезжал?

– Не переживай, ученица, всё вернем, главное, мы тебя нашли, – уверенно кивнула она и я поверила.

Сразу и бесповоротно.

Это действительно всё, конец всем моим скитаньям и ошибкам. Раз эта уверенная женщина с лукавыми и ласковыми глазами говорит, что все будет хорошо, значит, иначе просто не может быть.

– Хозяйка? Откуда? – запыхавшийся демон с таким изумлением

вытаращился на потомственную ведьму, словно увидел розового слоника.

Хотя... еще неизвестно, что он в ней на самом деле разглядел, после того как она сняла щиты и мороки.

– Потом, – отмахнулась она, – сила-то у тебя осталась? Сними на пару минут защиту, моих помощников впустить, а то ломать жаль.

– Попробую, – послушно кивнул демон, и лицо у него стало отрешенное, – а с какой стороны впускать?

– Сними с ворот, да поторопись, а то будет поздно.

– Готово, – через несколько секунд доложил маг, а спутник ведьмы оглянулся на ворота и довольно кивнул.

– Летят.

Она внезапно возникла рядом с нами, и от неожиданности ахнула не только я, но и прибежавшие в полном составе участники собрания удостоенные подиума.

– Что это такое? – и у гольдов, окруживших князя и у самого мальчишки глаза светятся одинаковой восторженной любознательностью.

А я сразу сообразила, но никому не расскажу, что именно таким и представляла летательный аппарат потомственной ведьмы. Похожим на катер с небольшими крыльями, и овальным люком сбоку, из которого на откидную ступеньку торопливо выскакивает Кинна.

Как же я не догадалась поговорить с ней, расспросить... почему не поверила своей интуиции, просто вопившей, что тот ковер-самолет не может быть не связан с моим родным миром!

– Атанчик, Шомо, выйдите на минутку, – отрывисто приказала ведьма и из катера выпрыгнул знакомый мне гном и глазастый мальчишка лет семи.

А катер в тот же миг превратился в самую обычную метлу, на каких летают в моем мире баб-яги.

Виктория ловко выдернула из метелки один прутик, прошептала что-то над ним и резко воткнула в опутанный побуревшими от жара побегами клубок энергии.

– Думаю, успели, – внимательно наблюдая за яростно пытающимися выбраться на волю огненными языками, устало произнесла она через томительно долгую минуту, и вернула метле прежний, комфортабельный вид, – теперь можно отдохнуть, поговорить. Садитесь.

Аккуратно подстриженная трава под деревьями мгновенно вытянулась, изогнулась, переплетаясь в кресла и диванчики, окружившие низкий круглый столик, на котором стоит блюдо с фруктами, кувшин и бокалы.

– Кэт, садись поближе, ученица, – наливая себе напиток, нашла меня глазами ведьма, и рядом с диванчиком, на который ее бережно усадил спутник, возникла низкая травяная подушка, – скажи, ты знаешь, где твоё тело?

– Я знаю, – шагнул к ней Ургаир, – я и в стазис его отправлял, и разум в краба переносил. Но прости меня, хозяйка, я дал клятву...

– Отменяю.

Вот это голос. Таким только приговор объявлять.

– Я, Вия, одна из хозяек великого леса Дарот своей силой освобождаю тебя от данной дикой ведьме клятвы, поскольку она теперь принадлежит великому лесу, а значит и все ее должники тоже, – уверенные и твердые слова лучами надежды падали на всех присутствующих.

– Но я не согласен! – в черных глазах Ургаира непонятно почему бьется боль и отчаянье, – она сказала, что проклятье уже наложено, а я даже не знаю, кого защищать...

– Малина, – не выдержала я, испугавшись что из-за ее старинных переживаний останусь без родного тела – если ты не скажешь, то я сама скажу.

– Но ты же ничего не знаешь! Только то, что я рассказала! – неверяще вглядывается в невозмутимые крабы глаза Лин.

– Этого мне хватило. Остальное я подслушала раньше, и связала все воедино. Мне терять нечего, тем более, я считаю, нельзя прятать ребенка от отца, он имеет право знать...

– Какого... ребенка? – никогда не знала, что в глазах демонов может полыхать такое неистовое пламя, – откуда... Малина?! Что ты молчишь?!

– Виновата, вот и молчит, – не выдержала Вия, – но не тебе, демон, ее судить. В рождении ребенка всегда участвуют двое, и нужно очень сильно обидеть женщину, чтоб она скрыла рождение ребенка.

– Да не было у меня с ней ничего, просто опоила сонным зельем... – голос демона звучит все тише а в глазах начинает светиться подозрение, – Малина, чем я тебя обидел? Ты же сама сказала... что я просто спал...

– Потому и сказала... что ты с утра рвался бежать прощения у неё просить... за измену, – горько вздохнула Лин, – вот и налила успокаивающего... память.

– И кто... где мой ребенок? – расстроено схватился за лицо демон, не замечая, что от волнения в кровь рвет когтями кожу.

– А это и я могу подсказать, – легко поднявшись с дивана, шагнула к нему Вия, и сорвав с веточки листок, мазнула им по царапине, – пусть кровь родное почует.

Резко подбросила листик вверх и он тихо закружился, падая, но падал не долго, а вдруг заскользил в сторону, словно привязанный за ниточку.

Мы все, затаив дыхание, следили за его неспешным полетом, и люди и гномы и гольды.

А листок, не торопясь, поворачиваясь и взлетая под несуществующим ветром опускался все ниже и вдруг последним рывком метнулся в руки Рябинке.

– Рябинка?! – демон неверяще пытался заглянуть в низко опущенное лицо ведьмочки, – скажи мне... ты знаешь, кто твоя мать?

– Она не велела никому говорить... – отворачивая в сторону залитое слезами лицо, – прорыдала девушка, – все думают, что моя мать – Береза.

– А про отца? Про отца она хоть что-нибудь говорила?!

– Да, – рыданья били девушку все сильнее, и, не выдержавший её плача Роул, наконец крепко прижал жену к себе, пытаясь успокоить.

– Прекратите! Не видите, до чего вы её довели! А она ведь ребенка ждет, между прочим, вашего внука, дедушка с бабушкой! – к Роулу внезапно вернулась прежняя язвительность, по Ургазиру уже пришел в себя.

– Я отлично помню, и про ребенка, и про то, кто её муж, – рыкнул угрожающе, – и если раньше защищал девочку просто из жалости, то теперь тебе, зятек, придется очень постараться, чтоб меня не разочаровать. Представить не можешь, как несказанно тебе повезло, что я раньше не знал, чья она дочь, иначе ты никогда бы её не увидел. Да и теперь, поскольку я темный маг далеко не из бедных, желающих на твое место будет сколько угодно. А с тобой, Амлия, мы поговорим позже.

Последние слова демон произнес вовсе не тем сердитым тоном, каким отчитывал Роула, и я догадалась, что ничего страшного Малине больше не угрожает. Скорее наоборот.

Но я все равно загадала, если все же вернусь в свое тело, обязательно поговорю с Малиной и попрошу прощения за невольное предательство.

А демон уже снова стоит перед устроившейся рядом с приобнявшим её спутником Вией и умоляюще смотрит ей в глаза.

– Спасибо тебе, за всё... и не сочти меня очень наглым... – демон явно не привык никого и ни о чем умолять и ему приходится пересиливать себя.

– Проси, – по-королевски легко и величественно кивнула ведьма.

– Нужно только посмотреть... внимательно... на Рябинку, сам я что-то никак не могу найти проклятья, – облегченно выдохнул маг, с надеждой уставясь на хозяйку.

– Я уже посмотрела и тоже не вижу, – чуть виновато развела руками Вия, – но могу дать ей сильный защитный амулет, на всякий случай.

Она сжала пальцы в кулак, а когда медленно раскрыла, на ладони лежал обычный желудь на простой веревочке.

– Иди, сюда, Рябинка, это отведет от тебя любое проклятье.

– Спасибо, – шагнула к ней Рябинка и бережно приняла в руки зачарованный плод дуба, – только никакого проклятья нет. Они все думают по-другому... но это неправильно. На самом деле тетя была очень добрая... и очень меня любила. Почти как Эри. Она рассказала мне... чем хочет припугнуть отца, чтобы он не бросил князя, ведь мне одной не справиться, еще и ребенком скоро нужно будет заниматься. Но теперь... когда он знает, что Эри ему не совсем чужой, а мой двоюродный брат... я думаю, он нас не бросит.

– Как ты могла подумать... что я оставлю родную кровиночку... – порывисто шагнул к дочери Ургаир, и бережно прижал к груди.

– Потому заberi свой амулет, может, он кому другому понадобится больше? – доверчиво прислонив голову к широкой груди демона, ведьмочка подняла припухшие от слез глаза на Вию, но та только отрицательно качнула головой.

– Нет, хозяйки подарков назад не берут, а за то, что ты правду сказала, он еще сильнее и лучше стал.

И действительно, меж тонких пальцев Рябинки струится серебряная цепочка изысканного плетения. А когда она подняла амулет, чтоб надеть на шею, на ней томно повис нежно-зеленый малахитовый желудь.

– Жалко, что её больше нет – печально оглянулась Рябинка на то место, где недавно полыхал, обдавая жаром, сгусток энергии, бывший недавно Латринеей.

– Успела я ее спасти, – довольно усмехнулась моя новая наставница, – неужто не видите?

Нет.

Не видим.

Ничего не видим, кроме тонкого деревца, чудом уцелевшего среди обуглившихся веток.

– Это... правда он? – неверяще качнув головой, шагнул в еще горячую золу демон, – я не ошибаюсь?

– Да, это дроб. У меня в метлу несколько прутиков для силы воткнуто. Теперь он сохранит её память, а когда родится дриада, передаст ей. Но это будет еще не очень скоро, дробы растут не быстро, – ласково поглаживая ладонью льнущее к ней деревце, объясняет Вия, и я чувствую, как смутное чувство вины и горечи, отравлявшее мне радость от встречи с соотечественницей, исчезает бесследно.

А ведьма уже чуть заметно повела рукой и все обгоревшие остатки кокона вмиг утонули в почве, а взамен вылезла и зазеленела ровным ковром шелковистая травка.

– Ну, показывай, где твой саркофаг, – она в последний раз оглянулась на сиротливо торчащий стволик и решительно направилась к демону.

– Мы вас проведем, госпожа, короткой тропой, – Кройз одновременно почтительно и с достоинством слегка склоняет перед Вией голову.

– А меня... меня, кто-нибудь собирается спросить? – срывающимся голосом выкрикнул покрасневший от возмущения Эри, вставая между мной и наставницей.

Еще и руки поднял, дурачок, неужели собирается на нее своей магией махать? Ой, лопоухий! Да с нею же даже Ургаир состязаться не посмел! Она вон пошедшую вразнос дикую ведьму вдвоем со своим спутником укротила! Что же тогда с этим воякой сейчас сделает?!

Все эти мысли молнией метнулись в моей голове, и среагировала я так же быстро. Бросилась князю под ноги и, стараясь не поранить шипами, сбила с ног. А потом крепко прижала клешнями к земле.

– Кэт... пусти меня... – пытаюсь вывернуться из моего плена, сердито шипит мальчишка, но на меня его ругань абсолютно не действует.

Пускай лучше на меня пошипит, чем рассерженная ведьма прижарит его огненным шаром.

– Кэт, отпусти его, пожалуйста, – тихо произнес рядом голос наставницы, – я тебя прошу.

Я нехотя отпустила этого самоубийцу и он немедленно вскочил на ноги. Смерил ведьму несчастным и презрительным взглядом, и не глядя на меня, надменно развернулся в сторону дворца. Сначала шагал размеренно, но отойдя на несколько шагов, сорвался и побежал.

– Гарон, – мягко прозвучал в повисшей тишине голос ведьмы, – проведешь мне путь? Я чуть позже приду.

– Я и сам могу тело из стазиса вынуть, – спокойно отозвался ее молчаливый спутник, но ведьма не согласилась.

– Нет, подождите меня немного, я быстро, – бросила Вия, взлетая без всякой метлы, и Гарон только покладисто пожал плечами.

– Хорошо. Идем?

А это он уже старейшине.

– Кэт, не отставай.

Вот и про меня вспомнили.

Гольдский ход недалеко оказался, и спрятан так здорово, словно их этому в военной академии учили. Сдвинулся в сторону кустик, открылась

вниз лесенка. Да я в этом месте в последнюю очередь искать бы додумалась.

В сокровищницу гольды привели нас вовсе не с главного хода, а по одному из тех тоннелей, что пробили по просьбе Сирени. Вот только сильно сомневаюсь я, что после победы над Роулом дикая ведьма забыла приказать их замуровать.

Серая бесформенная глыба стазиса стояла на том же месте, и Ургазир сразу принялся снимать с нее свою защиту. Попутно вполголоса рассказывая Гарону про проклятье. Гольды, кроме нас троих, никого в потайной ход не позвали, сказав, что это не прогулка и не экскурсия, и я была такому только рада.

Теперь мне вдруг стало понятно, почему Фуссо так боялся возвращаться в свое тело. Я побыла крабом всего несколько дней, а мне уже тоже жаль обретенных возможностей, и гложет душу червячок сомнения, а вдруг проклятье значительно коварнее, чем думает Ургазир, и начнет жрать меня не сразу, а чуть погодя. Когда рядом не будет никого, кто сможет спасти?

– Сейчас Вия придет, – уверенно пробормотал Гарон, каким-то образом общавшийся с ней и пристально уставился на стену.

Я тоже уставилась, интересно же. И гольды с Ургазиром не отстали, тоже загоревшиеся любопытством глазки туда вперили.

А со стеной ничего не происходит, я даже сомневаться начала, что у него получится, и немножко расстроилась, представив разочарованные взгляды зрителей.

Все произошло так быстро и неожиданно, что я не сразу поняла, что они уже тут. И только потом припомнила, как потемнел на мгновение камень стены, как появилась в этой тьме глубина и выпрыгнули из неё Вия и Эри.

Уже успокоенный и умытый, судя по влажным прядкам надо лбом. Значит, опять ревел, вот что с ним делать? Хоть и родился раньше меня на целый год, а ощущение такое, что это я старше лет на пять.

– Начинай, – кивнула Вия Гарону, мимоходом погладив его по руке, с крабьим зрением такое трудно не заметить.

И еще труднее не заметить, какой нежностью вспыхнул его ответный взгляд.

Вот теперь я, наконец, поняла, какие у них отношения и сразу приняла как единственно правильные. Они удивительно гармонично подходят друг другу, и мне бы чего-то не хватало, не будь они парой.

– Кэт, о чем задумалась? – мягко спросил рядом голос ведьмы, – иди

поближе, сейчас откроется.

– Она боится, – безжалостно заложил меня Эри, – я сам жутко боялся, когда меня возвращали.

– Откуда? – не понял Гарон, или просто дал мне возможность ответить?

– Из этого самого краба, – поторопилась отомстить я, – только он таким был целых пять лет. Его Ургазир перенес, чтоб разум в стазисе не погиб, и чтобы...

Все закружилось вокруг, всасывая меня в темноту бездонной воронки и в тот же миг снова вспыхивая таким ярким светом, что я невольно зажмурила глаза. А когда открыла, первое, что увидела, оказались две пары внимательных глаз, изучающих мое лицо.

Карих с зелеными крапинками и ярко-зеленых.

– Ну, что, как она? – нетерпеливо подпрыгивая, чтоб заглянуть через плечо Вии, волновался парнишка.

– По-моему, нормально, – невозмутимо заявил зеленоглазый маг, ставя меня на пол, – попробуй ходить, но не спеша, после чужого тела разум должен настроиться на свое. Хорошо еще, что ты мало побыла крабом, князю, я думаю, пришлось труднее.

– Я маг! – гордо вздернул нос Эри, – мне хватило одного поддерживающего заклинания... какой-то любитель вина придумал.

– А я ведьма, – фыркнула я в ответ и в подтверждение высыпала на его голову кучку шоколадок.

Ура! Я действительно вернулась!

– Здорово, – одобрительно разглядывая ловко пойманную шоколадку, заявила Вия, – только не ведьма, а бабка-йожка. Так мы себя называем в нашем ковене, и неважно, сколько тебе лет. Важен характер, а ты подходишь. Вот только что это за тряпье на тебе? Хотя... зачаровано очень неплохо.

– Это она дала... Сирень. Она была моей наставницей... и вон тот демон тоже.

– Отменяю, – безапелляционно отрезала Вия, – по праву первенства. Тебе жить в своем мире, или в этом, – она бросила быстрый взгляд на насупившегося князя, – сама выберешь. Но знать должна и наши заклинания и здешние, поэтому учить тебя буду сама. Да и каюта тебе в моей самолетке уже приготовлена, а вот эти ужасные шмотки я просто не могу видеть.

Она на секунду задумалась, и я ощутила что моя одежда... как-то странно зашевелилась. Схватила руками, окинула взглядом... ух, ты!

Именно такие джинсы, как я мечтала, стоя у витрины, и топик, и кроссовки... Ура!

– А вот насчет косы... ты уже решила, какого она должна быть цвета? – в карих глазах Вии смешались сомнение и жалость.

– Конечно... такая как была, – тут не может быть сомнений, – а вот лицо... нельзя оставить так, как они сделали?

– На лице у тебя качественный морок, – проводя руками над моей головой, осторожно бормочет бабка-йожка, и я несказанно благодарна ей за эту деликатность, так достали местные ведьмы, распоряжающиеся моей внешностью и жизнью по своему усмотрению, – но я могу сделать его таким. И если вдруг надоест, всегда можно сменить, или наложить иллюзию, я научу. Ну, решай?

– Да, хочу такое лицо, – чувствуя, как привычная тяжесть косы оттягивает голову назад, не сомневаясь, решила я, а что сомневаться-то?

Жизнь у меня теперь другая, и сама я другая, что держаться за внешность, которая всегда меня расстраивала, какие бы там теории я не изобретала?!

– И все же мы ошиблись, – разочарованно буркнул Кройз, поворачиваясь к проходу, из которого мы сюда попали, – или неправильно поняли.

– Постой, старик, ты о чем это?

– О той, что видит грядущее, – вздохнул старейшина, не останавливаясь, и вдруг взвизгнул.

Совершенно неподобающим ему образом.

Я бы тоже взвизгнула, если б меня подняли в воздух, развернули и поставили перед лицом рассерженной бабки-йошки.

– Я не привыкла, старик, чтоб на мои вопросы отвечали, повернувшись спиной, – теперь ее голос так холоден и похож на голос Латринеи, что у меня мурашки пробежали по спине.

– Не бойся, – Эри уже стоит рядом и загораживает меня своим худеньким телом.

– Да я и не боюсь, с чего ты взял? – и только тут замечаю ошестинившиеся острыми наконечниками арбалеты гольдских воинов.

– Извини, – махнув, чтоб они убрали оружие, повинился глава старейшин, – но сегодня разбились наши надежды, а тебе, я думаю, известно, как это больно?

– Рассказывай, – оглянувшись на Гарона, произнесла ведьма и он, совершенно правильно поняв ее взгляд, немедленно создал несколько диванчиков и неизменный столик, на котором стояло блюдо с фруктами.

Видимо, моя учительница очень не любит разбираться с делами, стоя на ногах.

– Да нечего особенно и рассказывать. Лет тридцать назад подобрали мы калечную ведьму. Глаз у нее не было, вся избита, сила выпита... без нас она бы погибла. Выходили ее наши женщины, в теплом источнике несколько лун держали, пока ходить начала. Сила к ней не вернулась, но внезапно начала она видеть. Но не то, что видят все, а грядущее. Всё за несколько дней знает, вот и про сегодняшний уход княгини правильно сказала, да мы сразу не поняли. Прочти, Ингар.

– Сгорит в безжалостном огне
всё зло ее несчастных дней,
в покое ласковых ветвей
жизнь снова возвратится к ней,
и в легком теле не спеша
устроится ее душа.

Прочел гольд и бережно спрятал свиток.

– Иногда так говорит, – вздохнул гольд, – иногда обрывками. А иной раз одно слово скажет – и молчит. А мы головы ломаем, спрашивать-то бесполезно. Не помнит она, что видела.

– И что она раньше напороочила? – спросила Вия, но Кройз только раздосадовано махнул рукой, расстроенный до предела.

Что же так могло разочаровать моего мини Санту? Что-то крутится на уме, какой-то вопрос так и остался без ответа...

– Кройз, – я шагнула с старейшине и осторожно притронулась к плечу, – вы потому и помогали Фусу вынести меня из дворца, когда Роул хотел... ну, это неважно. Она что-то про меня сказала, я помню, ты назвал меня пришедшей со звезд? Да, Кройз?

– Ты не при чем, девочка, но мы рады, что помогли тебе тогда. Иначе он и до сих пор издевался бы над ведьмами, – вздохнул старейшина, – а мы просто не так видящую поняли.

– Так, я вижу, тут у вас было совсем не скучно, – задумчиво тянет Вия, – а кто такой этот Роул, не подскажете?

И по тому, как постукивают по столу её пальцы с обалденным маникюром, всем сразу ясно, что станет с моей первой любовью, если его немедленно выдать бабке-йожке.

– Видела ты его, хозяйка, это мой зятёк, – вздохнул Ургаизр, – но с ним я и сам разберусь.

– Ладно, – посмотрев в полыхнувшие мимолетным огнем черные глаза, неожиданно покладисто согласилась наставница, – разбирайся. А мне

скажи другое, кто такой Фус?

– Фус – это он, – показав на покрасневшего Эри, поспешила ответить я, – он тогда был крабом и съел все зелье, чтоб я не совсем накрепко заснула. А потом вынес меня через поток и нес всю ночь, пока до Малины добрались. А она уже меня лечила.

Мне страстно хотелось прямо сейчас рассказать Вие всю историю своих мытарств, ошибок и предательств, но я сдержалась, понимая, что для этого у меня впереди будет достаточно времени.

– Хорошо, – кивнула Вия, и сразу перешла к самому главному, прекрасно разобравшись в ситуации, – сколько лет ты пробегал крабом?

– Больше пяти, – горько хмыкнул князь, – я же говорил.

– Когда ты говорил, я еще не знала, что я твоя должница, а долго оставаться в должниках я не люблю, встань-ка вот тут, а сколько тебе было, когда ты попал в стазис?

– Почти тринадцать, – замирая от невероятной надежды, прошептал Эри, и у меня вдруг перехватило горло от предчувствия сюрприза.

– Особого чуда не обещаю, – разом разрушила наши с князем ожидания бабка-йожка, – будь ты посправнее, может и решилась бы, а так, извини, не могу. Сделать тебя дистрофиком было бы очень неправильно, ниоткуда лишний белок в теле не возьмется. Значит, так, вот тебе зелье, пей по одной капле каждый вечер, как спать ложишься, по ночам дети растут быстрее. И кушай получше, налегай на молоко, хлеб и мясо. Месяца через два будешь выглядеть на свой возраст. Да не смотри на меня так несчастно, два месяца пролетят, и не заметишь. А дядя твой, демон вот этот, пусть присмотрит, чтоб ты физкультурой занимался. Ну, бегать, прыгать, мечом махать тоже можно, или грядки копать. Но обязательно двигаться на свежем воздухе.

Она вручила мальчишке крохотный пузырек, и отвернулась от него к гольдам.

– А теперь вы рассказывайте, на что надеялись, – приказала Кройзу и, надкусив сочную грушу, приготовилась слушать.

– Кэт знает... как мой народ попал в подземелье, мы там живем очень давно и на жизнь не жалуемся, у нас удобные дома и любимая работа, и все, что нам нужно, мы можем купить, благодаря сотрудничеству с гномами. Но когда видящая сказала, что после встречи с ведьмой, пришедшей со звезд, у моего народа появится шанс снова жить наверху... нет, сначала я не принял это всерьез. А потом послушал разговоры гольдов, особенно молодых, и понял, втайне почти все они мечтают об этом.

– Видишь ли, – задумчиво сообщила наставница, выбрасывая

огрызок, – я думаю, она сказала правду. И твой народ тоже прав, что хочет жить под солнцем, раз вы были под ним рождены. И я не вижу никаких препятствий. У вас есть деньги и рабочие руки, вокруг полно свободной земли. Стройте города и живите. Если вас некому защищать, приютите ведьм, не хотите строить города отдельно, поселитесь рядом с гномами. Решений много, но одно вы должны знать наверняка, в каждом месте, где вы решите жить, я обещаю посадить дроб, и поселить в нем дриаду. Которая в случае опасности вызовет на подмогу одну из нас. Тебе этого достаточно?

– А работа?

– Вахтовым методом, – отмахнулась Вия, – что, не знаешь? Ох, колхоз. Вообще, это так, приехал на пять дней, отработал и домой, наверх, а на твое место другой. Вахта называется. Теперь понятно? Гарон, открывая путь к самолетке, пора отчаливать, а то Атаний до тещи еще три года не доберется.

– Спасибо, хозяйка, – еще махали нам вслед гольды, а мы уже выплеснулись тесной компанией на лужайку возле самолетки.

– Так, – оказывается, Вия и не думала забывать про Роула, раз сразу направилась напрямик к нему, – запомни, красавчик, второй раз повторять мне будет некому, хоть я и обещала оставить твое воспитание на совесть демона, не думай, что я про тебя когда-нибудь забуду.

Вот теперь он испугался по-настоящему, даже разом посиневшие губы затряслись.

– Да и вообще твоя жизнь теперь напрямую зависит от её счастья и здоровья, – указав на Рябинку, рывкнула напоследок бабка-йожка и решительно направилась к самолетке.

Махнула рукой и летательный аппарат, задрожав зеленоватым маревом, отпочковал от себя точно такой же, но раза в три меньше.

– Кинна, Атаний, – это вам, за то, что нашли мою ученицу, – объявила молодоженам, указав на маленькое летающее чудо.

Кинна радостно взвизгнула и помчалась осваивать новое транспортное средство, а Атаний, по-дружески помяв на прощанье плечи Гарона, и помахав Вие, неспешно потопал следом.

Маленький Шомо, все это время изучавший меня с ревнивым вниманием, вдруг улыбнулся открыто и застенчиво и, ухватив за палец, потянул к самолетке.

Наверное, он переживал, что меня собираются усыновить, запоздало мелькнула в голове догадка, и я улыбнулась в ответ так же открыто.

– Подожди, малыш, я еще не попрощалась, – повернувшись к

поредевшей компании, напрасно ищу глазами знакомое лицо, – а где Малина?!

– Она попросила минутку подождать, – робко произнесла Рябинка, с любопытством вглядываясь в мой новый облик, – сейчас прибежит.

– Ты больше никогда не вернешься? – напряженно спросил догнавший меня Эри, и Вия успела ответить прежде, чем я придумала нужные слова.

– Ну как это, не вернется? Даже если не пригласите в гости, все равно прилетим, проведать свое дерево. Дробы без помощи хозяек плохо растут.

– Я приглашаю, – заторопился он, – когда хотите, можете вообще здесь жить сколько понравится...

– Извини, – снова опередила меня бабка-йожка, – но вот сейчас нам некогда. Мы в ваш мир не вдвоем попали, есть и другие, кто нуждается в помощи, будем их искать. И вы, если что услышите, шепните дробу, да помните, хозяйки за добро платят добром.

– Кэт, – издали кричит запыхавшаяся Малина, – погоди чуток, Кэт!

Вия повела бровью, трава под ногами ведьмы поднялась зеленой волной и скоростным эскалатором вмиг доставила её к нам.

– Малина, прости, – успеваю выпалить, пока ведьма переводит дыхание, – я не хотела выдавать твою тайну...

– Да ничего, давно пора было, – легко отмахнулась ведьма, – это всё Трине закручивала, чтоб было чем нас в руках держать... но я её простила. Возьми лучше... это твое.

Я развернула выцветший платок и онемела от нахлынувшей боли и радости. Неужели это правда они... не может быть, вдыхая почти исчезнувший запах ванилина с потертых перчаток и нежно глядя пальцем поцарапанные стекла очков, даже не замечаю, что по щекам ручьем текут слезы.

– Чье это? – дружески обняв сзади за плечи, ласково спросила Вия.

– Мамино. А очки папины, – всхлипнула я, припоминая осевший холм ведьминого жилища, где последний раз видела свои сокровища, – Малина, но как?

– А помнишь... когда я из своего схрона уходила, последний сверток вынесла? Фус еще сердился, чтоб не брала лишнего, и так тяжело двоих нести, а я не смогла оставить... как чувствовала, что не простые это вещи.

– Откуда я знал... – расстроился мальчишка, но Вия ласково потрепала его по серебристым завиткам, и шепнула:

– Ничего. Главное что сами спаслись, – и уже совсем другим, жизнерадостным, голосом скомандовала, – ну, попрощались? Пойдем, Катюха. Да не смотрите вы так несчастно, мы еще вернемся!

конец